Великая Отечественная: цена Победы

Валерий Абатуров, Ричард Португальский

ХАРЬКОВ

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО КРАСНОЙ АРМИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Харьков не зря прозвали «проклятым местом Красной Армии». Во время Великой Отечественной войны тяжелейшие бои за этот город стоили нам огромных жертв, советские войска дважды терпели здесь серьезные поражения.

В мае 1942 года неудачное наступление РККА завершилось «Харьковской катастрофой», что привело к обрушению Юго-Западного фронта и прорыву немцев к Сталинграду и Кавказу. Последствия этого разгрома были настолько трагичны, а потери в живой силе и технике настолько велики, что Сталин сказал, обращаясь к главным виновникам провала Тимошенко и Хрущеву: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто…»

Год спустя противник вновь нанес нам под Харьковом чувствительное поражение – в результате контрудара отборных танковых соединений СС советские войска были выбиты из города с большими потерями.

И лишь в августе 1943 года, уже в ходе Курской битвы, Харьков был наконец освобожден окончательно. Четырежды переходивший из рук в руки город превратился в руины. Посетивший его в 1943 г. писатель Алексей Толстой писал: «Я видел Харьков. Таким был, наверное, Рим, когда в пятом веке через него прокатились орды германских варваров. Огромное кладбище…»

Обо всех этих сражениях, о подлинной цене побед, о причинах и виновниках поражений читайте в новой книге Валерия Абатурова и Ричарда Португальского «Харьков – проклятое место Красной Армии».

- Валерий Абатуров, Ричард Португальский
- Предисловие
- Глава 1 Барвенково-Лозовская операция
-
-
- Глава 2 Ставка против ставки: Центр или Юг?
-
-
- Глава 3 Юго-Западный к наступлению готов
-
- Глава 4 Удар и контрудар
-

- Глава 5 В огненном кольце
- Глава 6 Операция «Звезда»
- Глава 7 Сражения за Донбасс: от наступления к обороне
- Глава 8 Харьковская оборонительная операция
- Глава 9 Белгородско-Харьковская наступательная операция

Валерий Абатуров, Ричард Португальский
Харьков – проклятое место Красной Армии

Предисловие

В годы Великой Отечественной войны с учетом значительной протяженности советско-германского фронта и возможностей противоборствующих сторон боевые действия на различных его участках не могли вестись с одинаковой степенью интенсивности и напряженности. На одних из них длительное время преобладали позиционные формы борьбы, на других, наоборот, основное содержание вооруженной борьбы составляли активные действия как советских, так и немецких войск. Стремление решить стоявшие перед ними задачи преимущественно наступлением предопределяло ожесточенность и бескомпромиссность развернувшихся на этих участках и направлениях сражений и боев. Это в полной мере можно отнести к харьковскому направлению, которое с сентября 1941 г. по август 1943 г. находилось в центре внимания высшего политического и военного руководства СССР и Германии. За неполные два года Красная Армия провела здесь ряд оборонительных и наступательных операций, в ходе которых, с одной стороны, были достигнуты значительные оперативные результаты, а с другой – допускались крупные просчеты, приводившие к крайне негативным последствиям.

Высокая интенсивность боевых действий на харьковском направлении была не случайной. Она обусловливалась не столько его географическим положением, сколько политическим, экономическим и военным значением расположенного здесь Харьковского промышленного района. Накануне войны на территории Харьковской области действовало более 1250 промышленных предприятий. Ведущей отраслью являлось машиностроение, дававшее свыше 40 % продукции машиностроительной промышленности УССР и более 6 % союзного производства. Как важнейший узел железных и улучшенных грунтовых дорог Харьков был тесно связан со многими экономическими районами страны. Являясь вторым по величине городом Украины, он по праву считался ее второй столицей.

Уже в сентябре 1941 г. советские войска на харьковском направлении вынуждены были действовать в сложной обстановке. В начале месяца противник крупными силами форсировал Днепр в районе Кременчуга. Владея стратегической инициативой, он начал развивать наступление на Левобережной Украине. Войскам Юго-Западного фронта, прикрывавшим харьковское направление, не удалось в короткие сроки создать прочную оборону. Они были

вынуждены вести тяжелые кровопролитные бои, отходя к Харькову.

В середине октября боевые действия велись уже на дальних и ближних подступах к городу. С утра 22 октября четыре немецкие пехотные дивизии, усиленные танками, при поддержке авиации и артиллерии предприняли штурм Харькова. В ночь на 25 октября советские войска после пятисуточных тяжелых оборонительных боев по приказу Ставки Верховного Главнокомандования оставили город и закрепились на рубеже Волчанск, Балаклея, Изюм.

С этого рубежа они в январе 1942 г. предприняли первую попытку освободить Харьковский промышленный район в ходе Барвенково-Лозовской операции. В соответствии с ее замыслом войскам Юго-Западного фронта была поставлена задача нанести удар силами 38-й и 6-й армий, разгромить противника в районе Чугуев, Балаклея, Изюм и овладеть Харьковом. Южному фронту предстояло силами 57-й и 37-й армий нанести главный удар в направлении Барвенково, Лозовая.

Операция началась 18 января 1942 г. Ударная группировка Юго-Западного фронта прорвала вражескую оборону и за четыре дня операции ценой значительных потерь продвинулась на расстояние до 25 км. Противник оказывал упорное сопротивление советским войскам, особенно в районах Балаклеи и Славянска. К концу операции общее продвижение двух фронтов составило 90–100 км. Их соединения перерезали железную дорогу Харьков – Запорожье, освободили Барвенково и Лозовую. Однако полностью выполнить поставленную задачу не смогли. Юго-восточнее Харькова образовался большой выступ, получивший наименование барвенково-лозовского плацдарма. Это был крупный оперативный плацдарм, позволявший наносить удар во фланг и тыл харьковской и донбасской группировкам немецких войск.

27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного фронта утвердил оперативную директиву о проведении наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки противника. Цель операции: нанеся охватывающие удары силами 6-й армии с балаклейского выступа и 38-й армии – с чугуевского, окружить и уничтожить вражеские войска юго-восточнее Харькова и освободить город.

Операция началась 7 марта. По ряду причин не удалось обеспечить внезапность удара. Части и соединения 38-й армии в нескольких местах форсировали Северский Донец. Однако сильное сопротивление противника, сложные погодные условия (морозы, метели, заносы) затрудняли ведение активных боевых

действий. Бои шли с переменным успехом до первых чисел апреля. Наступление 6-й армии в районе Балаклеи также не получило должного развития. Немецкие войска были лишь оттеснены на левый берег Северского Донца. В первой декаде апреля обе армии перешли к обороне.

Но уже спустя месяц (12 мая 1942 г.) началась новая наступательная операция. Переход войск Юго-Западного фронта в наступление стал для противника неожиданностью. Это обеспечило первоначальный успех в условиях сложной обстановки, когда наступавшие даже не имели существенного превосходства в силах и средствах. Однако немецкому командованию удалось подтянуть резервы и нанести ответный удар, который пришелся по частям 9-й армии Южного фронта. За три дня наступления армейская группа «Клейст» при поддержке авиации 4-го воздушного флота сумела создать в полосе обороны советских войск 80-километровую брешь, выйти на основные коммуникации наших соединений, действовавших в барвенковском выступе. Войска Юго-Западного фронта получили приказ прекратить наступление на Харьков, развернуть часть сил для ликвидации угрозы. Но было поздно.

К исходу 22 мая противник, нарастив свои усилия, ударными группировками вышел к Балаклее, перерезав пути отхода советских войск за Северский Донец. Оказавшиеся в окружении соединения 6-й и 57-й армий, армейской группы генерала Л.В. Бобкина до 29 мая героически сражались с превосходящими силами врага в условиях полного господства в воздухе его авиации, при острой нехватке боеприпасов, горючего и продовольствия. Лишь 22 тыс. бойцов и командиров вырвались из кольца. Общие потери войск юго-западного направления за период боев под Харьковом, по неполным данным, составили 230 тыс. человек. Таким образом, успешно начатая советскими войсками Харьковская наступательная операция закончилась катастрофой.

Следующая Харьковская наступательная операция, получившая наименование «Звезда», началась 2 февраля 1943 г. В ходе ее соединения 40, 69 и 3-й танковой армий Воронежского фронта, преодолевая сопротивление немецких войск на ряде поспешно занимаемых ими рубежей, охватили Харьков с нескольких направлений, но полностью окружить и разгромить харьковскую группировку врага не сумели. Но важнейшим итогом операции стало освобождение 16 февраля Харькова. Казалось, что инициатива перешла к советским войскам, для них открылись перспективы развития наступления к Днепру, переноса боевых действий на территорию Правобережной Украины.

Так в то время оценивали обстановку командующие войсками фронтов юго-западного направления, Генеральный штаб и Ставка Верховного Главнокомандования. Но эйфория успешного наступления и недооценка противника не позволили вовремя разглядеть нарастающую угрозу. Перейдя 19 февраля в контрнаступление, немецкая группа армий «Юг» вначале нанесла тяжелое поражение армиям правого крыла Юго-Западного фронта, а затем перенесла боевые действия в полосу Воронежского фронта, действовавшего на харьковском направлении. Перейдя от наступления к обороне в короткие сроки, этот фронт в ходе Харьковской оборонительной операции, отражая удары превосходящих сил врага, вынужден был оставить Харьков и Белгород. Только привлечение резервов Ставки не позволило немецкому командованию полностью реализовать замысел своего контрнаступления и развить успех в направлении Курска. Образовавшийся при стабилизации положения сторон южный фас Курского выступа послужил исходным плацдармом для последующих операций на харьковском и других направлениях.

Окончательное освобождение Харькова летом 1943 г. тесно связано с одним из крупнейших событий Второй мировой войны – Курской битвой. Отразив мощные удары противника, войска Воронежского и Степного фронтов 3 августа 1943 г. приступили к проведению Белгородско-Харьковской наступательной операции. Днем полного и теперь уже окончательного освобождения города стало 23 августа.

В книге раскрываются условия, в которых вырабатывались замыслы операций, проводившихся на харьковском направлении в годы Великой Отечественной войны, показаны особенности подготовки войск и штабов к предстоявшим действиям, вскрыты просчеты и ошибки, допущенные Ставкой Верховного Главнокомандования, Генеральным штабом, командованием фронтов и другими органами управления при подготовке и ведении боевых действий. В ней на фоне общего хода боевых действий рассказывается о том, в каких условиях сражались советские войска, как в ходе ожесточенной борьбы с врагом они воплощали в жизнь идеи и решения командования. При написании книги использованы ранее не вошедшие в научный оборот архивные, в том числе трофейные документы, неопубликованные воспоминания очевидцев тех дней, отечественная и зарубежная военно-историческая и мемуарная литература.

В.В. Абатуров, Р.М. Португальский

Глава 1 Барвенково-Лозовская операция

В канун Нового, 1942 года в штабе Южного фронта, разместившегося в Каменске, царило заметное оживление. Здесь собрались командующие армиями, командиры отдельных соединений фронтового подчинения. Гадать о причине столь представительного сбора на первый взгляд не приходилось: совсем недавно в командование войсками фронта вступил генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский, вот он и решил поближе познакомиться с подчиненными, обсудить назревшие вопросы.

Для большинства присутствующих это назначение не стало неожиданностью. Командармам и ранее приходилось общаться с бывшим коллегой – командующим 6-й армией, действовавшей на правом крыле фронта. Кандидатура достойная. Сорок три года, за плечами – Первая мировая и Гражданская войны, учеба в Академии имени М.В. Фрунзе. В 1937–1938 гг. – военный советник в республиканской Испании, летом сорок первого – командир 48-го стрелкового корпуса, в конце августа возглавил 6-ю армию, которая потом отличилась в боях на Днепре, за что и получил орден Ленина.

Вскоре в комнате появился начальник штаба фронта Алексей Иннокентьевич Антонов. Его тепло поздравили с присвоением очередного воинского звания генерал-лейтенанта, поинтересовались, когда прибудет новый член Военного совета Илларион Иванович Ларин – соратник Малиновского по 6-й армии.

«Ждем со дня на день. Кажется, все в сборе? Тогда доложу Семену Константиновичу», – ответил начштаба фронта и вышел.

Присутствующие переглянулись: выходит, их сюда вызвал вовсе не командующий войсками фронта, а сам Главнокомандующий юго-западного направления Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Значит, готовится что-то серьезное.

Через несколько минут заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Я.С. Дашевский пригласил всех в кабинет командующего. Там их встретил главком. Поздоровавшись, он открыл совещание: «Только что Левитан по радио объявил об освобождении Калуги, – сообщил маршал. – Это хороший новогодний подарок Родине от воинов Красной Армии. Соединения вашего и Юго-Западного фронтов, преследуя

противника, успешно наступают. Они закрыли врагу «ворота на Кавказ», нанесли серьезное поражение ударной части группы армий «Юг», освободили Ростов и отбросили противника за реку Миус. Дальше, правда, продвинуться не удалось – слишком сильна оборона у немцев. Сейчас пришло время вновь решать активные наступательные задачи совместными усилиями обоих фронтов. Будем готовить операцию с целью разгрома донбасской группировки противника».

«В первом эшелоне группы армий «Юг», – продолжал Тимошенко, – действуют 6-я и 17-я полевые, а также 1-я танковая армии. Это более чем миллионная группировка, имеющая свыше 9 тыс. орудий и минометов, около 250 танков. У нас – свыше 850 тыс. личного состава, 3400 орудий и минометов, почти 200 танков [1] . Кстати, в командование группой вместо Рунштедта недавно вступил генерал-фельдмаршал Рейхенау [2] , известный вам как командующий 6-й армией. У него большой опыт боев в Польше, во Франции и здесь, на Восточном фронте.

В инженерном и огневом отношениях хорошо подготовлена вражеская оборона в населенных пунктах, особенно в Балаклее и Славянске. На донбасском направлении она наиболее плотная. Слабое ее место, по оценке наших разведчиков, – участок Балаклея, Артемовск, являющийся стыком полевых армий. Там и нанесем наш главный удар, сосредоточив до 60 % стрелковых войск, всю конницу, более 85 % артиллерии и танков, большую часть авиации. Таким образом, создадим значительное превосходство. Но это на время прорыва. В дальнейшем, естественно, враг попытается ликвидировать наше преимущество. Сил у него для этого немало. Поэтому задачами в подготовительный период следует считать: скрытую перегруппировку, тщательную подготовку исходного положения, мобилизацию личного состава на инициативные, дерзкие, стремительные действия…»

После перерыва совещание продолжил начальник Оперативной группы штаба войск направления генерал-лейтенант Иван Христофорович Баграмян. Об этом генерале уже сложилось мнение как о высококвалифицированном, с широким кругозором, энергичном штабном работнике. В 1915 г. окончил школу прапорщиков, добровольно вступил в Красную Армию, командовал полком, был начальником штаба кавалерийской дивизии. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, затем Военную академию Генерального штаба, остался в ней старшим преподавателем тактики; возглавлял оперативные отделы штабов армий, Киевского Особого военного округа, Юго-Западного фронта. Один из немногих старших командиров, сумевших

прорваться в конце сентября 1941 г. из окружения под Киевом.

Сообщив о том, что маршал Тимошенко срочно вылетел на командный пункт Юго-Западного фронта, Баграмян продолжил разговор о предстоящей операции: «Планируется нанести удар смежными крыльями двух фронтов в направлении на Павлоград, Днепропетровск. В состав ударной группировки вашего фронта выделяются 57-я и 37-я армии, 1-й и 5-й кавалерийские корпуса. 12-я армия должна нанести вспомогательный удар на Дзержинск. 18-я и 56-я армии прикрывают ростовское направление. Из состава Юго-Западного фронта к операции привлекаются 6-я и 38-я армии, а также 6-й кавалерийский корпус. В резерве направления сосредоточивается 9-я армия, состоящая из трех стрелковых и двух кавалерийских дивизий. Ее ввод предусматривается там, где будет достигнут наибольший успех».

После того как Баграмян ответил на вопросы присутствующих, стала окончательно вырисовываться конечная цель операции, ее масштаб и размах: развивая наступление в общем направлении на Запорожье, выйти в тыл донбасско-таганрогской группировке противника, отрезать пути ее отхода на запад, прижать к Азовскому морю и уничтожить. В это же время часть сил левого крыла Юго-Западного фронта (6-я армия) должна нанести удар на Красноград, обеспечивая операцию с севера и одновременно способствуя 38-й армии в освобождении Харькова.

Масштабы впечатляли, размах поражал воображение. Не возникало и особых сомнений в успехе. Ведь противник отступал по всему фронту, он понес огромные потери, в значительной степени деморализован. Правда, дивизии 1-й танковой армии фон Клейста, оставившие Ростов, заняли глубоко эшелонированную оборону за Миусом, и все попытки преодолеть ее пока были тщетными. Но когда над этой группировкой нависнет угроза с севера, Клейсту ничего другого не останется, как поспешно отходить за Днепр. Иначе он и впрямь окажется блокированным на побережье Азовского моря. Да и Манштейн в Крыму окажется в тяжелом положении.

Главное, в наших руках снова окажется «всесоюзная кочегарка» – Донбасс, вторая столица Украины – Харьков с его крупнейшими промышленными предприятиями. Конечно, соотношение сил благоприятным не назовешь – пехоты и танков примерно столько же, сколько и у противника, артиллерии больше у него же, самолетов – у нас, но их «мессершмитты» и «юнкерсы» лучше половины наших устаревших машин. По маневренности немецкие пехотные дивизии, хорошо оснащенные автотранспортом, значительно превосходят советские, где

основное транспортное средство – лошади. Но установившиеся в конце декабря морозы и занесшие все дороги метели это преимущество сглаживают. К тому же, надо думать, Верховный кое-что подкинет, особенно если дела пойдут успешно.

Да и главком, конечно же, не подведет. Свои способности он достаточно хорошо проявил в контрнаступлении под Ростовом. А уж там обстановка сложилась на редкость сложная: войска Южного фронта ударили на Большекрепинскую – во фланг Клейсту, а тот одновременно – на Ростов. Поначалу дела у советских войск шли неважно: противник захватил Ростов, отбросив 56-ю отдельную армию за Дон. Но Тимошенко упорно продолжал наступление, и вскоре Клейсту пришлось туго: над его тылами нависли 37-я и 9-я армии. Не помогла врагу и перегруппировка части его сил на север. Последовал наш удар на Ростов, и немецким войскам пришлось срочно оттуда ретироваться, чтобы не оказаться в «котле».

Сейчас, конечно, масштабы не те. Противник обороняется, наступаем мы, но обстановка в чем-то перекликается с той, что создалась в конце ноября прошлого года. Только теперь с севера угроза нависнет и над 1-й танковой, и над 17-й полевой немецкими армиями. Отличный замысел!

Баграмян, разумеется, на совещании Южного фронта не коснулся его предыстории. А она была достаточно сложной.

Уже 2 декабря стало ясно, что оборону противника на Миусе не прорвать. Анализ обстановки, кратко изложенный начальником штаба юго-западного направления генералом П.И. Бодиным в его докладе на имя Тимошенко, наводил на определенные мысли и выводы, как бы предопределяя дальнейшие перспективы.

Бодин тогда констатировал: «Разгром в ближайшее время таганрогской группировки противника… развяжет нам руки до Днепра. Там недалеко Днепропетровск и, пожалуй, Крым» [3] .

Но в лоб Клейста не взять – это ясно. Нанести удар севернее?

Данные разведки, показания пленных свидетельствовали о том, что ожидать удара противника на изюмском направлении не следует. Из-под Харькова немецкое командование перебрасывало войска в Донбасс и южнее, а севернее, видимо, демонстрировало активность, чтобы оттянуть наши силы с Миуса. Именно так оценивалась обстановка в одном из документов тех дней:

«Под Изюмом у противника нет таких сил, чтобы он сделал большой удар. В лучшем случае, завяжутся серьезные бои, но Малиновский (тогда командарм 6-й армии. – *Авт.*) получит в ближайшее время пополнение и сумеет выйти из положения. Откладывать переброску двух-трех дивизий Коротееву

(командующий 12-й армией. – *Авт* .) невыгодно по многим причинам.

Главные из них три:

1) Швеллер (командующий немецкой группой войск в Донбассе. – *Авт* .) усиливается, а его все же необходимо опрокинуть и выбросить из Донбасса…

2) У нас сейчас есть на юге лишние дивизии, и их появление на правом фланге Коротеева как нельзя кстати.

Что касается Юго-Западного фронта, то здесь положение следующее:

а) у Крейзера (командующий 3-й армией. – *Авт* .) противник успокоился… уводит силы в коридор на Епифань;

б) у Городнянского (командующий 13-й армией. – *Авт* .) противник нажимает на Елец, видимо, хочет взять его. На левом же фланге Городнянского действия противника менее настойчивы. Там 6-я и 121-я стрелковые дивизии пока удерживаются на рубеже, прикрывающем железную дорогу, которая нам очень нужна для известных Вам (имеется в виду Ставка ВГК. – *Авт.*) целей;

в) у Подласа (командующий 40-й армией. – *Авт* .) противник упорно обороняется под Тимом, но все же несколько пятится в сутки на 2–3 км. Здесь противник явно стремится к Касторной, что очень важно учесть. Противник стягивает сюда, т. е. к Тиму, части 75-й пехотной дивизии из Обояни, видимо, до ПП (пехотного полка), и этим окончательно ослабляет фронт против Гордова (командующий 21-й армией. – *Авт* .). Следовательно, наступать на него не будет. Подтверждением этому служит и тот факт, что противник отвел против левого фланга Гордова 239-ю пехотную дивизию на запад…

Сейчас известно, что в районе Змиев у противника образовался свободный коридор в 20–25 километров. Все это говорит о том, что противник продолжает считать нас малоэнергичными, сам идет на риск (вынужденный обстановкой) усиливать Клейста из харьковской группировки. С московского направления, естественно, он ничего не может взять для этой цели.

Все, вместе взятое, позволяет нам смело заняться разгромом ливненской группы и одновременно перейти к активным действиям на харьковском направлении…» [4]

Вывод напрашивался сам собой, и 4 декабря С.К. Тимошенко вместе с членом Военного совета направления Н.С. Хрущевым, докладывая обстановку в Ставку ВГК, в самых общих чертах коснулись замысла предстоявшей операции. Сохранилась запись переговоров с заместителем начальника Генерального штаба А.М.

Василевским.

« **Василевский.** Здравствуйте, товарищ маршал и товарищ Хрущев!

Тимошенко . Здравствуйте, товарищ Василевский! Мы хотели, чтобы Вы доложили товарищу Сталину о том, что основная группировка Южного фронта вышла на рубеж реки Миус. К 12.00 4 декабря Лопатин (командующий 37-й армией. – *Авт* .) занял восточную окраину Матвеева Кургана, а главная группировка Харитонова (командующий 9-й армией. – *Авт* .) в 3–4 километрах от Ряжской. Очень плохо действует Ремизов (командующий 56-й отдельной армией, непосредственно подчиненной Ставке ВГК . – *Авт.*). Сейчас принимаю меры к более смелому выдвижению его правого фланга на Покровское для удара на юго-запад…

Из всех данных, которыми мы располагаем, видно, что силы противника на участке Дмитриевка, Таганрог сильно разгромлены. Части, более или менее боеспособные, удерживают фронт к северу от Дмитриевка до границы с Юго-Западным фронтом; на участке от Орджоникидзе до Чистяково расположены итальянские части, не способные не только к наступлению, но и к прочной обороне. В районе Чистяково участок от Грабовка до Дмитриевка занимается немецкими частями сильно потрепанной 188-й пехотной дивизии… Правее этой дивизии 49-й горнострелковый корпус в составе двух дивизий. Правее горнострелкового корпуса расположена первая мотодивизия словаков, которая вчера нами основательно потрепана; оставив почти всю свою артиллерию в наших руках и сдав Куйбышево, она отошла…

У нас подготовлена операция, и мы решили ее начать… ударом двух кавалерийских дивизий, двух стрелковых дивизий, бригадой НКВД, одним батальоном танков с фронта Фащевка, Никитино на Сердитое, Степановка с задачей выхода на рубеж реки Крынка, а группой Лопатина – до пяти стрелковых дивизий, двух танковых бригад, двух кавдивизий – из района северо-западнее Матвеева Кургана на Амвросиевку… В это же время решено проводить на правом фланге у Коротеева частную операцию по овладению городом Каганович. До этого продолжаем решительные действия со стороны Матвеева Кургана, Ряженой в направлении Марьевки с задачей отбросить таганрогскую группу противника. После этого надо приводить в порядок части. Нами мыслится возможным… проводить активные операции на Южном фронте с тем, чтобы до подхода свежих резервов на этом направлении разгромить полностью силы противника, которыми он располагает, и очистить весь Донбасс с

захватом города Сталино и на юге – Мариуполя…» [5]

Спустя многие годы Н.С. Хрущев вспоминал: «…У нас зародилась идея провести наступательную операцию в районе Барвенково… Когда она была разработана, понадобилось доложить Москве – Сталину и Генеральному штабу, чтобы получить «благословение», а главное – нужное количество войск и средств. Нас с командующим вызвали в Москву, Сталин нас выслушал. Сделали доклады Тимошенко и начальник штаба Бодин. Мы получили «благословение», но, к сожалению, обеспечение, которое мы просили для наступления, получили далеко не полностью… Наметили операцию на январь 1942 года. Для ее проведения мы перенесли оперативный штаб поближе к линии фронта, чтобы иметь лучшую связь с войсками. Расположились в большом селе Сватово-Лучко» [6] .

Конечно же, районом Барвенково «идея» далеко не ограничивалась – на такую операцию частного характера «благословения» Верховного не требовалось. Но пенять тут на Хрущева особенно не приходится – зимняя наступательная операция была лишь эпизодом его биографии, да и диктовал он свои воспоминания по памяти, не обращаясь к архивным документам. А память, увы, иногда подводит.

«Добро» Сталина было получено, колесо закрутилось. В конечном итоге были выработаны директивы для Юго-Западного и Южного фронтов. Для последнего она гласила: «В соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования приказываю Южному фронту приступить к подготовке операции, имеющей целью разгром 17-й армии противника, группы Шведлера [7] и остатков восстанавливаемой бронегруппы Клейста с последующим выходом на Средний Днепр.

При подготовке к операции руководствоваться следующим:

а) замысел операции – ударом превосходящих сил с фронта Изюм, Ныркова в общем направлении на Павлоград выиграть фланг и глубокий тыл войск противника, занимающих Донбасс и район Таганрога, отрезать им пути отхода на запад, прижав главную группировку противника к берегам Азовского моря, окружить и уничтожить ее во взаимодействии с остальными силами, наступающими с востока;

б) операцию провести в три этапа:

Первый этап – подготовительный. В период 1–12 января закончить пополнение и довооружение войск, их перегруппировку, материальное обеспечение и организацию наступления.

Второй этап – переход в наступление, форсирование р. Северский Донец, разгром частей 17-й армии и группы Шведлера,

выход на рубеж Лозовая, Софиевка, Артемовка, Александровка, Скотоватая, Кутейниково, Носово. Продолжительность этапа – 7–8 дней.

Третий этап – окружение и разгром главной группировки противника к востоку от Днепра, захват переправ через реку у Запорожья и выход на фронт: Первое Мая, Сухачевка, Павловка, Б. Токмак. Продолжительность этапа – 15–16 дней;

в) для проведения операции иметь следующее оперативное построение сил: 57-ю армию (шесть сд, один ап РГК, три тбр) развернуть на фронте Каменка, Райгородок; 37-ю армию (шесть сд, семь ап РГК, две тбр) – (иск.) Райгородок, Ныркoво; 12-ю армию (пять сд, пять ап РГК) – (иск.) Ныркoво, Ильинка; 18-ю армию (пять сд, три ап РГК, одна тбр) – (иск.) Ильинка, (иск.) Куйбышево; 56-ю армию (пять сд, две сбр, три ап РГК) – Куйбышево, Приморское.

В полосе действий 57-й армии и на стыке последней с 37-й армией иметь для развития успеха два кавкорпуса, каждый трехдивизионного состава с приданной одной танковой бригадой.

Резервы:

9-ю армию (три стрелковые, две кавалерийские дивизии) сосредоточить в районе Меловатка, Новокрасненка, Епифановка, Мостки…» [8]

Были поставлены также задачи авиации, 18-й и 56-й армиям, продолжавшим занимать оборону. Подписали директиву Тимошенко, Хрущев, Баграмян.

На следующий день оперативная группа главкома вылетела на запасной КП Юго-Западного фронта, который возглавлял генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко. Туда же прибыли заранее вызванные командующие 38-й и 6-й армиями, командир 6-го кавалерийского корпуса. На совещании присутствовали также генералы М.А. Парсегов (начальник артиллерии направления), В.С. Тамручи (начальник бронетанковых войск) и Ф.Я. Фалалеев (командующий ВВС).

Приглашенных ознакомили с директивой главкома. Она обязывала Военный совет фронта подготовить операцию силами 38-й и 6-й армий. Целью ее было: разгром харьковской группировки противника и освобождение Харькова путем нанесения главного удара силами 6-й армии, соединений левого фланга 38-й армии в обход Харькова с юга и вспомогательного удара остальными силами 38-й армии в обход его с севера. Оставшимся силам Юго-Западного фронта предстояло продолжить наступление на курском направлении.

Конкретные задачи войскам фронта определялись следующим образом: 38-й армии (командующий генерал-майор

А.Г. Маслов) в составе шести стрелковых дивизий, танковой бригады, авиационной группы (11 истребителей, 4 бомбардировщика, 12 легких бомбардировщиков) приказывалось нанести главный удар силами трех стрелковых дивизий в направлении на Чугуев, Харьков с ближайшей задачей овладеть Чугуевом и переправами через Северский Донец в районе этого города. В дальнейшем армия должна была при содействии войск, наступавших в обход Харькова с севера, освободить город.

6-й армии (командующий генерал-майор А.М. Городнянский) в составе шести стрелковых дивизий, двух артиллерийских полков РВГК, двух танковых бригад, авиационной группы (31 истребитель, 13 бомбардировщиков, 12 легких бомбардировщиков) надлежало нанести главный удар в направлении на Красноград. На армию возлагалась задача обеспечения войск Южного фронта от ударов противника с северо-запада.

6-й кавалерийский корпус, усиленный танковой бригадой, выделялся в подвижную группу для развития успеха наступления в полосе действий 6-й армии. В резерве за левым крылом фронта оставлялась стрелковая дивизия. Фронтовая авиационная группа состояла из 21 истребителя, 11 штурмовиков, 14 бомбардировщиков, 35 легких бомбардировщиков.

Следует сказать, что боевые действия войск юго-западного направления предстояло проводить в сложных условиях. Прогноз погоды не радовал: синоптики обещали мороз в 25–30 градусов, сильные ветры и метели. Ландшафт этих краев – открытая всхолмленная равнина, в разных направлениях перерезанная балками. Наиболее значительным водным рубежом являлась р. Северский Донец, протекающая с северо-запада на юго-восток. Вдоль его берегов на некоторых участках и проходила линия фронта. Его правый (западный) берег почти на всем протяжении высится над левым. Это создавало трудности для атаки переднего края обороны противника, там, где он проходил по берегу реки. Она была скована льдом и представляла собой открытое, хорошо наблюдаемое и трудно преодолимое под огнем пространство. Лед не выдерживал больших грузов и для переправы тяжелых танков и орудий крупного калибра требовал усиления.

Район действий был покрыт довольно развитой сетью железных дорог. Большинство пересекали с севера на юг непосредственно линию фронта или ближайшие тылы, что делало их легко уязвимыми для артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации противника. Здесь же пролегали всего две железнодорожные линии, которые могли быть использованы во время наступления с востока на запад: Красный Лиман –

Славянск – Барвенково – Лозовая и Дебальцево – Макеевка – Красноармейское.

Сеть шоссейных и грунтовых дорог развита была достаточно хорошо, но все они также шли в меридиональном направлении, пересекая пути наступления войск. В качестве коммуникаций они могли быть использованы только на отдельных, незначительных по протяженности, участках. В зимних условиях для наступающих войск дороги становились труднопроходимыми. Маневренность сильно затруднял глубокий снежный покров. К тому же множество населенных пунктов и густота их размещения позволяли противнику организовать прочную оборону и глубоко эшелонировать свои силы и средства.

Вражеские опорные пункты имели между собой огневую связь. Пространство между ними патрулировалось автоматчиками. Там, где по условиям местности установить такую связь не было возможности, строились полевые укрепления – дзоты и блиндажи, приспособленные к зимним условиям. Несколько опорных пунктов, объединенных общей огневой системой, составляли узел сопротивления. На особо важных направлениях, в районах, прилегавших к крупным населенным пунктам, вблизи основных магистралей и путей противник создал укрепленные районы. Они были основой его оперативной обороны, сильными очагами сопротивления. Такими укрепрайонами, подготовленными к круговой обороне, являлись, прежде всего, Балаклея и Славянск.

Подступы к опорным пунктам густо минировались, усиливались проволочными заграждениями, которые также были заминированы. На опушках рощ, на просеках и в садах устраивались минированные завалы. Помимо инженерного оборудования главной полосы сопротивления противник создавал вторую оборонительную полосу с отсечными позициями.

При подготовке операции командование обоих фронтов столкнулось с большими трудностями. Необходимо было в сжатые сроки осуществить перегруппировку значительного количества войск. С левого крыла Южного фронта на правое одновременно перебрасывались 37-я и 9-я армии. Условия же для железнодорожных перевозок сложились крайне неблагоприятные. В течение четырех суток свирепствовала вьюга, перешедшая в настоящий ураган. Сила ветра достигала одиннадцати баллов. Пути занесло снегом, его покров достигал 80 сантиметров. На их расчистке круглые сутки, посменно, работали созданные команды, а также местное население. Как только вьюга стихла, начались систематические налеты вражеской авиации, поэтому в дневное время узловые станции и перегоны для пропуска и

приема воинских эшелонов закрывали. Не меньшие трудности приходилось преодолевать и воинам, совершавшим перемещения по грунтовым дорогам.

И все же части обеих армий (правда, с опозданием) вышли в назначенные им районы сосредоточения. Затянувшаяся перегруппировка, ряд других причин вынудили Тимошенко перенести начало операции с 12 на 18 января.

К этому времени в основном завершилась и подготовка всех войск, привлекаемых к наступлению. Главная роль в нем отводилась соединениям Южного фронта. Его командование дало командармам подробные указания по ведению боевых действий, отметив наиболее характерные особенности организации вражеской обороны. Было подчеркнуто, что стрелковые части должны максимально использовать имеющиеся огневые средства и стремиться к рукопашной схватке, которую враг, как правило, не выдерживал. Рекомендовалось выбрасывать в глубину обороны противника танковые десанты, первым эшелонам полков и дивизий обходить опорные пункты противника и упорно продвигаться вперед. Уничтожение противника в опорных пунктах возлагалось на вторые эшелоны и резервы. Для отражения контратак и контрударов на их возможных направлениях командиры соединений должны были иметь в своем распоряжении резервы, и в первую очередь противотанковые. Танковые бригады, приданные на усиление армий, рекомендовалось применять в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, действия их прикрывать противотанковой артиллерией.

С целью создания на направлениях главных ударов каждой армии возможно большей плотности артиллерийского огня командование фронта рекомендовало артиллерийские полки Резерва Верховного Главнокомандования применять централизованно в масштабе дивизии, дивизионы гвардейских минометов подчинялись непосредственно командирам дивизий. Продолжительность артиллерийской подготовки устанавливалась в 30–40 минут, огонь должен был вестись по точно выявленным целям. Лишь в отдельных случаях разрешалось вести огонь по площадям.

Кавалерийские корпуса, усиленные танковыми бригадами, планировалось использовать для самостоятельных действий с задачами захвата узлов сопротивления, выхода в тыл и на коммуникации противника, избегая фронтальных атак крупных населенных пунктов.

В штабах соединений Южного фронта закипела работа. Была проведена тщательная рекогносцировка обороны противника,

изучены условия для атаки ее переднего края, отработаны на местности вопросы организации наступления и взаимодействия стрелковых частей с танками, артиллерией и авиацией.

Не менее напряженно велась подготовка в 6-й армии Юго-Западного фронта, которую временно возглавил генерал-майор К.С. Москаленко. Ее штабу было известно, что в полосе предстоявшего наступления оборонялись 44-я и 298-я пехотные дивизии, а также отдельные части 68-й пехотной дивизии противника, усиленные артиллерией и примерно тридцатью танками. Немецкие войска создали сильную оборону: на подступах к узлам сопротивления проходили окопы полного профиля, имелись проволочные заграждения, в промежутках между узлами были установлены минные поля. В глубине обороны было еще два рубежа, один из которых тянулся по западному берегу Северского Донца, а другой – в 4–5 км от реки.

По данным штаба фронта, 6-я армия имела ощутимое превосходство по численности войск, артиллерии и танкам. Нельзя было, однако, исключать возможность быстрой переброски сюда вражеских резервов из-под Харькова, Балаклеи и особенно со стороны донбасской группировки. Итак, армии предстояло разгромить не только противостоявшие немецкие войска, но и отразить удары их оперативных резервов.

Исходя из целей и задач, поставленных перед армией, наличных сил и средств, ее командование решило нанести главный удар силами своего правого фланга, где были сосредоточены три стрелковые дивизии, две танковые бригады и большая часть артиллерии. Там же находился и 6-й кавалерийский корпус фронтового подчинения. Армии, нанося главный удар в направлении Савинцы, Алексеевка, предстояло прорвать оборону врага на участке Борщевка, Ивановка (16 км), с тем чтобы к исходу четвертого дня наступления выйти на рубеж Лагери, Грушеваха и обеспечить ввод в прорыв 6-го кавалерийского корпуса. На девятые сутки армия должна была выйти на рубеж р. Орель. Две левофланговые дивизии предназначались для ликвидации изюмской группировки противника.

Соединения 6-й армии осуществляли непрерывную разведку боем вражеской обороны, вели бои за улучшение исходного положения. 11 января им удалось овладеть важными в тактическом отношении населенными пунктами Савинцы, Довгалевка и Морозовка. 14 января части 411-й стрелковой дивизии под командованием полковника М.А. Песочина скрытно переправились через реку и захватили плацдарм на западном берегу Северского Донца. Оценив важное значение этого

плацдарма, маршал С.К. Тимошенко дал указание командующему армией о немедленном сооружении здесь переправ для танков и артиллерии крупных калибров.

В эти дни в 6-ю армию прибыл новый командующий – генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский. Сорокапятилетний командарм имел солидный боевой опыт. Он участвовал в Первой мировой войне, в Красную Армию вступил в 1918 г., отличился в боях Гражданской войны, Великую Отечественную начал, командуя 129-й стрелковой дивизией, которая активно участвовала в обороне Смоленска. За успешное руководство ее боевыми действиями А.М. Городнянский был назначен командующим 13-й армией, умело командовал ею в Елецкой наступательной операции войск Юго-Западного фронта.

В отличие от 6-й армии подготовка к наступлению в соединениях 38-й армии, по оценке Военного совета и штаба фронта, не была столь целеустремленной и качественной. Ради справедливости нельзя не сказать, что сил у командарма-38 генерала А.Г. Маслова для наступления на харьковском направлении было недостаточно – ведь там противник создал сильные оборонительные рубежи и располагал достаточными возможностями, чтобы отразить наступление.

13 января Тимошенко, Хрущев и Баграмян прибыли в Старобельск на вспомогательный пункт управления Южного фронта. Заслушав информацию Малиновского о положении соединений на занимаемых ими рубежах, последних данных разведки, маршал ознакомил присутствующих с общей обстановкой на советско-германском фронте, ближайшими планами Ставки ВГК: «Завершается контрнаступление под Москвой. Противник отброшен от столицы на 100–250 км. Освобождено более одиннадцати тысяч населенных пунктов. Нанесено поражение тридцати восьми вражеским дивизиям. Ставка приняла решение о переходе советских войск в общее наступление под Ленинградом, на западном и юго-западном направлениях. На нашего правого соседа возлагается задача по разгрому главных сил группы армий «Центр». Для ее решения привлекаются войска Калининского, Западного и Брянского фронтов».

Затем главком определил ближайшие задачи по завершению подготовки. Военным советам фронтов предлагалось установить тесную связь с партизанами.

На первом этапе наступательной операции главная роль отводилась 57-й армии, к 16 января прибывшей в район Старобельска из-под Сталинграда. Ею командовал генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Рябышев. В свои сорок восемь лет

он успел пройти рядовым Первую мировую войну, в 1918 г. стал красноармейцем. Начав Гражданскую войну командиром взвода, закончил ее командиром бригады 1-й Конной армии, затем командовал кавалерийскими дивизиями, закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В конце июня 1941 г. 8-й механизированный корпус под его командованием выдержал тяжелые бои с противником в Западной Украине. В июле Рябышев возглавил 38-ю армию, в августе – Южный фронт, а с октября стал командующим 57-й армией.

К началу операции в состав армии входили шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады, два тяжелых артиллерийских полка и гаубичный артиллерийский полк, три дивизиона гвардейских минометов. Перед ней оборонялись 257-я и 295-я немецкие пехотные дивизии. В районе Славянска разведкой отмечалось сосредоточение еще одной пехотной дивизии. После прорыва обороны противника войска должны были овладеть Барвенково и выйти на железнодорожную линию Славянск – Лозовая.

Главный удар армия наносила правым флангом с рубежа Каменка, Студенок в направлении на Барвенково силами четырех стрелковых дивизий, трех танковых бригад при поддержке основной массы артиллерии РВГК. Ударная группа армии строилась в два эшелона. Первый из них состоял из трех стрелковых дивизий и танковой бригады. Две танковые бригады, сведенные в особую группу, выделялись во второй эшелон; одна стрелковая дивизия составляла резерв командарма. Вспомогательный удар наносился на левом фланге армии силами двух стрелковых дивизий.

Генерал Баграмян, которому командарм доложил свое решение на наступление, отметил его грамотность в оперативном отношении, но вместе с тем обратил внимание на то, что выделение двух танковых бригад в особую группу для самостоятельных действий в условиях глубокого снежного покрова, сильной обороны противника слишком рискованно. К тому же для этой группы был задуман очень сложный маневр, в ходе которого ей предстояло вступить в сражение в глубине вражеской обороны, в отрыве от стрелковых дивизий. Целесообразнее две бригады из трех использовать для непосредственной поддержки пехоты, наступавшей в первом эшелоне на направлении главного удара. Это гарантировало бы надежность прорыва обороны на всю ее глубину. Третью же бригаду следовало придать одной из стрелковых дивизий второго эшелона, что обеспечило бы ей успешное наступление в глубине расположения противника. С этим предложением генерал

Рябышев согласился.

Оставшиеся до наступления дни маршал Тимошенко посвятил дальнейшей доработке плана операции, контролю и оказанию помощи войскам. Активно решались вопросы тылового обеспечения. Хорошо развитая в этом районе Донбасса сеть железных дорог позволила выделить для каждой армии определенную железнодорожную станцию. Дивизии первого эшелона армий снабжались с помощью выдвинутых вперед так называемых железнодорожных летучек. Расчищать и содержать грунтовые дороги в надлежащем состоянии было не под силу одним саперам, для этого пришлось привлекать личный состав стрелковых частей и местное население. Для проведения операции отпускалось два боекомплекта боеприпасов и до десяти заправок горючего.

17 января оперативная группа направления, штабы Юго-Западного и Южного фронтов еще раз уточнили имевшиеся данные, проведенные расчеты. В справке, представленной главкому, отмечалось, что на 20 часов 17 января войска ударной группировки сосредоточились в районах, намеченных планом. Не закончили полностью сосредоточение лишь части 9-й армии.

«Перед фронтом ударной группировки находятся следующие части противника: против 6-й армии – 44-я пехотная дивизия, 188-й полк 68-й пехотной дивизии и 298-я дивизия немцев, входившие в состав 17-й армии. Против 57, 37 и 12-й армий находятся 257-я и 295-я пехотные дивизии той же армии, группа Шведлера в составе 76, 94, 116, 97, 91, 111 и 116-й пехотных дивизий, а также 9, 52 и 3-я пехотные дивизии из состава итальянского экспедиционного корпуса. В ближайших резервах действуют: до пехотной дивизии в районе Лозовая, до двух пехотных дивизий – в районе Славянск, Краматорск, до пехотной дивизии – в районе Константиновка…

Соотношение сил на фронте 6-й армии благоприятное: личный состав – 2: 1, винтовки – 5,2: 1, автоматы – 1: 1,5, пулеметы – 1,5: 1, танки (армия имеет 64, у противника не выявлены)…

По данным штаба Южного фронта, у противника перед 57, 37 и 12-й армиями – до 700–800 орудий и 150–200 танков. Сосредоточиваемая на данном направлении ударная группировка фронта, учитывая и действующую на данном направлении 12-ю армию, позволяет иметь полуторное – двойное превосходство в пехоте, абсолютное превосходство в коннице, незначительное превосходство в танках, авиации и артиллерии…» [9]

Барвенково-Лозовская операция 18–31 января 1942 г.

Итак, на рассвете 18 января после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения ударной группировки двинулись вперед. Стояла ясная морозная погода. Вопреки ожиданиям, наступление шло медленно. Враг ожесточенно

сопротивлялся.

Сложно развивались события в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта. Ее правофланговая 253-я стрелковая дивизия, которой командовал В.К. Урбанович, практически не имела успеха. Все попытки ее частей продвинуться вперед были тщетны: враг удерживал сильно укрепленный опорный пункт Борщевое. 19 января безуспешно закончилась и повторная атака, предпринятая после перегруппировки сил и передачи дивизии из армейского резерва 13-й танковой бригады. Не овладев ни Вербовкой, ни Балаклеей, части понесли большие потери. Было решено с 20 января отдать приказ о переходе их к обороне.

337-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.М. Бушева с рассветом первого дня наступления подверглась налетам авиации, на нее двинулись танки противника. Неоднократные атаки рубежа Морозовка, Ольховатка успеха не имели. Однако на следующий день полковник Бушев сконцентрировал усилия на левом фланге, и части дивизии энергичным ударом овладели Жуковкой, а к исходу 20 января с боем заняли Волобуевку и несколько более мелких населенных пунктов. На правом фланге дивизия также встретила сильное огневое сопротивление, но, преодолев его, с ожесточенными боями 20 января заняла Шуровку. Таким образом, на своем левом фланге она прорвала оборону противника, разгромила 131-й полк 44-й пехотной дивизии врага и за четыре дня с боями продвинулась на глубину до 10 км. Однако соседняя справа 253-я дивизия застряла перед узлом сопротивления Балаклея.

411-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник М.А. Песочин, наступавшая при поддержке 7-й танковой бригады, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, расширила плацдарм на западном берегу Северского Донца и с утра 19 января продолжила продвижение в общем направлении на Чепель. Оборона врага была прорвана, 188-й полк 68-й пехотной дивизии врага понес тяжелые потери, и его остатки поспешно отходили в юго-западном направлении. Для их ликвидации полковник Песочин бросил подвижные отряды лыжников. Они наносили удары с флангов и с тыла, организовывая при этом засады.

Успех дивизии использовали ее соседи. В результате этого сопротивление противника на флангах резко ослабло. В итоге четырехдневных упорных боев на направлении главного удара соединения 6-й армии взломали оборонительную систему врага на всю глубину, разгромили 44-ю и 298-ю немецкие пехотные дивизии, а также один полк из состава 68-й пехотной дивизии.

Неплохих результатов добились и соединения левого фланга

6-й армии – 393-я стрелковая дивизия под командованием полковника И.Д. Зиновьева, 270-я стрелковая дивизия под командованием полковника З.Ю. Кутлина. С выходом их частей на рубеж Протопоповка, Петровская, Грушеваха завершился разгром изюмской группировки противника.

Таким образом, на первом этапе операции 6-я армия не только успешно выполнила поставленные перед ней задачи, но и прочно обеспечила правый фланг ударной группировки Южного фронта от ударов противника с северо-запада. Это означало, что удачно начавшееся наступление армии окажет положительное влияние на дальнейшее планомерное развитие операции в целом. Вместе с тем прорыв обороны немецких войск, разгром 44-й и 298-й пехотных дивизий врага создали благоприятные условия для ввода в сражение 6-го кавалерийского корпуса.

В целом планомерно развивалось наступление в полосе 57-й армии. В итоге четырехдневных кровопролитных боев ее частям и соединениям удалось на направлении главного удара преодолеть тактическую зону обороны противника на всю ее глубину и к исходу 21 января выйти на линию Великая Камышеваха, Базалеевка, Морозовка, Маяки, Райгородок, продвинувшись своей ударной группировкой на глубину до 23 км. Создались условия для ввода в прорыв подвижной группы фронта, состоявшей из 1-го и 5-го кавалерийских корпусов. На славянском направлении, где небольшими силами наносился вспомогательный удар, продвижение было незначительным.

Медленно развивалось наступление в полосе 37-й армии. Несмотря на мужество и героизм личного состава, частные успехи нескольких ее соединений, задачи, поставленные перед армией, не были выполнены. Тем не менее и здесь удалось нанести серьезное поражение 295-й и 76-й немецким пехотным дивизиям, сковать резервы противника в районе Краматорска.

12-я армия, имея незначительный боевой состав, наступала на вспомогательном направлении, южнее 37-й армии. В период с 18 по 21 января она безуспешно пыталась прорвать сильную оборону противника и развить наступление в направлении на Дзержинск. Войска действовали активно и настойчиво, но им удалось добиться лишь небольших успехов, сковать силы врага, находившиеся против них, а также его ближайшие резервы, расположенные в районах Горловки и Орджоникидзе.

Наступление 38-й армии Юго-Западного фонта на ее правом фланге в обход Харькова с северо-востока с самого начала не получило развития. Правофланговые соединения, пройдя с тяжелыми боями около 10 км, освободили ряд населенных пунктов северо-восточнее города, но дальше продвинуться не

смогли. Этим воспользовалось немецкое командование, чтобы перебросить войска из района Харькова к Балаклее.

Следовательно, 6-я армия, наступавшая, по существу, на вспомогательном направлении, достигла наибольших успехов, продвинувшись на левом фланге на 30 км в глубину обороны противника. В связи с этим направление, на котором она наступала, приобрело важнейшее оперативное значение. Результативным оказалось и продвижение 57-й армии. В ходе их успешного наступления немецкие войска, действовавшие в полосе этих армий, были разгромлены. Создались благоприятные условия для ввода в прорыв подвижных групп фронтов.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, врагу все же удалось на флангах прорванного участка обороны протяжением более 75 км – справа в районе Балаклеи и слева в районе Славянска – отразить наступление советских войск, сохранить за собой Балаклею и Славянск – эти своеобразные «полевые крепости», которые могли приобрести роль плацдармов для нанесения контрударов по флангам и тылу ударных группировок 6-й и 57-й армий. Требовалось как можно быстрее ликвидировать эти очаги вражеской обороны.

Маршал Тимошенко приказал генералу Городнянскому совместными действиями двух правофланговых дивизий – одной с востока, другой с юго-востока и юга – при поддержке фронтовой авиации нанести сильный удар по Балаклее и овладеть ею, а трем остальным дивизиям продолжать преследование противника, начавшего отход в западном направлении. Р.Я. Малиновский получил распоряжение смежными флангами 57-й и 37-й армий решительно атаковать Славянский укрепленный район и захватить его, а главными силами 57-й армии и вводимыми в прорыв 5-м и 1-м кавалерийскими корпусами развивать успех в южном направлении во фланг и тыл донбасской группировки. Авиация обоих фронтов должна была массированными ударами содействовать войскам в овладении Балаклеей и Славянском, не допуская подхода к ним вражеских резервов из глубины.

В последующие дни в полосе наступления советских войск развернулись ожесточенные бои. Особого накала они достигли в районе Балаклеи. Частям 253-й стрелковой дивизии полковника В.К. Урбановича 23 января удалось прорваться к железнодорожной станции, 337-я стрелковая дивизия полковника С.М. Бушева, с приданной ей 7-й танковой бригадой полковника И.А. Юрченко, вышла на ближние подступы к городу с юга. Балаклея оказалась почти полностью окруженной, ее гарнизон сохранял связь с основными силами только по узкой полосе местности, пролегавшей в районе опорных пунктов в Вербовке и

Яковенково. «Насколько ожесточенные бои шли на участке фронта под Балаклеей, – пишет немецкий военный историк П. Карель, – свидетельствует тот факт, что полковник Бойс (командир 134-го полка 44-й пехотной дивизии. – *Авт* .) лично и его штаб неоднократно отбивались в ближнем бою пистолетами и ручными гранатами. В конце концов русский лыжный батальон достиг важной дороги Балаклея – Яковенково на южном фланге боевой группы и закрепился в огромных соломенных скирдах. Бойс атаковал его со своим последним резервом, чтобы избавить боевую группу от смертельной опасности окружения. Русские не сделали ни шагу назад. Они все еще отстреливались из подожженных пикировщиками скирд и бились до последнего» [10] .

Штаб фронта с минуты на минуту ждал сообщения о падении Балаклеи. Однако самоотверженные атаки не увенчались полным успехом, ибо враг снял до четырех пехотных дивизий из района Харькова и перебросил их к Балаклее, создав большое численное превосходство. К тому же удары советской авиации оказались недостаточно действенными.

Между тем на левом фланге армии ее главные силы, отражая многочисленные контратаки врага, с кровопролитными боями успешно продвигались на запад и освобождали один населенный пункт за другим. Наступило время ввода в прорыв 6-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора А.Ф. Бычковского в составе 26, 28 и 49-й кавалерийских дивизий и 5-й гвардейской танковой бригады в направлении Алексеевского. Получив команду, кавалерийские дивизии устремились в прорыв и начали преследовать отходившие в направлении Алексеевского части противника. Вскоре, однако, их темпы резко снизились. Алексеевское было сильно укреплено, и бои к исходу 23 января приняли напряженный характер. Кавалеристы вынуждены были спешиться, вести уличные бои, а затем в конном строю атаковать врага, засевшего в Сиваше и на железнодорожной станции Лихачево. В итоге боевые действия корпуса, невзирая на неоднократные налеты вражеской авиации, закончились успешно. 24 января конники, захватив разъезд Белявка, перерезали железнодорожную линию Лозовая – Харьков.

Тем временем за три дня главные силы 6-й армии продвинулись еще на 35–40 км. Все попытки немецкого командования сдержать их срывались, оно вынуждено было вводить в сражение резервы из глубины. Однако балаклейский узел сопротивления ликвидировать не удалось.

В полосе наступления Южного фронта к исходу 21 января тоже создались условия для ввода в прорыв подвижной группы,

состоявшей из 5-го и 1-го кавалерийских корпусов. 5-й кавкорпус генерал-майора А.А. Гречко в составе 34, 60 и 79-й кавалерийских дивизий и 132-й танковой бригады имел задачу с утра 22 января войти в прорыв в общем направлении Малая Камышеваха, Барвенково, овладев ими, прорваться в глубокий тыл противника, противостоявшего 37-й и 12-й армиям. 1-й кавкорпус генерал-майора Ф.А. Пархоменко в составе 35, 36 и 68-й кавалерийских дивизий и 15-й танковой бригады должен был войти в прорыв в общем направлении Долгенькое, Василевка и далее, на юго-восток, для удара во фланг славянской группировки немецких войск.

К моменту ввода в прорыв кавалерийских корпусов три правофланговые дивизии 57-й армии (341, 351 и 255-я) выбили противника с занимаемых рубежей и продолжили наступление. На всем остальном участке фронта соединения армии встретили ожесточенное сопротивление противника, прочно закрепившегося на позициях Славянского укрепленного района. Линия фронта, достигавшая в исходном положении 58 км, увеличилась почти вдвое. Все дивизии армии были введены в сражение, резервов не оставалось.

Начавшие наступление соединения 5-го кавалерийского корпуса уже во второй половине дня вышли на ближние подступы к Барвенково. Кровопролитные бои на его улицах продолжались до конца дня 23 января. Поздно вечером штаб фронта получил донесение от генерала Гречко: «…В итоге двухдневных боев корпус во взаимодействии со стрелковыми и танковыми частями к исходу 23 января овладел важным узлом сопротивления, неприятельской тыловой базой армейского значения, узлом шоссейных и железных дорог г. Барвенково» [11] .

Корпус понес сравнительно небольшие потери, трофеи же, захваченные при освобождении города, были довольно внушительные: 261 автомашина, 19 орудий, 2 танка, 8 ранцевых огнеметов, 4 зенитные установки, 30 000 снарядов, склады продовольствия, боеприпасов и авиабомб, 160 вагонов с военным имуществом. Враг оставил на поле боя более 400 трупов солдат и офицеров.

Одновременно с кавалеристами генерала Гречко к активным наступательным действиям перешел и 1-й кавалерийский корпус. Глубокой ночью 22 января его передовые части прорвались западнее Долгенького, а к полудню продвинулись за Боброво и Дубовку, наступали на Курульку.

В эти дни напряженных, до предела ожесточенных боев решался чрезвычайно важный вопрос: когда, на каком направлении и с какой задачей следует ввести в сражение резерв

Главнокомандующего юго-западного направления – 9-ю армию под командованием генерала Ф.М. Харитонова, имевшую в своем составе две стрелковые, две кавалерийские дивизии и две стрелковые бригады.

Освободив Барвенково, советские войска поставили противника в тяжелое положение. Это, как позже стало известно, сильно обеспокоило немецкое командование. Начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал 24 января в своем дневнике: «…В 17-й армии творится безобразие. За три дня боев фронт прорван на двух участках… Оба эти прорыва соединились в одну громадную брешь. Противник поставил под угрозу железнодорожное сообщение между 1-й танковой и 17-й армиями… Предстоят весьма тяжелые дни, прежде чем удастся сдержать натиск противника…» [12]

По мере продвижения войск Южного фронта внимание командования все в большей степени привлекал очаг сопротивления в районе Славянска. Находясь на смежных флангах 57-й и 37-й армий, он ограничивал возможности перерастания тактического успеха в оперативный. Вопрос о ликвидации этого очага встал еще и потому, что, находясь на фланге дивизий 57-й армии, он создавал угрозу их коммуникациям и связывал левофланговые дивизии этой армии и дивизии правого фланга 37-й армии.

Бывший начальник штаба 38-й армии С.П. Иванов впоследствии так оценил создавшуюся обстановку: «…Стоит отметить, что в ходе Барвенково-Лозовской операции войска 6-й и 57-й армий сделали довольно глубокую вмятину в обороне армий «Юг», но горловина этой вмятины оказалась весьма узкой, ограниченной мощными опорными пунктами немцев в Балаклее на севере и в Славянске на юге. Задача состояла в том, чтобы расширить эту горловину, улучшить оперативное положение войск в барвенковском выступе, ибо он сулил возможность развития успеха как на харьковском, так и на донбасском направлениях. При сохранении же такой тесной горловины мешок легко мог быть «завязан» противником, и две наши армии оказались бы в ловушке.

Вызволить их можно было лишь ударом извне, для чего потребовались бы крупные подвижные силы и авиация» [13] .

Принимая все это во внимание, главком направления изменил ранее принятое решение. Утром 24 января армия под командованием генерала Ф.М.Харитонова была передана в подчинение командующего войсками Южного фронта. Генералу Р.Я.Малиновскому было приказано усилить ее двумя стрелковыми дивизиями, танковой бригадой и артиллерийскими

частями, обеспечив ее ввод в сражение в стык 37-й и 57-й армий.

В отличие от своих более именитых коллег сорокатрехлетний командующий 9-й армией Федор Михайлович Харитонов не имел такого солидного боевого опыта Первой мировой и Гражданской войн. Во время последней сын рабочего-котельщика из Рыбинска участвовал в подавлении ярославского мятежа эсеров, рядовым бойцом четыре месяца сражался в 25-й стрелковой дивизии, по ранению был демобилизован, но весной 1920 г. добился отправки на фронт. Снова ранение и заключение медицинской комиссии: «К строевой службе не годен». Спустя два года опять добился своего и вернулся в армию. До 1930 г. служил в различных военкоматах, после окончания курсов усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» шесть лет командовал стрелковым полком. В служебной аттестации отмечалось: «Тактически подготовлен. Много работает над собой. Волевой, энергичный командир. Умело руководит партийной организацией».

Проработав два года начальником штаба дивизии, короткое время – начальником штаба корпуса, он затем служил в штабе Московского военного округа, в 1941 г. закончил курсы высшего начальствующего состава Академии Генерального штаба. В выводах выпускной аттестации значилось: «Курс обучения усвоил с оценкой «отлично». Решения принимает и глубоко продуманные, и веско обоснованные. Легко и быстро разбирается в сложной армейской операции».

Войну Харитонов встретил командиром воздушно-десантного корпуса, в июле получил назначение на должность заместителя начальника штаба Южного фронта, в сентябре возглавил 9-ю армию. Его боевой соратник – член Военного совета армии К.В. Крайнюков – спустя долгие годы вспоминал об их первой встрече: «Конкретность суждений командующего, ясное понимание причин предшествующих неудач невольно внушали уверенность, что 9-й армией руководит твердый, умный, хорошо разбирающийся в военном деле человек. Все последующие события подтвердили мое впечатление об этом замечательном военачальнике» [14] .

Эти слова не были преувеличением. Столкнувшись впервые под Мелитополем со своим противником Клейстом, Харитонов смог нанести чувствительный удар его войскам, умело вывел свои части из окружения под Мариуполем. В начале ноября в ходе оборонительного сражения на ростовском направлении он искусно организовал глубокую противотанковую оборону, и многократно превосходящий по силам и средствам 9-ю армию противник не смог преодолеть ее, потеряв в ожесточенных боях

около 150 танков, почти 9 тыс. солдат и офицеров. Попытка Клейста овладеть Ростовом ударом с севера была сорвана.

Итак, Харитонов ожидал, что его армия будет введена в сражение там, где обозначится наибольший успех, и был готов к этому. Но последовало распоряжение – захватить Славянск. Город лежал на возвышенности, склоны которой покрыты лесом. В недавнем прошлом это был город-курорт, здравница донецких шахтеров. Сейчас – мощный узел вражеской обороны, бой за который соединения 37-й армии вели вот уже шестые сутки.

Перед 9-й армией стояла крайне сложная задача – прорвать вражескую оборону. Командующий понимал, что проделать в ней брешь можно лишь надежным огневым поражением противника в сочетании с мощным ударом всех войск либо хитростью. Сил, достаточных для прорыва, не было. Следовательно, нужно все-таки как-то перехитрить врага. И он рискнул. Вызвав командира 51-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Г. Филиппова, Харитонов поставил ему задачу создать из добровольцев сводный отряд и ночью по узкой лесной лощине, покрытой глубоким снегом, просочиться в город.

С рассветом группа бойцов вышла на окраину Славянска и, с ходу уничтожив боевое охранение противника, заняла несколько домов. Однако вовремя нарастить успех не удалось. Исчез фактор внезапности. Все пришлось начинать сначала.

Прорыв проходил тяжело и по многим другим причинам. Прежде всего – поспешная его организация, слабое огневое подавление противника. Оказывали влияние и сложные условия местности. Танки «Т-60» с большим трудом преодолевали глубокий снежный покров, часто останавливались и быстро выходили из строя. Из-за разбушевавшейся метели задерживался подвоз боеприпасов и горючего. Авиация также не смогла оказать эффективной поддержки наземным войскам.

Продвинувшись на глубину 5–7 км и овладев пригородами Славянска, соединения армии вынуждены были отражать контрудар подошедшей из Донецка 100-й пехотной дивизии противника, усиленной танками. Бои приняли затяжной характер. В последний день января генерал Харитонов получил приказ закрепиться на достигнутом рубеже. Неудачными оказались также попытки 6-й и 38-й армий по овладению Балаклеей.

Ярким эпизодом последних дней операции стали бои 270-й стрелковой дивизии под командованием полковника З.Ю. Кутлина за Лозовую – крупный железнодорожный узел, через который вражеское командование питало и пополняло свои войска на этом участке фронта. Поэтому Лозовую и прилегавший к ней район противник особенно тщательно подготовил к обороне

и спешно стягивал сюда резервы, пополняя свои сильно потрепанные 298-ю и 68-ю пехотные дивизии.

В основу предстоявшей атаки дивизии была заложена идея смелого маневра и нанесения решительных ударов с разных направлений. В ночь на 26 января части дивизии заняли исходное положение и с рассветом начали наступление. Подразделения врага, находившиеся на переднем крае, пытались сдержать натиск, но безуспешно. Советские части быстро продвигались вперед. В результате смелого маневра и решительного наступления гарнизон Лозовой оказался в окружении. Противник ожесточенно сопротивлялся – каждую улицу, каждый дом приходилось брать с боем. К 7 часам 27 января Панютино, Екатериновка, Лозовая и их окрестности были полностью очищены от врага. Он потерял убитыми более 600 солдат. Нашими войсками было взято в плен 25 солдат и офицеров, захвачено 21 орудие, 2 танка, 50 минометов, 100 пулеметов, 18 груженных военным имуществом железнодорожных эшелонов, сотни вагонов, десять армейских складов с различным военным имуществом, два больших склада с боеприпасами.

Успешно действовал 5-й кавалерийский корпус. Достигнув к исходу 28 января рубежа Сергеевки, он «навис» над жизненно важными для немецких войск железнодорожными линиями Красноармейское – Павлоград, Красноармейское – Чаплино.

К сожалению, были не только успехи. Если кавалеристы генерала Гречко, с ходу нанеся мощный удар по врагу, уже 27–28 января прорвались на 40 км в глубину его расположения, то остальные силы, которые должны были взаимодействовать с 5-м кавкорпусом, в эти дни не добились успеха, хотя и проявили немало примеров подлинного героизма.

31 января операция, получившая название Барвенково-Лозовской, закончилась. На совещании, состоявшемся в первых числах февраля, ее итоги подвел маршал Тимошенко. Было отмечено, что войска Юго-Западного и Южного фронтов не только прорвали сильную оборону врага, но и разгромили 298, 68 и 257-ю пехотные дивизии, 236-й противотанковый полк и 179-й пехотный полк, венгерский кавалерийский полк, штаб 257-й дивизии. Были захвачены знамена 457-го и 516-го пехотных полков. Кроме того, было нанесено значительное поражение частям 44-й, 295-й пехотных дивизий и частям 62, 76 и 94-й дивизий. За время операции противник потерял свыше 36 тыс. солдат и офицеров убитыми и несколько сот пленными [15] .

Соединения трех армий и кавалерийские корпуса на 120-километровом фронте продвинулись более чем на 90 км, освободили свыше четырехсот населенных пунктов, овладели

важным железнодорожным узлом – Лозовая и тыловой базой 17-й немецкой армии Барвенково, нарушили железнодорожное сообщение по линии Харьков – Донбасс через Лозовую. Для ликвидации этого прорыва командование немецкой армейской группы «Юг» израсходовало все свои резервы. Советские войска захватили 658 орудий, 40 танков и бронемашин, 843 пулемета, 331 миномет, 513 мотоциклов, 1095 велосипедов, 23 радиостанции, свыше 100 тыс. мин, около 80 тыс. снарядов, более миллиона патронов, 23 тыс. ручных гранат, восемь эшелонов с военно-хозяйственными грузами, 2400 подвод, 2800 лошадей. В числе трофеев были 261 автомашина и 160 вагонов с военным имуществом [16] .

Бывший полковник 6-й немецкой армии В. Адам, вспоминая период Барвенково-Лозовской операции, писал: «Кое-кто из строевых офицеров был настроен мрачно. У многих солдат не осталось и следа от прежнего подъема, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны. Достоверно было одно: Гитлер и главное командование сухопутных сил сознательно или невольно лгали, когда бахвалились перед всем миром, что Красная Армия разбита. Разбитая армия не может без передышки атаковать в разных местах посреди зимы» [17] .

И все же войска юго-западного направления, как отметил главком, своих задач выполнить не смогли. Причин неполного выполнения задач было немало. Основные из них сформулировал маршал Тимошенко: «Первая причина – наши ограниченные удары и маневренные возможности, в результате чего противник упреждал нас в наращивании усилий. Отсутствие оперативных резервов затрудняло развитие успеха. Вторая причина – наш просчет в отношении ввода в сражение 9-й армии. Ее, вероятно, нужно было использовать в полосе 57-й армии… Третья причина заключается в том, что мы еще не научились бить сильного противника. Неудовлетворительно решалась задача огневого поражения. Артиллерия слабо маневрировала на поле боя. Не лучшим образом действовали и наши кавалеристы. А враг упорно сопротивлялся и удерживал свои фланги. Вместе с тем хочу особо подчеркнуть, что командиры и красноармейцы воюют в основе своей грамотно, дерутся с врагом храбро».

Спустя годы Н.С. Хрущев писал в своих воспоминаниях: «… Мы, достаточно быстро продвинувшись вперед, заняли Лозовую, затем пошли дальше на северо-запад и юго-запад, на довольно большую глубину. К сожалению, свои фланги противник удержал. На левом фланге нашей наступавшей группировки немцы удержались в районе Славянска. Свой левый фланг, у Балаклеи, они тоже удержали. Таким образом, получилась вдававшаяся в

позиции противника дуга с небольшим разводом концов при значительной ее глубине на запад. Мы тогда радовались, что получили такие возможности, и надеялись эту дугу, как говорится, разогнуть, чтобы расширить плацдарм. У нас появилась заманчивая идея к весне 1942 года освободить Харьков. Но операция была приостановлена, потому что мы уже выдохлись и не могли дальше наступать… Перешли мы к обороне, прекратив наступательную операцию» [18] .

Рассматривая перспективы на будущее, Тимошенко все больше склонялся к необходимости подготовки и проведения крупной наступательной операции на окружение с решительными целями. «Подкопим силы, подготовим войска, если поможет Ставка – создадим две сильные группировки и ударим по войскам фон Бока, этого мастера глубоких охватов, с севера, со стороны Волчанска, и с юга, из барвенковского выступа», – высказал свою затаенную мысль маршал вечером 18 февраля в кругу близких людей, собравшихся отметить его сорокасемилетие. И по всему чувствовалось, что мысль эта возникла не сейчас, не вдруг, а была выстрадана и продумана. Итак, рождался замысел новой крупной операции.

Глава 2 Ставка против ставки: Центр или Юг?

В марте 1942 г. общее наступление Красной Армии постепенно затухало. Силы и средства для него иссякли, а резервы еще не были подготовлены. Войска перешли к обороне. Положение на советско-германском фронте временно стабилизировалось. Впервые за многие месяцы ожесточенных, непрерывных боев наступило относительное затишье.

Однако напряженный ритм работы Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, Наркомата обороны еще более возрос в связи с началом подготовки к летней кампании. Тщательно анализировалась обстановка на всех участках огромного фронта, состояние войск, подготовка резервов, возможности народного хозяйства по обеспечению армии и флота всем необходимым для ведения боевых действий и жизни, положение на транспорте и многое, многое другое.

Советские войска, изведав горечь отступления и радость первых побед, стали опытнее, организованнее. Возросла и их численность. За год войны количество стрелковых соединений увеличилось в полтора раза, общевойсковых армий – более чем вдвое. Начали создаваться воздушные армии, танковые корпуса. В основном перебазирование промышленных предприятий в восточные районы страны завершилось. Значительная их часть стала наращивать темпы выпуска военной продукции. Это позволило улучшить техническое оснащение войск, провести в Вооруженных силах ряд крупных мероприятий по их организационному совершенствованию. В действующую армию непрерывно поступала новая, более совершенная боевая техника. Однако преобладали еще легкие танки, самолеты устаревших конструкций. Красная Армия пока не достигла технического превосходства над врагом и по-прежнему уступала ему в маневренности.

Период относительного затишья на фронтах, предшествовавший летним сражениям, был заполнен напряженной боевой учебой войск. Осваивая новое оружие, повышая воинское мастерство, командный, политический и рядовой состав готовился к ожесточенным схваткам с врагом.

Весной 1942 г. советские войска были объединены в девять фронтов, две отдельные армии, Московскую зону обороны. Действия сухопутных войск поддерживали Северный, Балтийский и Черноморский флоты, военные флотилии и авиация воздушных

армий. При этом войска Юго-Западного фронта оборонялись на участке от Ржева до Лозовой, а войска Южного фронта – от Лозовой до Таганрога.

Необходимо сказать, что немецкая армия в основном восполнила потери, понесенные в зимней кампании. Ее военное командование к весне 1942 г. увеличило состав войск, действовавших на советско-германском фронте, на тридцать пять дивизий. Войска получили пополнение в миллион человек. Общая численность немецких войск и войск союзников Германии составляла 6198 тыс. человек. На их вооружении имелось 56 941 орудие и миномет, 3229 танков и штурмовых орудий, 3395 боевых самолетов [19] . В этот же период советские Вооруженные силы насчитывали 5,1 млн человек, около 3,9 тыс. танков, примерно 45 тыс. орудий и минометов, почти 2,2 тыс. боевых самолетов [20] . Таким образом, противник несколько превосходил советские войска по личному составу, орудиям и минометам, а также по авиации, уступая лишь в количестве танков.

Таковы исходные данные, которыми оперировало советское Верховное Главнокомандование, приступая к разработке стратегического плана действий Красной Армии на лето 1942 г. Разумеется, то, что касалось планов Германии и ее сателлитов, было строжайше засекречено, однако активная и самоотверженная работа наших разведывательных органов позволила иметь в целом относительно полное представление о противнике и его возможностях.

Планирование новой кампании и ее подготовка имели ряд особенностей, исходивших из своеобразия военно-политической обстановки, сложившейся к весне. Во-первых, не было твердой уверенности в открытии союзниками второго фронта. Во-вторых, союзники по антигитлеровской коалиции не полностью выполнили свои обязательства по ленд-лизу. Поэтому Советский Союз должен был рассчитывать только на себя. В-третьих, советское командование принимало в расчет мероприятия по значительной организационной перестройке и техническому перевооружению Красной Армии, а также по созданию крупных резервов. Наконец, существенное влияние на замыслы и планы оказали и прогнозы советской разведки в оценке сил и возможных действий противника.

Так, 18 марта 1942 г. военная разведка докладывала в Ставку: «…Подготовка весеннего наступления подтверждается переброской немецких войск и материалов. За период с 1.1 по 10.3 переброшено до 35 дивизий (фактически – около двадцати), непрерывно идет людское пополнение в действующие армии.

Ведутся интенсивные работы по восстановлению железнодорожной сети на оккупированной территории СССР, идет усиленный завоз боевых и транспортных машин, боеприпасов, артиллерии. Не исключается, что решительное наступление немцев на Восточном фронте будет при одновременном выступлении Японии против СССР и нажиме со стороны немцев на Турцию с целью принудить ее к пропуску немецких войск на Кавказ… Немцы, не имея возможности произвести соответствующую перегруппировку сил на фронте, не смогут повторить наступление на широком фронте. Все усилия они сосредоточивают на подготовке последовательных операций: вначале с целью захвата Кавказа и Мурманской (Кировской. – *Авт* .) железной дороги, затем распространение операций к северу с задачей овладения городами Москвой и Ленинградом. Решением этих задач достигалась бы основная стратегическая цель – изоляция СССР от союзников, лишение его нефти, и если не разгром, то низведение его до степени, когда он теряет всякое значение. В этом основной замысел германского командования.

Центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы…» [21] Как вывод в донесении отмечалось: «Германия готовится к решительному наступлению на Восточном фронте, которое развернется вначале на южном секторе и распространится в последующем к северу. Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий… Наиболее вероятный срок весеннего наступления – середина апреля или начало мая 1942 года».

Подобные сведения шли и по линии органов госбезопасности. 23 марта в Государственный Комитет Обороны поступила информация: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили провести наступление на север вдоль Волги. Немцы этим летом будут стремиться не только выйти к Волге и Каспийскому морю, но и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа» [22] .

Были и другие свидетельства того, что вражеское командование переносит центр тяжести борьбы на южное крыло советско-германского фронта. Однако сделать из этого должные выводы и принять соответствующие решения Ставке Верховного

Главнокомандования было не просто. На то имелся целый ряд объективных и субъективных причин.

В ходе зимнего контрнаступления советских войск противник потерпел серьезные поражения и понес большие потери. Линия фронта на ряде направлений отодвинулась далеко на запад. Это вызвало естественное стремление развить успех, не дать врагу передышки и возможности собраться с силами, изменить обстановку и овладеть инициативой. В директивном письме ВГК от 10 января 1942 г., адресованном командованию фронтов, Сталин так сформулировал эту идею: «Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году» [23] .

Но противник нашел силы для того, чтобы остановить наступление советских войск. Операции, проведенные в конце зимы – начале весны 1942 г., в том числе и на юге, не дали тех результатов, на которые рассчитывала Ставка. И если германское командование исчерпало свои резервы, то и у советского командования не нашлось необходимых сил и средств, чтобы провести весной крупные наступательные операции. Нужно было время для создания, оснащения и подготовки стратегических резервов, пополнения потерь в живой силе и технике, понесенных в ходе зимнего наступления.

Но ведь в то же время и те же самые задачи ставило перед собой и вражеское командование. А оно находилось в более выгодном положении. Нельзя было и откладывать активные боевые действия на длительный срок. «Перед нами встал вопрос о плане военных действий на следующие полгода, – пишет Маршал Советского Союза А.М. Василевский. – Он всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнений, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия с тем, чтобы опять, захватив инициативу, нанести нам поражение. Мы критически анализировали итоги зимы. Теперь Ставка, Генеральный штаб и весь руководящий состав Вооруженных сил старались точнее раскрыть замыслы врага на весенний и летний периоды 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыграться основным событиям. При этом все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д., а может быть, и исход войны в целом» [24] .

Разведка однозначно указывала: юг. Но так ли это? Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, делая выводы из анализа обстановки, считал, что летом 1942 г. противник сможет начать крупное наступление на двух стратегических направлениях – московском и юге страны одновременно. Притом основным направлением, по его мнению, будет московское. Там находилась самая крупная вражеская группировка – свыше 70 дивизий. Хотя немецкие войска и удалось отбросить от Москвы, они продолжали угрожать столице.

Возможно, что в данном случае имели место и соображения личного плана: летом 1941 г. Сталин считал, что главный удар противник нанесет на юге. Практически оказалось, что он нацелился на Москву. Не случится ли подобное и на этот раз? Ведь каких-либо признаков того, что немецкое командование перебрасывает войска с центрального участка на юг, не отмечено. А от Москвы линия фронта всего в 200 км.

Но нельзя игнорировать и южное направление. Следовательно, надо ограничиться активной обороной на всем фронте, а наряду с этим провести несколько частных фронтовых операций на различных направлениях [25] .

Генеральный штаб в основном придерживался того же мнения. Правда, его начальник маршал Б.М. Шапошников стоял на том, чтобы на первом этапе стратегических действий ограничиться активной обороной, отразить удар врага, а затем, накопив резервы, перейти в контрнаступление.

Итак, Государственный Комитет Обороны определил ближайшую задачу: создать к маю – июню 1942 г. мощные обученные резервы, накопить оружие, боеприпасы, боевую технику, необходимые материальные ресурсы для обеспечения войск в последующем наступлении.

Все обоснования и расчеты по плану на лето 1942 г. Генеральный штаб завершил в середине марта. Главные пункты предложенного плана формулировались следующим образом: активная оборона, накопление резервов, переход в контрнаступление. Однако работа над планом продолжалась. На имя Верховного Главнокомандующего со всех фронтов поступили ранее затребованные им доклады с соображениями и предложениями о дальнейшем ведении боевых действий. Среди них наибольшего внимания заслуживал доклад командования войск юго-западного направления, где предлагалось в мае силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов провести крупную наступательную операцию.

Военный совет направления оценивал обстановку, сложившуюся к весне, следующим образом: «Задачи,

поставленные на зимний период 1942 года, войсками Юго-Западного направления еще полностью не выполнены. В результате ряда предпринятых операций с ударами на важнейших и жизненных для противника направлениях фронты Юго-Западного направления взяли в свои руки инициативу действий, нанесли противнику чувствительные потери и освободили от немецко-фашистских оккупантов значительную территорию.

Особенно эффективными оказались действия на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, где нашим войскам удалось прорвать укрепленную полосу противника, нанести ему значительные потери и, овладев районами Алексеевское, Лозовая, Барвенково, лишить врага важнейшей железнодорожной магистрали Харьков – Донбасс и угрожать глубокому тылу его основной группировки, действующей в Донбассе и Таганрогском районе. Одновременно наши войска заняли весьма выгодное положение для развития наступления на Харьков. Только недостаток сил и средств не позволяют полностью использовать достигнутый успех как для окончательного разгрома главной группировки противника на юге, так и для захвата Харькова» [26]
.

В докладе Военного совета указывалось о возможных намерениях германского командования в предстоявшей кампании: «По данным агентуры и показаниям пленных, противник сосредоточивает крупные резервы со значительным количеством танков восточнее Гомель и в районах Кременчуг, Кировоград, Днепропетровск, очевидно, с целью перехода весной к решительным действиям. Трудно сейчас предугадать размеры этого наступления. Можно лишь предполагать, каковы будут вероятные направления действий и оперативно-стратегические устремления противника.

Мы считаем, что враг, несмотря на крупную неудачу осеннего наступления на Москву, весной будет вновь стремиться к захвату нашей столицы. С этой целью его главная группировка упорно пытается сохранить свое положение на московском направлении, а его резервы сосредоточиваются против левого крыла Западного фронта (восточнее Гомель и в районе Брянск). Наиболее вероятно, что наряду с фронтальными ударами против Западного фронта противник предпримет крупными силами мотомехсоединений наступление из района Брянск и Орел в обход Москвы с юга и юго-востока, с целью выхода на р. Волгу и в районе Горький и изоляции Москвы от важнейших промышленных и экономических центров Поволжья и Урала.

На юге следует ожидать наступления крупных сил противника между течением р. Северский Донец и Таганрогским

заливом с целью овладения нижним течением р. Дон и последующим устремлением на Кавказ к источникам нефти. Этот удар, вероятно, будет сопровождаться наступлением вспомогательной группировки войск на Сталинград и десантными операциями из Крыма на Кавказское побережье Черного моря.

Для обеспечения действий основных ударных группировок на Москву и на Кавказ противник несомненно попытается нанести вспомогательный удар из района Курска на Воронеж. С выходом этой группы войск противника в район Воронеж, Лиски, Валуйки мы можем лишиться важнейших железнодорожных магистралей, связывающих Москву с Донбассом и Кавказом.

Гидрометеорологические условия позволяют развернуть широкие боевые действия на юге в середине апреля и на севере в первой половине мая. Но, учитывая выгоды одновременного перехода в наступление больших сил на всех фронтах, можно предполагать, что противник начнет решительные наступательные действия в середине мая сего года» [27] .

Переходя к определению стратегической цели действий войск юго-западного направления в летней кампании, Военный совет считал, что, хотя летняя кампания может ознаменоваться широкими наступательными действиями со стороны противника, войска этого направления при существенном подкреплении их резервами Ставки должны «стремиться к достижению основной стратегической цели – разгромить противостоящие силы противника и выйти в итоге летней кампании на Средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев. В зависимости от конкретной обстановки и, прежде всего, реального соотношения сил, которое сложится к началу главных операций, эта основная стратегическая цель будет решаться на каждом фронте Юго-Западного направления различными путями» [28] .

Чтобы с наступлением лета приступить к широким активным действиям, Военный совет просил Ставку выделить из ресурсов центра: стрелковых дивизий – 32–34, танковых бригад – 27–28, артиллерийских полков – 19–24, боевых самолетов – 756. Кроме того, для доукомплектования войск личным составом до 80 % и вооружением до 100 % испрашивалось людское пополнение в количестве свыше 200 тыс. человек, большое количество вооружения, боевой техники, тракторов, автомашин и лошадей.

В представлении, адресованном Ставке, были определены также основные задачи войск каждого фронта в предстоявшей кампании.

Поскольку войска Брянского фронта тяготели к оперативному взаимодействию с Западным фронтом, перед ним предлагалось

поставить следующую задачу: после ликвидации болховской группировки противника в тесном взаимодействии с Западным фронтом последовательно овладеть Орлом и Брянском и выйти на линию Гомель, Чернигов. Выполнение этой задачи мыслилось только при успешном развитии операции Западного фронта на смоленском направлении.

Юго-Западный фронт, занимая в системе войск юго-западного направления центральное положение, прочно прикрывал важнейшие железнодорожные магистрали, связывавшие Москву с Донбассом и Кавказом, а удержанием за собой района Лозовой обеспечивал активные действия правого ударного крыла Южного фронта во фланг и глубокий тыл донбасской группировки противника. Задачи войск Юго-Западного фронта в летней кампании определялись так: «Согласно намеченному плану действий до наступления весенней распутицы войска фронта должны своим левым ударным крылом окружить и уничтожить группировку противника в треугольнике Чугуев, Лиман, Балаклея и занять выгодное положение для последующего наступления на Харьков с востока и юга.

В соответствии с общей стратегической целью действий войск Юго-Западного направления основная задача Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании состоит в овладении на левом крыле районами Харьков и Красноград, а на правом крыле и в центре – Курском и Белгородом. В дальнейшем наступлением в общем направлении на Киев ставилась задача выйти на Средний Днепр на фронте Чернобыль, Киев, Черкассы…» [29]

Южный фронт в составе войск юго-западного направления по наличным силам и средствам, так же как и по выполняемым задачам, являлся важнейшим. Прикрывая своим центром и левым флангом ворошиловградское и ростовское направления, войска фронта преграждали путь противнику к нефтяным ресурсам Кавказа и к нижнему течению Волги – важнейшей водной артерии европейской части нашей страны. Поскольку своим правым ударным крылом войска Южного фронта, глубоко выдвинувшись на запад, нависали с севера над коммуникациями группировки противника, находившейся в Донбассе и в районе Таганрога, фронту предписывалось: «До наступления весенней распутицы и до вступления в операцию крупных оперативных резервов войска фронта имеют задачи – занять Краматорск, Славянск и овладеть таганрогским плацдармом. На остальном фронте активной обороной сохранить за собой ныне занимаемый рубеж. Основной ближайшей задачей Южного фронта в предстоящей весенне-летней кампании по-прежнему остается окружение и уничтожение донбасской и таганрогской группировок противника

и выход на р. Днепр» [30] .

Такого же мнения придерживался и Военный совет этого фронта, который 8 марта докладывал Верховному Главнокомандующему: «Выгодное оперативное положение войск правого крыла фронта, позволяющее при развитии удара на красноармейском направлении выйти на тылы всей южной группировки войск противника, необходимо использовать с целью уничтожения донбасской и таганрогской группировок противника» [31] . Для выполнения этого замысла командующий войсками Южного фронта генерал Р.Я. Малиновский просил Ставку усилить фронт десятью-двенадцатью стрелковыми дивизиями, пятью-шестью танковыми бригадами, личным составом и недостающим вооружением.

Учитывая огромную роль авиации в намечавшихся операциях войск юго-западного направления, его Военный совет считал, что «при получении 756 самолетов общее количество авиации ЮЗН будет равно 1562 самолетам, что, по всем расчетным данным, является минимально необходимым для выполнения боевых задач в проводимых армиями и фронтами операциях» [32] . Кроме того, для действий по авиации противника на аэродромах Конотоп, Кировоград, Кривой Рог, Николаев, железным дорогам и промышленным объектам военного значения он просил подчинить ему две дивизии дальних бомбардировщиков.

Следует подчеркнуть, что, разрабатывая эти предложения, Военный совет отчетливо понимал, какую большую опасность представлял барвенковский выступ, который в своем основании достигал 80 км, был сильно вытянут на запад в сторону Лозовой и имел общую протяженность по фронту до 300 км. Чтобы лишить противника возможности окружения войск, находившихся в этом выступе, предлагалось перед началом летней кампании провести две частные операции. Исходя из предстоявшего объема задач, командование направления просило Ставку Верховного Главнокомандования полностью удовлетворить его заявки в личном составе, вооружении, особенно танках и боевых самолетах.

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев утверждает, что якобы замысел ограничивался лишь районом Харькова, а инициатива в разработке плана исходила от штаба: «Штабные работники – Бодин, Баграмян и другие стали подсчитывать итоги и примерять наши возможности для дальнейшего наступления с тем, чтобы освободить Харьков. Был намечен такой план: главный удар нанести противнику весною на дуге, которую мы создали южнее Харькова, а вспомогательный удар меньшими силами – севернее Харькова, и таким образом, взяв Харьков в клещи, освободить его.

Когда планировали, мы были уверены, что эта операция у нас получится, что мы решим задачу и откроем весенне-летние военные действия таким эффектным результатом, как освобождение крупнейшего промышленного и политического центра Украины» [33] .

Характерно в этом отношении и свидетельство С.П. Иванова, который накануне Дня Красной Армии – 22 февраля 1942 г. – имел беседу с С.К. Тимошенко в Сватово. Главком сказал ему, что «пора начать готовиться к летней кампании, а для этого необходимо освободить Харьков. Но, прежде всего, нужно захватить и укрепить плацдарм на западном берегу Северского Донца, в районе Старого Салтова» [34] . Здесь, как видим, освобождение Харькова фигурирует лишь как начальный этап летней кампании. Свой дальнейший замысел Тимошенко, естественно, не раскрывал, хотя для командармов и начальников штабов армий он уже давно не являлся особым секретом. Действительно, 27 февраля Военный совет Юго-Западного фронта утвердил оперативную директиву на проведение частной наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклейской группировки противника. Ее замысел заключался в том, чтобы, нанося охватывающие удары силами 6-й армии с балаклейского и 38-й армии – с чугуевского выступов, окружить и уничтожить немецкие войска юго-восточнее Харькова и освободить город.

Операция началась 7 марта. Внезапность удара по ряду причин обеспечить не удалось. Ожесточенные бои развернулись в полосе наступления 38-й армии. Преодолев заболоченный участок р. Большая Бабка, ее соединения в нескольких местах форсировали Северский Донец. В боях отличались многие воины, среди них командир роты 6-й гвардейской танковой бригады старший лейтенант Н.П. Блинов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Широкую известность приобрел в те дни и подвиг заместителя командира роты тяжелых танков 5-й гвардейской танковой бригады лейтенанта Н.Н. Фомина, лично возглавившего атаку стрелковых подразделений после того, как его танк был подбит противником. Николай в рукопашной схватке уничтожил немецкого офицера, завладел его автоматом и истребил десятки солдат врага [35] .

Решить поставленные задачи советские войска в полном объеме не смогли. Особенно незначительным был успех 6-й армии, действовавшей в районе Балаклеи. 10 апреля старосалтовский плацдарм, по распоряжению главкома, отошел в полосу обороны 28-й армии.

Итак, если проанализировать доклад Военного совета юго-западного направления, то станет ясно, что с учетом далеко не

полных, а порой и не совсем достоверных данных, имевшихся у его авторов, ряд выводов вызывал серьезные сомнения. И прежде всего – о направлении главного удара противника на Москву и вспомогательного – на юге. Конечно, ни Тимошенко, ни Хрущев, ни тем более главный разработчик доклада Баграмян были не в состоянии должным образом оценить обстановку на всем советско-германском фронте, учесть людские и материально-технические ресурсы Германии и ее сателлитов, их возможности в создании резервных воинских формирований, в производстве оружия и боевой техники, в восполнении потерь, понесенных зимой. Такими сведениями в полной мере не могла располагать даже Ставка ВГК. И этого, естественно, нет в докладе.

Существование главной группировки противника на московском направлении было закономерно – она была создана там осенью 1941 г. для взятия столицы СССР. До декабря немецкие войска безуспешно пытались решить эту задачу, а затем до половины марта вынуждены были отражать контрнаступление советских войск. Естественно, что группировка сохранилась в прежнем составе. А вот пополнил ли ее противник после понесенных огромных потерь? Усилил ли необходимыми резервами? Они, согласно докладу, находились как раз в полосах фронтов юго-западного направления. Туда же, по данным разведки, направлялись воинские эшелоны с людьми и техникой. Значит, чтобы нанести удар на Москву, надо в сравнительно короткое время (ведь до предполагаемого срока – первая половина мая – оставалось месяц-полтора) осуществить широкомасштабную перегруппировку. А этого времени, учитывая низкую пропускную способность железных и шоссейных дорог, было недостаточно. Да и разведка не отмечала никаких признаков такой передислокации. Очевидно, ни Тимошенко, который сам являлся членом Ставки ВГК и хорошо знал мнение Верховного Главнокомандующего, ни Хрущев, недостаточно компетентный в чисто военных вопросах, ни Баграмян не сочли возможным усомниться в выводах Сталина. Это же косвенно подтвердил и сам И.Х. Баграмян в своих мемуарах. В беседе с ним маршал Тимошенко сказал, что вражеская группировка, участвовавшая в боях против войск юго-западного направления, понесла серьезные потери и без длительной передышки, получения крупных подкреплений из глубокого тыла она не в состоянии перейти к решительным действиям.

«Военный совет считает, что с наступлением лета, – продолжал Семен Константинович, – гитлеровское командование, по всей вероятности, свои главные операции развернет на московском направлении с целью овладения нашей столицей. На

юге против войск Юго-Западного направления, надо полагать, оно ограничится наступлением вспомогательного характера. Насколько нам известно, такого мнения придерживается и Ставка Верховного Главнокомандования…» [36]

Были ли войска юго-западного направления способны, как явствовало из доклада, вести наступление на тысячекилометровом фронте, разгромить противостоявшего противника и продвинуться в глубину более чем на 600 км? Даже с учетом тех дивизий, танковых бригад и самолетов, которые командование направления запрашивало у Ставки ВГК, достигнуть ощутимого превосходства над врагом в живой силе и технике не удавалось. Ведь немецкое командование также могло увеличить количество своих дивизий до ста, а каждая из них по численности примерно на треть превышала советскую, была гораздо маневренней. Более сильными в организационном и техническом смысле были также авиация и бронетанковые войска врага. Следовательно, и в этом отношении успех широкомасштабного наступления выглядел сомнительным. Однако командование направления полностью поддержало установку Сталина и его намерение упредить противника в возможном переходе его в наступление, захватить инициативу на ряде участков фронта, и прежде всего – на южном.

В последней декаде марта главком и член Военного совета направления получили вызов в Ставку. Первым в Москву вылетел генерал И.Х. Баграмян, чтобы заблаговременно ознакомиться там с общей обстановкой на советско-германском фронте и с наметками планов Генштаба и Ставки на летнюю кампанию 1942 г., а также выяснить возможности получения необходимых подкреплений. В мемуарах И.Х. Баграмяна очень подробно описан короткий период его пребывания в Москве и все обстоятельства, связанные с принятием решения о наступлении на юге. Правда, некоторые, весьма существенные детали, содержавшиеся еще в рукописи, в книгу не вошли. Теперь трудно сказать, чем руководствовался маршал, но, думается, что сокращенный им текст представляет больший интерес, чем, скажем, эпизод с заказом ему Сталиным нового генеральского обмундирования.

Мы приводим этот эпизод, цитируемый по рукописи воспоминаний: «Хорошо запечатлелось в моей памяти посещение Главного разведывательного управления Генерального штаба, его в то время возглавлял генерал-майор танковых войск Александр Павлович Панфилов. Меня очень интересовал вопрос, как наши разведчики оценивают общие боевые возможности немецко-фашистской армии перед началом летней кампании, каковы имеющиеся у них данные о наиболее вероятных стратегических

планах вражеского командования, то есть о том, в каком направлении, какими силами и с какими целями будут осуществляться вермахтом главные наступательные операции.

Вспомнив, что мой однокашник по учебе в Военной академии имени М.В. Фрунзе, генерал-майор Александр Георгиевич Самохин, работает в информационном управлении Главного разведывательного управления, я направился прямо к нему. Самохин, предупредив, что высказывает свое личное мнение, сказал, что ознакомление с некоторыми данными разведки и с информацией наиболее осведомленных органов буржуазной прессы привело его к выводу, что летом враг нанесет основной удар на южном крыле советско-германского фронта. Далеко идущими целями противника, по словам Александра Георгиевича, являлось стремление овладеть нефтедобывающими районами Кавказа, выйти к нижнему течению Волги в районе Сталинграда и перерезать основную водную артерию нашей страны, связывающую ее центральные районы с югом.

Вместе с тем, по мнению Самохина, успешные действия немцев на юге могли создать выгодную обстановку для вступления Турции и Японии в войну на стороне коалиции агрессоров.

Мои попытки выяснить у Самохина, какими же примерно силами, в какой группировке и когда немцы смогут перейти к наступлению летом, чтобы осуществить свои намерения, оказались безуспешными, так как, вероятно, он сам не имел ясного представления по этим вопросам.

На последний вопрос, разделяет ли руководство нашего Генерального штаба и Ставка Верховного Главнокомандования такого рода прогнозы о намерениях противника, – Александр Георгиевич ответил отрицательно. Он сказал, что Генеральный штаб и Ставка по-прежнему считают, что с началом летней кампании враг возобновит генеральное наступление на Москву и попытается во что бы то ни стало овладеть столицей, иначе говоря, то, чего не удалось ему добиться глубокой осенью 1941 года, он собирается достигнуть в предстоящую летнюю кампанию».

Через несколько дней в Москву прибыли Тимошенко и Хрущев. Баграмян информировал их об общих впечатлениях, сообщил мнение генерала А.Г. Самохина. «Главком и член Военного совета направления живо реагировали на это мое сообщение, – писал И.Х. Баграмян. – Но доводы Самохина не переубедили их. Самым важным подтверждением намерений врага нанести свой основной удар по столице они считали тот факт, что наиболее многочисленная и сильная группировка

противника по-прежнему была до последних дней на московском направлении. Как бы заключая состоявшийся между нами обмен мнениями, Семен Константинович сказал:

– Если Гитлер действительно имел бы в виду с наступлением лета развернуть свое главное наступление на юге против войск нашего Юго-Западного направления, то в общей стратегической группировке немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, особенно на московском направлении, произошли бы существенные изменения, которые враг не смог бы скрыть от нашей разведки».

Сталин и Шапошников назначили прием на вторую половину следующего дня. Тимошенко поручил сделать доклад начальнику оперативной группы направления, поскольку у того были все необходимые документы, карты и расчеты, которые Баграмян знал, что называется, наизусть; знал он и все основные положения подготовленного командованием направления документа [37] .

После обсуждения плана Военного совета юго-западного направления Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба было высказано предложение разработать замысел менее масштабной наступательной операции. Ее задачей определялось освобождение Харькова и Харьковского промышленного района. Такие рекомендации объяснялись в первую очередь ограниченностью резервов, которыми располагала в то время Ставка ВГК.

Весь день 28 марта С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев и И.Х. Баграмян занимались разработкой общего замысла наступательной операции. Вечером И.В. Сталин, Б.М. Шапошников и А.М. Василевский заслушали главкома. Его замысел, хотя и ограничивался районом Харькова, опять же требовал большего количества резервов, чем могла дать Ставка. Но Сталин повторил свое указание: план наступления строго ограничить районом Харькова, не требующим для его осуществления крупных резервов. Он предупредил также, что Брянский фронт выходит из состава юго-западного направления.

На следующий день вновь пришлось сесть за разработку нового варианта Харьковской наступательной операции в духе последних требований Сталина.

В рукописи мемуаров маршала Баграмяна был абзац, не вошедший в книгу: «…Было предложено использовать охватывающее положение наших войск, занимавших барвенковский выступ, для нанесения более глубокого и решительного удара по Харькову с юга и юго-запада». А последняя фраза о том, что Брянский фронт выходит из состава юго-западного направления, заканчивалась так: «…но он получит

задачу по подготовке наступления своим левым крылом с целью облегчить Юго-Западному фронту овладение Харьковом».

Этот факт уже существенно меняет положение дел. Выходит, сама Ставка подсказала командованию направление, на котором нанести главный удар, плюс к тому Брянский фронт, по ее замыслу, должен был оказать существенную помощь. Насколько это точно, сейчас судить трудно. Как известно, подобные совещания не стенографировались. А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» вообще не вникает в детали принятия решения о предстоявших действиях фронтов юго-западного направления, не касается этого вопроса и С.М. Штеменко [38] . А Брянский фронт, как мы увидим ниже, задачи такой не получал, план наступления Юго-Западного фронта строился без учета взаимодействия с правым соседом. Очевидно, И.Х. Баграмян не случайно сделал эти сокращения.

После довольно напряженной работы, наконец, возникло основное решение, которое Баграмян отразил на карте. Вечером 30 марта оно было рассмотрено И.В. Сталиным, с участием Б.М. Шапошникова и А.М. Василевского, и получило одобрение. В предложении, адресованном Верховному Главнокомандующему, Военный совет юго-западного направления писал:

«В соответствии с Вашими личными указаниями нами разработан план действий войск Юго-Западного направления на апрель – май 1942 года.

1. Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период – овладеть г. Харьков, а затем произвести перегруппировку войск, ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково. На остальном протяжении фронта войска Юго-Западного направления должны прочно оборонять ныне занимаемые рубежи.

2. Для овладения районом Харькова, по нашим расчетам, необходимо иметь: стрелковых дивизий – 27, кавалерийских дивизий – 9, стрелковых бригад – 19, мотострелковых бригад – 3, танковых бригад – 26, артполков РГК – 25. Всего: танков – 1200, полевых орудий – 1200–1300, самолетов – 620 (из них 30 «У-2»).

Эти силы и средства, сведенные в три армии, будут развернуты на левом крыле Юго-Западного фронта на участке Топлинка, Петровка…

3. Основной замысел операции при наступлении на Харьков: нанося главный удар в обход Харькова с юга и юго-запада и вспомогательный – в обход города с севера, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника, овладеть г.

Харьков и выйти на рубеж Сажное, Томаровка, Грайворон, Екатериновка, ст. Водяная, Орчиновка-Чернеткина, Александровка, Криштановка» [39] .

Следует отметить, что на совместном совещании Ставки ВГК и ГКО маршал Б.М. Шапошников еще раз изложил мнение Генерального штаба о целесообразности перехода всей действующей армии к временной активной обороне, сосредоточения основных стратегических резервов на западном направлении и частично в районе Воронежа, где летом могут разыграться главные события. Это мнение в основном обосновывалось численным превосходством сил противника и отсутствием второго фронта в Европе. Б.М. Шапошников не согласился с предложением маршала С.К. Тимошенко о возможности проведения уже весной крупной наступательной операции силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов [40] , мотивируя свое несогласие трудностями организации подобной операции и отсутствием необходимых резервов. Однако доводы Генерального штаба не были полостью приняты во внимание. Совещание закончилось указанием Верховного Главнокомандующего подготовить и провести в ближайшее время наступательные операции в районе Харькова, в Крыму и на других участках советско-германского фронта. Переход к обороне с одновременным нанесением ударов на различных направлениях был далеко не лучшим вариантом, так как приводил к распылению сил и внимания советского командования.

Одобренные Верховным Главнокомандующим предложения командования юго-западного направления были конкретизированы в плане Харьковской наступательной операции, представленном 10 апреля 1942 г. в Ставку ВГК [41] . Планом предусматривались два этапа операции. Первый – прорыв первых двух полос обороны, разгром тактических резервов противника и обеспечение ввода в прорыв подвижных групп. Общая глубина наступления – 20–30 км, продолжительность – трое суток. Второй этап намечался продолжительностью в трое-четверо суток с продвижением наступающих войск на глубину в 24–35 км. В ходе этого этапа предстояло разгромить оперативные резервы врага, главными силами ударных группировок выйти непосредственно на подступы к Харькову, а подвижными войсками завершить окружение и в последующем разгромить остатки харьковской группировки немецких войск.

На правое крыло Южного фронта возлагалась очень ответственная задача: прочно прикрыть от ударов с юга наступление Юго-Западного фронта на харьковском направлении. Для разгрома вражеской группировки и освобождения города по

решению командующего войсками Юго-Западного фронта намечалось прорвать оборону противника на двух участках: первый – Волчанск, Великая Бабка силами 28-й армии и частью сил 21-й и 38-й армий (всего четырнадцать стрелковых, три кавалерийские дивизии, восемь танковых и одна мотострелковая бригада); второй – Верхний Бишкин, Мироновка силами 6-й армии и армейской группы генерала Л.В. Бобкина (всего восемь стрелковых, три кавалерийские дивизии, одиннадцать танковых и две мотострелковые бригады). Для непосредственной поддержки пехоты на северном участке сосредоточивались 354 танка и на южном – 206. После прорыва общевойсковыми армиями обороны противника планировалось использовать подвижные группы, которые должны были развить успех по сходящимся на Харьков направлениям. На южном участке наступления подвижная группа 6-й армии состояла из 21-го и 23-го танковых корпусов, имевших в строю в общей сложности 269 танков.

Таким образом, для наступления на Харьков привлекалось девятнадцать танковых бригад, насчитывавших в своем составе 829 танков. Правда, половину из них составляли легкие танки устаревших типов и танки «Т-60». Прорыв обороны противника и развитие успеха наступления в оперативной глубине должна была поддерживать вся фронтовая и армейская авиация. 2-й кавалерийский корпус, 277-я и 343-я стрелковые дивизии, 92-й отдельный тяжелый танковый батальон были выделены в резерв. Они располагались на смежных флангах Юго-Западного и Южного фронтов, имея одной из своих задач, в случае необходимости, поддержать боевые действия 9-й и 57-й армий Южного фронта, оборонявших южный фас барвенковского выступа.

Конкретные задачи армиям Юго-Западного фронта в предстоявшей операции были поставлены в первых числах апреля. Тогда же командующий войсками Южного фронта генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, член Военного совета Л.Р. Корниец и начальник штаба фронта генерал А.И. Антонов были вызваны в Воронеж и лично от главкома получили полную информацию о предстоявшем наступлении на Харьков, а также конкретные задачи войскам фронта. Особое внимание маршал Тимошенко уделил вопросам прочного обеспечения правым крылом Южного фронта наступления левого, ударного, крыла Юго-Западного фронта.

6 апреля, по возвращении в свой штаб, генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский издал оперативную директиву [42] . В ней указывалось, что в полосе действий фронта, на красноармейском и славянско-краматорском направлениях, противник усиливает

свою группировку за счет подвоза пополнения из глубины и переброски сил с других участков, а потому существовала возможность его активных действий на барвенковском направлении. Отмечалось, что основная задача фронта – «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении, левым крылом прикрывая ворошиловградское и ростовское направления». Обеспечение наступления войск Юго-Западного фронта на Харьков возлагалось на 57-ю и 9-ю армии.

Готовя наступательные операции, советское командование не могло игнорировать поступавшие сведения о подготовке противника к активным действиям. Поэтому на юго-западном направлении в тылу Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов началось строительство оборонительных рубежей. 21 апреля была отдана директива о создании северо-кавказского направления с подчинением ему Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского округа, Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

В первых числах мая, получив дополнительные данные о противнике, Ставка внесла серьезные коррективы в свои планы. 6 мая она отдала Крымскому фронту приказ прочно закрепиться на занимаемых рубежах. Спустя сутки Калининский, Западный, Брянский, Юго-Западный и Южный фронты получили директивы, в которых требовалось осуществить прикрытие некоторых участков фронта небольшими силами, с тем чтобы освобождающиеся силы и средства сгруппировать в армейских и фронтовых резервах и подготовить их к участию в предстоявших наступательных операциях, а также к отражению контрударов врага. С этой целью Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ «немедленно приступить к развитию полевых укреплений на занимаемых позициях войсками каждого фронта на глубину дивизионной оборонительной полосы (10–12 километров), инженерные работы произвести с таким расчетом, чтобы батальонные районы были готовы не позже 15 мая 1942 года не только по переднему краю, но и в глубине» [43] . Что касается Юго-Западного фронта, то, хотя он также имел задачу готовить оборону, с него не снималось проведение Харьковской наступательной операции.

Большое внимание уделялось стратегическим резервам, которые располагались так, чтобы они могли быть использованы (в зависимости от обстановки) как на юго-западном направлении – и для отражения возможного удара врага, и для перехода в наступление, так и на западном – для надежного обеспечения

района Москвы. Основные силы резервов сосредоточивались в районах Тулы, Воронежа, Сталинграда, Саратова, откуда они могли быть быстро выдвинуты на то или иное угрожаемое направление. Между этими двумя направлениями были распределены и все маршевые пополнения действующей армии.

Таким образом, преобладала более реалистическая оценка обстановки, и в первой декаде мая Ставка Верховного Главнокомандования приняла более целесообразное решение – все фронты, кроме Ленинградского, Северо-Западного и Юго-Западного, переходят к прочной обороне. И только три фронта должны были проводить запланированные наступательные операции – в районах Любани, Демянска и Харькова.

В итоге можно считать, что план весенне-летней кампании в целом соответствовал общим замыслам на очередной, ответственный этап войны, имея в своей основе активные действия. Вторая часть плана намечала переход советских Вооруженных сил летом 1942 г. в наступление на одном из стратегических направлений. Она была разработана в весьма общих чертах, более подробное планирование операций ставилось в зависимость от результатов военных действий весной.

Не менее активно готовилось к летней кампании и главное командование вермахта. Во второй половине дня 28 марта начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер подъезжал к месту расположения ставки Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово»), укрытой в лесах близ восточно-прусского города Растенбург. Офицер-порученец держал на коленях папку. В этот момент она была, пожалуй, самой драгоценной папкой в мире. В ней находился план войны немецкого генерального штаба на 1942 г.

Гальдер еще раз обдумывал основные положения этого документа, в котором были воплощены идеи, мысли и желания главнокомандующего сухопутными войсками и верховного главнокомандующего вермахта – Гитлера. Сердцевина этого плана – крупное наступление на южном участке Восточного фронта, нацеленное на Кавказ. Цель: уничтожить главные силы русских, расположенные между Донцом и Доном, захватить основные кавказские перевалы, затем богатые нефтяные районы на Каспийском море [44] .

И хотя напряженная и длительная работа была завершена, Гальдера не покидали сомнения. Положение на Восточном фронте сложное. Не отражено наступление 2-й ударной армии под Волховом, еще находятся в окружении 2-й корпус под Демьянском и группа Шерера в районе Холма. В районе Дорогобуж, Ельня в тылу группы армий «Центр» оперируют части

33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов, а севернее – 39-я армия и 9-й кавалерийский корпус русских создали опасный выступ западнее Сычевки. Манштейн увяз со своей 11-й армией под Севастополем, и русские захватили часть Керченского полуострова, а под Харьковом с трудом удалось остановить наступление войск Тимошенко, но угроза его возобновления оставалась.

Но как бы то ни было, командование вермахта, готовясь к летней кампании, ставило перед своими вооруженными силами далеко идущие военно-политические цели. Оно не сняло с повестки дня основную цель Восточного похода – «разбить Советскую Россию», сформулированную в плане «Барбаросса».

В беседе с японским послом Осимой 3 января 1942 г. Гитлер заявил: «Советы уже в следующее лето будут разгромлены. Спасения им больше нет. Лето будет решающей стадией военного спора. Большевиков отбросят так далеко, чтобы они никогда не могли касаться культурной почвы Европы… Я намереваюсь пока в центре фронта не проводить наступательных операций. Моей целью будет наступление на южном фронте. Я решил, как только улучшится погода, снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление – важнейшее. Нужно выйти к нефти, к Ирану и Ираку… Конечно, кроме того, я позабочусь о том, чтобы уничтожить Москву и Ленинград» [45] .

Об этом же Гитлер говорил и 3 апреля в беседе с Антонеску. «В это лето (1942 г.), – информировал он, – я решил продолжать как можно глубже преследование для окончательного уничтожения русских. Американская и английская помощь не будет эффективна, так как новые поражения русских приведут к потере связи с внешним миром. Они потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют».

«В общих рамках войны, – писал в свое время фельдмаршал Паулюс, – летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие провал поздней осенью 1941 года, а именно: довести войну на Востоке до победного конца, т. е. добиться целей нападения на Россию вообще. Тем самым существовала надежда решить исход войны» [46] .

Следовательно, идея решительного наступления была доминирующей в тогдашних планах вермахта. «Весной 1942 года, – отмечал «мастер танковых ударов» Г. Гудериан, – перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться. Переход к обороне был бы признанием собственного поражения в кампании 1941 года и лишил бы нас шансов на успешное продолжение и

окончание войны на Востоке и на Западе. 1942 год был и последним годом, в котором, не опасаясь немедленного вмешательства западных держав, основные силы немецкой армии могли быть использованы в наступлении на Восточном фронте. Оставалось решить, что следует предпринять на фронте длиной три тысячи километров, чтобы обеспечить успех наступлению» [47] .

Подготовку к решению этой задачи немецкое командование начало еще зимой 1941/42 г. Чтобы сохранить выгодные исходные позиции для будущего наступления, Гитлер категорически запретил отвод войск за Днепр и потребовал любой ценой удерживать позиции под Ленинградом, в районах Демянска, Ржева и Вязьмы, Орла, Курска и в Донбассе. Тогда же началось планирование кампании. Уже в директиве ОКВ № 39 от 8 декабря 1941 г. говорилось о создании предпосылок для успешного проведения «наступательной операции против Кавказа» [48] . «Планируя летнее наступление 1942 года, – отмечает Курт Цейтлер, в то время начальник штаба группы армий «А» (в последующем – начальник генерального штаба сухопутных войск. – *Авт.*), – Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ. Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена, и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию» [49] .

Наиболее четко и полно общие цели германского командования в летней кампании 1942 г. были изложены в директиве № 41 от 5 апреля. В ней говорилось: «Как только условия погоды и местность будут благоприятствовать, немецкое командование и войска, используя свое превосходство, вновь должны захватить в свои руки инициативу и навязать противнику свою волю. Цель состоит в том, чтобы окончательно уничтожить живую силу, еще оставшуюся в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров. Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении германских вооруженных сил и вооруженных сил союзников» [50] .

К решению же о том, на каком участке Восточного фронта

сосредоточить основные усилия, где нанести главный удар, Гитлер пришел не сразу, хотя, как мы видим, уже имел определенное мнение на этот счет. А вот у германского генералитета единого мнения не было. И с этим приходилось считаться.

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал Кюхлер, к примеру, предлагал отказаться от захвата Кавказа и на первом этапе летней кампании все усилия сосредоточить на северном участке советско-германского фронта с целью захвата Ленинграда [51] . Представители же генерального штаба сухопутных войск, в том числе и генерал-полковник Гальдер, как это следует из записи, сделанной им 4 мая в дневнике [52] , продолжая считать наиболее важным московское направление, настаивали на проведении решающего наступления на центральном участке фронта в полосе группы армий «Центр» с целью разгрома наиболее сильной группировки советских войск, захвата Москвы и центрального промышленного района. Сторонники этого варианта плана полагали, что его успешное завершение предопределит исход не только всей летней кампании, но и войны в целом.

Однако Гитлер не соглашался ни с первым, ни со вторым предложением. Он, отмечает известный английский историк А. Кларк, «имел совершенно четкое представление, что собирается предпринять летом 1942 года. Он намеревался раз и навсегда разгромить русских, уничтожив их вооруженные силы на юге страны, захватить наиболее важные экономические районы СССР, а затем решить: следует ли наступать на север в тыл Москвы или на юг в направлении нефтяных районов Баку. Но вместо того, чтобы с самого начала прямо и твердо поставить эту цель перед генеральным штабом ОКХ, он излагал свои стратегические идеи чрезвычайно осторожно, с оглядкой. В результате, хотя план летних операций и был постепенно выработан, Гитлер и генеральный штаб ОКХ толковали его неоднозначно. Эти разногласия так и не были устранены, и их происхождение и история важны для понимания хода битвы за Сталинград и ее катастрофического исхода» [53] .

Сложность проблемы выбора направления главного удара отмечал и генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс. 8 августа 1948 г. он заявил: «1941 год, как известно, кончился для немецкого командования неудачей. Перед Гитлером возникла дилемма – либо преследовать опять цель занятия Москвы, либо начать наступление на юг; он остановился на последней задаче. Весной 1942 года главным направлением с оперативной точки зрения продолжало оставаться московское. Однако для широкого

наступления на Москву не было экономического базиса, и немецкое командование решило поэтому предпринять наступление на юге, чтобы создать эту предпосылку. Гитлер решил обеспечить экономическую базу за счет захвата Донбасса, Кубани, Кавказа, за счет захвата руды, нефти и хлеба. Именно экономические цели заставили временно отказаться от наступления на Москву, хотя Москва оставалась главной оперативной целью».

Причиной отказа верховного командования вермахта начать летнюю кампанию наступлением на московском направлении стало не только стремление решить в первую очередь экономические задачи. Оно не могло не учитывать невыгодного оперативного положения войск группы армий «Центр», фланги которой охватывались советскими войсками, а коммуникации подвергались ударам партизан и советских частей, действовавших в тылу врага. У немецкого командования были свежи в памяти уроки неудачного наступления на Москву в 1941 г. Оно, видимо, учитывало, что немецкие войска нигде не встретят столь сильного сопротивления и такой мощной обороны, как под Москвой. Было и еще одно обстоятельство, которое позднее отметил Кессельринг. Гитлер «инстинктивно страшился идти тем же путем, каким шел Наполеон. Москва оказывала на Гитлера какое-то жуткое воздействие – он опасался именно там вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть с большевизмом».

На юге же Красная Армия имела меньше сил, чем в центре. Открытая ровная местность благоприятствовала широкому использованию бронетанковых соединений и авиации, к тому же общее начертание линии фронта создавало выгодное положение для охвата и окружения южной группировки советских войск. Туда же можно было быстрее подтянуть войска из Румынии, Венгрии и Италии, а также части 11-й армии после завершения ими операции в Крыму. Захват Донбасса, Кубани, Нижней Волги и Кавказа серьезно ослабил бы военно-экономическую базу СССР, лишил бы его возможности поддерживать связь с союзниками через Иран. Овладев Кавказом, германское руководство надеялось втянуть в войну против Советского Союза Турцию.

Такова была обстановка к вечеру 28 марта, когда путь автомашине Гальдера преградил шлагбаум ворот № 1 заграждений, окружавших «Волчье логово» – «смеси концлагеря и монастыря», как однажды назвал гитлеровскую ставку ближайший сподвижник фюрера генерал Йодль.

Через час началось специальное совещание, на котором и был окончательно принят план летнего наступления. Присутствовавший на нем заместитель начальника штаба

оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник Вальтер Варлимонт впоследствии писал: «…Гитлер, невзирая на постигшие немцев неудачи, вновь возвратился к своей основной идее, которой он придерживался в декабре 1940 года и летом 1941 года. Он снова хотел сосредоточить основные усилия на крайних флангах широко растянутого фронта. Разница состояла лишь в том, что большие потери, которые понесла сухопутная армия и которые не удалось целиком восполнить, вынуждали его ставить перед собой последовательно одну цель за другой, начиная с южного участка, с Кавказа. Москва как цель наступления… пока совершенно отпадала» [54] .

Позднее это решение было оформлено в директиву верховного командования № 41 от 5 апреля 1942 г.: «…В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет». Здесь же решился и вопрос о последовательности достижения целей предстоявшей кампании.

Фельдмаршал Кейтель, говоря о намерениях немецкого командования на лето 1942 г., указывал, в частности, что целью главного наступления на юге являлось: «Выключить Донбасс из военно-экономического баланса России, отрезать подвоз нефти по Волге, захватить главные базы нефтяного снабжения, которые, по нашей оценке, находились в Майкопе и Грозном. Выход на Волгу не планировался сразу на широком участке; предполагалось выйти в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр – Сталинград… Вся операция на южном участке фронта должна была закончиться крупным окружением всей юго-западной и южной групп Красной Армии, которые охватывались нашими группами армий «А» и «Б». До начала «главной» операции немецкое командование решило провести ряд частных операций с целью улучшения своего оперативного положения…» [55]

Прежде всего, командование противника считало необходимым очистить от советских войск Керченский полуостров и захватить Севастополь, чтобы освободить 11-ю армию и использовать Керченский полуостров в качестве плацдарма для вторжения на Северный Кавказ через Керченский пролив. Затем группа армий «Юг» должна была уничтожить советские войска, занимавшие плацдарм на правом берегу Северского Донца в районе Барвенкова, выровнять линию фронта по правому берегу этой реки, создав выгодные исходные позиции

для последующего развертывания крупного наступления в восточном и юго-восточном направлениях. На западном и северо-западном направлениях предусматривалось разгромить глубоко вклинившуюся в расположение немецких войск 39-ю армию Калининского фронта и предпринять специальную операцию против частей Красной Армии и партизан, действовавших в тылу немецких войск в районе Дорогобужа. После выполнения этих задач противник намеревался нанести поражение основным силам Калининского фронта, выровнять на этом участке линию фронта и устранить тем самым угрозу прорыва советских войск в тыл группе армий «Центр» с северо-запада. Затем срезать выступ Западного фронта на участке Юхнов, Киров, Волхов и разгромить занимавшие его войска (соответственно – операции «Ганновер I» и «Ганновер II», «Ориан» («Ураган»). Этими двумя последними операциями немецкое командование предполагало подготовить условия для удара на Москву.

Чтобы скрыть подготовку крупного наступления на южном крыле Восточного фронта и ввести советское командование в заблуждение, штаб сухопутных войск разработал план демонстрационной операции «Кремль», цель которой – создать видимость сосредоточения основных сил вермахта на московском направлении. Главную же операцию летней кампании 1942 г., исходя из директивы № 41, германское командование намеревалось осуществить путем проведения ряда последовательных операций, взаимно связанных между собой и дополняющих одна другую. Началом операции должно было стать наступление группы армии «Б» (2-я, 4-я танковые, 6-я немецкая и 2-я венгерская полевые армии) на воронежском направлении. Основной ее замысел сводился к нанесению удара по сходящимся направлениям: из районов северо-восточнее Курска и восточнее Харькова с целью окружения и уничтожения советских войск, действовавших на воронежском направлении, и захвата Воронежа.

В дальнейшем танковые и моторизованные соединения должны были развивать наступление вдоль Дона на юг и соединиться в районе Сталинграда с войсками, наступавшими из района Таганрог, Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом в восточном направлении. Следовательно, в ходе этой операции, получившей кодовое наименование «Блау», основные силы групп армий «А» и «Б» направлялись на Сталинград. В результате немецкое командование рассчитывало завершить разгром всего южного крыла советских войск, овладеть плацдармами на южном берегу Дона в его нижнем течении для последующего развития наступления на Кавказ, а также захватить

Сталинград. Наступление на воронежском направлении и в Донбассе представляло единую стратегическую операцию.

Рассматривая планы немецкого командования на лето 1942 г., следует остановиться еще на одном вопросе. В упоминаемой директиве № 41 есть указание на то, что оборонительные позиции, создаваемые по правому берегу Дона для обеспечения северо-восточного фланга главной ударной группировки своих войск, должны быть оборудованы «с учетом возможного их использования в зимних условиях». Это имело определенный смысл. Дело в том, что, хотя с захватом района нижнего течения Волги и Кавказа командованию вермахта и удалось бы добиться крупных стратегических результатов, тем не менее это не приводило к разгрому советских Вооруженных сил. Такую задачу нельзя было решить, не разгромив центральную, наиболее мощную, группировку советских войск, не овладев центральным промышленным районом. О том, что такая идея существовала у немецкого верховного командования, свидетельствуют показания, данные на допросе 17 июня 1945 г. генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Он говорил, что «… предполагалось, в случае успеха в изоляции Москвы от юга, предпринять поворот крупными силами к северу (при таком условии, что наши союзники взяли бы на себя р. Дон). Я затрудняюсь назвать какие-либо сроки для проведения этой операции» [56] . Кейтель не дает прямого ответа, на какое время намечалось наступление на московском направлении. Германскому командованию потребовалось бы значительное время, чтобы перегруппировать войска с юга на центральное направление, подтянуть дополнительные резервы и подготовиться к новому крупному наступлению. Однако ясно, что оно после овладения Сталинградом, Кавказом и Ленинградом рассчитывало сосредоточить основные усилия на центральном участке фронта.

Итак, цель и замысел кампании на Востоке немецкое руководство сводило к тому, чтобы, «…сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ» [57] . Решение этих задач предполагалось достичь последовательно. Вначале необходимо было создать условия для проведения «главной операции» на южном участке Восточного фронта, то есть улучшить свое оперативное положение, а для этого в течение весны овладеть Керченским полуостровом, Севастополем, срезать барвенковский выступ советских войск, ликвидировать их плацдарм северо-западнее Новгорода, выровнять линию фронта на московском

направлении.

Подготовка наступления на южном крыле Восточного фронта началась ранней весной. Командование группы армий «Юг» с первых дней апреля начало усиленно готовить свои войска, чтобы уже в следующем месяце нанести удар по соединениям Юго-Западного фронта, находившимся в барвенковском выступе и в районе Волчанска. Эта операция получила условное наименование «Фридерикус-I». Ее начало намечалось на 18 мая. Войскам группы армий «Юг» предстояло также принять активное участие во вторжении на Кавказ и отчасти в прорыве к Волге у Сталинграда, поэтому группа в быстром темпе пополнялась личным составом, вооружением и боевой техникой. Все пехотные дивизии укомплектовывались до полного штатного состава – 14–15 тыс. человек. Количество боевых машин в каждой танковой дивизии было доведено до 170–185 единиц. К началу операции за счет резервов войска этой группы армий были дополнительно усилены одиннадцатью дивизиями, из них пять (три пехотные и две танковые) находились в районе Харькова против войск Юго-Западного фронта. Значительное пополнение боевыми самолетами получили немецкие Люфтваффе. К началу мая они имели в своем составе 1220 боевых самолетов [58] .

Наряду с этим командование вермахта провело ряд важных организационных мероприятий. В частности, первым адъютантам командующих армиями, которые занимались кадровыми вопросами, было поручено установить, соответствуют ли своим должностям командиры частей и подразделений. В докладе, направленном управлению кадров, изложить положение вещей и представить свои соображения, как использовать в дальнейшем не оправдавших надежды командиров и рекомендовать кандидатов на их место, по возможности из соответствующей армии. В каждой армии перед началом наступления был создан резерв командного состава из офицеров всех званий [59] .

Как свидетельствуют немецкие документы и показания командующего 6-й армией Ф. Паулюса, цель этого наступления состояла в захвате важного оперативно-стратегического района, который предполагалось использовать в качестве исходного плацдарма «главной операции». Позднее Паулюс писал: «Эта операция должна была в первую очередь устранить непосредственную опасность коммуникациям немецкого южного фланга в районе Днепропетровска и обеспечить удержание Харькова с разместившимися там большими складами и лазаретами 6-й армии. Далее, необходимо было овладеть местностью западнее реки Северский Донец, юго-восточнее Харькова для последующего наступления через эту реку на

восток» [60] . Проведение операции «Фридерикус-I» возлагалось на 6-ю армию и армейскую группу «Клейст» (1-я танковая и 17-я армии, 35 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных).

Барвенковский выступ противник решил ликвидировать ударом по сходящимся направлениям силами двух группировок: первая – 6-я армия, которая переходила в наступление из района Балаклеи на юг; вторая – армейская группа «Клейст», наступавшая из района Славянск, Краматорск в северо-западном направлении. В ходе подготовки операции немецкая группировка на харьковском направлении была значительно усилена. К 12 мая Юго-Западному фронту противостояло 17 дивизий, а Южному – 34 (из них непосредственно 57-й и 9-й армиям – 13 дивизий). Общее соотношение сил и средств на юго-западном направлении было невыгодным для советской стороны. В танках силы были равны, а по количеству людей противник превосходил в 1,1 раза, в орудиях и минометах – в 1,3 раза, в самолетах – в 1,6 раза. Только в полосе наступления Юго-Западного фронта удалось достичь полуторного превосходства в людях и немногим более чем двукратного в танках, среди которых было много легких, со слабой броней и вооружением. По артиллерии и авиации силы сторон были примерно одинаковыми, но враг обладал подавляющим количественным и качественным превосходством в бомбардировщиках.

Глава 3 Юго-Западный к наступлению готов

На 4 мая 1942 г. был намечен переход в наступление (потом, правда, пришлось вносить коррективы), а непосредственная подготовка к нему войск юго-западного направления началась с середины апреля. Ей предшествовал ряд организационных мероприятий. С 8 апреля С.К. Тимошенко, оставаясь главкомом направления, вступил в командование Юго-Западным фронтом. Генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко стал его заместителем, И.Х. Баграмян сменил на посту начальника штаба фронта генерала П.И. Бодина, назначенного заместителем начальника Генерального штаба.

Произошли изменения и в составе командований армий. 28-ю возглавил генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, 38-ю – генерал-майор К.С. Москаленко. В 57-ю армию, которая вошла в полосу Южного фронта, командармом был назначен генерал-лейтенант К.П. Подлас. Своеобразную характеристику дал ему в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев: «Это был очень интересный человек и с интересной судьбой. Его жизнь сложилась трагично… Во время Хасанских событий он находился на Дальнем Востоке и действовал там против японцев. Ему не повезло: приехал туда Мехлис, и Мехлису он не понравился: тот посчитал его предателем и изменником. Его сняли с должности и посадили в тюрьму. Выпустили его, когда началась война. К нам он явился, когда мы еще были в Киеве. Он пока не был переаттестован и носил форму с ромбами на петлицах. Сначала, когда он представился и назвал свою фамилию, я спросил, кто он по национальности? Дело в том, что фамилией недостаточно была выражена его национальность. «Я украинец из Брянской области», – отвечает. Мы его использовали сначала для поручений. Он очень организованный человек: куда его ни посылали, он всегда толково разбирался в деле и произвел очень хорошее впечатление. В результате его назначили командующим 57-й армией. Армия эта была укомплектована неплохо, потому что к моменту ее формирования мы получили для нее дополнительно дивизию и несколько маршевых рот и батальонов» [61] .

Как мы уже упоминали, в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев не всегда точен. Но высказанная им характеристика Подласа совпадает с мнением других людей. Кузьма Петрович Подлас – участник Первой мировой и Гражданской войн. В Красной Армии

командовал стрелковым полком, дивизией, корпусом, закончил курсы «Выстрел» и курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. Перед войной был заместителем командующего войсками Киевского Особого военного округа. В июне 1941 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Вскоре он стал командующим 40-й армией, которая вела тяжелые оборонительные бои в августе – сентябре в Коростенском и Киевском укрепленных районах, в октябре – на харьковском и сумском, а в конце 1941 г. – на воронежском направлениях.

Все, кому приходилось работать с этим человеком, отмечали его высокие моральные, чисто человеческие и профессиональные качества. Н.Г.Лященко, который в ту пору командовал 106-й стрелковой дивизией (впоследствии – генерал армии. – *Авт* .), в своих воспоминаниях подчеркивал его простоту и доступность: «…Чудесный, с большим военным опытом человек, появлялся в дивизии, как правило, без звонка и обычно не в штабе, а в каком-либо из полков… Кузьма Петрович подробно расспрашивал батальонных и ротных командиров о системе огня, интересовался организацией наблюдения, связи, поведением противника… с людьми держался просто и непринужденно. Интересовался нашим бытом» [62] .

При подготовке наступления требовалось решить немало сложных задач. Одна из них – большая по объему перегруппировка войск, создание скрытно от противника ударных группировок. Кроме того, необходимо было выработать решение во всех звеньях управления, поставить задачи исполнителям, организовать надежное огневое поражение врага. Неослабного внимания требовали вопросы формирования, в частности 28-й армии, доукомплектования соединений, частей и подразделений. Немало сложностей было в вопросах материально-технического обеспечения предстоявших действий.

Войска обоих фронтов в зимних наступательных операциях понесли большие потери в людях, вооружении, боевой технике. В начале марта Юго-Западный фронт был укомплектован личным составом на 62,5 %. Некомплект составлял 143 028 человек. Станковыми пулеметами части были обеспечены всего на 18 % (не хватало 2713), ручными – на 22,5 % (недостаток 22 260), противотанковыми орудиями – на 22,9 % (некомплект 712). Из положенных 394 танков имелось 247, причем их значительная часть находилась в ремонте. Недоставало 253 трактора, 3522 автомашины и т. д. [63] Примерно такое же положение создалось и на Южном фронте – там укомплектованность личным составом достигала чуть более 60 %, станковыми пулеметами – 28,4,

противотанковыми орудиями – 24,1, танками – 71,7, автомашинами – 50,7 % [64] .

Восполнить в сравнительно короткое время такой огромный некомплект было очень сложно, и командование юго-западного направления рассчитывало на помощь Ставки ВГК в пополнении соединений личным составом до 80 % их штатной численности [65] . Трудно, конечно, было надеяться и на получение 36,5 тыс. лошадей [66] , 4331 станкового пулемета, 971 120-мм миномета, 1914 противотанковых орудий [67] и многого другого. Плохо обстояло дело с имуществом связи – одних радиостанций требовалось 23 648 [68] , многие тысячи единиц телефонных аппаратов, коммутаторов, тысячи километров телефонного кабеля и т. д.

Кроме того, необходимо было не только пополнить, но и усилить авиацию, и прежде всего бомбардировочную. Расчеты показывали – нужно 573 самолета [69] . Танкистам недоставало 281 машины [70] .

Требовались, разумеется, и соответствующие резервы – стрелковые дивизии, танковые бригады, артиллерийские полки РВГК, инженерные и мостостроительные батальоны, дорожно-эксплуатационные полки. А кроме того – снаряды, патроны, горючее, продовольствие, запасные части к боевой и транспортной технике, медикаменты и перевязочный материал, фураж для десятков тысяч лошадей и многое, многое другое.

На органы тыла и снабжения легла огромная нагрузка. Все это надо было не только получить, разместить и организовать хранение, но и доставить в войска. Органами центра и соответствующими органами фронтов была проделана большая работа, однако многого выполнить до конца так и не удалось.

Так, согласно распоряжению Ставки ВГК для фронтов юго-западного направления предусматривалось сформировать четыре танковых корпуса – за счет танковых бригад, имевшихся в распоряжении главкома [71] . Практически же было создано всего три. 8 мая, когда стало ясно, что создать необходимые резервы в полосе Юго-Западного фронта невозможно, последовало распоряжение главкому направления и командующему войсками Южного фронта: «В целях создания резервов и образования ударных кулаков для использования их нами на желаемых направлениях в наступательных действиях Ставка Верховного Главного Командования считает целесообразным прикрыться на некоторых участках нашего общего фронта меньшими силами с тем, чтобы сгруппировать освобождающиеся силы и средства в армейских и фронтовых резервах и подготовить их к участию в предстоящих наших наступательных операциях, а также к

контрударам на случай неожиданного наступления противника» [72] .

Чтобы компенсировать ослабление фронта, предлагалось немедленно приступить к развитию полевых укреплений на занимаемых войсками Южного фронта рубежах на глубину дивизий первого эшелона (до 10–12 км) с готовностью батальонных районов обороны не позднее 15 мая. Однако времени для этого оставалось мало. Выполнить намеченное должным образом не удалось.

Стремясь максимально усилить ударные группировки, маршал С.К. Тимошенко еще в апреле изъял из состава армий Южного фронта ряд частей. Так, командующий 9-й армией генерал-майор Ф.М. Харитонов получил распоряжение направить в 6-ю армию три артиллерийских полка РВГК [73] . Впоследствии, когда противник нанесет мощный удар по 9-й армии, слабость ее артиллерии самым негативным образом скажется на ходе и исходе боев. 10 апреля командующий войсками Южного фронта по приказу главкома начал отправку на Юго-Западный фронт 244-й и 266-й стрелковых дивизий, двух гаубичных и двух пушечных артиллерийских полков [74] . Это также будет иметь негативные для Южного фронта последствия.

Нельзя сказать, что, готовясь к наступлению и рассчитывая на его успех, командование направления не исключало контрмер или даже упреждающего удара со стороны противника, особенно со стороны Славянска, где располагались танковые и моторизованные дивизии армейской группы «Клейст». И Тимошенко, и Малиновский хорошо знали, с кем имеют дело. Ее командующий – Э. Клейст – являлся одним из опытнейших немецких военачальников. За его плечами уже насчитывалось более пятидесяти лет военной службы. Дивизии Клейста прошли по Польше, Франции, Югославии. Его 1-я танковая группа (затем армия) была главной ударной силой врага на южном крыле советско-германского фронта. Впоследствии с ноября 1942 г. Клейст возглавит группу армий «А» (1-я танковая и 17-я полевая армии).

Да и сведения, которые добывала разведка, свидетельствовали о том, что противник проявляет заметную активность в своем тылу перед правым крылом Южного фронта. И туда поступило указание, подписанное И.Х. Баграмяном: «Усилить действия войсковой разведки с тем, чтобы непрерывно иметь данные о частях противника, действующих на фронте. Добиться в каждые 2–3 дня захвата контрольных пленных на участке каждой стрелковой дивизии, особенно на важнейших направлениях: лозовском, красноармейском, славянском,

ворошиловском, куйбышевском, ростовском…» [75]

А 16 апреля Военный совет направления уже прямо потребовал от разведки Южного фронта: «Вскрыть подготовительные мероприятия противника к возможному переходу в наступление весной и установить начало и характер перегруппировки войск противника перед фронтом.

Следить за подходом свежих резервов противника из глубины к линии фронта, установить районы сосредоточения этих резервов и вскрыть подготавливаемое противником направление главного удара.

Следить за подвозом всех видов снабжения и особенно за поступлением новых образцов артиллерии, танков и стрелкового оружия.

Следить за мероприятиями противника по восстановлению танковых соединений, за их, возможно, новой организацией, новыми методами применения танков на поле боя» [76] .

Неправильно было бы считать, что разведке удалось решить поставленные задачи, однако полученные сведения все же позволяли сделать вывод: противник готовится к наступлению. Особенно это было заметно на смежных флангах 9-й и 57-й армий, то есть там, где его удара больше всего и следовало опасаться. Однако реакция С.К. Тимошенко была весьма своеобразной. Он не придал этим сообщениям должного значения, считая их в значительной мере дезинформацией.

Это не было случайным. Успехи зимнего наступления советских войск у значительной части командного и политического состава породили настроения благодушия и излишней самоуверенности; широкое распространение получило мнение о том, что немцы, мол, после тяжелых поражений не в состоянии проводить широкомасштабные наступательные операции и не смогут добиться того, что им удалось в сорок первом году. Немалую роль сыграла и установка И.В. Сталина «о полном разгроме немецко-фашистских захватчиков в 1942 году». Это, естественно, не могло не коснуться и главкома, и командующих армиями.

Н.Г. Лященко вспоминает, как бойцы и командиры, пробиравшиеся через линию фронта из вражеского окружения, сообщали, что в Славянске и других городах противник срочно ремонтирует танки, их боевыми машинами забиты цеха недействующих заводов. Когда он доложил об этом командующему 9-й армией Ф.М. Харитонову, тот заявил, что в ближайшее время немецкие войска не способны к наступлению – у них недостаточно сил для активных действий. А что касается «окруженцев», то их сведения, мол, надо брать под сомнение: не

исключено, что кое-кто заслан немцами. В свою очередь командарм кратко проинформировал Н.Г. Лященко о нашем предстоявшем большом наступлении.

Разумеется, далеко не все придерживались подобного мнения. В конце апреля, когда 57-я армия двинулась в направлении Лозовой, а ее место заняла 9-я армия, у того же Н.Г. Лященко состоялся разговор с командармом К.П. Подласом, который мы приводим дословно: «…Николай Григорьевич, на прощание (в тот момент 106-я стрелковая дивизия, которой командовал Лященко, передавалась в 9-ю армию. – *Авт.*) хочу тебе дать совет, не посчитай его за назидание молодому комдиву. От чистого сердца говорю. Не нравится мне, что за последнее время, не знаю с чьего легкого словца, пошла молва о том, что, мол, немцев мы уже разгромили под Ростовом, Москвой и т. д. Теперь шапками забросаем врага. Не дай себе утвердиться в этой мысли. Фашисты еще сильны. И воспользуются малейшим просчетом… Дороги вот-вот начнут подсыхать, как бы фашисты не двинулись в новое наступление. По сведениям разведки, они усиленно начали подготовку техники в тылах. Не дай противнику застать себя врасплох» [77] .

Надо полагать, что своими мыслями К.П. Подлас делился не только с подчиненными ему командирами.

Примерно в середине апреля Военный совет Юго-Западного фронта решил для лучшего уяснения поставленных армиям задач провести в Купянске, в штабе 38-й армии, совещание с участием командующих армиями, членов военных советов армий, командиров кавалерийских и танковых соединений и начальников родов войск фронта. На нем были подробно освещены итоги зимнего наступления войск фронта, дана оценка создавшейся к весне оперативно-стратегической обстановки на самом юго-западном направлении, уяснены основные цели Харьковской операции и поставленные перед войсками Юго-Западного фронта задачи.

Участник этого совещания, командующий 38-й армией К.С. Москаленко (кстати, он указывает, что совещание состоялось в двадцатых числах марта, но, скорее всего, И.Х. Баграмян более точен. Каких-либо документов о совещании пока не обнаружено. – *Авт.*), вспоминает: «Открывая заседание, маршал С.К. Тимошенко подчеркнул, что в результате поражений, нанесенных немецко-фашистским войскам в ходе зимней кампании, инициатива боевых действий захвачена Красной Армией. Далее он обратился к ситуации на юге и охарактеризовал ее как выгодную для Красной Армии. В течение зимы, говорил он, главное командование Юго-Западного

направления навязывало свою волю противнику, выбирало место и время нанесения ударов. Главнокомандующий отметил, что хотя наступление на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в январе – феврале и в марте не достигло поставленных целей, так как проводилось ограниченными силами, тем не менее врагу нанесен чувствительный урон. Кроме того, эти операции способствовали занятию выгодных исходных рубежей для ликвидации харьковской группировки противника. Затем маршал Тимошенко сказал, что уже в ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы, и в связи с этим предложил подвести итоги зимней кампании и наметить план боевых действий на весенне-летний период 1942 года» [78] .

И.Х. Баграмян проанализировал сложившуюся обстановку и сделал вывод: харьковская группировка противника не могла начать активных боевых действий до прибытия значительного пополнения личным составом и материальной частью, восстановления оперативного построения войск и подхода крупных оперативных резервов. Детализировав высказанное маршалом Тимошенко убеждение в том, что лишь с наступлением тепла немецкие войска начнут активные действия, начальник штаба сообщил: по данным, поступившим из различных источников, противник начал сосредоточение резервов, в том числе значительного числа танков, в районах восточнее Гомеля, Кременчуга, Кировограда и Днепропетровска, что подтверждало его намерение предпринять весной решительные наступательные действия. Об этом же свидетельствовали показания пленных.

Сделав вывод, что вражеское командование может начать активные действия в середине мая, Баграмян охарактеризовал противоборствующие силы на юге советско-германского фронта. Наши войска, по его мнению, имеют большие преимущества и поэтому должны упредить врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения Днепра.

Москаленко указывает в мемуарах, что и он, и другие командармы выражали сомнение в возможности осуществления широкомасштабных наступательных планов. Баграмян же в свою очередь утверждает обратное: «Участники совещания, в том числе и все без исключения командующие армиями, встретили с полным единодушием решение провести операцию по освобождению Харькова от немецко-фашистских оккупантов».

Как бы то ни было, по версии К.С. Москаленко, члены Военного совета, настроенные оптимистически, постарались рассеять сомнения некоторых командиров, заверив, что операции на намечаемую большую глубину будут планироваться последовательно, дивизии получат недостающее пополнение и

вооружение, для обучения личного состава отводится необходимое время. Танков будет достаточно и для непосредственной поддержки пехоты, и для создания подвижных ударных групп. Н.С. Хрущев заявил, что сам Сталин поставил перед войсками фронта задачу, и это уже является гарантией успеха.

Отсюда командармам нетрудно было сделать вывод, что возложенная на них задача связана с широкомасштабными планами Ставки и, возможно, имеет особое значение для всей весенне-летней кампании. А коль это так, то Ставка должна позаботиться о должном усилении армий, выделенных для участия в наступательной операции.

Первоначально наступление на северном участке фронта предполагалось вести силами 28-й и 21-й армий. 10 апреля была издана директива Юго-Западного фронта, которая предписывала 38-й армии передать вновь сформированному полевому управлению 28-й армии четыре стрелковые дивизии в их полосах обороны, мотострелковую бригаду, кавалерийский корпус и почти все средства усиления. 38-я армия получала из 6-й армии две стрелковые дивизии в занимаемых полосах. Ей ставились следующие задачи: «Прочно оборонять занимаемый рубеж, и особенно направления Чугуев, Купянск и Балаклея, Изюм. С начала наступления 28-й и 6-й армий активизировать оборону с целью сковывания противостоящих сил противника» [79] .

Однако затем это решение было пересмотрено. Проверив подготовку 38-й армии к обороне, С.К. Тимошенко поделился с ее командующим своим новым замыслом: «Не надоело сидеть в обороне? – улыбаясь, спросил он, когда вернулись на командный пункт армии. И, не дав мне ответить, продолжал: – Знаю, надоело, и не одному тебе. Все мы предпочитаем наступление…»

Я полагал, что Семен Константинович собирается объяснить значение поставленной 38-й армии задачи на оборону, и уже приготовился сказать, что оно мне вполне понятно. Но маршал Тимошенко предостерегающе поднял руку: «Помолчи. Не перебивай, слушай внимательно, – откинувшись на спинку стула, он говорил медленно, как бы взвешивая каждое слово. – Все время думаю о предстоящем наступлении. Беспокоит меня ударная группировка на старосалтовском плацдарме, руководимая штабом 28-й армии. Ударная группировка должна стремиться только вперед, не оглядываясь на свои фланги. Сможет ли? Справа ее действия прикроет Гордов. Фронт у 28-й армии широкий, штаб молодой, не сколочен, не имеет опыта руководства войсками в наступлении. Кто-то другой должен обеспечивать ее слева. Он же должен нанести удар в южном

направлении и отрезать чугуевскую группу врага от Харькова…»

«Кто же будет слева? – продолжал маршал С.К. Тимошенко. – Ясно, 38-я армия. Решено, принимай у 28-й армии часть полосы наступления и подготавливай войска. Участок фронта от Балаклеи на запад передай Городнянскому».

Как бы сбросив тяжкий груз с плеч, главнокомандующий повеселел. Почти сразу же после этого он уехал на свой командный пункт. На следующий день, 28 апреля, я получил оперативную директиву, согласно которой нам передавалась половина старосалтовского плацдарма. 38-я армия получила три стрелковые дивизии с полосами обороны, три танковые бригады и артиллерийские полки РГК на усиление.

Работа в штабе армии закипела. Оставалось мало дней, а забот было много» [80] .

В упомянутой директиве вносились также изменения и уточнения в задачи войск Юго-Западного фронта. Прорыв обороны противника решено было осуществить на двух участках. На северном, протяженностью 55 км, должны были действовать силы 28, 21 и 38-й армий, на южном в полосе 36 км – 6-й армии и оперативной группы под командованием генерала Л.В. Бобкина.

В ходе предстоявшей операции армии должны были выполнить следующие боевые задачи: 21-я армия – прочно прикрывать с севера ударную группировку фронта обороной на рубеже Пристень, Петровка; 28-я армия – обеспечив ввод в прорыв 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, развивать успех в общем направлении на Харьков; 38-я армия – основные усилия направить на Терновую, во взаимодействии с 6-й армией окружить и уничтожить группировку противника восточнее Харькова; 6-я армия – взаимодействуя с подвижными войсками, наступать в направлении Мерефа, Харьков, а частью сил (три полка) во взаимодействии с 38-й армией нанести удар из района Змиева на Терновую с целью ликвидации чугуевского плацдарма.

21-му и 23-му танковым корпусам, которыми командовали генералы Г.И. Кузьмин и Е.Г. Пушкин, приказывалось к исходу пятого дня операции выйти в район Водолага, Мерефа, перерезать все пути из Харькова на юго-запад. В дальнейшем эти корпуса во взаимодействии с частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса должны были завершить окружение харьковской группировки противника. 6-му кавалерийскому корпусу ставилась задача к исходу пятого дня операции овладеть Красноградом и обеспечить 6-ю армию от контрударов с запада и юго-запада. 2-й кавалерийский корпус, находившийся во фронтовом резерве, имел задачу быть в готовности к нанесению контрударов в случае, если противник предпримет ответные действия против

наших войск на барвенковском плацдарме.

В соответствии с принятым решением армиям были указаны полосы наступления, участки прорыва и выделяемые средства усиления. Они наступали в полосе от 15 (28-я армия) до 130 км (21-я армия), имея участки прорыва от 14 (21-я армия) до 26 км (38-я армия). На них сосредоточивалось от трех (в 21-й армии) до шести дивизий (в 28-й и 6-й армиях). Наибольшим количеством средств усиления располагали 28-я и 6-я армии (9–14 артиллерийских полков РВГК, по четыре стрелковые бригады, по 5–6 инженерно-саперных батальонов). Действуя на направлениях главных ударов, эти армии имели подвижные группы и строили свой боевой порядок в два эшелона. Остальные армии вторых эшелонов не имели. Плотность сил и средств на участках прорыва была значительно ниже даже предвоенных нормативов и в шесть раз ниже тех, которые будут достигнуты в наступательных операциях советских войск в 1944–1945 гг.

Глубина боевых задач первого этапа наступления определялась в 20–30, второго – 15–30 км.

Ввиду ограниченных возможностей авиации основные задачи по огневому поражению противника возлагались на артиллерию. К началу операции фронт имел восемнадцать артиллерийских полков резерва Ставки ВГК и четырнадцать артиллерийских полков, переданных ему на усиление из состава Южного фронта. Из этих тридцати двух полков тринадцать сосредоточивались на участке прорыва южной ударной группы, наносившей главный удар, остальные обеспечивали наступление северной ударной группы. Таким образом, распределение артиллерии не соответствовало важности задач, выполнявшихся войсками в операции. Это отразилось и на созданных плотностях артиллерии на участках прорыва. Ее плотность в армиях северной ударной группы составляла в среднем 60 орудий и минометов в 28-й армии и около 19 орудий и минометов – в 38-й армии. На участке прорыва 6-й армии она не превышала 32 орудий и минометов на 1 км фронта. Следует отметить также, что четырнадцать артиллерийских полков к началу наступления не успели завершить перегруппировку и в артиллерийской подготовке не участвовали.

Командование Юго-Западного фронта отдало специальные указания об использовании артиллерии в наступлении. В них подчеркивалось, что «при небольших плотностях артиллерии и ограниченном отпуске боеприпасов массирование огня приобретает исключительно важное значение. Маневр траекториями может быть осуществлен только жестким централизованным управлением».

Группировка артиллерии в армиях была обычной для того времени. В масштабе армии создавались армейские артиллерийские группы, предназначавшиеся для подавления артиллерии, резервов противника и для усиления огня групп поддержки пехоты на важнейших направлениях. В 6-й армии, например, армейская артиллерийская группа состояла из 3-го и 7-го гвардейских, 671-го и 209-го артиллерийских полков, 5-го и 55-го гвардейских минометных полков, 206-го отдельного гвардейского минометного дивизиона и обеспечивалась 834-м отдельным разведывательным артиллерийским дивизионом. Армейская группа делилась на правую и левую подгруппы, которые действовали в полосах стрелковых дивизий, наступавших на направлении главного удара.

Как видим, с точки зрения огневого поражения противника при подготовке операции допускались серьезные просчеты. Они были связаны с неудовлетворительной организацией перегруппировок, с непродуманным использованием артиллерии вторых эшелонов и подвижных групп. Были и объективные причины: ограниченное количество орудий и минометов, слабая обеспеченность боеприпасами.

В ходе подготовки к наступлению было спланировано использование авиации. В ночь перед атакой предусматривалось нанесение ночной авиацией удара по тылам, узлам связи и опорным пунктам немецких войск. С началом артиллерийской подготовки вся авиация Юго-Западного фронта (150 бомбардировщиков и штурмовиков) должна была действовать на участках прорыва армий, нанося удары по опорным пунктам, живой силе, огневым позициям артиллерии и минометов. С момента атаки она должна была переключиться на подавление резервов, нарушение движения через основные узлы дорог в ближайшем тылу противника и обеспечение действий подвижных групп.

Подготовка военно-воздушных сил к операции проходила в сложных метеоусловиях и при неблагоприятном соотношении сил. В дневное время могли летать только 93 самолета, остальные – только в ночное время. Поэтому превосходство в дневных бомбардировщиках было на стороне противника и составляло 3,3:1. Трудности усугублялись недочетами в управлении воздушными силами: на период проведения наступательной операции авиация Юго-Западного фронта усиливалась 233 самолетами за счет Южного фронта, но все они оставались в подчинении командующего ВВС этого фронта. Фактически они в операции участия не принимали. Распоряжением командующего войсками Юго-Западного фронта авиация распределялась по

армиям, то есть управление ею было децентрализованным. Вместе с тем задачи авиации ставились не только командующими армиями, но и командующими войсками фронта.

К началу наступления советское командование сосредоточило на юго-западном направлении довольно сильную танковую группировку в составе трех танковых корпусов (21, 22 и 23-й) и девяти отдельных танковых бригад (5, 6, 7, 10, 37, 38, 42, 87 и 90-я). В них насчитывалось 925 танков [81] , то есть почти на 100 больше намеченного ранее. Отдельные танковые бригады использовались для непосредственной поддержки пехоты стрелковых дивизий первого эшелона.

22-й танковый корпус был придан 38-й армии. Командующий армией решил использовать его децентрализованно, придав бригады стрелковым дивизиям. 21-й и 23-й танковые корпуса составили подвижную группу Юго-Западного фронта. Ее планировалось ввести в прорыв в полосе наступления 6-й армии с задачей нарастить удар в общем направлении на Люботин и во взаимодействии с соединениями 3-го кавалерийского корпуса завершить окружение харьковской группировки врага [82] .

Формирование этих трех танковых корпусов проходило в сложной обстановке. Не хватало командных кадров, подразделения обеспечения были укомплектованы материально слабо, особенно это касалось создаваемых разведывательных батальонов, отдельных автотранспортных рот, танкоремонтных баз. Трудно решался вопрос создания подразделений управления, обеспечения их радиостанциями, подвижными средствами связи. Командиры 21-го и 23-го танковых корпусов генералы Кузьмин и Пушкин с офицерами вновь создаваемых штабов, кроме всего прочего, должны были решать и задачи подготовки маршрутов выдвижения на рубежи ввода, согласования действий со стрелковыми дивизиями, саперами, артиллерией и авиацией. Только четкое распределение функций между органами управления могло в какой-то степени гарантировать выполнение столь сложных и объемных задач.

В работу по непосредственной подготовке к предстоявшим боям активно включились Военные советы направления, Юго-Западного и Южного фронтов. В первых числах мая главком, член Военного совета, начальник штаба, командующие родами войск фронта побывали в 28-й и 6-й армиях, которым в наступлении на Харьков отводилась главная роль. На протяжении нескольких дней проверялись вопросы планирования операции и подготовки войск к наступлению.

С немалыми трудностями была связана перегруппировка войск Юго-Западного фронта. Многие соединения и части

пришлось перемещать вдоль фронта на большие расстояния в период начавшейся весенней распутицы, в условиях ограниченного числа переправ через реки Оскол и Северский Донец, отсутствия оборудованных дорог (маршрутов). Все это требовало от штабов детального планирования выхода войск в свои районы, правильной эксплуатации маршрутов, регулирования движения на них, организации маскировки и надежного прикрытия с воздуха. Необходимо, пожалуй, подчеркнуть, что хотя штабы фронта и армий и работали напряженно, но должной четкости в проведении мероприятий и в управлении войсками они не достигли.

Вследствие несоблюдения скрытности управления, неудовлетворительной маскировки при сосредоточении войск к намеченным участкам немецкое командование разгадало замыслы и приняло меры по усилению обороны на угрожаемых направлениях. По данным, полученным уже в ходе операции, оно резко увеличило плотность войск в главной полосе обороны против ударных группировок Юго-Западного фронта и перед 57-й и 9-й армиями Южного фронта. Боевые группы и смешанные части противника были организационно объединены в пехотные и легкопехотные дивизии, а в оперативной глубине разместились сильные резервы.

Итак, к концу дня 11 мая ударные группировки Юго-Западного фронта в основном заняли исходное положение для наступления. В результате перегруппировок соотношение сил на участках прорыва армий, как это следует из данных таблицы, изменилось в пользу советских войск.

Соотношение сил и средств на участках прорыва армий Юго-Западного фронта к 12 мая 1942 г. [83]

Армии	Соотношение		
	по пехоте	по орудиям и минометам	по танкам
21 А	2, 3:1	1, 5:1	0, 7:1
28 А	2, 8:1	2, 2:1	2, 1:1
38 А	2, 6:1	1, 4:1	1:1, 3
6 А и оперативная группа	1, 6:1	2, 0:1	11, 8:1

К этому времени завершилось формирование 28-й армии, плановая учеба войск. Развернулись пункты управления и узлы связи. Правда, задача эта решена была не в лучшем виде. Дело в

том, что штабы дивизий, армий и фронта располагались на неоправданно большом расстоянии от войск первого эшелона. Расстояние от армейского аппарата управления до линии фронта, например, составляло: командного пункта (КП) 28-й армии – 30 км, вспомогательного пункта управления (ВПУ) – 30 км; КП 6-й армии – 40 км, ВПУ – 22 км; КП оперативной группы – 20 км (ВПУ там не создавался). В большинстве соединений командные пункты дивизий находились в 4 км, а в некоторых – в 8–10 км от переднего края. Их возможное перемещение в ходе наступления находилось в ведении командиров дивизий. Единая же схема смены пунктов управления ни в армиях, ни во фронте не отрабатывалась, что само по себе отрицательно повлияло на прохождение информации, на устойчивость управления войсками.

Впоследствии Н.С. Хрущев так подвел итоги подготовительного периода на Юго-Западном фронте: «Все, что по тому времени могли нам дать, дали, хотя и далеко не все, что мы просили. Мы согласились проводить операцию и с этими средствами. Да и никогда ведь Верховное Главнокомандование не удовлетворяло фронты полностью силами и средствами для проведения той или иной операции. Всегда одна сторона просит как можно больше, а другая сторона дает меньше… Мы не сомневались, что и эта операция пройдет у нас удачно…» [84]

Готовились к предстоявшим боевым действиям и войска Южного фронта. Военный совет фронта наибольшее внимание уделил созданию устойчивой, развитой в инженерном отношении обороны, насыщенной противотанковыми средствами, а также организации разведки, согласованию действий с южной ударной группировкой Юго-Западного фронта. Делалось это, однако, не всегда последовательно, в чем была определенная вина и штаба направления.

«Надо сказать, – отмечает в этой связи И.Х. Баграмян, – что все мы – главком, штаб и командующие родами войск Юго-Западного направления – еще справлялись с вопросами планирования и подготовки к наступлению на Харьков войск Юго-Западного фронта, протекавших в сложных условиях. Практически мы были лишены возможности контролировать и направлять в нужное русло работу командования и штаба Южного фронта для выполнения поставленных перед ними задач, особенно в части, касающейся организации силами 57-й и 9-й армий прочной обороны барвенковского плацдарма».

Именно поэтому со стороны командования направления не было уделено должного внимания подготовке частной наступательной операции 9-й армии. 7 мая ее соединения начали

наступление с целью овладения мощным опорным пунктом противника – селом Маяки. Генерал Харитонов привлек к нему две стрелковые дивизии и танковую бригаду. Ставка делалась на внезапность. Достичь ее не удалось. Необходимо было форсировать Северский Донец, и эта задача оказалась сложнее, чем предполагал командующий армией. Тогда он решил овладеть Маяками в ночное время.

В ночь на 10 мая специально подготовленные в каждом стрелковом полку отряды без артиллерийской подготовки, выслав вперед разведку, начали форсирование. Наметился первый успех – подразделения захватили небольшие плацдармы. С рассветом завязался огневой бой. По приказу Харитонова два артиллерийских полка РВГК поддержали огнем передовые подразделения. В воздух поднялась армейская авиация. Под ее прикрытием на западный берег переправились главные силы полков. Они с боем продвигались к лесничеству, где противник располагал хорошо подготовленной в инженерном отношении системой сооружений, траншей, ходов сообщения и огневых точек.

На следующий день переправился 5-й кавалерийский корпус – резерв фронта. Он попытался обойти Маяки по лесным дорогам с севера, чтобы совместно со стрелковыми частями атаковать вражеский узел обороны. Но противник держался стойко, и бои приняли затяжной характер.

Последствия этой наступательной операции, потребовавшей значительных сил и средств, оказались весьма трагичными. Харитонова обвиняли в том, что он чуть ли не по собственной инициативе ввязался в сомнительное предприятие с этим опорным пунктом. Но это не так. Операция проводилась с санкции командования Южного фронта, штаб которого был хорошо осведомлен об обстановке в районе Маяков. Да и руководство юго-западного направления тоже было в курсе событий, хотя из-за занятости более важными делами не могло уделить этому участку должного внимания. Во всяком случае, Н.С. Хрущеву навсегда врезалось в память то злополучное село. Он писал: «Мы понимали, что проведению такой операции (наступлению войск Юго-Западного фронта. – *Авт* .) грозит опасность, так как противник имеет, с одной стороны, довольно глубокие на нашем фланге вклинения, достаточно беспокоящие, потому что могут быть использованы для ударов во фланг нашим наступающим войскам. С другой стороны, имелась вражеская группировка, которая находилась в селах у Славянска. Немцы очень упорно держались за эти пункты. Нами тут предпринимались неоднократные усилия освободить центр узла

обороны – село Маяки или же прощупать противника, но все попытки оканчивались безрезультатно: мы теряли войска, но не могли продвинуться и ликвидировать немецкие укрепления. Там какая-то речонка впадала в Северский Донец, на южном ее берегу имелся выступ, где сосредоточились силы противника. Мы опасались этого участка…

Явная неопытность наших командующих сказалась и в том, что, хотя мы не могли взять этот вражеский плацдарм, было все же решено начать наступление, пренебрегая возможностью флангового удара противника. Мы считали, что, когда ударим на запад и окружим Харьков, данный участок просто потеряет свое значение и падет сам собою в результате продвижения наших войск на главном направлении. Как потом показала жизнь, это оказалось роковой недооценкой значения вражеского плацдарма.

Противник, удерживая фланги, имел свои планы по окружению группировки наших войск, которая была введена в дугу, образованную в ходе зимнего наступления. Получалось самое короткое расстояние между его флангами, откуда можно было начать окружение наших войск. Но тогда мы недооценили опасность и спокойно начали готовиться к весенне-летней операции» [85] .

11 мая Ставка получила сообщение, что Юго-Западный фронт к наступлению готов. Наступила ночь на 12 мая 1942 г. «Учитывая, что день будет тяжелый – трудно было сказать, когда и где бойцы получат передышку, – вспоминал А.В. Горбатов, – мы дали указание: ужином накормить до 20 часов, в 21 час людей уложить спать и обеспечить всем девятичасовой сон, подъем произвести в 6 утра, с началом артподготовки, а до семи раздать сытный завтрак…

С четырех часов я был на ногах. Было уже светло, но все спали крепким сном… На НП дивизии мой заместитель подполковник Лихачев доложил, что все готово, часы сверены, до артподготовки осталось пять минут…» [86]

Глава 4 Удар и контрудар

В 6 часов 30 минут 12 мая на участке прорыва северной ударной группировки артиллерия нанесла первый огневой удар по опорным пунктам противника. Артиллерийская подготовка продолжалась ровно час. За двадцать минут до ее окончания советская авиация совершила массированные налеты по районам огневых позиций артиллерии и узлам сопротивления врага в его главной полосе обороны. В 7 часов 30 минут в атаку устремилась пехота. Вместе с ней действовали танки. Артиллеристы приступили к огневой поддержке атаки.

Довольно успешно решались задачи прорыва немецкой обороны в полосе правофланговой 21-й армии. Этому не в малой степени способствовало то, что еще вечером 11 мая специально подготовленные отряды из частей первого эшелона 76-й стрелковой дивизии неожиданно для противника форсировали Северский Донец и захватили на его левом берегу два небольших плацдарма. Туда по решению командира дивизии полковника Г.Г. Воронина ночью переправились главные силы. С этих плацдармов и перешла дивизия в наступление, вклинившись к полудню в оборону немецких войск в полосе до 5 км по фронту и на 3–4 км в глубину. Ее успех умело использовали части соседней 293-й стрелковой дивизии.

Менее успешно действовали соединения 28-й армии. В полосе ее наступления развернулись тяжелые, кровопролитные бои. Противник, как выяснилось, хорошо укрепил этот участок обороны, создав высокие тактические плотности и подготовив населенные пункты к круговой обороне. И только воинам 13-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерала А.И. Родимцева удалось прорвать оборону врага и разгромить его в опорном пункте Перемога. В этом им помогли гвардейцы 90-й танковой бригады.

Наибольшую результативность имели бои в полосе 38-й армии. «Лучше всех действовала 226-я стрелковая дивизия генерал-майора А.В. Горбатова, усиленная 36-й танковой бригадой (командир полковник Т.Н. Танасчишин), – вспоминал ее командующий генерал Москаленко. – Она в короткий срок прорвала тактическую глубину обороны гитлеровцев и перешла затем к преследованию разбитых подразделений 294-й и 211-го полка 71-й пехотных дивизий. После короткого, стремительного боя дивизия овладела важным узлом сопротивления противника в населенном пункте Непокрытое, продвинувшись за день на 10 км. Успех сопутствовал и 124-й стрелковой дивизии полковника А.К.

Берестова, совместно с которой действовала 13-я танковая бригада (командир полковник И.Т. Клименчук). Эта дивизия форсировала р. Большая Бабка и двумя ударами – с востока и (используя успех соседа справа) с севера – овладела селом Песчаное, где противник создал крупный опорный пункт на своем переднем крае» [87] . Как свидетельствует бывший командир 226-й стрелковой дивизии, ее воины «захватили 126 пленных, 28 орудий, 20 минометов, 45 пулеметов, много боеприпасов и другие трофеи» [88] .

В этих боях 1-й танковый батальон под командованием капитана М.Д. Шестакова во взаимодействии со стрелковыми подразделениями и артиллеристами получил приказ форсировать р. Большая Бабка и атаковать противника, укрепившегося на высоте с отметкой 199,0. Враг был ошеломлен, когда краснозвездные боевые машины огнем и гусеницами стали уничтожать его огневые точки и живую силу. Выделив для конвоирования пленных один из экипажей, командир батальона устремился к селу Непокрытое. При подходе к нему обнаружилась одна из вражеских батарей крупнокалиберных орудий. По приказу комбата механик-водитель старший сержант П.Л. Перепелица направил свою «тридцатьчетверку» на ее огневую позицию. Одну за другой танк раздавил четыре пушки. Вот-вот под гусеницами окажется пятая. Неожиданно от сильного удара машина вздрогнула. На броне появились языки пламени. Гарь и дым стали проникать вовнутрь танка. Но «тридцатьчетверка» продолжала маневрировать.

«Оставить машину!» – приказал комбат Перепелице и сам тоже стал выбираться из горящей машины. Но при попытке пересесть на другой танк, чтобы продолжать руководить боем, он был сражен вражеской пулей. А механик-водитель не выпускал из рук рычагов управления. Вот еще одно вражеское орудие попало под гусеницы боевой машины. Поликарп Перепелица громил врага до тех пор, пока его танк не взорвался [89] .

В итоге первого дня наступления войска северной ударной группировки прорвали главную полосу вражеской обороны, продвинувшись на глубину от 6 до 10 км. Южная ударная группировка, сломив сопротивление противника на более чем сорокакилометровом фронте, вклинилась в глубь обороны 51-го и 8-го немецких армейских корпусов на 12–15 км. Соединения 6-й армии и группа генерала Бобкина достигли его второго оборонительного рубежа, созданного на западном, возвышенном, берегу р. Орель. Бои здесь не прекращались и ночью. Тогда же начали выдвижение соединения второго эшелона 6-й армии.

Штаб Юго-Западного фронта доложил в Ставку ВГК, что в

ходе боев захвачено 2 танка, 67 орудий, 42 пулемета, 10 автомашин, 8 минометов, 3 склада. 181 человек сдался в плен. Авиация фронта уничтожила 8 танков, 139 автомашин, 34 орудия, 4 миномета. В воздушных боях и зенитным огнем было сбито 12 вражеских самолетов [90] .

Успешно начавшееся наступление войск фронта не на шутку встревожило командование 6-й немецкой армии. Бывший 1-й адъютант этой армии Вильгельм Адам писал: «Подготовка к переброске наших войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, располагавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предпринимали 12 мая новое наступление с изюмского выступа и под Волчанском. Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском… Пришлось отвести километров на десять назад и 8-й армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова…

Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника» [91] .

Адаму вторит П. Карель, который, следует заметить, очень свободно обращается с фактами, особенно что касается соотношения сил на этом участке фронта и участвовавших в противоборстве войск. «12 мая он (Тимошенко . – *Авт* .) внезапно большими силами начал свою охватывающую операцию против 6-й армии генерала Паулюса. Северную клешню удара составила 28-я советская армия с шестнадцатью стрелковыми и кавалерийскими дивизиями, тремя танковыми и двумя механизированными бригадами. Это было подавляющее превосходство против двух немецких армейских корпусов генералов Холлидта и Зейдлица общей численностью в шесть дивизий. Еще большими силами нанес Тимошенко удар на юге – здесь в 6-й и 57-й (?) армиях было 26 стрелковых и 18 кавалерийских дивизий, 14 танковых бригад против позиций 8-го корпуса генерала артиллерии Гейтуа и 6-го румынского корпуса. Разумеется, полдюжины немецких и румынских дивизий не могли противостоять такому подавляющему превосходству, хотя генерал Паулюс и бросил все, что было возможно, против прорвавшихся русских…» [92]

Занервничал и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Бок. 12 мая он записал в своем дневнике: «В полосе 6-й армии противник перешел в наступление крупными силами при поддержке многочисленных танков из северо-западного фаса изюмского выступа и из района Волчанска. Еще до полудня стало ясно, что на обоих участках он достиг глубоких прорывов. Я запросил разрешения на использование 23-й танковой дивизии и получил его, но с условием, что соединение сохранит полностью боеспособность для участия в операции «Фридерикус-I». После полудня я установил, что прорыв в полосе 8-го армейского корпуса приобрел весьма угрожающие формы… Вечером противник был в 20 км от Харькова. Я позвонил Гальдеру и сказал, что о начале операции «Фридерикус-I» в ранее назначенный срок не может быть и речи. Гальдер возразил, что приказ фюрера не подлежит обсуждению.

– Недопустимо, – сказал он, – расходовать силы для политических целей, они необходимы для решающей операции.

Я ответил, что речь идет отнюдь не о политике, а о жизни и смерти, и продолжал, что считаю необходимым собрать резервы в один кулак, ни в коем случае не распылять их и использовать самым энергичным образом для восстановления положения.

– В таком духе, – заключил я, – и будут поставлены задачи Паулюсу» [93] .

Выполняя распоряжение фон Бока, генерал Паулюс в течение первого же дня наступления Юго-Западного фронта выдвинул из Харькова в районы Приволья и Запорожья 3-ю и 23-ю танковые дивизии, до трех полков пехоты из состава 71-й и 44-й пехотных дивизий. Эти войска предназначались для нанесения контрудара по левому флангу ударной группировки в общем направлении на северо-восток. 4-й воздушный флот под командованием генерала Рихтгофена получил задачу обеспечить его мощной поддержкой авиации.

Органы советской разведки своевременно вскрыли местонахождение тактических резервов противника, но не выявили оперативные. Правда, авиация обнаружила сосредоточение вражеских танков на левом фланге северной ударной группировки; прибытие трех пехотных полков выявилось позднее. В предвидении подобного маневра со стороны немецкого командования главком направления приказал командующему 38-й армией в течение ночи вывести из боя 22-й танковый корпус и сосредоточить его к утру 13 мая за левым флангом ударной группы армии для парирования обозначавшегося контрудара врага.

Анализируя итоги действий северной группировки за день,

маршал Тимошенко пришел к выводу, что, в общем, наступление развивается по плану. Очень тревожило главкома появление двух немецких танковых дивизий. Судя по всему, Паулюс посчитал, что наступление из района Волчанска является самым опасным, и поэтому принял решение ввести в сражение на этом направлении свои танковые силы.

Отдавая генералу К.С. Москаленко распоряжение о выводе из боя 36, 13 и 133-й танковых бригад 22-го танкового корпуса, Тимошенко надеялся, что командарм сможет успешно отразить контрудар. Кстати, документы свидетельствуют, что именно в тот вечер в разговоре с маршалом Москаленко предложил перенести направление главного удара в полосу наступления 38-й армии. Он полагал, что прорыв дивизии под командованием А.В. Горбатова тактической зоны обороны врага должен значительно облегчить не только разгром 3-й и 23-й танковых дивизий противника, но и ликвидацию всей его харьковской группировки. Главком не согласился с доводами командарма, посчитав, что довольно сильная 28-я армия, оба фланга которой были хорошо обеспечены соседними соединениями, в последующем выполнит возложенную на нее главную задачу и освободит Харьков.

На второй день войска северной группировки при активной поддержке авиации продолжили атаки на прежних направлениях. В полосе наступления 21-й армии 76-я и 293-я стрелковые дивизии соединились на западном берегу Северского Донца, образовав плацдарм, достаточный для накапливания сил и средств, способных прорваться в глубь вражеской обороны. Главком отдал указания генералу В.Н. Гордову ускорить продвижение войск на запад и овладеть опорными пунктами противника в Графовке и Муроме. Однако организация наступления в полосе действий этих двух дивизий оставляла желать лучшего. Им не удалось преодолеть упорное сопротивление врага. Правда, соседняя 227-я дивизия, действовавшая на левом фланге 21-й армии, обошла Муром с юга, продвинулась на 12 км, овладела важной в тактическом отношении высотой у поселка Высокий.

На направлении главного удара соединения 28-й армии утром ликвидировали упорно оборонявшийся гарнизон в Варваровке, но выбить противника из Терновой не сумели. Командарм по указанию главкома решил форсировать наступление своих левофланговых соединений в юго-западном направлении, учитывая успех 226-й и 124-й дивизий 38-й армии. Генерал Рябышев стремился овладеть опорным пунктом врага в селе Покровское, поставив эту задачу 224-й и 13-й гвардейской дивизиям. При поддержке 57-й и 90-й танковых бригад они с

упорными боями продвинулись еще на 6 км. Противнику было трудно сдержать наступательный порыв советских войск. Так, 6-я стрелковая рота 39-го гвардейского полка во главе со старшим лейтенантом П.Г. Мащенко во время артподготовки вышла на рубеж перехода в атаку и затем ворвалась в расположение врага. Овладев господствующим в этом районе небольшим курганом, воины в короткой схватке истребили пехотный взвод и захватили семь пулеметов. Дерзко и умело действовали бойцы разведвзвода под командованием лейтенанта И.Я. Подкопая. Скрытно пройдя лесной массив, разведчики перерезали пути отхода отступающего противника, а затем из засады у села Купьеваха внезапно атаковали пехотную роту, уничтожили около пятидесяти и захватили в плен три десятка немецких солдат.

Во время боя за село Перемога начальник штаба 1-го батальона 39-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант И.И. Исаков с группой стрелков умело обошел с фланга артиллерийскую батарею противника и уничтожил ее орудийные расчеты. Захватив шесть исправных гаубиц, гвардейцы открыли из них огонь по врагу. Группа бойцов во главе с начальником штаба 2-го батальона этого же полка старшим лейтенантом М.Д. Кириным ворвалась на северную окраину Перемоги, в короткой схватке уничтожила около двух десятков вражеских солдат, захватила четыре орудия и склад боеприпасов.

В результате напряженных боев 13-я гвардейская дивизия отбросила противника на 12–15 км, захватила до 60 исправных орудий и минометов, до 80 пулеметов, 17 радиостанций, несколько складов с боеприпасами и продовольствием [94] .

К исходу дня соединения 28-й армии вышли на подступы к Харькову, на линию высот, обступавших город с востока.

Соединения 38-й армии 13 мая продолжали наступать и в первой половине дня продвинулись на 6 км. На своем правом фланге и в центре они овладели несколькими населенными пунктами, в том числе селом Ново-Александровка.

В 13 часов на командный пункт фронта позвонил К.С. Москаленко. Он доложил, что противник при мощной поддержке авиации крупными силами танков наносит контрудар в направлении Старого Салтова во фланг наступающим войскам. Как выяснилось позже, немецкое командование в течение ночи и первой половины дня 13 мая сумело сосредоточить две подвижные группировки. Одна из них включала 3-ю танковую дивизию и два полка 71-й пехотной дивизии, в другую группировку вошли 23-я танковая дивизия и полк 44-й пехотной дивизии. Каждая из группировок насчитывала по 150–200 танков. Такого сильного удара массы танков с пехотой при мощной

поддержке авиации дивизии 38-й армии не выдержали и отошли на восточный берег р. Большая Бабка.

Выход танков противника в район Старого Салтова позволял ему отрезать выдвинувшиеся вперед главные силы северной ударной группировки, которые могли потерять выгодный плацдарм на западном берегу Северского Донца. Главком немедленно распорядился передать из резерва 28-й армии в распоряжение Москаленко 162-ю стрелковую дивизию под командованием полковника М.И. Матвеева и 6-ю гвардейскую танковую бригаду, которой командовал подполковник М.К. Скуба. Командующему 38-й армией надлежало прочно закрепиться на восточном берегу Большой Бабки, не теряя локтевой связи с соседней 28-й армией.

Самым неприятным событием в этот день явилось то, что выдвинувшийся вперед южный фланг 28-й армии оказался обнаженным. Одновременно с танковым контрударом Паулюс постарался укрепить свою оборону в полосе наступления этой армии, усилив 79-ю и 294-ю пехотные дивизии. Для этого в районы населенных пунктов Липцы и Веселое в течение 13 мая он перебросил два пехотных полка.

Следовательно, если удар на Харьков с северо-востока начал тормозиться уже 13 мая, то наступление южной ударной группировки шло довольно успешно. Соединения 6-й армии вели упорные бои за Верхний Бишкин и Верхнюю Береку. Утром 411-я и 266-я стрелковые дивизии, прорвав вражескую оборону на восточном берегу р. Орель и отбив несколько контратак, форсировали реку. Вечером они завязали бой за опорные пункты противника на правом берегу. Тот понял, какую угрозу представляет для него выдвинувшийся вперед 6-й кавалерийский корпус (им командовал генерал А.А. Носков), и бросил сюда силы до пехотного полка при поддержке танков. Но кавалеристы отбили все контратаки и продолжали наступление.

Фон Бок информировал Гитлера о том, что ситуация в полосе 6-й армии продолжает оставаться весьма серьезной: прорыв советских войск у Волчанска по сравнению с прошедшим днем значительно углубился на север. Фельдмаршал высказался за отсрочку начала операции «Фридерикус-I», чтобы использовать часть сил из группы Клейста для нанесения удара в тыл войскам Юго-Западного фронта, прорвавшим оборону армии Паулюса под Волчанском. Гитлер ответил, что требуемые фон Боком войска следует подготовить к переброске, но с самой перегруппировкой пока подождать [95] .

Таким образом, в ходе напряженных боев соединения южной ударной группировки прорвали тактическую оборону противника

на всю глубину. Ширина участка прорыва достигла 50 км. В полосе 6-й армии глубина прорыва составила 16 км, группы генерала Л.В. Бобкина – 20 км. Это было достигнуто благодаря своевременному вводу в сражение 6-го кавалерийского корпуса. Южнее Харькова были разбиты основные силы 108-й венгерской легкопехотной дивизии и 62-й немецкой пехотной дивизии. Серьезные потери понесли некоторые части 113-й пехотной дивизии. Согласно докладу штаба фронта противник потерял 55 танков. Еще 50–60 машин было повреждено. В качестве трофеев наступавшим досталось 77 орудий, 37 пулеметов, 37 минометов, 4 танка, 12 автомашин, был захвачен 151 пленный [96] . Следует обратить внимание еще на две цифры: в воздушных боях было сбито 14 вражеских самолетов, но на свои аэродромы не вернулись 25 машин [97] . Это означало, что потери ВВС фронта вдвое превысили потери противника. Вывод: немецкое командование значительно усилило свою авиационную группировку, и это оказало самое негативное влияние на последующий ход событий.

По плану операции после прорыва тактической обороны противника и достижения стрелковыми дивизиями рубежа Верхняя Берека, Ефремовка для развития успеха наступления на Харьков намечался ввод в прорыв подвижной группы фронта, состоявшей из двух танковых корпусов. Для этого созрела относительно благоприятная оперативная обстановка. Необходимо было в ночь на 14 мая выдвинуть в исходные районы 21-й и 23-й корпуса и с раннего утра нанести ими удар на город. Однако главком не воспользовался этим. Он отказался от намеченного по плану операции ввода в сражение танковых корпусов под влиянием докладов от командующих 38-й и 28-й армий, решив на следующий день перенацелить авиацию, которая поддерживала наступление южной ударной группировки, на прикрытие северной группы. Вводить же в прорыв танковые корпуса без поддержки с воздуха маршал Тимошенко поостерегся, предполагая сделать это тогда, когда стрелковые дивизии 6-й армии достигнут рубежа р. Берестовая.

Отказ от использования подвижных соединений 14–15 мая для наращивания удара стрелковых дивизий отрицательно повлиял на развитие операции. Наступавшие войска истощили свои силы. Темп их продвижения резко снизился. В свою очередь противник за это время успел подтянуть резервы и организовать оборону на тыловых рубежах. С подходом на волчанское направление двух его танковых и одной пехотной дивизий соотношение противоборствующих сил изменилось не в нашу пользу.

С 14 мая советские войска утратили инициативу действий на этом направлении. Частям генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева и правого фланга 38-й армии генерал-майора К.С. Москаленко пришлось отражать контрудар немецких танковых дивизий на подступах к железной дороге и шоссе Белгород – Харьков. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Количественное и качественное ее усиление на харьковском направлении было достигнуто за счет военно-воздушных сил всего южного крыла Восточного, то есть 4-го воздушного флота. Тимошенко вместе с командующим ВВС фронта генералом Ф.Я. Фалалеевым пришлось организовывать отражение ее ударов. Требовалось также быстро перенацелить авиацию 6-й армии на прикрытие и поддержку действий северной ударной группировки.

Следующей заботой главкома стало укрепление стыка между 28-й и 38-й армиями. Сильный танковый удар врага минувшим днем привел к обнажению южного фланга 28-й армии. С утра 14 мая обстановка здесь еще больше осложнилась, так как на смежных флангах этих армий стремились развить свой первоначальный успех 3-я и 23-я вражеские танковые дивизии. Из доклада штаба 38-й армии выяснилось, что в ночь на 14 мая части дивизии под командованием генерала А.В. Горбатова вновь выбили противника из Непокрытой. Но в 10 часов утра обеими своими танковыми дивизиями Паулюс нанес удар по сходящимся на Перемогу направлениям. Избегая излишних потерь, генерал Горбатов отвел части, занявшие перед этим Непокрытую, к р. Большая Бабка. Здесь его воины отразили все контратаки врага.

На рассвете 14 мая над позициями дивизии генерала А.И. Родимцева появилось около пятидесяти немецких пикирующих бомбардировщиков. Немецкие летчики с большой точностью бомбили боевые порядки гвардейцев – зенитное и авиационное прикрытие дивизии практически отсутствовало, опасаться им было некого. После бомбежки в атаку устремились танки. При поддержке 57-й танковой бригады под командованием генерал-майора В.М. Алексеева полки Родимцева смело вступили в бой.

На подступах к переднему краю артиллеристы подбили девять танков. Батарея 45-миллиметровых пушек 54-го гвардейского стрелкового полка, расположенная на одной из высот, вела огонь до тех пор, пока не вышли из строя все орудия. Для овладения этой высотой противник двинул 15 танков, но артиллеристы упорно сопротивлялись. Ими уверенно руководил начальник артиллерии полка майор С. Сурначев. За короткое время батарея уничтожила пять танков и до взвода пехоты. Особенно отличился взвод противотанковых орудий лейтенанта П.Д. Николаенко. Расчеты младших сержантов Н.И. Воробьева и

Г.С. Криушечева подбили по два танка каждый.

Бой длился уже несколько часов. Противник наращивал силу ударов, вводя новые танковые подразделения. Около полусотни вражеских машин заходили в тыл 42-му гвардейскому стрелковому полку. Его командир полковник И.П. Елин выдвинул навстречу им свой последний резерв – роту противотанковых ружей под командованием старшего лейтенанта П.Д. Куимова и группу автоматчиков с противотанковыми гранатами. Ее возглавил политрук И.А. Трофименко. Подпустив танки на 200 метров, бронебойщики по общей команде открыли огонь и за несколько минут вывели из строя девять машин. Две из них записал на свой счет Куимов.

Трудно пришлось автоматчикам, которые не успели отрыть хотя бы мелкие окопы. Используя складки местности и воронки от взрывов, бойцы Трофименко залегли. На них двигались 25 машин. Политрук первым метнул гранату в головной танк и поджег его, бойцы подбили еще три. А к месту неравной схватки спешили еще полтора десятка машин. Вся группа автоматчиков погибла под гусеницами вражеских танков, не отступив ни на шаг.

Против 39-го гвардейского стрелкового полка наступал пехотный батальон при поддержке двадцати пяти танков. Артиллеристы 32-го гвардейского артполка майора В.Г. Клягина массированным огнем преградили им путь. Батарея старшего лейтенанта И.П. Сыроватко подбила восемь танков, но шесть других все же перевалили через передний край нашей обороны. Стрелковые подразделения пропустили их сквозь свои боевые порядки, а вражескую пехоту встретили огнем из всех видов оружия. Навстречу прорвавшимся танкам командир 39-го гвардейского полка выдвинул саперный взвод с противотанковыми минами. В ходе короткого, но предельно ожесточенного боя все шесть машин были подорваны.

Положение на смежных флангах двух армий нормализовалось, прорыв вражеских танков удалось локализовать.

В тот день, 14 мая, 28-я армия продвинулась еще на 6–8 км и вышла к тыловому рубежу противника, проходившему по правым берегам рек Харьков и Муром. Наступил момент ввода в прорыв подвижной группы, состоявшей из 3-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора В.Д. Крюченкина и 38-й стрелковой дивизии полковника Н.П. Доценко. Однако из-за плохой организации управления войсками штабом 28-й армии группа не успела своевременно сосредоточиться в указанном районе.

Начальник штаба 21-й армии генерал-майор А.И. Данилов докладывал, что противник по-прежнему удерживает опорные пункты Графовка, Шамино и Муром. 76-я и 293-я дивизии пытались взять эти узлы сопротивления фронтальными атаками, но безуспешно. Главком приказал генералу Гордову прекратить бесполезные атаки, частью сил наступавших дивизий блокировать опорные пункты, а главными силами развивать наступление на северо-запад.

В этот же день на крайнем северном фланге фронта авиаразведкой было отмечено интенсивное передвижение вражеских войск на автомашинах по дорогам из Белгорода на Харьков. Как выяснилось позднее, Паулюс, исчерпав свои резервы, решил снять войска с неатакованных участков обороны и бросить их в район Харькова для отражения наступления советских войск.

Маршал Тимошенко решил активизировать действия фланговых дивизий армии Гордова и сорвать маневр противника. Эту задачу выполнила 227-я стрелковая дивизия, успешно прорвав оборону на одном из участков 17-го немецкого армейского корпуса. Разгромив противостоящие части, она за день продвинулась на 6 км и овладела рядом населенных пунктов. Отсюда враг уже не смог взять ничего для укрепления своего центра. Но из состава 29-го армейского корпуса, оборонявшегося на подступах к Белгороду, Паулюс использовал 168-ю пехотную дивизию. В районе Мясоедово была организована атака силами одного полка из состава нашей 301-й стрелковой дивизии. Однако для полнокровного корпуса противника это было булавочным уколом. Собрать же хотя бы небольшой кулак из правофланговых частей 21-й армии было просто невозможно.

Тем не менее общий итог боев к исходу дня 14 мая в полосе северной группы был положительным, фронт прорыва составил здесь 56 км. Войска, действовавшие в центре группы, продвинулись в глубину обороны врага на 20–25 км. Благоприятно в целом развивалась обстановка и в полосе наступления войск под командованием генералов А.М. Городнянского и Л.В. Бобкина.

Весь день шли упорные бои за Верхний Бишкин и Верхнюю Береку. Вечером сопротивление гарнизонов обоих опорных пунктов было сломлено. Под угрозой полного окружения остатки их бежали на запад. Соединения армии, очистив от противника прилегавшую к этим узлам сопротивления местность, двинулись на Тарановку и к концу дня вышли на рубеж в 35–40 км от южных предместий Харькова.

Командир 6-го кавалерийского корпуса генерал А.А. Носков, дивизии которого продвинулись дальше других частей южной

группы, сообщил, что противник, пытаясь прикрыть красноградское направление, ввел в бой еще один полк. Теперь уже конников контратаковали два полка 113-й пехотной дивизии. Но все их атаки были отбиты. Части корпуса овладели районом Казачий Майдан, Росоховатовка, Ново-Львовка, расположенным на удалении 20–25 км от Красноград.

К исходу дня генерал Бобкин доложил, что 393-я и 270-я дивизии разгромили 454-ю охранную дивизию врага, расширили фронт прорыва в юго-западном направлении, освободили до десятка населенных пунктов и своим правым флангом почти нагнали вырвавшийся вперед 6-й кавкорпус.

По свидетельству самого командующего группой армий «Юг», действия советских войск расценивались как их серьезный успех. «Утром 14 мая, – писал он, – ситуация в полосе 6-й армии характеризовалась тем, что противник прорвался на правом фланге 8-го армейского корпуса и стремился развить успех на Красноград введением в прорыв кавалерии. 454-я охранная дивизия отступила, ее подразделения удерживают отдельные малочисленные позиции. Нашими основными контрударами в районе Волчанска в первой половине дня мы не достигли существенного изменения в обстановке. Возникла необходимость в перегруппировке с тем, чтобы возобновить и усилить удары» [98] .

В ночь на 15 мая штаб фронта готовил донесение в Ставку Верховного Главнокомандования, в котором он констатировал успех первых трех дней наступления. Оценивая результаты боев северной ударной группировки с резервами противника, отмечалось, что, несмотря на причиненный двум немецким танковым дивизиям большой урон, они продолжают оставаться серьезным препятствием для советских войск в их наступлении на Харьков. В связи с этим высказывалась просьба о выделении резервов, прежде всего на правое крыло фронта. В оценке обстановки на южном крыле направления штаб вынужден был целиком исходить из тех данных, которые представил Южный фронт.

Утром маршал Тимошенко ознакомился с подготовленным проектом и в основном согласился с его выводами. Он усилил оптимистичность утверждения, что войскам Юго-Западного фронта удалось сорвать встречное наступление противника в районе Харькова.

В послевоенные годы, когда почти все документы немецкого командования, вплоть до отчетных оперативных карт германского генштаба, оказались в руках историков, стало намного легче судить обо всех решениях и действиях нашего командования и

штаба направления. Документы показывают, что наступление войск левого крыла Юго-Западного фронта поставило в очень тяжелое положение войска Паулюса на красноградском направлении. По существу, прорыв вызвал у немецкого командования панику. Во всяком случае, командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок именно 14 мая был близок к тому, чтобы отказаться от запланированной наступательной операции. Вот его запись: «14 мая удар наших танков в районе Волчанска, длившийся до вечера, принес лишь небольшой территориальный успех. В целом 6-я армия потеряла 16 артиллерийских батарей. Перед полуднем я позвонил Гальдеру и сообщил, что едва ли после прорыва русских запланированное наступление Клейста наличными силами даст необходимые результаты. Если же Клейста с самого начала ожидает неуспех, то это весьма отрицательно скажется на всех действиях вермахта на Восточном фронте. Я заявил, что отказываюсь один нести ответственность за последствия такого развития событий. Верховное командование само должно принять решение: либо дать нам необходимые наземные и воздушные подкрепления немедленно, либо смириться с полумерами, которые лишь только и можем мы предпринять…

Вскоре позвонил фюрер и сообщил, что перенацеливает на угрожаемые участки 4-й воздушный флот Рихтгофена полностью (до 700 боевых самолетов. – *Авт.*). С его помощью мы должны сдерживать противника в полосе действий Паулюса, пока Клейст не нанесет удар, а этот последний необходимо максимально ускорить. У меня гора свалилась с плеч, ибо это означало, что фюрер принял всю ответственность на себя» [99] .

Утром 15 мая на северном участке, в полосе 21-й армии, обстановка начала осложняться. В район Заборовка, Бочковка, Черемушное из-под Белгорода стали прибывать передовые части 168-й пехотной дивизии. Они с ходу начали контратаковать в направлении Мурома. Почти одновременно 3-я и 23-я немецкие танковые дивизии и до трех полков пехоты нанесли удар в северо-восточном направлении. Из района Борщевая, Черкасские Тишки до 80 танков и пехота атаковали наши позиции в районе Петровское и продвинулись на 3–5 км к востоку от этого села. Еще одна группа в составе нескольких батальонов и сорока танков двинулась из окрестностей деревни Непокрытая в направлении на Терновую, стремясь вклиниться в стык 28-й и 38-й армий с задачей деблокировать окруженный гарнизон Терновой. Главком подтвердил приказ: временно прекратить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах для надежного обеспечения фланга ударной группировки. Итак, 15 мая

наступательные задачи фактически получили только 21-я армия и две правофланговые дивизии 28-й армии.

Тем временем обстановка продолжала все более обостряться. В 15 часов авиационная разведка сообщила, что над боевыми порядками 38-й армии пролетело девять немецких транспортных самолетов, которые выбросили в окрестностях Терновой парашютный десант численностью до трехсот человек. В то же время противник предпринял попытку форсировать р. Большая Бабка у села Песчаное. Примерно два пехотных батальона с танками атаковали смежные фланги 226-й и 124-й стрелковых дивизий. Главком направления принял ряд мер, чтобы парализовать действия вражеской авиации. А она в этот день была особенно активной – более полутысячи самолето-вылетов.

В этих сложных условиях советские летчики смело вступали в воздушные сражения. Произведя более трехсот самолето-вылетов, они сбили до 30 немецких самолетов. Энергично действовали и наземные войска, особенно противотанковая артиллерия, группы истребителей танков, стрелковые части. В итоге, потеряв в общей сложности несколько батальонов пехоты, более полусотни танков, противник вынужден был прекратить контрудар, а на ряде участков отойти на исходные рубежи.

Но эти действия поглотили все тактические резервы. Для уничтожения парашютистов пришлось снять с фронта один из полков 175-й стрелковой дивизии 28-й армии. Продвижение танков из Непокрытой в стык между 28-й и 38-й армиями было остановлено на рубеже Красное, Драгуновка. Критическим оставалось положение на участке левофланговых 244-й и 13-й гвардейской стрелковых дивизий 28-й армии. Один из полков 244-й дивизии вынужден был отойти на 10 км к северо-востоку и закрепиться юго-западнее Терновой, другой полк оставил Веселое и закрепился на линии высот севернее, третий полк остался в окружении юго-западнее Веселого. 13-я гвардейская дивизия заняла оборону на рубеже высот 207,0, 214,0 у населенного пункта Гордиенко, загнув свой правый фланг.

В течение 15 и 16 мая противник, стремясь добиться успеха, бросал на позиции 13-й гвардейской дивизии все новые и новые танковые части. Более восьмидесяти вражеских машин и до роты пехоты вышли во фланг 42-му гвардейскому стрелковому полку. Когда до танков оставалось меньше 800 метров, командир артиллерийского дивизиона Криклий подал команду, и батареи открыли огонь. Вражеские танкисты ответили стрельбой из пушек и пулеметов. Более 20 минут длился бой, многие танки уже горели, уцелевшие упорно продвигались вперед и вскоре приблизились настолько, что боевые порядки артиллеристов

стали поражать осколки от снарядов своих же гаубичных батарей, бивших по врагу с закрытых позиций. Один из снарядов угодил в ящики с боеприпасами. Быстро замелькали лопаты, и пламя было сбито. А наводчики орудий, не отрываясь от панорамы, посылали снаряд за снарядом в борта вражеских машин.

Отважно сражались командир орудия гвардии сержант Лычак, наводчик Белоусов, командир орудия гвардии сержант Суховой и наводчик Зюнев. Но особенно отличились командиры огневых взводов гвардии лейтенант Шашин и гвардии младший лейтенант Горлов, которые в этом бою действовали за наводчиков. Каждый из них уничтожил по четыре танка. Многие из артиллеристов полегли на поле боя, многие были ранены, но гвардейцы выстояли. Перед их позициями навсегда замерли 32 исковерканных, сожженных танка [100] . Гвардии капитан Криклий получил тяжелое ранение, но остался на позициях 1-й батареи, куда пришелся основной удар врага. За умелое руководство боем, личную храбрость и мужество Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 июня 1942 г. Иван Ильич первым в действующей армии был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (к сожалению, капитан И.И. Криклий скончался в госпитале. – *Авт* .).

С утра командир 1-й батареи гвардии старший лейтенант И.М. Быков следил за полем боя со своего наблюдательного пункта. Вот он на горизонте увидел первые танки врага. Вскоре, огибая березовую рощу, они двинулись на артиллерийские позиции. Быков пересек балку и быстро зашагал к огневикам. Из-за холма уже показались первые машины врага. Они двигались развернутым строем в две линии, с открытыми люками. Шли осторожно, как бы высматривая скрытые в молодой весенней зелени затаившиеся противотанковые пушки.

Быков не сводил перекрестия бинокля с танков. 900, 800, 700 метров… Нервы напряжены до предела. Наводчики замерли у панорам.

– Первому – по головному, второму – по командирскому, третьему – по стреляющему… огонь! – раздалась, наконец, команда.

Орудия дали залп, потом перешли на беглый огонь. Головные машины вспыхнули, словно факелы. Наводчик Белоусов подбил уже третий танк. Раненный осколком снаряда, он упал у щита орудия. Его место занял командир орудия гвардии сержант Лычак. Он действовал по-снайперски и уничтожил в этом бою шесть машин.

На огневых позициях рвались вражеские снаряды. Комья земли и осколки летели во все стороны, буквально засыпая

артиллеристов. Среди сплошного грохота разрывов и свиста снарядов раздавался уверенный голос командира батарей. Своим поведением он воодушевлял людей. Наводчики Кутаев и Кулинец, гвардии лейтенант Крындич, наводчик Зюнев, командир орудия Смирнов подбили уже восемь вражеских танков.

А противник упорно рвался вперед. Были ранены командир батареи и комиссар Лемешко. Но они не оставили батарею и продолжали управлять огнем. Из строя вышли два орудия, но два других посылали снаряд за снарядом во вражеские машины. Более трех часов длился бой. Батарея Быкова подбила и сожгла десять танков. Враг не выдержал поединка с артиллеристами и отступил [101] . Только за один день 13-я гвардейская стрелковая дивизия уничтожила сорок три танка. За героизм, проявленный в этом бою, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 3 июня 1942 г. гвардии старший лейтенант И.М. Быков удостоен звания Героя Советского Союза, а многие бойцы и командиры награждены орденами и медалями.

16 мая 2-й дивизион 307-го артиллерийского полка 169-й стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом В.К. Харазия занял огневые позиции на южной окраине села Веселое и в течение нескольких часов отражал контратаки моторизованной пехоты врага. Но вот на огневые позиции артиллеристов двинулось более 70 немецких танков. Шли они с левого фланга и тыла туда, где располагалась 5-я батарея. В это время командир дивизиона находился на ее огневых позициях.

Когда до прорвавшейся к огневым позициям дивизиона танковой лавины оставалось около тысячи метров, его командир приказал:

– Выкатить орудия на прямую наводку! Сам он занял место наводчика одной из пушек.

С грозным ревом и лязгом танки двигались к позиции горстки советских артиллеристов. Когда они приблизились на расстояние 50–200 метров, батарейцы открыли огонь. Запылали четыре вражеские машины. Завязался ожесточенный поединок. Не считаясь с потерями, танки противника рвались напролом. Вокруг орудий вздымались столбы черного дыма. Гибли, сраженные осколками снарядов, артиллеристы.

Бой длился больше четырех часов. Потеряв 30 танков, противник вынужден был отступить. 26-летний Харазия, действуя за наводчика, лично подбил восемь вражеских машин и погиб от прямого попадания вражеского снаряда. Отважного артиллериста, первого представителя Абхазии, ставшего Героем Советского Союза, Владимира Камсаговича Харазия похоронили с воинскими почестями в братской могиле в селе Веселое [102] .

Напряженным выдался этот день и в полосе действий 6-й армии. Как уже упоминалось, главной задачей армии было достижение восточного берега р. Берестовая – рубежа ввода в прорыв подвижной группы. 411-я и 266-я дивизии, действовавшие на направлении главного удара армии, справились со своей задачей, несмотря на то что немецкое командование активизировало действия авиации, которая нанесла немалый урон нашим войскам с воздуха. Передовой полк 411-й дивизии овладел приречным селом Охочае, правофланговая 47-я горнострелковая дивизия вышла к Северскому Донцу на участке Глинище, Коробов, а 253-я стрелковая дивизия – к реке Сухая Гомольша и завязала бои за опорный пункт врага в селе Великая Гомольша.

Неплохо в этот день действовала и армейская группа генерала Бобкина. Ее 6-й кавалерийский корпус вел бои на ближних подступах к Красноградy с востока, а 393-я и 270-я стрелковые дивизии продвинулись еще на 10 км в западном и юго-западном направлениях, перерезали железную дорогу Красноград – Лозовая и овладели несколькими крупными населенными пунктами.

Этот успех войск южной группы вызвал тревогу у Паулюса и его штаба. С их стороны был предпринят ряд мер, чтобы удержать за собой рубеж по р. Берестовая. Для усиления левого фланга 454-й охранной дивизии в район Кегичевки был брошен полк 113-й пехотной дивизии. Но кавалеристы под командованием генерала Носкова оттеснили его к Красноградy, два других полка этой дивизии поспешно отошли на западный берег Берестовой, заняв там оборону совместно с остатками ранее разбитой 62-й пехотной дивизии.

Паулюс предпринял экстренные меры: не ожидая окончания сосредоточения в Харькове всех частей 305-й пехотной дивизии, он поменял станции назначения эшелонам этой дивизии, еще находившимся в пути. Один ее полк из Полтавы был переброшен в Красноград, а остальные два срочно направились в Тарановку. К исходу дня противник провел сильную контратаку силами полка 113-й дивизии и подошедшими подразделениями 305-й пехотной дивизии. После ожесточенного боя им удалось оттеснить один из полков 411-й стрелковой дивизии на южную окраину села Охочае.

Паулюс не без основания считал, что именно красноградское направление представляет для его армии наибольшую угрозу. Действительно, с выходом советских войск в этот район немецкие войска теряли железную дорогу, связывавшую районы дислокации и действий 6-й и 17-й полевых армий, которым вместе с двумя танковыми армиями предстояло решать главную

задачу летней кампании 1942 г. Огромную роль играл и сам Красноград – узел различных коммуникаций. Стремясь удержать его и имея при этом тяжелое положение с резервами в полосе действий 6-й армии Паулюса, фон Бок изъял резервы у 17-й армии и с их помощью подготовил контрудар на Андреевку и Сахновщину – во фланг группы генерала Бобкина.

В ночь на 16 мая противник взорвал все мосты через р. Берестовая, одновременно принял меры по упорядочению обороны вдоль ее западного берега. Впрочем, уже сама по себе река представляла серьезное препятствие для наступавших.

16 мая – фактически в последний день наступления – Совинформбюро сообщило: «В последний час. Успешное наступление наших войск на харьковском направлении. 12 мая наши войска, перейдя в наступление на харьковском направлении, прорвали оборону немецких войск и, отразив контратаки крупных танковых соединений и мотопехоты, продвигаются на запад.

За время с 12 по 16 мая наши части продвинулись на глубину 20–60 километров и освободили свыше 300 населенных пунктов. За названный период нашими войсками, по предварительным данным, захвачены у противника следующие трофеи: орудий – 365, танков – 25, минометов – 188, пулеметов – 379, снарядов – 46 413 и отдельно 89 ящиков со снарядами, мин – 23 284, патронов – около 1 000 000 штук, гранат – 13 000, автомашин – 90, радиостанций – 29, артиллерийских, продовольственных и вещевых складов – 38. Захвачено в плен свыше 1200 солдат и офицеров противника.

За это же время уничтожено: 400 немецких танков, 210 орудий, 33 миномета, 217 пулеметов, около 700 автомашин, более 100 подвод с грузами, 12 разных складов, 147 самолетов. Уничтожено около 12 тысяч немецких солдат и офицеров. Наступление продолжается» [103] .

Бои северной ударной группировки 16 мая в основном носили оборонительный характер. Враг предпринял несколько сильных контратак. Их удалось отбить, но соединения 21-й армии не смогли продвинуться вперед. На левом фланге (против 227-й дивизии) разведка обнаружила, что ночью противник отвел свои главные силы на рубеж р. Харьков. Командир 227-й дивизии полковник Г.М. Зайцев и его сосед генерал А.Д. Кулешов (командир 175-й дивизии 28-й армии), воспользовавшись этим, продвинули свои части на западный берег р. Липец.

В течение дня противник несколько раз действиями мотопехоты, поддержанной танками, пытался прорвать фронт 28-й армии в районе Терновой. Артиллерийским огнем и ударами

авиации эти попытки были отбиты. Тогда немецкое командование нарастило силы своей авиации. В дальнейшем выяснилось, что за три дня (с 14 по 16 мая) из Крыма на авиабазы Артемовска, Константиновки и Запорожья были переброшены 3-я истребительная, 55-я и 76-я бомбардировочные эскадры (немецкая эскадра примерно соответствовала советской авиадивизии. – *Авт.*). За это же время в состав Юго-Западного фронта прибыла лишь одна 220-я истребительная дивизия (два полка «ЛаГГ» и два полка «МиГ-3»).

На 17 мая задача северной группы оставалась прежней: разгромить вклинившуюся танковую группировку противника. Здесь уместно отметить одно обстоятельство, касающееся возможностей, которые представились 38-й армии в этот день, но не были реализованы. К тому времени силы врага в так называемом чугуевском выступе были сильно ослаблены. На шестидесятикилометровом участке против 199-й и 304-й стрелковых дивизий оставалось не более десяти вражеских батальонов. Удар 38-й армии на чугуевском направлении, следовательно, имел очень хорошие перспективы на успех.

В течение всего дня 16 мая немецкие части в полосе действий южной ударной группировки при поддержке танков и авиации оказывали упорное сопротивление. Возможность ввести в прорыв нашу подвижную группу возникла только к исходу дня, когда 266-я стрелковая дивизия переправилась через р. Берестовая в районе Парасковеи. Но нужно было еще восстановить мосты. Поэтому ввод 23-го и 21-го танковых корпусов отложили до следующего утра.

Части группы генерала Бобкина тем временем захватили переправы через р. Берестовая. К вечеру кавалеристы под командованием генерала А.А. Носкова охватили Красноград с трех сторон, завязав бои на его окраинах. 393-я дивизия вышла на рубеж Шкварово, Можарка. Ширина полосы наступления армейской группы превышала уже 50 км. В этот же день перешла в наступление и правофланговая 150-я дивизия 57-й армии Южного фронта – непосредственный сосед 270-й дивизии. К сожалению, она продвинулась всего на 6 км.

К исходу дня войска Юго-Западного фронта углубились в расположение противника на 20–50 км, нанеся сильные удары по 3-й и 23-й немецким танковым дивизиям (они потеряли почти половину танков), разгромили 79, 294, 62, 454 и 113-ю пехотные дивизии, «потрепали» 108-ю венгерскую и 4-ю румынскую пехотные дивизии, частично – 71-ю и 305-ю немецкие пехотные дивизии. Однако свои задачи не выполнили [104] .

Дело в том, что противник располагал гораздо большими

силами, чем предполагалось. Вводом резервов – двух танковых и двух пехотных дивизий – Паулюс добился превосходства на флангах северной ударной группировки и навязал ей тяжелые оборонительные бои. А на южном участке, бросив в бой до трех резервных пехотных дивизий, он достиг равновесия в силах, удерживая свой последний оборонительный рубеж на р. Берестовая. Большую роль сыграло и наращивание сил вражеской авиации.

С утра 17 мая, считая, что нет никаких признаков угрозы со стороны противника в полосе действий правого крыла Южного фронта на барвенковском направлении, командование Юго-Западного фронта продолжало развивать наступление на Харьков.

Боевые действия северной ударной группировки проходили в трудных условиях. Из-за плохого управления войсками 28-й армии инициатива в наступлении перешла к противнику. Главный удар в ее полосе нанесли 3-я и 23-я танковые и 71-я пехотная дивизии. Для его отражения командарм ввел в сражение основные силы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Наступление противника против правого фланга соседней 38-й армии успеха не имело.

Командующий 6-й армией ввел в сражение 21-й и 23-й танковые корпуса, стремясь развить удар на Харьков с юга. Затянувшийся ввод привел к тому, что танкисты вынуждены были сразу же преодолевать сопротивление противника, сумевшего организовать оборону в глубине. К исходу дня танковые корпуса продвинулись на 10–15 км, но оторваться от стрелковых соединений так и не смогли. На следующий день наступление танковых корпусов практически было приостановлено, так как поступил приказ о переброске их на новое направление.

Итак, основным недостатком в использовании танковых корпусов стал запоздалый ввод их в сражение. Момент внезапности был утрачен, противник подтянул свои резервы, произвел перегруппировку и занял тыловые оборонительные рубежи. Темпы наступления танковых корпусов были низкими. Не было также организовано их артиллерийское и авиационное обеспечение.

Прежде чем продолжить повествование о событиях под Харьковом, необходимо хотя бы бегло обрисовать обстановку в предшествующие дни в полосе Южного фронта. «Для лучшего уяснения происходивших здесь событий, – отмечает И.Х. Баграмян, – полезно сделать одно разъяснение. Главком Юго-Западного направления руководство подчиненными ему двумя фронтами осуществлял через небольшой по своему составу штаб направления. Но поскольку маршал Тимошенко одновременно

являлся и командующим Юго-Западным фронтом, войска которого решали в Харьковской операции главную задачу, он основное внимание уделял боевым действиям войск этого фронта. Как в период подготовки операции, так и с началом ее проведения главком, его штаб, командующие родами войск целиком были поглощены вопросами управления войсками Юго-Западного фронта. Южный же фронт в этой операции выполнял вспомогательную задачу. К тому же во главе войск этого фронта были опытные военачальники».

Эти обстоятельства и обусловили тот факт, что на первом этапе Харьковской операции контроль за действиями войск Южного фронта оказался ослабленным. Командование же этого фронта по ряду причин не придало должного значения выполнению своей главной задачи. К тому же с 7 по 15 мая 9-я армия, на которую была возложена задача прочно прикрыть от ударов противника с юга самое опасное направление для наступавших на Харьков войск левого крыла Юго-Западного фронта, проводила частную операцию по овладению районом Маяков [105] . Для этого были привлечены почти все силы, включенные в состав армейского резерва, – стрелковая дивизия, две танковые бригады. Втянутыми в сражение оказались и основные силы 5-го кавалерийского корпуса, составлявшего резерв Южного фронта (две кавалерийские дивизии, одна танковая бригада), то есть те соединения, которые предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии на барвенковском направлении.

Поняв опасные последствия действий в направлении на Маяки, начальник штаба направления генерал И.Х. Баграмян доложил об этом Военному совету и главкому и просил отдать распоряжение о прекращении операции, возвращении всех войск резерва Южного фронта в район Барвенково. Тимошенко и Хрущев, однако, решили, что, поскольку операция уже ведется и, по всей вероятности, притягивает к району действий оперативные резервы противника, вряд ли целесообразно ее прекращать, тем более что, судя по донесениям командования и штаба Южного фронта, они не видели признаков угрозы со стороны противника на барвенковском направлении. Баграмяну было предложено выяснить, каково истинное положение дел в районе Маяков и также ближайшие планы командования и штаба Южного фронта.

Заместитель Баграмяна генерал-майор Л.В. Ветошников связался по прямому проводу с начштаба фронта А.И. Антоновым, чтобы выяснить сложившуюся в районе Маяков обстановку. Антонов сообщил, что из-за возрастающего сопротивления противника 9-я армия не достигла успеха, но решение

продолжать наступление на Маяки не отменено, так как Военный совет фронта считает этот населенный пункт очень важным объектом, а решение овладеть им является в сложившейся обстановке целесообразным. Ослабление же резервов в районе Барвенково произведено с разрешения командующего войсками фронта [106] .

Далее генерал Ветошников сообщил Антонову: «…Товарищ Баграмян просил передать Вам его мнение, что, не будут ли являться действия у Маяки лишь истощением своих сил, учитывая в то же время в перспективе возможную активизацию противника. Товарища Баграмяна сейчас особенно беспокоит возможный контрудар противника на барвенковском и славянском направлениях. А отсюда, не целесообразнее ли будет лучше сохранить свои силы и подготовиться для отражения этого возможного контрудара. Каково ваше мнение по этому вопросу?» А.И. Антонов ответил: «Я считаю, что если в течение сегодняшнего дня и ночи удастся овладеть районом лесничества, то это даст нам возможность выйти из леса на высоты южнее Маяки и отрезать их от Славянска, что в дальнейшем позволит полностью ликвидировать гарнизон, находящийся в Маяки, для нас это было бы очень важно. Если дело с лесничеством быстро разрешить не удастся, то придется все это предприятие прекратить. Таким образом, решение этого вопроса прошу отложить до завтрашнего утра» [107] .

15 мая начальник штаба Южного фронта доложил, что боевые действия в течение второй половины дня 14 мая и ночи на 15 мая положительных результатов не дали. Сломить вражеское сопротивление не удалось. В то же время, по его мнению, перед фронтом 9-й армии противник особой активности не проявляет. Он проинформировал также, что для усиления района Барвенково 34-я кавалерийская дивизия 5-го кавалерийского корпуса ночью выведена в район Никополь, Васильевка, Григоровка [108] .

В ночь на 17 мая командующий 9-й армией генерал Ф.М. Харитонов прибыл на вспомогательный пункт управления армии, развернувшийся в селе Долгенькое. Тогда генерал не знал, что войска Клейста, завершив перегруппировку, уже вышли в исходное положение для наступления. На участке прорыва шириной 40 км были сосредоточены 3-й моторизованный корпус (14-я танковая дивизия и боевая группа Барба, 60-я моторизованная, 1-я горно-стрелковая, 100-я венгерская и 20-я румынская пехотная дивизии), 44-й армейский корпус (16-я танковая, 68, 389, 384-я пехотные и 97-я мотопехотная дивизии), 52-й армейский корпус (легкопехотная, два полка 257-й пехотной дивизии и 500-й штрафной батальон). Итак, против 9-й армии

изготовились для удара 11 дивизий и до 360 танков.

Эти крупные силы, действовавшие перед южным флангом барвенковского плацдарма, вражеское командование предназначало для двух ударов – на Барвенково и Долгенькое. Противник планировал рассечь оборону 9-й армии, окружить и уничтожить ее соединения восточнее Барвенково, выйти на р. Северский Донец в районе Изюм, Петровское, форсировать ее и нанести удар на Балаклею. Там наступающие должны были соединиться с 6-й немецкой армией, оборонявшей чугуевский плацдарм. Тем самым достигалось окружение всей группировки советских войск внутри барвенковского выступа.

Возникает резонный вопрос: могло ли командование направления предвидеть действия противника и своевременно принять необходимые меры? Ряд свидетельств участников тех событий позволяет дать ответ на этот вопрос.

Бывший командир 106-й стрелковой дивизии Н.Г. Лященко в своих мемуарах пишет о донесениях разведки, свидетельствовавших о том, что противник еще в начале мая на участке дивизии начал перемещение войск, усиленно ремонтировал боевую технику. Комдив доложил об этом в штаб 9-й армии, однако начальник штаба генерал-майор Ф.К. Корженевич заверил, что активных действий немецких войск не предвидится, а перемещение отдельных вражеских частей всего лишь демонстрация. Уже вечером 15 мая разведчики обнаружили прибытие в село Андреевку до полка пехоты. Этому тоже было объяснение: «Немцы сменяют войска. Лучшие части тянут на участок, где наступают наши армии. Против нас – потрепанные» [109] .

В тот же день в беседе с членом Военного совета 9-й армии К.В. Крайнюковым Лященко сообщил, что противник затаился, даже перестал вести разведку. Не перед бурей?

Крайнюков успокоил: «Фашистам сейчас не до этого. Скажу по секрету, в прорыв вот-вот будут введены танковые корпуса».

Но игнорировать и дальше сведения о сосредоточении против армии группировки Клейста было нельзя, и командарм Ф.М. Харитонов обратился к главкому направления.

«В Славянске, говоришь, концентрируется Клейст? – врастяжку произнес маршал Тимошенко. – Думаю, не до прорыва фашистам будет, когда мы ударим (очевидно, маршал имел в виду тот же не состоявшийся своевременно ввод в прорыв танковых корпусов. – *Авт.*). Занимайтесь делом. Или боитесь, товарищ Харитонов? С каких это пор вы стали робким?» [110]

Сведения о концентрации войск противника в районе Славянска поступали не только из 9-й армии. Бывший начальник

разведки 57-й армии полковник в отставке А.Д. Синяев рассказывал: «В Славянск мы перебросили двух своих разведчиков – девушку лет восемнадцати, помню ее имя – Саша, и подростка лет четырнадцати – Ваню. Очень толковые и смелые ребята. Они не раз до этого выполняли наши задания в тылу врага. Поставили им задачу: выяснить обстановку, по возможности выведать намерения немцев.

Дня за три до начала наступления Клейста они вернулись. Саша доложила, что немцы сосредоточили в районе города много войск, особенно танков. Из подслушанного разговора немецких офицеров она узнала, что наступление намечается на 18 мая. Ваня сообщил примерно то же самое, правда, даты он не знал, но подтвердил: готовятся к наступлению.

Я немедленно доложил Подласу. Мы вместе служили еще на Хасане, он меня хорошо знал и доверял. Командарм был очень озабочен и сказал, что надо сейчас же предупредить командиров дивизий – возможен удар противника на Александровку и к Северскому Донцу. Так и сделали. А на следующий день приехал начальник штаба фронта генерал Антонов и комиссар штаба. Вызвали меня. Комиссар спросил: «Откуда у вас, подполковник, сведения, что немцы готовятся наступать?» Я объяснил. Он не поверил: «Это выдумка. Такие «данные» сеют в войсках панику. Я расцениваю их как трусость». И тут же предложил Подласу снять меня с должности.

Кузьма Петрович решительно возразил: «А я полностью согласен с товарищем Синяевым и его выводами. И доклад его совершенно правильный». Тут Антонов, который за все время разговора не проронил ни слова, обратился ко мне: «Все, товарищ Синяев, вы можете идти».

Вышел я, разумеется, с тяжелым настроением. О чем был разговор в мое отсутствие – не знаю, до следующего утра с командармом встречаться не пришлось, ну а утром немцы ударили по 9-й армии».

Были и другие свидетельства того, что противник готовился нанести удар по правому крылу Южного фронта.

В справке-докладе от 12 мая начальника разведотдела штаба юго-западного направления полковника Виноградова отмечается: «Краматорское направление:…по агентурным данным на 8 мая, от станции Доброполье (144 км севернее Гришино) на Степановку (36 км юго-западнее Краматорская) и обратно проследовало 160 крытых автомашин с опознавательными знаками 100-й пехотной, 60-й моторизованной и 14-й танковой дивизий. В районе Анновка, Александровский, Прасковьево обращено внимание на большое скопление войск и автомашин с теми же

опознавательными знаками. На Краматорская и Славянск проследовало 15 танков, из них 8 убыли в направлении Райгородок» [111] .

Было отмечено передвижение частей противника перед фронтом армии в восточном направлении. Видимо, после получения именно этого донесения генерал-лейтенант Антонов сразу же сделал телеграфный запрос в 9-ю армию о положении в районе Маяков и о том, как ведет себя противник перед армией. Ему доложили, что «попытка усиленного стрелкового батальона, выделенного от 51-й дивизии, овладеть лесничеством не удалась – препятствует сильный заградительный огонь минометов противника. Только на опушке леса у лесничества немцы выпустили до трех тысяч мин. Из-за плохих условий наблюдения обнаружить вражеские огневые позиции и подавить их никак не получается. Утром 17 мая, используя все виды разведки, намечено выявить-таки места минометных батарей, подавить их и снова атаковать лесничество. Что же касается поведения противника, то он особой активности не проявляет. В общем, ничего существенного…» [112] .

Обратимся, наконец, к воспоминаниям Н.С. Хрущева. Рассказывая о начале и развитии наступления, он отмечает: «… Нас озадачило, что мы слишком легко преодолели передний край противника. Мы скоро убедились, что против нас почти нет сил (что явно не соответствовало действительности. – *Авт.*). Следовательно, мы сами лезли в какую-то расставленную для нас ловушку…

Мы рассматривали ситуацию и предположили, что противник сейчас сосредоточил свою группировку на нашем левом фланге, на участке, который входил в состав Южного фронта в районе Славянска. Мы ждали, что отсюда он ударит нам во фланг. Это было очень опасное направление… Главный удар был с юга» [113] .

Если принять все это на веру, то тем более непонятнее становятся дальнейшие действия Военного совета юго-западного направления, усугубляющие вину и его главкома, и члена Военного совета, и начальника штаба.

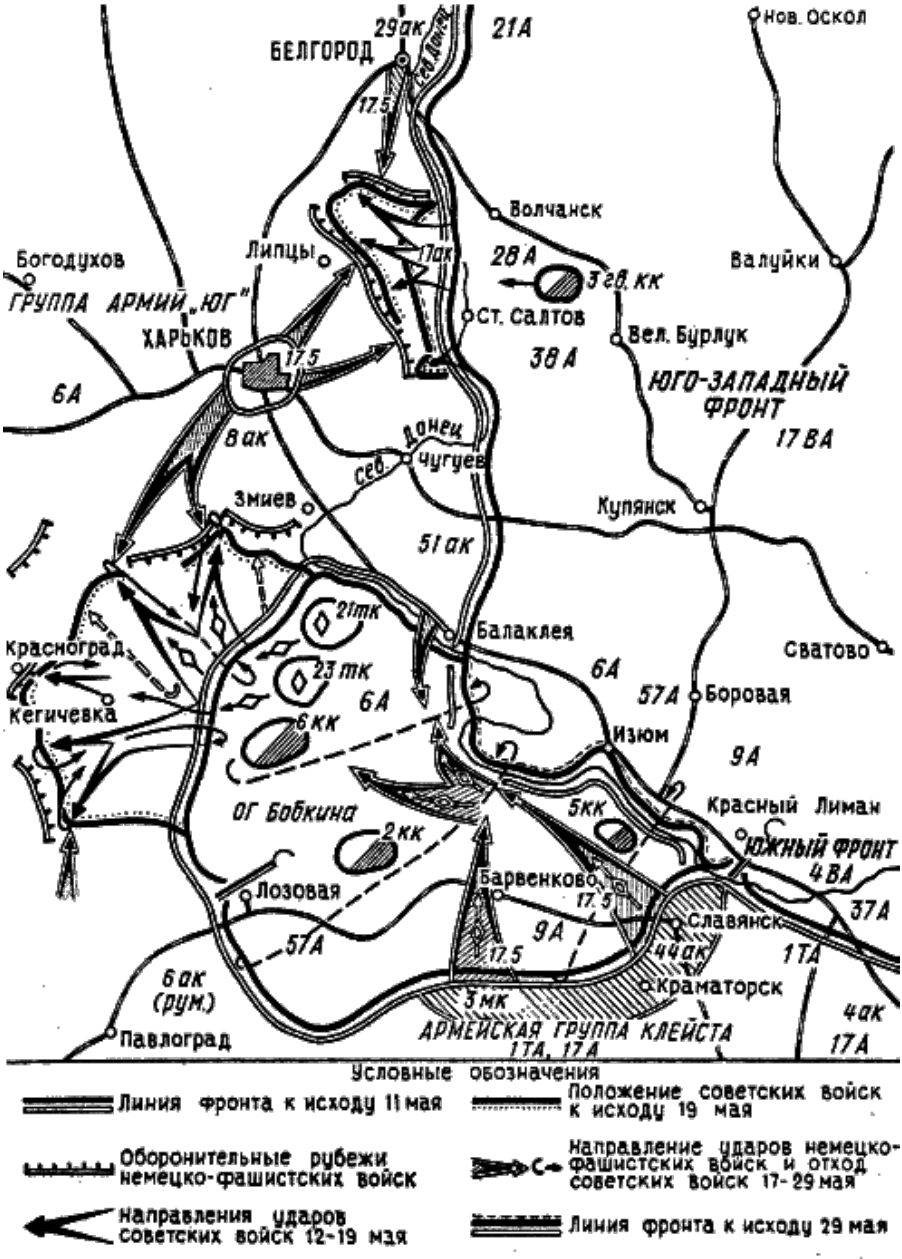
Разумеется, все было далеко не так просто, а приведенные рассуждения члена Военного совета не соответствуют действительности: «Мы тогда решили приостановить наше наступление, потому что оно отвечало планам нашего врага. Чем мы глубже будем вклиниваться, продвигаться на запад, тем больше растянем свою линию и разжижим войска. Ослабим и обнажим свой левый фланг и создадим условия для более легкого прорыва немцев, окружения и уничтожения наших войск.

Мы остановили наступление. Отдали приказ вывести танковые и противотанковые бригады, артиллерию. Одним словом, мы стали перекантовывать свои войска на открытый левый фланг. Мы считали, что это единственная возможность, единственное правильное решение при сложившихся обстоятельствах. На севере ничего не предпринимали и продолжали там операцию. Но операция успеха не имела. Мы раскрыли замысел противника, но, к сожалению, поздно…» [114]

На самом деле замысел противника был раскрыт, когда тот уже нанес удар, да и наступление не было остановлено, а меры, о которых пишет Н.С. Хрущев, принимались с большим опозданием.

Под утро на участке 155-й стрелковой дивизии боевое охранение захватило в плен немецкого сапера, проделывавшего проход в нашем минном поле. Он сообщил, что через два часа начнется наступление. Пленного направили в штаб армии. Оттуда позвонили Харитонову, но было уже поздно. В 5 часов 45 минут на оборонительные позиции 9-й армии, места расположения штабов соединений, сосредоточение войск обрушились тысячи снарядов и мин, а вслед за мощным ударом вражеской артиллерии в атаку устремились танки и мотопехота.

Действия наземных войск противника активно поддерживала авиация, которая доставляла оборонявшимся, пожалуй, не меньше неприятностей, чем артиллерия и танки, а в отдельных случаях и больше. Если первым двум еще можно было противостоять, умело используя имевшиеся в наличии артиллерию, противотанковые ружья, мины, наконец, гранаты и бутылки с зажигательной смесью, то от воздушного противника войска были практически беззащитны. Флагманский штурман 288-го бомбардировочного авиаполка капитан Денисенко, который находился в момент начала наступления группы Клейста на аэродроме в Александровке (в 20 км юго-восточнее Изюма. – *Авт.*), так впоследствии описал действия немецкой авиации при прорыве обороны 9-й армии: «Первая группа немецких самолетов в составе 18 бомбардировщиков типа «Ю-88» и «Хе-111» под прикрытием 12 истребителей «Ме-109» и «Ме-110» (последние пикировали) в 4.20 17 мая пришла на высоте 2500–2800 метров со стороны юго-востока (Краматорская, Славянск). Она произвела горизонтальное бомбардирование переправ у Банного и сосредоточения наших войск у Голой Долины, Долгенького.



Боевые действия под Харьковом 19–29 мая 1942 г.

Бомбардировочная группа ушла на северо-запад в сторону Харькова, а группа истребителей осталась над нашими войсками, штурмовыми действиями уничтожая зенитную артиллерию.

В 4.35 во время штурмовки истребителей подошла вторая группа – 12–15 бомбардировщиков – со стороны Красноармейского и бомбила с пикирования в составе звена и пары самолетов с выходом из пике на 800–1000 метров с

самостоятельным уходом на юг в сторону Краматорского, Сталино.

С приходом бомбардировщиков истребители ушли на юг. В 5.10–5.15 появились 15 истребителей со стороны Артемовска, Славянска и штурмовыми действиями уничтожали наши наземные войска и зенитную артиллерию в районе Долгенькое, Голая Долина, Банное. Ушли на юг по приходу четвертой группы.

В 5.20–5.25 со стороны Харькова появилась четвертая группа – 18–20 бомбардировщиков. Встали в круг, разделившись по 2–3 самолета, и начали бомбардировать наши войска и переправы в районе Банное, Голая Долина, Долгенькое. В течение 20 минут эта группа находилась над нашими войсками и методически бомбила их, сбрасывая по 2–3 бомбы за заход. Ушла на юг с подходом пятой группы – до 15 бомбардировщиков под прикрытием 10 истребителей.

Наша зенитная артиллерия в это время вела незначительный и неэффективный огонь, вероятно, была подавлена (зенитная артиллерия 9-й армии к началу наступления противника насчитывала всего 33 орудия, 11 зенитно-пулеметных установок. 12 орудий прикрывали переправу через Северский Донец в районе села Банное, 9 – район сосредоточения войск близ Святогорской. – *Авт.*). Пятая группа производила бомбометание с горизонтального полета и ушла компактной группой на северо-запад. Истребители остались над целью и штурмовали наши войска, снижаясь до 300–500 метров, и ушли затем на юго-запад.

И так эти волны по 15–20 бомбардировщиков с прикрытием и без прикрытия истребителей приходили с юга, уходили на северо-запад, приходили с запада и уходили на юго-запад, приходили с северо-запада и уходили на юго-запад. Все это продолжалось сплошным звездным налетом с 4.20 до 13.30 17 мая беспрерывно.

После 13.30 стали появляться одиночные самолеты-разведчики на высоте 2500–3000 метров, временами приходили истребители «Ме-109» группами по 2–3 самолета, производили одиночное пикирование на наши войска. По мере ухода пятой группы самолетов противника наша зенитная артиллерия огня почти не вела, были видны лишь одиночные разрывы.

Нашей авиации в это время с 4.20 до исхода дня в воздухе на этом участке не было видно ни одного самолета…

И если подсчитать, что с 4.20 до 5.20 – в течение часа – над нашими войсками было до 65–70 бомбардировщиков и до 35–40 истребителей, и это продолжалось до 13.13 беспрерывно, то можно сказать, что немцы бросили на этот участок за девять часов 290–315 бомбардировщиков, совершавших по два вылета, что составило 580–630 самолетов, и до 105–120 истребителей

совершили по три вылета, что составило 315–360 самолето-вылетов» [115] .

Генерал Харитонов услышал нарастающий гул вражеских самолетов. Раздались взрывы авиабомб. Загорелись здания. Из штаба и узла связи стали выскакивать бойцы и командиры. К командующему подбежал радист – вызывал генерал Егоров, командир 150-й стрелковой дивизии. «Веду тяжелый бой! В полосе дивизии до ста вражеских танков. Понес большие потери. Боевые порядки бомбит вражеская авиация», – докладывал комдив.

Ответить ему Харитонов не успел. Связь оборвалась. Командующий приказал соединить его с командирами других дивизий. Вызвал офицеров связи, начал отдавать приказания. Переговорил с Дмитриевым и Лященко. Вскоре прибыл офицер из дивизии Егорова.

Обстановка постепенно прояснялась. «На рассвете… началась артиллерийская и авиационная подготовка в полосе обороны 9-й армии. Она длилась полтора-два часа, – вспоминает И.Х. Баграмян. – После этого пехота и танки противника ринулись в атаку при поддержке 400 самолетов на двух направлениях: из района Андреевки на Барвенково и со стороны Славянска на Долгенькое.

Обходя опорные пункты и заграждения, вражеские подвижные группы устремились на фланги и тылы частей и соединений 9-й армии. К 8 часам утра ее оборона на обоих направлениях была прорвана… Авиация противника разбомбила вспомогательный пункт управления и узел связи… Во время одной из жесточайших бомбежек был ранен начальник штаба армии… Не прекращавшиеся в течение дня налеты авиации серьезно нарушили управление войсками.

К полудню командарм генерал Ф.М. Харитонов со штабом переехал на основной командный пункт в Каменку, откуда возможность руководить войсками была весьма ограниченна… Вскоре командующий и штаб перебрались в район Песков (на левом берегу Северского Донца)…» [116]

Сложилась чрезвычайно тяжелая обстановка. На 96-километровом фронте 9-й армии противник превосходил советские войска по пехоте в 1,4 раза, по количеству орудий – вдвое, по танкам – в 6,5, противотанковым орудиям – в 1,8 раза. Еще большим превосходством он обладал на участке прорыва. Особую опасность представляли вражеские танки. Дело в том, что, обороняясь в столь широкой полосе, 9-я армия не имела второго эшелона. Ее оборона носила очаговый характер, была слабо подготовлена в инженерном отношении. Отсутствовали

вторые эшелоны и в дивизиях. Глубина тактической зоны не превышала 4–5 км. Командование Южного фронта так характеризовало инженерное оборудование обороны 9-й армии: «В дивизиях в основном были созданы окопы полного профиля с ходами сообщения и блиндажи с легкими перекрытиями, приступили к строительству дзотов. Противопехотные и противотанковые препятствия имелись в очень ограниченном количестве. Работы по приспособлению к обороне населенных пунктов были развернуты мало. Особенно плохо обстояло дело с созданием глубины обороны дивизионных полос.

Это зависело, с одной стороны, от неполной укомплектованности частей и от недостатка взрывчатых веществ, противопехотных и противотанковых мин, колючей проволоки, которые начали поступать в Инженерное управление фронта из центра только после начала наступления противника.

При ограниченных активных противотанковых средствах и слабо развитых противотанковых препятствиях в условиях местности, почти всюду доступной для танков, оборона армии не могла противостоять массовой атаке танков противника и не была упругой, так как дивизии по своей малочисленности не могли построить свои силы на достаточную глубину» [117] .

Штаб Южного фронта узнал о наступлении противника только во второй половине дня, когда враг уже завершал прорыв тактической зоны обороны. А к исходу дня, когда о случившемся стало известно штабу юго-западного направления, немецкие соединения уже прорвались в оперативную глубину. Они вступили в бой с резервами 9-й армии и фронта.

«Наступление вражеских войск, – писал К.С. Москаленко, – явилось самой большой угрозой, какую только можно было представить. Удар был нацелен в глубокий тыл южной группировки Юго-Западного фронта и 57-й армии Южного фронта. В случае удачи немецко-фашистские войска не только сводили на нет все успехи, достигнутые войсками Юго-Западного направления в течение зимней кампании, и срывали операцию по овладению Харьковским промышленным районом, но и угрожали окружением крупной группировке наших войск, в том числе и 6-й армии – самой сильной и боеспособной в составе Юго-Западного фронта» [118] .

В полосе обороны 9-й армии между тем шли тяжелые, кровопролитные бои. На боевые порядки 106-й стрелковой дивизии обрушился удар до двух пехотных дивизий противника и до 80 танков. Командир 534-го стрелкового полка полковник А.Г. Сергеев доложил комдиву: «Несколько фашистских танков подорвались на минах у Голубовки, остальные прут на меня…»

Сергеев отдал распоряжение командиру батареи 45-миллиметровых орудий не открывать огня, пока танки не подойдут на прямой выстрел, вперед выдвинуть пулеметчиков и отсекать пехоту от танков. Бойцы стояли насмерть. Жгли бронетранспортеры, бросались со связками гранат под танки, умирали, но держались. И все же слишком велико было превосходство противника в силах и средствах. Оборона дивизии оказалась прорванной. К 11 часам соединение отошло на новый рубеж, вражеские танки начали обходить фланги, отрезая пути отхода 442-го и 387-го стрелковых полков.

В 15.30 последовала новая атака пехоты и танков. Части 106-й стрелковой дивизии выстояли. Тогда танки противника повернули на Барвенково, обошли его и перерезали дорогу на Изюм. На участке правофлангового соседа – 341-й стрелковой дивизии полковника А.И. Шагина – вражеская мотопехота при поддержке тридцати танков прорвала оборону и вышла на левый фланг 351-й стрелковой дивизии 57-й армии. К исходу дня противник достиг села Богдановo.

Несколько часов удерживала свой участок на рубеже Кантемировка, совхоз Большевик 349-я стрелковая дивизия под командованием полковника Ф. Брайляна. Но когда противник потеснил 335-ю дивизию полковника И.А. Шевченко, 349-я вынуждена была также отойти на северо-запад.

335-ю стрелковую дивизию атаковали четыре полка пехоты и около 80 танков. В жестоком бою части дивизии уничтожили 20 немецких танков, свыше двух батальонов пехоты. Получив отпор, противник отошел, но потом атаки повторились еще большими силами. В конце концов ему удалось прорвать оборону, и он стал расширять прорыв на северо-запад и на запад. В 16.30 дивизия И.А. Шевченко под натиском врага, понеся большие потери, отошла на рубеж Александровка, Черкасское, Знаменка, но к этому времени немецкие части обошли левый фланг и вышли в тыл дивизии [119] .

Тяжелая обстановка сложилась в полосе обороны 51-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Ф. Филиппова, которая сдерживала натиск двух немецких пехотных дивизий, 60 танков, поддержанных 70 самолетами. Ее части упорно оборонялись до 14 часов, после чего отошли на второй оборонительный рубеж.

К 11 часам утра противнику удалось смять левый фланг 106-й стрелковой дивизии. Его танки прорвались восточнее Шаврово, пехота начала обходить село Громовая Балка. Вслед за этим была прорвана оборона на стыке с 349-й стрелковой дивизией. Враг устремился на Барвенково, связь с соседями прервалась. Из

частей поступали сообщения: противник окружил Шавроово, Беззаботовку… взял Очеретино… подходит к Непременному… Прервана связь со штабом армии. Последнее сообщение оттуда: штаб подвергся сильному налету вражеской авиации, ранен генерал-майор Ф.К. Корженевич, принято решение отойти за Северский Донец, куда уже уходят тылы [120] .

Продвижение противника отнюдь не было триумфальным маршем. Вот что пишет П. Карель о боях одного из пехотных подразделений, действовавшего 17 мая в районе села Маяки: «… Рота лейтенанта Тойбера из 466-го пехотного полка атаковала русские позиции на опушке леса. Над головами солдат ревели моторы пикировщиков, обрушивших бомбы на выявленные опорные пункты, блиндажи и огневые позиции. Между боевыми порядками взводов двигались самоходные зенитные установки, заменившие недостающие танки. Прямой наводкой они расстреливали советские очаги сопротивления…

Первая хорошо оборудованная позиция русских была разрушена бомбами и снарядами. Но, несмотря на это, уцелевший после артподготовки противник оказал ожесточенное сопротивление. Батальон, на позиции которого ворвался 466-й пехотный полк, сражался до последнего человека. 450 мертвых русских – яркое свидетельство ожесточенности борьбы.

Очень медленно пробивался полк сквозь густой кустарник, минные поля, лесные завалы… Русские вели огонь из пулеметов, карабинов, ружейных гранатометов. Рота не могла продвинуться ни на шаг вперед. Тойбер через офицера-корректировщика вызвал артиллерийский огонь, но русская артиллерия в свою очередь поставила заградительный огонь.

Наконец, солдаты ворвались в русские окопы. В этот момент их накрыл артиллерийский налет, и, не имея возможности поднять головы, на дне окопов распластались рядом – и немцы, и русские… Преодолев окопы, немцы в тылу захватили русскую полевую кухню с уже приготовленным завтраком, задержались около нее, и тут над ними на малой высоте сделал вираж русский двукрылый самолет, открыл огонь из бортового пулемета. Ответным огнем «ночная машина» (так автор называет легкий учебный самолет «У-2». – *Авт.*) была подбита и приземлилась в двухстах метрах от расположения роты.

Первый взвод бросился к самолету, но экипаж отстреливался из пулемета. Когда у него кончились патроны, летчик и его спутник выбрались из машины. На окрик «Руки вверх!» оба выхватили пистолеты. «Ложись!» – крикнул командир взвода. Но оба летчика уже не помышляли об обороне, а лишь о том, чтобы не попасть в плен. Они застрелились. Вторым из погибших

оказалась девушка со знаками различия младшего лейтенанта» [121] .

Отдельный учебный батальон 106-й стрелковой дивизии под командованием подполковника Захарова прикрывал эвакуацию из Барвенково 143-го медико-санитарного батальона и армейского полевого госпиталя, в которых находилось около 500 раненых. До позднего вечера подразделения батальона, отбивая многочисленные атаки врага, удерживали свои позиции, сожгли один и подбили три немецких танка, уничтожили до сотни вражеских солдат. И только когда эвакуация раненых была закончена, организованно отошли в направлении Изюма [122] .

Генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, узнав о прорыве, передал из фронтового резерва в подчинение 9-й армии 5-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора И.А. Плиева. Одновременно он приказал перебросить автотранспортом и по железной дороге из района Лисичанска и тоже подчинить Харитонову 296-ю стрелковую дивизию и 3-ю отдельную танковую бригаду. Но этого было слишком мало, а главное – время было упущено. Тем не менее части 5-го кавалерийского корпуса, вступившие в сражение, оказали врагу упорное сопротивление. В течение дня они вывели из строя около 40 немецких танков и более 50 автомашин с пехотой.

Самоотверженно отражали натиск противника артиллеристы. 4-й гвардейский гаубичный артполк удерживал свой рубеж обороны в районе Никольского до 11 часов, а затем, отойдя к селу Адамовка, продержался там до вечера. 68-й гвардейский гаубичный артполк, поддерживая части 51-й стрелковой дивизии, не оставлял огневых позиций до 13 часов. Сменив по распоряжению командующего артиллерией дивизии боевой порядок, отбивал атаки пехоты и танков до 17 часов. 2-я батарея 186-го легкого артполка в течение двух с половиной часов отразила три танковые атаки [123] .

Утром 18 мая противник возобновил наступление на север из районов Барвенкова и Долгенького. К 10 часам он овладел южной частью города Изюм, вынудив соединения 9-й армии, которые в течение всего дня вели упорные оборонительные бои с целью не позволить врагу форсировать Северский Донец, отойти. На другой день поредевшие дивизии перебрались на восточный берег и закрепились на нем.

Харитонов неподвижно стоял возле переправы и молча глядел на вереницу машин и повозок, густым потоком, в несколько рядов, въезжавших на широкий настил моста и на противоположном берегу растекавшихся в разные стороны. Войска отступали. Отходили тылы. К переправе приближались

танки противника. В небе свирепствовали немецкие самолеты.

К лесочку, где развернулся командный пункт армии, подъехала легковая автомашина. Из нее вышел командующий войсками фронта. Харитонов подошел к нему, чтобы отдать рапорт, но Малиновский, даже не взглянув на командарма, проследовал мимо. «Потери?» – на ходу резко спросил он. Харитонов ответил, что потери армии велики.

«Откуда вы это знаете? – взорвался командующий. – Сидите тут, как запорожец за Дунаем… Дайте карту!» – бросил он начальнику оперативного отдела. Тот протянул карту. Командующий развернул ее на капоте «эмки», сличил со своей. Уже садясь в машину и не глядя на Харитонова, проговорил: «Я отстраняю вас, генерал Харитонов, от должности. Дела сдайте генералу Козлову и выезжайте в Шандриголово – в штаб фронта». Итак, 20 мая стало для Харитонова последним днем командования 9-й армией.

Несмотря на героическое сопротивление оборонявшихся, вражеские войска, имея превосходство в танках, артиллерии и авиации, уже к полудню продвинулись на изюмском и барвенковском направлениях в глубь нашей обороны на 20 км, проникли на южную окраину Барвенково и в район Голой Долины. Авиация противника, поддерживая наземные войска, проявила в этот день большую активность и совершила около 200 самолето-вылетов. Авиация же Южного фронта совершила их всего 67.

В этих условиях войска фронта вынуждены были вести бои изолированно. Быстрое выдвижение противника в глубь обороны 9-й армии создало угрозу для аэродромов этой армии, а также находившимся в Изюме и Петровской аэродромам 57-й армии. Срочная их эвакуация привела к тому, что и в этот день авиация Южного фронта не смогла оказать существенного влияния на ход боевых действий.

Враг рвался к Барвенково. До полка пехоты с 14 танками атаковали подразделения 442-го полка 106-й стрелковой дивизии, которые возглавлял старший лейтенант Манаевский. Противник уже потерял восемь танков, но так и не смог сломить сопротивление бойцов и во второй половине дня вынужден был обойти их со стороны Викино. Упорный бой продолжал вести 553-й артиллерийский полк этой же дивизии – перед его позициями тоже горели вражеские танки. Пять из них, расстреляв последние снаряды, уничтожила 6-я батарея старшего лейтенанта Севостьянова. Рядовой Аслямов поджег из противотанкового ружья еще три танка; батарейцы пустили в ход гранаты, бутылки с зажигательной смесью, и все погибли в бою. Понесли большие

потери и другие подразделения полка [124] .

В оборонительных боях на подступах к Барвенково и в самом городе героизм и воинское мастерство проявили бойцы 897-го артиллерийского полка 333-й дивизии, которую возглавлял генерал-майор Я.С. Дашевский. Когда вражеские танки подошли к городу, первой открыла огонь батарея старшего лейтенанта Порохина. Подбив головной танк, артиллеристы вынудили остановиться всю колонну. Тогда открыли беглый огонь остальные батареи и подожгли еще 9 танков. На южной окраине Барвенкова расчет сержанта Сухоноса огнем прямой наводкой уничтожил четыре танка. Остальные скрылись за полотном железной дороги, но через короткое время, обойдя позицию батареи со стороны р. Сухой Торец, атаковали ее – и снова неудачно. В этом бою расчет Сухоноса погиб полностью.

3-я батарея на правом фланге дивизии, отбивая атаки гранатами, уничтожила свыше ста вражеских солдат и офицеров. Взводы управления подразделений артполка сдерживали натиск врага вместе с пехотинцами. Командир отделения разведки 1-го дивизиона старший сержант Новокшапов и старший разведчик-наблюдатель рядовой Южнов корректировали огонь батарей с наблюдательного пункта до тех пор, пока его не окружили немецкие автоматчики. Тогда они открыли огонь из ручного пулемета. Уничтожив меткими очередями около пятидесяти солдат противника, оба разведчика пробились к своим и даже вынесли пулемет. Наводчик полковой батареи 1118-го стрелкового полка младший сержант Часник в момент подхода вражеских бронемашин огнем прямой наводкой разрушил мост, соединявший Богодарово и Барвенково. Следующими выстрелами он подбил две из них. В бою на северной окраине Барвенкова батарея попала в окружение. Расчет Часныка отразил атаку трех танков и затем обеспечивал отход своих товарищей на новую позицию.

В бою за Барвенково немецкие подразделения столкнулись с новым «оружием», которым был оснащен 8-й отдельный отряд 9-й армии, а именно с собаками – истребителями танков, специально обученными уничтожать бронированные машины с помощью заряда взрывчатки. Особенно успешно действовал взвод сержанта Зубко, подорвавший семь вражеских танков [125] .

К 17 часам противник, сломив сопротивление 1118-го полка 333-й стрелковой дивизии и частей 34-й кавалерийской дивизии, захватил Барвенково, за исключением северо-западной части города, находившейся на противоположном берегу р. Сухой Торец. Встретив здесь отпор частей 341-й стрелковой дивизии, пехота и танки двинулись на восток вдоль реки. 34-я

кавалерийская дивизия под командованием А.Н. Инаури начала отход к северу и к исходу дня совместно с отошедшими подразделениями 106-й стрелковой дивизии заняла оборону по рубежу Ильичевка, Краснозоревка, Григоровка, преградив немецким войскам путь на Изюм.

На левом фланге 9-й армии танковый таран врага к 14 часам достиг района Долгенькое, Голая Долина. Группы танков и пехоты, посаженной на броню и автомашины, стали распространяться в западном и восточном направлениях, охватывая соединения 5-го кавалерийского корпуса в районе Ильичевка, Курулька, Дубровка и стремясь выйти к переправам через Северский Донец у Богородичного и Банновского. Но это им не удалось. Части корпуса смелыми контратаками остановили врага. Его попытки прорваться к переправам через Северский Донец в районе Долгенького, Голой Долины сорвали части 333-й и 51-й стрелковых дивизий.

На этих рубежах так же, как и под Барвенково, советские воины оказывали врагу упорное сопротивление. Вынужденные отходить под давлением превосходящих сил противника, они успевали наносить ему ощутимый урон. В докладе группы командиров и политработников, созданной по распоряжению члена Военного совета Южного фронта дивизионного комиссара И.И. Ларина, приводились многочисленные примеры стойкости, мужества и героизма воинов этих двух дивизий. Вот некоторые из них: «Военком 3-го батальона 263-го стрелкового полка 51-й дивизии политрук Запорожан мобилизовал весь личный состав батальона и подготовил его к отражению наступления противника. Когда немцы под прикрытием танков двинули в наступление пехоту, батальон мощным огнем отразил эту атаку. В ходе боев противник потерял до 100 солдат и 3 танка. Запорожан лично уничтожил 7 фашистов.

В этом же полку красноармеец А. Вишняков вынес с поля боя 9 раненых бойцов с их личным оружием. Сам Вишняков уничтожил несколько фашистов.

Начальник штаба 3-го батальона 263-го стрелкового полка П.М. Желяев (воинское звание в документе не указано. – *Авт* .) с группой бойцов, замаскировавшись в кустах, пропустил вражеские танки, а по пехоте, следовавшей за ними, открыл огонь и уничтожил 20 фашистских солдат.

Политрук стрелковой роты 348-го стрелкового полка младший политрук Голлерштейн в течение пяти часов с 15 бойцами сдерживал наступление противника, уничтожив при этом до 80 солдат и офицеров. Товарищ Голлерштейн со своим подразделением не оставил занимаемого рубежа и пал смертью

храбрых.

Военком батареи 45-мм орудий младший политрук Чертов до последнего снаряда расстреливал наседавших на него автоматчиков и мотоциклистов противника и погиб в этом бою смертью храбрых» [126] .

Все, что происходило в полосе действий Южного фронта, стало известно в штабе юго-западного направления лишь вечером 17 мая. Исходя из доклада командующего войсками Южного фронта, главком направления передал ему свой резерв – 2-й кавалерийский корпус под командованием полковника Г.А. Ковалева. Тимошенко приказал силами 2-го и 5-го кавалерийских корпусов, 333-й стрелковой дивизии (без одного полка), трех танковых бригад, 14-й гвардейской стрелковой дивизии (из резерва 57-й армии) нанести контрудар, разгромить прорвавшегося противника и восстановить положение. Одновременно с этим он решил не проводить запланированного наступления главными силами двух левофланговых дивизий 38-й армии в направлении Песчаное, Великая Бабка с целью содействовать ударной группировке этой армии в направлении Непокрытой. В соответствии с изменившейся обстановкой главком приказал генералу Москаленко активными действиями этих дивизий сковать возможно больше вражеских сил на левом фланге армии, чтобы не допустить их переброски для удара навстречу группе «Клейст». Чтобы удержать Изюм, он распорядился 343-ю стрелковую дивизию, 92-й отдельный танковый батальон и батальон противотанковых ружей, находившиеся в резерве, выдвинуть на правый берег Северского Донца и занять оборону на южных подступах к городу. Генерал Городнянский получил распоряжение вывести из боя 23-й танковый корпус и срочно перегруппировать его на рубеж р. Берека, к западу от слияния ее с Северским Донцом, где тот должен был поступить в подчинение командующего 57-й армией. Переброску корпуса приказывалось закончить вечером 18 мая [127] . Танкисты должны были принять участие в ликвидации прорвавшейся в район Барвенково группировки противника.

Получив сообщение о переходе немецких войск в наступление против 9-й армии, главком направления в 17.30 17 мая доложил Сталину: «С рассветом 17 мая противник перешел в наступление против обоих флангов 9-й армии Южного фронта. Вероятная цель действия противника – овладеть районом Барвенково, Изюм и попытаться сорвать наше наступление на Харьков с юга…

Учитывая исключительную важность сохранения прочного положения войск правого крыла Южного фронта для обеспечения

нашего наступления на Харьков, мы просим Вас выделить для усиления правого крыла Южного фронта две стрелковые дивизии, две танковые бригады, одну авиадивизию в составе иап (истребительный авиационный полк. – *Авт* .) и двух полков «Ил-2», направить их теперь же в район Изюм».

Таким образом, Военный совет юго-западного направления оценил действия противника всего лишь как попытку срыва наступления на Харьков и не ставил вопрос о его прекращении. Это был очень серьезный просчет.

Ставка оперативно отреагировала на это сообщение, разрешив перегруппировку с ворошиловградского направления 242-й стрелковой дивизии, выделила из своего резерва 278-ю стрелковую дивизию, 156-ю и 168-ю танковые бригады [128] . Однако прибытие их в район будущих действий можно было ожидать не ранее 20–23 мая.

Докладывая И.В. Сталину обстановку на Южном фронте, генерал-полковник А.М. Василевский указал на критическую ситуацию в полосах обороны 9-й и 57-й армий. Он предложил прекратить наступление войск Юго-Западного фронта, а часть сил из состава его ударной группировки использовать для ликвидации угрозы со стороны Краматорска. В тех условиях иного способа спасти положение, по его мнению, не было, так как фронт в этом районе резервами не располагал. Сталин, однако, предварительно переговорив с С.К. Тимошенко, счел, что мер, принимаемых командованием юго-западного направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта [129] .

Не успел штаб направления справиться с отдачей боевых распоряжений, как поступили тревожные сведения из 38-й армии. Генерал К.С. Москаленко доложил, что захвачены важные оперативные документы противника. В них речь шла о том, что немецкое командование намеревалось еще 11 мая приступить к подготовке удара силами 3-й, 23-й танковых и 71-й пехотной дивизий из района Балаклеи в юго-восточном направлении на Савинку, Изюм. Срок начала этой операции назначался на 15–20 мая. Выяснилось также, что документы были захвачены еще 13 мая, но в штаб 38-й армии попали лишь недавно.

Сопоставление полученных данных с произошедшим ударом крупной танковой группировки противника на южном фасе барвенковского плацдарма приводило к логичному выводу, что враг намерен окружить советские войска, находившиеся внутри выступа. Становилось очевидным, что войска, действовавшие в выступе, могли оказаться в еще более угрожаемом положении, если бы Паулюсу удалось в ближайшие дни повернуть две

танковые дивизии с волчанского направления на южное, навстречу ударной группировке Клейста.

Требовалось срочно прекратить дальнейшее наступление южной ударной группировки на Харьков, привлечь основные ее силы для ликвидации совместно с Южным фронтом и резервами главкома прорвавшихся в район Барвенково вражеских войск. Однако Тимошенко ограничился тем, что приказал перегруппировать из полосы 6-й армии генерала Городнянского дополнительно еще и 21-й танковый корпус, а вслед за ним 248-ю стрелковую дивизию, считая, что этих сил для восстановления положения в полосе обороны 9-й армии будет достаточно. Тогда же он подтвердил свой первоначальный приказ войскам Юго-Западного фронта о продолжении на следующий день наступления на Харьков.

Почему опытный военачальник С.К. Тимошенко своевременно не оценил всей глубины грозной опасности, нависшей над войсками обоих фронтов? Почему сразу же не принял радикальных мер к ликвидации прорыва противника?

Видимо, здесь следует обратиться к событиям более раннего периода, а именно к тем, которые произошли еще в ноябре 1941 г. Тогда же тот самый Клейст начал наступление на Ростов, а Тимошенко, осознавая реальную опасность захвата противником города и его последующего прорыва на Северный Кавказ, тем не менее основными силами Южного фронта нанес удар на юго-запад – во фланг и тыл 1-й немецкой танковой армии. Он упорно продолжал наступление, несмотря на то что 21 ноября Клейст все же взял Ростов. В результате действий армий Южного фронта ударная группировка группы армий «Юг» потерпела серьезнейшее поражение. Немецкие войска были выбиты из Ростова и отброшены за р. Миус.

Не на подобное ли развитие событий уповал главком направления, продолжая сейчас наступление? И в самом деле – своевременный ввод в сражение танковых корпусов коренным образом изменил бы обстановку, группировка Клейста сама оказалась бы под угрозой удара во фланг и тыл. Однако промедление оказалось роковым, а спешно принимаемые меры – запоздалыми. Да и силы противника были далеко не те, что в конце ноября 1941 года.

Кризис в полосе обороны 9-й армии продолжал обостряться. Приказ главкома – совместными усилиями 2-го и 5-го кавалерийских корпусов и 14-й гвардейской стрелковой дивизии разгромить прорвавшуюся в район Барвенково вражескую группировку не мог быть выполнен. Ко времени его получения 5-й кавалерийский корпус уже втянулся в оборонительные бои с

превосходящими силами противника на широком фронте и не имел возможности сосредоточить главные силы для удара на одном направлении.

С утра 18 мая немецкое командование нарастило силу ударов из района Барвенково в направлении Великой Камышевахи и из Долгенького на Изюм. В боевых действиях здесь участвовало до 150 вражеских танков. Используя большой перевес в вооружении и боевой технике, противник сломил сопротивление 5-го кавкорпуса и 51-й стрелковой дивизии. К 10 часам он овладел Каменкой, Малой Камышевахой и южной частью Изюма. Части 30-й кавалерийской дивизии под командованием полковника В.С. Головского, остатки 12, 15, 121-й танковых бригад и 51-й стрелковой дивизии отошли с боями на рубеж Северского Донца вблизи сел Студенок и Богородичное и до исхода дня упорно оборонялись от наседавшего со всех сторон врага.

Там, в районе Студенок, подразделениям обеих дивизий удалось удержать небольшой плацдарм на правом берегу Северского Донца. Особую стойкость проявили артиллеристы и пулеметный эскадрон 138-го кавалерийского полка. За день боя они уничтожили не одну сотню вражеских солдат и офицеров.

Не сумев форсировать реку в районах Студенок, Изюм, немецкое командование изменило направление удара своих танковых частей, устремив их на запад вдоль правого берега. Этим маневром враг отрезал от переправ остальные силы 5-го кавалерийского корпуса и присоединившуюся к нему часть сил 9-й армии. Против оставшихся на правом берегу Северского Донца наших частей вражеское командование выдвинуло свежую 389-ю пехотную дивизию. Кавалеристы, ведя упорные бои, медленно отходили на северо-запад.

Оценив все более увеличивавшуюся огромную опасность на правом крыле Южного фронта, А.М. Василевский еще раз предложил Верховному Главнокомандующему прекратить наступление под Харьковом, повернуть основные силы барвенковской ударной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение в полосе 9-й армии. Сталин переговорил по телефону с Тимошенко. Тот, по словам И.Х. Баграмяна, заверил, что нет никакой необходимости в отвлечении основных сил 6-й армии и группы генерала Бобкина для отражения удара Клейста. «Узнав об этом докладе главкома И.В. Сталину, – пишет И.Х. Баграмян, – я немедленно обратился за помощью к члену Военного совета. Мне тогда казалось, что последнему удастся убедить Верховного Главнокомандующего отменить ошибочное решение, принятое главкомом направления. Однако Сталин, видимо, учтя личные заверения Тимошенко о

том, что и без привлечения основных сил 6-й армии и группы Бобкина он ликвидирует угрозу, создавшуюся районе Барвенкова, отклонил сделанное предложение» [130] .

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев довольно-таки своеобразно описывает переговоры с А.М. Василевским. По его словам, тот категорически отказался обращаться к Сталину. «Решил я позвонить Василевскому еще раз, – пишет Н.С. Хрущев. – Позвонил и опять стал просить: «Александр Михайлович, вы же отлично понимаете, в каком положении находятся наши войска. Вы же знаете, чем может это кончиться. Вы представляете себе все. Поэтому единственное, что нужно сейчас сделать, это разрешить нам перегруппировку войск, претворить в жизнь наш последний приказ, который отменен Ставкой. Иначе войска погибнут. Я вас прошу, Александр Михайлович, поезжайте к товарищу Сталину, возьмите подробную карту».

Одним словом, я начинал повторять те же доводы, других у меня не было… Он тем же ровным голосом (я и сейчас хорошо представляю себе тон голоса) ответил: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин дал распоряжение. Товарищ Сталин вот то-то и то-то…»

У меня не было никаких других возможностей изменить дело, кроме тех доводов, которые я высказывал, повторяя их вновь и вновь Василевскому и рассчитывая на его долг военного…

Василевский наотрез отказался что-либо предпринимать в ответ на мои просьбы. Своего мнения он не высказывал, а ссылался на приказ Сталина… Тогда я объяснял это некоторой податливостью и безвольностью Василевского. Он был в данном отношении не очень характерным военным. Это добрый человек, даже очень добрый и очень положительный. Я считал его честнейшим человеком. С ним легко разговаривать. Я много раз и до этого случая встречался с ним. Одним словом, это уважаемый человек. Но в сугубо военных вопросах я, конечно, всегда значительно выше ставил Жукова. А сейчас у меня возникло сомнение: была ли это вообще инициатива Сталина в деле отмены нашего приказа? Теперь я больше склоняюсь к тому, что это была инициатива самого Василевского. Возможно, Василевский (у меня не было тогда никаких возможностей проверить это, тем более нет их сейчас) получил наш приказ первым, потому что мы послали его в Генеральный штаб, и сам не был с ним согласен, не разобрался: ведь шло успешное наступление наших войск, а нам приносили большую радость редкие наши победы, было очень приятно открыть победами 1942 год. Каждому было приятно. Возможно, Василевский получил наш

приказ, взвесил его и, наверное, возмутился, сейчас же доложил Сталину и соответственно прокомментировал. Сталин согласился с Василевским и отдал контрприказ или же сам позвонил Тимошенко» [131] .

Трудно поверить в то, что разговор шел именно так, как это передано Н.С. Хрущевым, тем более согласиться с его оценкой А.М. Василевского и с теми выводами, которые якобы сделал Василевский. Ведь приказа о прекращении наступления, на который ссылается член Военного совета, никто не отдавал. Более того, в боевом донесении от 18 мая командования Юго-Западного фронта в Ставку, отправленного в 0 часов 30 минут 19 мая и подписанного Тимошенко, Хрущевым и Баграмяном, о положении дел у левого соседа – Южного фронта – вообще ничего не сказано [132] . В донесении в Ставку, переданном порученцем Н.С. Хрущева полковым комиссаром П.Н. Тапочкой полутора часами позже, указано следующее: «Южный фронт. Противник перед 9-й армией в первой половине 18 мая продолжал наступление в двух направлениях:

1) Барвенковское направление – силами 1-й горнострелковой дивизии, 100-й пехотной дивизии и 14-й танковой дивизии (до 70 танков) потеснил 9-ю армию на север. К 11.00 противник пехотой и танками (30–40) овладел Барвенково и передовыми частями вышел в район совхоз Ильичевка (77 км северо-восточнее Барвенково).

2) Славянск-изюмское направление – силами 101-й пехотной дивизии с 50 танками (16-й танковой дивизии) 14.30 группой автоматчиков и отдельными танками овладел южной частью Изюм (на правом берегу р. Северский Донец)…

Части 9-й армии отходят с боями организованно на новые рубежи» [133] .

Как видим, ни о прекращении наступления, ни о привлечении войск Юго-Западного фронта к парированию удара противника в донесении Н. С. Хрущева тоже ничего не говорится.

В своих воспоминаниях Никита Сергеевич замечает, что, будь на месте Василевского Г.К. Жуков, тот бы не побоялся немедленно обратиться к Сталину и добиваться отмены неверного распоряжения. Но вот сам Г.К. Жуков пишет, что, ссылаясь именно на доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжать наступление, Сталин отклонил соображения Генштаба [134] . Вот почему войска Юго-Западного фронта продолжали наступление на Харьков, что еще более осложнило обстановку. «Эти события получили тогда противоречивую оценку, – писал бывший начальник Оперативного управления Ген-

штаба С.М. Штеменко. – Военный совет Юго-Западного направления большого беспокойства не проявил…» [135]

И.Х. Баграмян в свою очередь подтверждает, что А.М. Василевский был очень озабочен создавшимся положением и, вопреки утверждениям Н.С. Хрущева, решительно настаивал на прекращении наступления и принятии мер к ликвидации прорыва противника. «Хорошо помню, – пишет Баграмян, – что в этот тревожный для войск Юго-Западного направления день (18 мая . – *Авт* .) исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский дважды звонил мне. Проявляя большое беспокойство, он с нескрываемой тревогой и волнением выяснял, каковы наши возможности для отражения наступления Клейста. Я доложил Александру Михайловичу, что мы вблизи от Барвенкова не располагаем необходимыми резервами, чтобы вводом их в действие остановить продвижение ударной группировки противника. Позднее нам стало известно, что генерал А.М. Василевский дважды вносил в Ставку предложение о немедленном прекращении наступления на Харьков и привлечении всех сил объединений генералов А.М. Городнянского, Л.В. Бобкина и К.П. Подласа для ликвидации нараставшей опасности» [136] .

19 мая в обороне 9-й армии уже зияла 80-километровая брешь. Отход ее частей за Северский Донец проходил в тяжелейших условиях. Над обескровленными полками непрерывно висела вражеская авиация, их то и дело атаковали танки. Встреченные огнем артиллерии, они откатывались в исходное положение, а через некоторое время все опять повторялось. Н.Г. Лященко вспоминает, как артиллерийскую батарею лейтенанта Спарова атаковали шестнадцать танков. Орудия открыли огонь с дистанции 400 метров и подожгли три танка. Противник ответил плотным огнем. Погиб командир батареи. Лященко и начальник артиллерии дивизии подполковник Г.Б. Авин, находившиеся рядом с огневой позицией, бросились к орудию, расчет которого тоже вышел из строя. Заняв место наводчика, Авин поджег танк, но тут же взрыв разметал расчет соседнего орудия. К его прицелу встал Лященко; комиссар дивизии А.Н. Кузнецов действовал за заряжающего. Им также удалось подбить еще один танк, и немецкие танки на некоторое время отошли.

На берегу Северского Донца скопились стрелковые подразделения, тылы. «Скрипели повозки, – вспоминает Н.Г. Лященко, – стонали раненые, разносился матерок, проклятия в адрес фашистов. Командиры охрипшими голосами бодрили подчиненных. Пехотинцы помогали выбивающимся из сил

пушкарям толкать орудия… И снова налет «юнкерсов»… Удар пришелся по банно-прачечному и медицинскому батальонам. Людская масса с душераздирающим криком шарахнулась к воде, неистово заржали раненые лошади. Переворачивались повозки, круша все на своем пути, обезумевшие кони носились по буеракам. Прошло немало времени, пока удалось навести хоть какой-то порядок и начать переправу на подручных средствах… Зеркало реки… было сплошь усеяно людьми. На невесть откуда взявшейся лодке-плоскодонке, на плотах медики переправляли раненых. Женщины плыли, держась за бревна. Форсировали реку командиры и красноармейцы. Все торопились на тот берег. Разносившиеся с пригорка выстрелы артиллеристов, которые уже вели огневую дуэль с вражескими танками, подстегивали всех. На берегу красноармейцы продолжали валить деревья, вязать плоты и переправляться. Меньше стало беспорядочного крика, шума» [137] .

Н.Г. Лященко также свидетельствует, что, несмотря на почти непрерывную бомбежку и приближавшегося противника, на переправе соблюдался необходимый порядок. Прикрытие последнего рубежа 106-й стрелковой дивизии держалось стойко, до последнего снаряда. Врагу так и не удалось сбросить его в реку. Понеся серьезные потери, немецкие части прекратили боевые действия. Наш личный состав, уцелевший после боя и бомбежки, переправился через реку, однако технику пришлось уничтожить.

Важную роль в сдерживании наступления противника в полосе обороны 9-й армии сыграли гвардейские минометные части – 2-й и 3-й дивизионы 2-го гвардейского минометного полка и 48-й отдельный гвардейский минометный дивизион. 19 мая 3-й дивизион произвел по сосредоточению вражеских войск в районах Великой Еремовки, Пасеки, Красного Яра три дивизионных и четыре батарейных залпа. Было выпущено 766 снарядов. «Катюши» уничтожили до трех батальонов пехоты, около роты автоматчиков, два минометных взвода, 10 подвод, подавили 8 пулеметов, сожгли 24 автомашины [138] .

Особенно умело и хладнокровно действовал в сложных условиях отхода наших войск командир 3-го дивизиона капитан Д.Т. Кротович. Получив приказ прикрыть переправу через Северский Донец в районе села Великая Еремовка, дивизион занял огневые позиции у Малой Еремовки и тщательно замаскировал пусковые установки. Командир дивизиона организовал наблюдение за переправой, выслал на противоположный берег реки разведку.

На рассвете 19 мая к переправе вышли небольшие

подразделения противника. Не встретив сопротивления и не обнаружив ничего подозрительного на правом берегу, они без особой опаски занялись разведкой переправы, не ведая о том, что с них не спускают глаз разведчики-наблюдатели, а командир дивизиона уже подготовил исходные данные для стрельбы, на направляющие боевые машины уложены снаряды, наводчики проверили установки и ждут команды. Но Кротович не торопился отдавать ее, хотя ясно понимал, насколько велика опасность, – нашей пехоты впереди пока нет.

Тем временем к переправе вышла колонна пехоты, должно быть, батальон. В стереотрубу было хорошо видно, как несколько офицеров, присев на корточки, на траве расстелили карту и о чем-то оживленно толковали. Все на наблюдательном пункте с нетерпением поглядывали на командира – чего мешкает?.. Вскоре, однако, поняли, в чем дело: справа и слева к переправе двигались еще две колонны – наверное, уже целый полк.

«Огонь!» – прозвучало внезапно.

Десятки огневых молний одна за другой прочертили небо. Через считаные мгновения северный берег потонул в ослепительных вспышках разрывов, клубах дыма и пыли. Потом стали видны пылающие автомашины, много маленьких фигурок солдат, панически мчавшихся к ближайшей возвышенности. Сотни убитых остались лежать на земле.

«Зарядить! Правее ноль двенадцать. Прицел… Огонь!» Снова огненные линии отрезали путь врагу. Капитан тут же дал команду – сменить огневые позиции батарей и немедленно изготовиться к стрельбе. Разведчики с боковых наблюдательных пунктов доложили, что в лощине, которая отсюда не видна, скапливаются немецкие подразделения. Командир взвода управления передал по телефону их координаты, и Кротович, не теряя времени, подготовил данные для стрельбы. Очередной залп накрыл противника.

Неожиданно вражеские снаряды стали рваться правее наблюдательного пункта, сзади; запылали дома в Малой Еремовке. Было видно, что немецкие артиллеристы бьют наугад, но осколки где-то порвали связь с огневыми позициями. И в этот момент разведчики передали: противник снова начинает выдвигаться к реке. Медлить нельзя, и старший телефонист рядовой К.Т. Наумов, прихватив с собой катушку кабеля, выпрыгнул из окопа и помчался вдоль линии, не обращая внимания на близкие разрывы.

Несколько томительных минут ожидания, и радостный возглас телефониста раздался в трубке: «Есть связь!» Кротович быстро передал на огневую позицию корректуры угломера и

прицела и скомандовал: «Огонь!» Залп дивизиона снова накрыл сосредоточение вражеской пехоты… В этот день немцы больше не пытались форсировать реку у Великой Еремовки [139] .

Следует отметить, что, в отличие от артиллеристов 9-й армии, три ее немногочисленные танковые бригады (12, 15 и 121-я) действовали весьма неуверенно. Это обусловлено рядом объективных и субъективных причин. 12-я бригада (резерв фронта) имела всего 10 танков, насчитывала большой некомплект личного состава; 8 танков остались в строю у 15-й бригады, которая несколько дней вела бои на подступах к селу Маяки. Более укомплектованной (хотя тоже имевшей потери в людях и технике в боях за те же Маяки) была 121-я бригада, располагавшая 34 танками (из них – три тяжелых КВ и восемь «тридцатьчетверок»).

Командир 12-й танковой бригады получил от командира 5-го кавкорпуса распоряжение на участие в контрударе. По его приказу танкисты выдвинулись в направлении Христище, Глубокая Макатиха. На окраине первого села они соединились с подразделениями 121-й бригады, вместе с ними отразили огнем с места атаку сорока вражеских танков с мотопехотой, затем контратаковали и рассеяли автоколонну противника, уничтожив несколько машин. Оставив против бригад 12 танков и 10 орудий, немецкие танковые части двинулись на Изюм. После того как они овладели Великой Еремовкой и отрезали танкистов от переправы через Северский Донец, командование бригады приняло решение: танки и автомашины сжечь, личный состав переправить на правый берег вплавь.

15-я и 121-я бригады до 19 мая вели сдерживающие бои на подступах к переправам у Богородичного и Студенка. Будучи отрезанными от переправ, израсходовав горючее и боеприпасы, они последовали примеру 12-й бригады, сумев, однако, переправить через реку 7 легких танков «Т-60».

В итоге в период с 17 по 19 мая танкисты подбили и уничтожили 24 вражеских танка, до 20 автомашин с пехотой, сбили самолет и вывели из строя довольно значительное количество живой силы врага, потеряв, правда, танки и весь автотранспорт. Кроме того, в районе Барвенково, Богородичное были оставлены неисправные, ожидавшие эвакуации танки.

Не имея связи со штабом 9-й армии, не располагая информацией об обстановке, командиры бригад действовали по собственному усмотрению и, вместо того чтобы наладить взаимодействие со стрелковыми частями, организовать вместе с ними оборону переправ, приняли поспешное решение об уничтожении боевых и транспортных машин, хотя в районе их

действий не было значительных танковых сил противника, а его пехота не располагала сильными противотанковыми средствами [140] .

К исходу дня 19 мая почти все войска 9-й армии отошли на левый берег Северского Донца и начали готовить оборону на стыке с 57-й армией, в полосе которой противник пока вел себя пассивно. Пользуясь этим, 2-й кавалерийский корпус с утра провел успешную контратаку и вышел на рубеж Золотивка, Грушеватский. Попытки развить наступление дальше натолкнулись на ожесточенное сопротивление 60-й немецкой моторизованной дивизии.

Убедившись, наконец, что сил, направленных для разгрома барвенковской группировки противника, недостаточно и что назревает явная угроза окружения 6-й, 57-й армий и группы генерала Л.В. Бобкина, главком юго-западного направления во второй половине дня 19 мая принял решение приостановить наступление, закрепиться частью сил на достигнутых рубежах, вывести основную группировку войск из боя и концентрическими ударами 6, 57, 9-й армий разгромить прорвавшегося в их тылы противника. Этому решению предшествовали переговоры Тимошенко и Хрущева по прямому проводу с Василевским. Вот их запись:

« **Тимошенко:** Наутро 19.5 ввиду резкого ухудшения положения на фронте 9-й армии Южного фронта и быстрого продвижения (распространения) противника в общем направлении на Изюм численностью пять пехотных дивизий и двух танковых дивизий (14-я и 16-я) с наличием группировки резервов в районе Сталино, Краматорская (по данным разведки), где учитывалась 13-я танковая дивизия.

Мы решили, не оттягивая времени, взять для удара с целью разгрома группировки противника, распространяющейся на Изюм, все, что только можно, исходя из наших возможностей.

Первое. На фронте Змиев, Староверовка решаем оставить три стрелковые дивизии, две танковые бригады и четыре артполка усиления. Группу Бобкина оставить в полном составе в занимаемых границах, имея в виду по занятию Красноград главные силы кавалерийского корпуса, танковой бригады вывести в резерв в стыке группы Бобкина и оставленных на фронте Городнянского три стрелковых дивизии.

Второе. Управление этими войсками возложить на генерал-лейтенанта тов. Костенко, подчинив ему для этого управление Бобкина.

Третье. Управление 6-й армией во главе с Городнянским взять и подчинить ему хозяйства Пушкина и Кузьмина, уже

вышедшие в известный вам район, и там же подчинить выводимые из состава 6-й армии три стрелковые дивизии, две танковые бригады, 5-й кавкорпус, оставшийся в районе Городнянского, и 106-ю стрелковую дивизию 9-й армии, находящуюся в подчинении 5-го кавкорпуса. Таким образом, у Городнянского будет 4 стрелковые дивизии, 7 танковых бригад, одна мотобригада и 6 артполков усиления. Тов. Подласу подчинить 2-й кавкорпус, находившийся в нашем резерве, одну танковую бригаду из состава 6-й армии и 341-ю стрелковую дивизию 6-й армии, отошедшую на левый фланг Подласа. Создать группировку на левом фланге Подласа для вспомогательного удара правее Городнянского.

Четвертое. На участке Сениченко, Студенок у Малиновского в составе 9-й армии собирается шесть стрелковых дивизий, 4 танковые бригады и 30-я кавалерийская дивизия из состава 5-го кавкорпуса. Эта группа, действуя левее Городнянского, будет наносить вспомогательный удар.

Пятое. Товарища Подласа мы решили подчинить себе, так как управление и главным образом материальное обеспечение его Малиновскому не представляется возможным, поскольку все это будет идти по путям Городнянского.

Шестое. Прибывающие ваши две стрелковые дивизии и две танковые бригады сосредоточить на направлении Волхов Яр, Балаклея, где уже нами сосредоточена одна танковая бригада. Эта группа намечается для удара на запад во взаимодействии с давлением на противника 38 (армии. – *Авт* .) на Рубежное, Чугуев и группы Костенко со стороны Змиева на переправы на реке Северный (так в оригинале . – *Авт* .) Донец. На участке Рябышева и Москаленко продолжать выполнение ранее поставленной задачи. Группе Костенко обороняться на достигнутом к исходу сегодняшнего дня рубеже. Всеми силами и средствами обрушиться на южную группировку противника и разгромить ее. Ударом со стороны Купянска в направлении Волхов Яр, Андреевка, Змиев вывести левое крыло 38-й армии на линию реки Северный Донец, примкнув флангом к группе Костенко в районе Змиева. Этим самым освободить до пяти стрелковых дивизий и три танковые бригады для группы Костенко в направлении Мерефы.

Просим немедленно доложить наше решение и просим его утвердить. Мы приступили к разработке, подробный план представим позже. Ответ нужен немедленно для отдачи распоряжения войскам. У нас все. Тимошенко. Хрущев.

Василевский: Как планируете выполнение этого решения по времени?

Тимошенко: Сейчас сказать очень трудно потому, что многое зависит от действия противника, в котором, возможно, навяжутся бои Пушкину и Кузьмину сегодня, но ориентировочно, если нам будет позволено обстановкой, то начало к исходу 21.5. или утро 22.5. Все.

Василевский: Когда мыслите начать вывод Городнянского?

Тимошенко. От вашего решения зависит все. Обстановка требует вывода немедленно.

Василевский: Хорошо. Сейчас иду докладывать. Кстати, поставленный вами вопрос сегодня утром уже обсуждался в Ставке. Провод оставляю за собой и по нему дам ответ после доклада. Все» [141] .

Переговоры закончились в 15.35. Как видим, Василевский сразу же обратил внимание на недостаток времени для выполнения намеченного плана и на то, что Ставка (т. е. Сталин) тоже обсуждала вопрос о срочной необходимости вывести 6-ю армию из «мешка».

В 18.05—спустя 2 часа 20 минут – последовал ответ Ставки: принятое Тимошенко решение утверждается. Следует немедленно приступить к его выполнению, представив план действий шифром [142] .

Итак, генералу Ф.Я. Костенко было приказано возглавить часть сил 6-й армии и группу генерала Бобкина. Эта группировка включала пять стрелковых и три кавалерийские дивизии, три танковые бригады. Ее задача заключалась в том, чтобы прочной обороной достигнутых рубежей обеспечить с запада наступление главных сил 6-й и 57-й армий.

6-й армии в составе пяти стрелковых дивизий, двух танковых корпусов и отдельной танковой бригады надлежало, прикрывшись по р. Северский Донец с севера, к утру 21 мая скрытно развернуть основные силы на рубеже Великая Андреевка, Петровка и нанести удар в общем направлении на Ново-Дмитровку. 57-я армия получила задачу, обороняясь частью сил на западных рубежах, нанести тремя стрелковыми дивизиями и 2-м кавалерийским корпусом удар по флангу прорвавшейся группировки с рубежа Новопригожее, Федоровка на восток, в обход Барвенково с юга. 9-я армия имела задачу, сдерживая противника на рубеже р. Северский Донец, основными силами нанести удар из района Студенок в западном направлении. Группа генерала Шерстюка, часть сил 9-й армии в составе одной стрелковой дивизии и трех танковых бригад, сведенных в один танковый корпус, должны были наступать с востока в направлении Чепель, Волвенково, Лозовенька для соединения с 6-й армией.

Однако противник не дал ни времени, ни возможности для выполнения намеченного плана.

День 20 мая прошел в напряженных боях, главным образом с прорвавшимися на барвенковском направлении вражескими танками. Подвижная группа противника в составе 16-й танковой и 60-й моторизованной дивизий вышла в район Протопоповки и начала стремительно продвигаться вдоль западного берега Северского Донца на север, что затруднило выход и сосредоточение соединений 6-й армии на исходном рубеже для удара по прорвавшейся танковой группировке. В то же время 14-я немецкая танковая дивизия атаковала левый фланг 57-й армии. Части 2-го кавалерийского корпуса и 14-й гвардейской стрелковой дивизии с боями отошли на запад. 21 мая с подходом в район Лозовеньки 21-го танкового корпуса его усилия были направлены на овладение районами Протопоповки и Волвенково. К исходу дня противник был выбит из этих населенных пунктов, но советским частям не удалось прочно закрепить их за собой. Подтянув свежие силы и отбросив танкистов, мотопехота противника, поддерживаемая танками и авиацией, начала распространяться на Чепель и Червоную Гусаровку. Окружение советских войск в районе барвенковского выступа стало реальностью.

Глава 5 В огненном кольце

22 мая 1942 г. боевые действия на харьковском направлении достигли кульминации. Группа генерала Клейста, сделав еще один рывок на север, форсировала Северский Донец. С чугуевского выступа генерал Паулюс направил свои танковые дивизии на юг. В итоге противнику удалось перерезать основные коммуникаци, связывающие 6-ю и 57-ю армии, части сил группы генерала Бобкина и 6-го кавалерийского корпуса с главными силами Юго-Западного фронта. Эти войска оказались в крайне сложном положении.

Командующий 6-й армией докладывал Тимошенко: «На 22 мая 18.00 в войсках армии горючего 0,5 заправки. Некоторые части, особенно артиллерийские, горючего не имеют. Полностью отсутствует масло (машинное. – *Авт* .), боеприпасов – 0,7 бк (боекомплектов. – *Авт* .), продфуража от двух до четырех сутодач. Подвоз с армейской базы прекратился со второй половины 21 мая» [143] .

Вечером того же дня Военный совет 6-й армии радировал главкому юго-западного направления: «1. В течение дня 22 мая войска армии вели ожесточенные бои с мотомехчастями противника в районе Мечебилово, Петровская (до 50 танков), Волвенково, Садки, Лозовенька (до 50 танков), Волобуевка, Гусаровка (до 50 танков).

2. 23-й танковый корпус продолжает занимать исходное положение. 21-й танковый корпус вел ожесточенный бой в районе Волвенково, Лозовенька. Подбито и уничтожено до 35 танков противника. Свои потери – 23 танка. Кроме того, выведена из строя, понесла особенно значительные потери 198 тбр. Наступление 103 сд на Волвенково успеха не имело. Под воздействием беспрерывных атак с воздуха до 25–30 самолетов, понеся потери, отошла на исходное положение и оставила восточную часть Лозовеньки.

В результате прорыва танков противника в район Гусаровка и далее Шебелинка 337 сд ведет бой в окружении. Дальнейшее распространение мотомехчастей противника в этом направлении создаст угрозу 47 сд. 248 сд вела бой за овладение Мечебилово. Результат боя выясняется…

3. В течение последних 2–3 дней авиация противника проявляла значительную активность: подавляла боевые порядки пехоты и артиллерии массовой бомбежкой и обстрелом с воздуха, прижимала нашу пехоту к земле, не давая возможности продвижения» [144] .

Генерал Городнянский принял решение: прочно удерживая занимаемый рубеж, главные усилия армии сосредоточить для прорыва из окружения в направлении Лозовенька, Петровская. Начало действий – ночь на 24 мая.

Не лучше обстояли дела и в 57-й армии. В радиограмме за подписью Подласа, Попенко и Анисова говорилось о напряженных боях 150-й и 317-й стрелковых дивизий на правом фланге армии, о непрерывной бомбежке вражеской авиации. А в войсках кончились снаряды к полковой артиллерии, мины. Остальных боеприпасов оставалась четверть боекомплекта [145] . Генерал Подлас решил отвести части на новый рубеж, просил прикрыть отход с воздуха, подать боеприпасы, горючее.

Вспоминает бывший главный редактор газеты «Красная Звезда» Д. Ортенберг: «22 мая. В сводках Совинформбюро появилось новое направление – Изюм-Барвенковское. Это – левое крыло Юго-Западного и правое крыло Южного фронтов, там немецкие войска начали наступление. Прибыл первый репортаж нашего корреспондента Лильина. Сообщение тревожное: «В течение нескольких дней на Изюм-Барвенковском направлении идут упорные бои… Сосредоточив… крупные силы, немецко-фашистское командование пытается развить успех наступления одновременно на ряде участков. Ожесточенные вражеские атаки не прекращаются».

В тяжелейших условиях сражаются наши воины. Нельзя без волнения читать корреспонденцию о подвиге, суть которого в том, чтобы вызвать на себя огонь собственной артиллерии.

На одной из высоток обосновалась рация, корректировавшая огонь нашей батареи. Начальник рации Тягущев и радист Синельников расположились на ближайшем гребне, откуда хорошо просматривалась вражеская сторона. Не раз немцы атаковали высоту, но безуспешно. Начали последнюю атаку. И вот запись по часам и минутам в штабном журнале:

«В 4 часа 40 минут Тягущев передал на командный пункт:

– Немцы окружают нас. Дайте огонь по восточному, южному и западному склонам высоты.

Через 25 минут:

– Дайте огонь по самой высоте. Немцы поднимаются все выше.

В 6 часов 35 минут:

– Враг приближается. Патроны у нас на исходе. Разрешите уничтожить документы и рацию.

Начальник связи старший лейтенант Митрич ответил:

– Документы уничтожьте, а рацию держите до последней возможности.

Тягущев продолжает передавать:

– Усильте огонь по высоте.

– Огонь меткий. Немцы пачками взлетают в воздух. Продолжайте бить.

В 7 часов 48 минут:

Тягущев говорит в последний раз:

– Фашисты окружают наш блиндаж. Снаряды здорово покрошили их. Немцев осталось немного, но и нас здесь только двое. Выпускаем последние патроны. Прощайте, дорогие товарищи!»

Связь прекратилась.

Когда наша пехота, используя удары артиллеристов, снова заняла высоту, командиры кинулись к блиндажу. Они увидели взорванную рацию и тела героев-радистов…

Но как упорно ни сражаются наши войска, остановить врага не удается» [146] .

В тот же день маршал Тимошенко отдал приказ командующему 38-й армией генералу К.С. Москаленко силами оперативной группы войск под командованием генерала Г.И. Шерстюка, заместителя командующего этой армией, прорвать кольцо окружения и восстановить коммуникации. В группу входили 242-я стрелковая дивизия, 114-я танковая бригада, части усиления и обеспечения. Ее задача заключалась в том, чтобы, переправившись через Северский Донец в районе села Савинцы (15 км юго-восточнее Балаклеи), во взаимодействии с фронтовым резервом (3-я и 15-я танковые бригады) разгромить противника в районе Чепеля.

О последующих событиях рассказывает К.С. Москаленко: «В середине дня вместе с членом Военного совета армии бригадным комиссаром В.М. Лайоком приезжаю в штаб группы… Генерал-майор Г.И. Шерстюк немедленно приступает к выполнению задачи. Группа успешно переправляется через реку в указанном месте. На противоположном берегу вбирает в себя остатки 64-й танковой бригады 23-го танкового корпуса и другие части. Стремительной атакой овладевает Чепелем.

Начало хорошее. Но дальше все идет из рук вон плохо. Резервы фронта (3-я и 15-я танковые бригады) не выходят к назначенному времени в район Савинцы. Сравнительно слабой по составу группе генерала Шерстюка не удается одними лишь собственными силами преодолеть сопротивление двух вражеских дивизий – 14-й танковой и 384-й пехотной. Эти дивизии были повернуты фронтом на восток с целью ликвидировать плацдарм наших войск в районе Шуровка, Чепель и отбросить группу генерала Шерстюка за Северский Донец. Их атаки были отражены,

и наступление деблокирующей группы 38-й армии успеха не имело.

В результате задача по разгрому танковой группировки противника и восстановлению коммуникаций наших войск не выполнена. Не имея возможности развить удачно начатое наступление, группа генерала Шерстюка занимает оборону поперек излучины Северского Донца» [147] .

Несколько иначе трактовал причины неудач группы генерала Шерстюка Военный совет юго-западного направления в докладе Сталину по итогам операции: «Оставалась еще возможность прорвать кольцо окружения на чепельском направлении, даже теми силами, которые были выделены в этот период в районе Савинцы (242 сд и две танковые бригады, одна из них неполнокровная).

Противник, растянув свою 14-ю танковую дивизию и 60-ю мотодивизию на широком фронте, и 22.5 имел слабую плотность в районе Чепель, Гусаровка. Но организация этого удара была проведена крайне неудовлетворительно со стороны командования 38-й армии, которому этот удар был поручен.

Выделенная группа генерала Шерстюка не имела никаких средств управления, и, по существу, эту группу составлял в единственном числе генерал Шерстюк. Только позднее для него, и то после неоднократных настойчивых требований, командование 38-й армии выделило несколько штабных командиров. Кроме того, командование и штаб 242-й стрелковой дивизии оказались совершенно несостоятельными к проведению порученной операции. Введенная в бой с хода 242 сд оставила половину своего оперативного штаба (оперативного отделения штаба. – *Авт* .) и тылы за 30–40 км от линии фронта и в первые дни операции оказалась без надлежащего управления, боеприпасов и питания.

Приходилось принимать ряд мер по розыску и доставке в войска боеприпасов случайными транспортами 6-й армии в районе Савинцы.

В результате всех принятых мер удалось лишь занять относительно крепко оборону частями 242-й дивизии, 64-й и 114-й танковых бригад по линии высот восточнее Червоная Гусаровка, Гусаровка, Волобуевка и в районе Чепель, Ветровка. Опергруппа генерала Шерстюка в том виде была неспособна, и требовалось время для детальной организации намеченного наступления» [148] .

Таким образом, командующий 38-й армией считал основной причиной неудачи то, что 3-я и 15-я танковые бригады из резерва фронта не поддержали группу Шерстюка. Тимошенко, Хрущев и

Баграмян ссылаются на плохую организацию действий группы, слабое управление и вообще не упоминают о фронтовом резерве (иначе пришлось бы признать собственные упущения). Тем не менее обе стороны сходятся в том, что наличных сил для выполнения поставленной задачи у Шерстюка было явно мало. И это главное. Были недостатки, отмеченные у Москаленко и в документе Военного совета направления. Все это, вместе взятое, и предопределило срыв попытки деблокады. И, разумеется, не последнюю роль сыграли энергичные и эффективные контрмеры, предпринятые противником. Оба свидетельства их обходят.

На барвенковском плацдарме шли ожесточенные бои. Враг упорно стремился расширить коридор, отделявший советские войска в барвенковском выступе от переправ через Северский Донец. К исходу 23 мая он овладел Волобуевкой, Гусаровкой, Шевелевкой. Главные силы его 16-й танковой дивизии нанесли удар в направлении Асеевки и Глазуновки. В это же время 14-я немецкая танковая дивизия из района Петровское, Антонинков начала наступление на совхоз Степок. На следующий день 16-я танковая дивизия соединилась с группировкой противника, наступавшей с севера. Две дивизии 6-й советской армии, оборонявшиеся на участке Гусаровка, Шебелинка, оказались отсеченными от ее главных сил. Одновременно были отрезаны и последние пути отхода на восток остальным силам 6-й, а также и 57-й армий [149] .

В окружение попали пять стрелковых дивизий 57-й армии (14-я гвардейская, 99, 150, 317, 351-я), восемь стрелковых дивизий 6-й армии (41, 47, 103, 248, 253, 266, 337, 411-я), две стрелковые дивизии армейской группы генерала Л.В. Бобкина (270-я и 293-я), шесть кавалерийских дивизий 2-го и 6-го кавалерийских корпусов (38, 62, 70, 26, 28, 49-я), два танковых корпуса (восемь танковых и мотострелковых бригад), пять отдельных танковых бригад, артиллерийские, инженерные, тыловые части различного предназначения, части обеспечения и обслуживания.

Войска делали все возможное, чтобы прорвать кольцо окружения в направлении на Савинцы и выйти на левый берег реки. Одновременно с этим оперативная группа, действовавшая на левом фланге 38-й армии, усиленная сводным танковым корпусом, вновь получила задачу наступать навстречу частям, прорывавшимся из окружения. В ночь на 24 мая была произведена перегруппировка и сосредоточение частей и соединений, выделенных для нанесения удара по врагу. Но утром противник первым возобновил наступление на широком фронте, стремясь рассечь войска, попавшие в «котел». Тогда же 41, 253,

266-й стрелковым дивизиям, 38-й и 48-й танковым бригадам пришлось весь день отбивать мощные вражеские атаки. По распоряжению маршала Тимошенко войска, ведущие бой в окружении, были объединены в «Южную группу» («Юг») под командованием генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко.

Учитывая сложившуюся обстановку, состояние обеспечения войск боеприпасами, горючим и продовольствием, командующий группой решил: прикрываясь частями группы Бобкина и 57-й армии, на рубеже р. Гомольша, разъезд Тройчатый, р. Орелька, Князево, Надеждовка с рассветом 25 мая нанести удар 6-й армией, усиленной 150-й и 317-й стрелковыми дивизиями, 6-м кавалерийским корпусом, 5-й гвардейской танковой бригадой, в общем направлении Лозовское, Чепель прорвать оборону противника, овладеть переправами через Северский Донец в районе Протопоповки и Чепеля, соединиться с частями группы генерала Шерстюка, наступающими на Чепель, чтобы в последующие дни обеспечить планомерный вывод войск из окружения.

Это решение было изложено в приказе войскам южной группы, который Костенко лично вручил генералам Подласу, Городнянскому и Бобкину на совещании в штабе 6-й армии (село Ракитное) в ночь на 25 мая [150] .

Войска начали сосредоточиваться для прорыва. Но к этому времени единое управление ими еще не было налажено, что зачастую вызывало путаницу и неразбериху. Так, начальник разведывательного отдела штаба юго-западного направления полковник И.В. Виноградов, посланный И.Х. Баграмяном в штаб 6-й армии, отмечал в докладе от 29 мая, представленном Военному совету направления: «В течение 25 мая войска 6-й и 57-й армий сосредоточивались в районе Советский, Николаевка… Михайловская балка, т. е. на этом участке сосредоточивалось огромнейшее количество всевозможных машин, пехоты, конницы и танков. Вся эта масса войск и техники была перепутана между собой и двигалась в разных направлениях… Командования 6-й армии на КП не было. Начальник штаба 6-й армии полковник Лямин определенного плана действий войск не имел. Управление войсками 6-й армии было потеряно. Двукратные мои предложения генерал-майору Батюне о взятии управления войсками и нацеливании дивизий на определенные маршруты остались без внимания» [151] .

Последние утверждения Виноградова вызывают некоторые сомнения, так как член Военного совета Юго-Западного фронта дивизионный комиссар К.А. Гуров, находившийся с Городнянским, а затем с Костенко, отмечает, что соединения 6-й

армии весь день 25 мая вели бои за Лозовеньку и в ночь на 26 мая овладели ею [152] . Затем принималось решение на повторную попытку прорыва. О полной потере управления, видимо, говорить нельзя, но о том, что оно было в значительной мере нарушено, свидетельствуют также в своем докладе заместитель командующего 6-й армией генерал-майор А.Г. Батюня и начальник ее штаба полковник Н.И. Лямин: «Несмотря на своевременно отданный приказ и личные указания командарма командирам соединений, наступление частей 6-й армии с утра 25.5.42 г. началось с опозданием, и ожесточенные бои развернулись в период с 8–10 часов утра. Встречая исключительно сильное огневое сопротивление противника и подвергаясь беспрерывному воздействию его авиации, части армии продвигались медленно.

Несмотря на медленный темп продвижения, наступление частей 6-й армии шло, однако, нормальным порядком.

В целях личного руководства соединениями на важнейших направлениях генералы Костенко и Городнянский с членами Военного совета Гуровым и Даниловым выехали в период 9–10.00 25.5. в войска, а генерал Батюня в 6.00 выехал в 103-ю стрелковую дивизию.

Так продолжалось до 12–14.00 25 мая, когда произошли следующие события. Прибывший в район Павловка-вторая штаб 6-й армии установил, что в район Лозовское, Бакшаровка, Павловка-вторая по приказу командарма 57-й армии сосредоточиваются части 2-го кавалерийского корпуса, 14-й гвардейской стрелковой дивизии, 341-й стрелковой дивизии, 38-й танковой бригады, артполки и значительное количество тылов 57-й армии.

Прибывший через некоторое время со своим штабом генерал-лейтенант Подлас сообщил, что он принял решение прорываться на Протопоповку…

К полудню 25 мая в указанном выше районе скопились десятки тысяч людей, коней, автомашин, артиллерии, повозок. Переправы у Бунаково, Святушино забиты отходящими тылами. В это время с направления Гороховка, Миролюбовка, Приволье на берег реки Берека стали отходить прикрывающие части 99-й стрелковой дивизии и частично 248-й дивизии. В 17.00 25 мая прибыл на командный пункт товарищ Подлас со своей группой…

Подласу было передано: «Примите меры задержать ваши части на западном берегу реки Берека». Подлас выехал, но удержать ему, конечно, уже не удалось.

На плечах 99-й и частично 248-й стрелковых дивизий передовые части противника вышли на западный берег Береки и

открыли артиллерийский и минометный огонь по скоплению войск и обозов в районе Лозовское, Павловка-вторая, Бакшаровка. Надо отметить, что 14-я гвардейская стрелковая дивизия и 2-й кавкорпус к этому времени частично успели выйти правее 411-й стрелковой дивизии.

В результате начавшегося обстрела противника и ответного огня нашей артиллерии и одного залпа дивизионных эрэсов («катюш» . – *Авт* .) весь скопившийся в районе Павловка-вторая обоз, автомашины, повозки в беспорядке хлынули за кавалерией 2-го и 6-го кавалерийских корпусов в восточном и юго-восточном направлениях, смешав боевые порядки 411-й стрелковой, 14-й гвардейской дивизий, 2-го кавалерийского корпуса, внеся элемент паники. Вся хлынувшая лавина машин нарушила целостность управления войсками, внесла беспорядок в действия войск» [153] .

С раннего утра до позднего вечера обескровленные в предыдущих боях войска предпринимали неоднократные попытки разорвать вражеское кольцо, но безуспешно. Окруженным не давала возможности сосредоточить силы и осуществить прорыв непрекращающееся воздействие наземных войск противника и в еще большей степени массированные налеты его авиации. Не удавалось и оперативной группе прорваться на запад из района Чепеля. Здесь ожесточенные атаки и контратаки вражеских танков также сопровождались массированными ударами авиации.

«События развивались очень быстро, – отмечает в воспоминаниях Н.С. Хрущев, – потому что боеприпасы и горючее мы не могли уже доставлять туда. Наша боевая техника стала неподвижной. Это как раз те условия, которые необходимы для противника, чтобы разгромить наши войска» [154] . В этот день главком направления приказал командующему артиллерией фронта послать офицера-артиллериста в штаб 6-й армии. Для выполнения этой задачи избрали начальника разведывательного отдела подполковника А.М. Манило.

«На Военном совете А.М. Манило был ориентирован в обстановке, – вспоминает бывший начальник штаба командующего артиллерией Г.С. Надысев. – Выход фашистских войск на тылы 6-й армии и затем ее окружение вызвали у командования армии, как сказал командующий фронтом, растерянность и потерю управления войсками. Начальник штаба фронта генерал И.Х. Баграмян добавил, что только неорганизованностью можно объяснить то, что не были прикрыты фланги. Армия понесла большие потери, фланги оказались ослабленными. Командующий фронтом приказал передать командующему 6-й армией генерал-лейтенанту А.М.

Городнянскому, что наступил удачный момент для прорыва кольца окружения в направлении на Изюм.

Были даны и другие распоряжения командарму: организовать непрерывную связь с фронтом и восстановить ее с подчиненными войсками, выработать план действий войск в окружении и объяснить командирам и бойцам важность новых боевых задач. А.М. Манило должен был выяснить еще один вопрос. В последние дни, с наступлением темноты и до рассвета, к окруженным войскам направлялись одиночные транспортные самолеты, которые сбрасывали на парашютах боеприпасы, горючее и продовольствие. Но Военный совет фронта не знал, кому достаются эти грузы – войскам армии или противнику. Подполковник Манило получил также приказание доставить из штаба 6-й армии план операции, сведения о наличии в окруженных войсках боеприпасов, горючего, продовольствия и медикаментов, а также о потерях армии, количестве раненых и больных. Срок для выполнения задания был жесткий – к 8 часам утра следующего дня офицер должен был вернуться в штаб фронта.

В 14 часов Алексей Михайлович был уже на аэродроме, где его ждал готовый к полету самолет «У-2». День выдался на редкость ясный. Пришлось лететь на малой высоте. Появление в воздухе вражеских истребителей дважды вынуждало летчика садиться. К 16 часам они все же добрались до посадочной площадки вблизи командного пункта 6-й армии. Доложив о прибытии, подполковник Манило изложил командарму требования командующего войсками фронта, перечислил, какие сведения необходимы для штаба фронта. В 6-й армии он пробыл примерно 12 часов и с помощью офицеров штаба детально разобрался в обстановке. За это время были подготовлены и все необходимые сведения. Выполняя задание Военного совета, Алексей Михайлович собрал немало ценных данных об артиллерии и для своего штаба.

Он убедился также, что артиллеристы, сражаясь в окружении, проявили беспримерное мужество и стойкость. Огнем прямой наводки и с закрытых позиций они до последнего снаряда разили врага. Но слишком неравны были силы. Лавина танков, поддерживаемая авиацией, прорывалась на огневые позиции и подминала орудия и расчеты. Так, артиллерийский полк под командованием подполковника А.И. Попова у деревни Гусаровка в течение трех часов вел неравный бой с танками и пехотой немцев. Используя реку Северский Донец как противотанковое препятствие, полк уничтожил 25 вражеских танков. Особенно отличились воины батареи, которой командовал капитан И.И.

Юрков. Артиллерийский полк не только выдержал натиск фашистов, но и не раз обращал их в бегство.

26 мая в 4 часа 30 минут подполковник Манило вместе с больным полковником Катасоновым вылетели в штаб фронта. В 7 часов 30 минут они были уже на своем аэродроме. Вскоре он в присутствии командующего артиллерией генерала Н.В. Гавриленко сделал обстоятельный доклад Военному совету, передал оперативный план и другие документы» [155] .

Свидетельствует К.А. Гуров: «Основная группировка Городнянского в течение 25 мая днем и ночью вела бои за Лозовенькой. Окончательно овладели этим пунктом к 3 часам 26 мая. Основная группировка Подласа в районе Краснопавловка; Бобкин в районе Михайловка; Кузьмин (командир 21-го танкового корпуса. – *Авт.*) – Лозовенька; Пушкин (командир 23-го танкового корпуса. – *Авт.*) – совхоз «Степок». Они днем вели наступление с целью прорыва с Лозовеньки на Чепель и из района Червоная Балка на Петровское и Краснопавловку, но в ночь на 26 мая с 22.00 25 мая решили двумя основными группировками наших танков с пехотой наносить удар на Лозовеньку, Садки, Чепель. Вторая группировка – танки Пушкина с пехотой наносят удар на Червоная Балка, Петровское и Протопоповка.

В 24.00 25 мая это не удалось сделать в районе Лозовеньки, так как бой шел за Лозовенькой еще ночью. В 3.00 26 мая по взятию Лозовеньки колонна танков и остатки бригад, действующих в этом районе, заняли Лозовеньку и начали успешное продвижение на Садки и Чепель. Мы (Костенко, Городнянский, Гуров. – *Авт* .) решили идти вместе с этой колонной. Перед выступлением из Лозовеньки, проверяя передовые вытянувшиеся части, я потерял связь с тов. Костенко и Городнянским, пытался их в этом районе найти, но ввиду большого скопления грузовых машин и войск не нашел их.

В 3.00 26 мая я вместе с бригадой Михайлова пошел по направлению Чепель. Сломив остатки сопротивления в Лозовеньке, начал выдвигаться на Садки и Чепель. В районе высоты 186,3, Волобуевка встретили сопротивление противника. Была противотанковая оборона. Сломив оборону противника, подбили несколько танков, начали продвигаться на выс. 169, 5 и сразу на Чепель.

В Чепель пришли часов в шесть. В боях у нас сожгли два танка, а четырьмя танками пришли в Чепель, где находились наши войска после прорыва обороны противника. Ему удалось закрыть ворота. Мы пытались два раза из Чепеля нашими танками прорвать вторично и дать возможность продвижения нашим частям, но успеха не имели.

С утра 26 мая авиация противника в районе Чепель большой группой самолетов беспрерывно до 21.00 бомбила этот район. Сгруппировать более мощный удар западнее Чепель не представилось возможности. Я доложил не о группировке Городнянского, а о нахождении самого Городнянского в районе Лозовенька. А основная группировка Городнянского в районе Павловка-вторая, Песчаное.

Какой результат… ночного наступления на 26 мая, доложить не могу, так как с момента движения бригадой Михайлова в район Чепель я потерял с ними связь» [156] .

На вопросы Тимошенко и Хрущева о группе Бобкина, армии Подласа, силах основной группировки 6-й армии, подошли ли к ней 150-я и 317-я стрелковые дивизии из 57-й армии, о причинах прекращения связи, состоянии штабов Гуров сообщил следующее: «Бобкин к вечеру 25 мая в составе Зиновьева и Кутлина (393-я и 270-я стрелковые дивизии. – *Авт* .) должны наступать в ночь на 26 мая из района Михайловка на Шопинка, Волобуевка и далее к Савинцам. Группа Подласа… приводилась в порядок, остальные сохранившиеся хозяйства (части. – *Авт* .) должны наступать за Городнянским. Два хозяйства Подласа (150 и 307 сд) подошли к Городнянскому и наступают в его составе. Группа Пушкина в 12.00 25 мая имела 46 единиц (танков. – *Авт* .), Кузьмин имел 11 единиц своих, но вместе с пятой и седьмой (5-я гвардейская отдельная танковая бригада и 7-я танковая бригада), другими хозяйствами, действующими с ним, всего имелось 40 единиц. Штабы Городнянского, Подласа и Бобкина в порядке. Связь с хозяйствами (армий с дивизиями. – *Авт* .)» [157] .

Информацию Гурова дополняет доклад полковника И.В. Виноградова: «На КП 57-й армии присутствовал штаб во главе с военсоветом. Командующий 57-й армией генерал-лейтенант Подлас имел план действия войск и организовал наступление в направлении совхоза Степок, Антонинков, Протопоповка с задачей пробиться к своим войскам. В ударной группировке 57-й армии были танковый корпус генерал-майора Пушкина и 2-й кавалерийский корпус.

К исходу 25 мая противник вышел на рубеж: с востока – Крутояровка, Лозовенька, свх. Степок, Дмитриевка; с запада – Монаково, Федоровка, Приволье; с севера – Родянка, Крутояровка и стал обстреливать наши войска со всех сторон. В 22.00 войска перешли в наступление: 57-я армия в направлении свх. Степок, Антонинков, 6-я армия в направлении Лозовенька на 40–50 минут позже. В 0.30 26 мая КП 57-й армии двинулся в направлении свх. Степок во главе с командующим армией. За КП 57-й армии двинулась большая часть автомашин и техники. По пути

движения КП 57-й армии в районе свх. Степок все поле было усеяно трупами наших и немецких войск, на всем поле горело большое количество различных машин.

В районе Антонинков на пути движения был безымянный ручей, в котором загрузло большое количество автомашин, орудий и танков и которые были сожжены. В 3.30 26 мая голова колонны, следующей за командованием 57-й армии, вышла в район Антонинков, где была атакована 50 самолетами противника. Колонна стала, машины были брошены, и люди разбежались по балкам. С этого момента генерал-лейтенант Подлас и генерал-майор Анисов из колонны исчезли (в каком направлении – неизвестно).

Эта колонна (эту колонну. – *Авт* .) автомашин, орудий и другой техники авиация противника группами от 40 до 50 самолетов беспрерывно бомбила до 13.00. Машины и другая техника были полностью уничтожены прямыми попаданиями бомб и подожжены пулеметным огнем.

С 13.00 до наступления темноты авиация противника штурмовала балки и расстреливала спрятавшихся в них людей. В 13.00 со всех сторон появились группы автоматчиков под прикрытием 1–2 танков и стали прочесывать местность. Всех обнаруженных наших бойцов и командиров заставляли сдаваться в плен, указывая им путь следования к белым флажкам, выставленным на высотах.

Всех тех, кто оказывал сопротивление, расстреливали на месте. Всего было собрано и забрано в плен в данном районе минимум 2000–2500 человек, много людей было расстреляно» [158] .

Со слов очевидцев, бывший начальник разведки 57-й армии А.Д. Синяев показал, что К.П. Подлас и А.Ф. Анисов с одним из подразделений отходили вдоль балки. Когда их обнаружили вражеские автоматчики, то они, не желая сдаваться в плен, застрелились. Позже в своем сообщении это подтвердил и противник.

Жестокие бои с утра 26 мая разгорелись на участке, где в качестве ударной силы для прорыва Костенко использовал части 103, 150 и 317-й стрелковых дивизий. Им были приданы уцелевшие танки 23-го танкового корпуса, которые удалось заправить горючим. Вырваться из окружения посчастливилось немногим, кольцо размыкалось лишь на короткое время, а затем враг вновь ликвидировал бреши.

Весь этот день командующий южной группой и его штаб, другие органы управления прилагали поистине титанические усилия, чтобы сохранить личный состав, боевую технику и

вооружение от непрекращавшихся массированных налетов авиации и огня артиллерии противника, наладить управление и подготовить более решительные действия.

Неудачей закончилась попытка прорыва оперативной группы. Генерал Шерстюк докладывал Москаленко: «Наступление начинали 26 мая два раза, и после принятия решительных мер успехов не имею. Предусмотренное приказом наступление в 8.00 26.5 началось в 9.00 по причине неподготовленности штаба 242 (дивизии) к управлению войсками и, как основное, отсутствие связи – кроме делегатов (офицеров связи. – *Авт* .) с частями танкового корпуса.

Второе наступление готовилось в ночь с выездом меня, командира и начальника штаба танкового корпуса. Наступление по приказу предусматривалось в 16.00 26.5 и точно началось в 16.05. Как стрелковые, так и танковые части начали одновременно и с большим желанием комначсостава выполнять приказ.

С подходом 15, 3 и 64-й танковых бригад, а за ними и пехоты к Червоной Гусаровке наступающие были атакованы вражеской авиацией. В первый раз 40 самолетами, во второй раз – 60 самолетами и в третий раз – 30 самолетами, в результате чего пехота, неся потери, прижималась к земле, а танки отходили в исходное положение. Кроме авиации, танки и пехота были встречены огнем танков, минометным, пулеметным огнем из Червоной Гусаровки и артогнем из Балаклеи. К 18.00 танки перешли в атаку вторично, но также были отбиты, пехоту поднять не сумели. На протяжении всего дня авиация противника беспрерывно бомбила и обстреливала боевые порядки. В результате атак танков в строю осталось в 15-й (бригаде. – *Авт* .) – 17, в 3-й – 25, в 64-й – 19 и в 114-й – 10. Узел Червоная Гусаровка сильно укреплен и особенно в противотанковом отношении. Овладение Червоной Гусаровкой готовлю ночной атакой.

Прорыв кольца окружения и оказание помощи в выходе окруженных решил провести в 4–5.00 27.5, а именно: 3-ю и 64-ю танковые бригады под командованием командира 64-й тбр подполковника Постникова (командира и штаба 3-й танковой бригады до сих пор нет – не прибыли) направить для прорыва кольца окружения в направлениях: высота 156,2, юго-восточнее Червоной Гусаровки, высота 116,8, что севернее Гусаровки, высота 153,2 севернее Шевелевки, где встретить окруженных…» [159]

Однако этого на следующий день не произошло. Наступление изнутри кольца возобновилось в ночь на 27 мая. Ударная группа

прорывавшихся советских войск ночной атакой выбила противника из Лозовеньки и продвинулась к востоку на 4–6 км. С наступлением рассвета враг вновь захватил село. В итоге эта группа 28 и 29 мая выходила из окружения уже небольшими отрядами.

Вспоминает бывший командир 3-го батальона 973-го стрелкового полка 270-й дивизии В.Ф. Ропотов: «В 4 часа утра 22 мая в батальон прибыл командир дивизии генерал Кутлин. В откровенном разговоре он сказал, что наша армия находится в сложной ситуации и вынуждена отходить. 270-й приказано прикрывать ее отход, а моему батальону надо прикрыть отход дивизии и держаться, как бы враг ни наседал. Помню, он добавил, что дивизия вырвется и сохранит свою боеспособность.

Утром 23 мая я получил приказ: занять оборону по реке Орель в селе Лиговка и задержать продвижение противника. Но противник активных действий не предпринимал, почти не появлялись и его самолеты. Вечером мне приказали отойти к селу Краснопавловка. Там командир полка распорядился двигаться вслед за дивизией на село Лозовенька, даже если по каким-либо причинам потеряем связь. Там, по его сведениям, находится штаб 6-й армии.

В тот день враг замыкал кольцо окружения, шли жаркие бои, но на дне «котла» противник просто шел за нами следом, сжимая кольцо.

24 мая в небе появились «рамы» (немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик. – *Авт* .) и буквально засыпали нас листовками. В них сообщалось, что мы окружены, тому, кто добровольно сдастся в плен, немцы сулили всяческие блага, особенно если сдаваться будут целыми подразделениями. Никто из моих бойцов на это не реагировал.

Где-то около полудня батальон шел по лесопосадке параллельно дороге Краснопавловка – Надеждовка, примерно в километре от нее. А по дороге сплошным потоком двигались подводы, машины, люди…

Неожиданно из-за бугра на полном ходу выскочило несколько десятков вражеских танков. Они ринулись к дороге и стали давить и расстреливать все, что им попадалось по пути. В этой страшной мясорубке погибло множество людей и из нашей двести семидесятой. Здесь же, как я узнал совсем недавно, погиб начальник политотдела дивизии Квашня и поэт Джек Алтаузен – их документы обнаружили местные жители, когда хоронили погибших.

Батальон успел отойти в балку, заросшую кустарником, и я изменил направление движения, ориентируясь по солнцу.

На следующее утро мы вошли в село – кажется, Бунякино. Его центральная улица вела к видневшемуся далеко впереди мосту. В селе стояло много машин, орудий, подвод. Я повел батальон к мосту. На середине улицы у какого-то на вид общественного здания стояла большая группа командиров. От нее отделился полковник, подбежал ко мне (я шел во главе колонны), спросил, что за подразделение. Я доложил. Мы вместе подошли к начальству, среди которого оказались три генерала.

Один из них – генерал-лейтенант – тоже осведомился, кто я, и после этого распорядился: «Товарищ капитан, приказываю занять оборону по той вон высотке за рекой, – он показал рукой, – и любой ценой не допустить противника к мосту».

Обратившись по имени и отчеству к полковнику, он поручил ему обеспечить беспрепятственную переправу батальона по мосту.

Полковник пошел с нашим батальоном. Уже в пути он спросил: знаю ли я, от кого получил приказ? Я ответил отрицательно.

«Это заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Костенко», – объяснил полковник.

Когда половина личного состава батальона была уже на противоположном берегу, словно воронье, налетели «юнкерсы». Очень много! Посыпались бомбы – на переправу, на село… Я успел перебежать мост.

Через полчаса ни моста, ни самого села не стало. Все, что могло гореть, – горело. Из батальона мне удалось собрать всего 30 человек, не уцелело ни одной повозки. А на них были боеприпасы и продукты…

Об обороне уже не приходилось и думать. Я повел свою группу на восток. По пути к нам присоединилось немало людей. 25 мая до самого вечера над нами пролетали группы «юнкерсов», бомбили и обстреливали даже небольшие скопления людей, уничтожали самые маленькие переправы.

Описать этот ад невозможно – поймут и поверят только те, кто сам испытал подобное. Судя по воронкам, бомбы применялись не менее 200 килограммов, но встречались воронки и больше.

Насчет переправ речь особая. Больших рек, если не считать Северского Донца, в тех краях нет, но после небывало снежной зимы речушки превратились в настоящие реки, образовались большие топи. Можно было проехать только по немногочисленным мостам, которые к тому же не были рассчитаны на большую нагрузку. Реки в основном текут с севера на юг, а мы отходили с запада на восток – переправ не избежать. Так вот немцы сначала позволяли нашим войскам

сосредоточиться на этих переправах, а потом засыпали их бомбами. Уцелевшие люди бежали в междуречья. Там тоже бомбили, но можно было хоть рассредоточиться…

26 мая между реками враг двинул танки – многие десятки. За ними шли цепи автоматчиков, на ходу добивая тех, кто не мог уже ходить; остальных собирали в колонны и уводили. Но этим пленным еще «повезло». А вот если местность прочесывали эсэсовцы, то тут вообще творилось то, во что отказывается верить разум. Тысячи людей они сгоняли в балки, на возвышенности устанавливали пулеметы, орудия и открывали огонь по скоплению пленных, потом добивали раненых и считаные, если не единицы, то десятки чудом уцелевших (о том, каково их было психическое состояние – говорить не приходится) угоняли.

26 мая я со своей группой (нас уже набралось человек сто) подошел к болоту, заросшему камышом и лозняком. На противоположной его стороне виднелось село, а дальше, в трех-четырех километрах, – лес.

Туда мы и направились, перейдя болото. В этом населенном пункте оказалась небольшая группа немцев, которую мы легко выбили. А на выходе из села увидели цепь немецких танков, за ними автоматчики гнали пленных. Я скомандовал: «Назад, в болото!» Танки открыли огонь, но мы успели скрыться в камышах.

Со мной находилось человек двадцать. Три дня просидели мы в болоте, выбраться было никак нельзя (все оцеплено). Время от времени немцы обстреливали болото из пулеметов и минометов, но сами туда не лезли. В болоте, кстати, было много застрявших машин и повозок.

Потом удалось связаться с местными жителями, которые помогли переодеться в гражданское. Начали пробираться к фронту мелкими группами. Задержали нас. Но, к счастью, не немцы, а румыны. Бежал, снова попался и снова бежал – шесть раз. Добрался-таки до своих, после спецпроверки вернулся в строй, воевал.

Сейчас об этой спецпроверке говорят всякое: мол, как это так – многие тысячи сидели в лагерях! Произвол! Но «забывают» о другом. Ведь фашисты под видом «окруженцев» пачками забрасывали в наши части шпионов, диверсантов, провокаторов. И свидетельств тому немало. К тому же кое-кто из тех, что попали под Харьковом в плен, проявили малодушие, которое в конечном итоге обернулось предательством, и оказались во власовской армии. Так что судить столь однозначно о проверке по меньшей мере несерьезно…»

Западнее Лозовеньки стали сосредоточиваться войска, прикрывавшие до этого 6-ю армию с запада. Среди них были

остатки частей 41-й стрелковой дивизии, потерявшие связь со штабом, который был разгромлен вражескими танками. По воспоминаниям очевидцев – бывших бойцов и командиров дивизии – можно представить общую картину ее последних боев и попыток вырваться из окружения.

Боеприпасов не хватало. Машины останавливались из-за отсутствия горючего. В сброшенных листовках немцы предлагали сдаваться в плен, обещали сохранить жизнь не только рядовому составу, командирам, но даже комиссарам, устанавливали сроки сдачи. Желающих, однако, не находилось. И тогда после листовок с «юнкерсов» сыпались бомбы. Пользуясь отсутствием нашей авиации, вражеские самолеты гонялись буквально за каждой машиной, расстреливая людей из пулеметов с бреющего полета.

24 мая в 244-м полку стало известно об окружении. Тогда комиссар, исполнявший обязанности командира полка, старший политрук Н.М. Егоркин с также исполняющим обязанности начальника штаба старшим лейтенантом П. Крючковым собрал командиров и коммунистов. Проанализировав обстановку, решили отходить на восток в направлении Бунаково, Чепель. Двигались ночью, обходя стороной вражеские гарнизоны. Утром 25 мая остановились в большой балке возле села Лозовенька. Здесь сосредоточились, наряду со многими другими, и остатки частей 41-й стрелковой дивизии. Враг подтянул танки, мотопехоту и после часовой артподготовки пошел в наступление. Кровопролитный бой продолжался более часа, но немцы не смогли сломить сопротивления окруженных. Весь день на их головы сыпались листовки с ультиматумом о сдаче в плен вперемежку с бомбами и обстрелами артиллерии.

Многие в тот день пали смертью храбрых: заместитель начальника политотдела дивизии старший политрук Д.К. Дзиов, редактор дивизионной газеты политрук В.Д. Подольский, заместитель командира дивизии по снабжению подполковник А.Р. Мушта, командир 102-го стрелкового полка майор М.Е. Мороз, комиссар этого полка старший политрук И.Ф. Исайкин, старшина роты 244-го полка Ф.Д. Колчин, начальник 2-го отделения штаба дивизии старший лейтенант А.Г. Шкуренко и многие, многие другие… Вся балка была усеяна телами погибших.

С наступлением темноты танки и автоматчики противника отошли. Это и радовало, и настораживало – ведь никто не знал, куда и с какой целью они ушли. Подразделения 244-го полка и присоединившиеся к ним группы из других частей с небольшим количеством ручных и противотанковых гранат, взяв с собой раненых, приготовились к прорыву. Они вышли из балки и оказались на открытой местности в посевах ржи. И тут же

противник открыл пулеметный огонь с фронта и флангов. Все залегли, пути назад и вперед были отрезаны. Требовалось уничтожить вражеские огневые точки.

На обращение Егоркина нашлись добровольцы, среди них – командир взвода лейтенант Г. Бородаков, опытный разведчик рядовой Т. Костин и сержант В. Адаменко. Каждый подобрал себе трех-четырех помощников. Через час задача была выполнена. Разведчики вернулись без потерь, доставив три ручных пулемета с запасом дисков и шесть автоматов.

Двинулись на восток. В небольшой низине наткнулись на позиции вражеской артиллерийской батареи, расчеты которой, услыхав со стороны своего тыла русское «ура», разбежались, оставив четыре орудия, снаряды, патроны, гранаты, три грузовых и легковую автомашины. Один из грузовиков был загружен хлебом и другими продуктами. Артиллерист, старший лейтенант Ануфриев, с помощью бойцов привел орудия и автомашины в непригодность, бойцы вооружились гранатами, запаслись продуктами. Выставив боевое охранение, направились на соединение со своими войсками. 27 мая вышли из окружения в районе села Протопоповка, построились. В группе Егоркина оказалось 317 человек, не считая 88 вынесенных ими раненых.

Бывший политрук 4-й роты 244-го стрелкового полка Г.Я. Якименко шел с другой группой. Он рассказывает: «22 мая рота, которой командовал лейтенант Андрей Курочкин, вела тяжелые оборонительные бои возле села Мироновка Первомайского района. В роту приехал редактор дивизионной газеты «За Родину» политрук Даниил Ильич Подольский вместе с военным корреспондентом газеты 6-й армии Олексой Десняком (Алексей Игнатович Руденко). В машине находились работники редакции. Они потом так и остались с ротой, и каждый занимался своим делом, а вечером бойцы имели свежую дивизионную газету. В тот день к роте присоединилось много разрозненных малочисленных групп из других частей 41-й дивизии, и мы, пополнив свои ряды, вели оборонительные бои с наступающим противником; вечером отошли к селу Закутневка.

23 мая снова сдерживали превосходящие силы противника, несли тяжелые потери и отошли к селу Раздольное.

На рассвете 24 мая стало известно, что войска 6-й армии находятся в окружении, поступил приказ отходить по направлению к селу Бунаково. Напор врага усиливался, боеприпасов становилось все меньше. Артиллерия противника вела интенсивный обстрел, авиация бомбила.

Вечером достигли Бунаково. Здесь была большая скученность наших войск, их также донимала авиация. Все смешалось…Мост

через реку Берека был разбит. Командир, разделив роту на две группы, решил двигаться к селу Павловка-вторая. Одну возглавлял он сам, другую – лейтенант Ф.И. Яценко. В селе Павловка-вторая, когда до моста оставалось всего метров 200–300, налетели немецкие бомбардировщики. Рота залегла, редакционную машину укрыли под кронами больших деревьев. Многие были убиты, ранены. Смертельное ранение получил командир роты лейтенант Курочкин, тяжело ранило осколками Олексу Десняка. Ему медсестра оказала первую помощь. Лейтенанта Курочкина и других убитых похоронили, раненых уложили на машину, с ними села медсестра. Десняк был в полном сознании, разговаривал. Свою аппаратуру и сумку с документами вручил Подольскому и попросил его все передать в штаб 6-й армии.

После восстановления моста через реку первой пошла машина с ранеными, которую сопровождали Филипп Яценко, старший сержант Алексей Федоров. Десняка, по его просьбе, оставили в доме местной жительницы Марины Андреевны Демченко, с ним была и медсестра, фамилию не помню. Остальных раненых сдали в полевой госпиталь в Павловке-второй, находившийся в помещении школы. Как выяснилось потом, Десняк через день умер и был похоронен местными жителями.

Вечером 24 мая группа с большими потерями все же переправилась через реку Берека и утром 25 мая подошла к селу Лозовенька. Здесь в обширном и глубоком овраге, расположенном западнее села, уже сосредоточилось много войск, стремившихся к переправам Северского Донца.

В ночь на 26 мая, собрав последние силы, группа, которой теперь командовал я, сделала отчаянную попытку прорвать близ Лозовеньки заслоны внутреннего кольца окружения. С боями прорвались через Гусаровку и за двое суток вышли к Северскому Донцу, переплыв на противоположный берег у села Савинцы.

Немногим удалось выйти к своим… Врезался в память факт, что последние номера дивизионной газеты «За Родину» продолжали выходить и в условиях первых дней окружения, даже после того, как перестал существовать штаб дивизии. Газета писала о героях 41-й стрелковой дивизии, насмерть стоящих в обороне. Какую силу и волю надо было иметь работникам редакции, чтобы выпускать газету в таких условиях!

В населенном пункте Алексеевка Первомайского района находился армейский эвакогоспиталь с четырьмя тысячами раненых, ожидавших отправки в тыл. Захватив село, немецкие автоматчики всех раненых расстреляли. Спасся только кое-кто из

медицинского персонала, сумевшие где-то укрыться, а затем уйти из села…»

К утру 27 мая в район западнее Лозовеньки вышла и 266-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.Г. Таванцева, в наибольшей мере сохранившая боеспособность. В ночь на 28 мая ее части, составившие ядро ударной группы, прорвали кольцо окружения и к утру 28 мая вышли в район Волковенково, Волобуевка. С ними вместе вышли войска, находившиеся у Лозовеньки. В ночь на 29 мая ударом с тыла при содействии частей 38-й армии они прорвали оборону противника, проходившую по правому берегу Северского Донца, и достигли расположения 38-й армии в районе Чепеля.

В воспоминаниях об этом эпизоде К.С. Москаленко пишет следующее: «Гитлеровское командование приложило большие усилия к тому, чтобы ликвидировать прорыв и не выпустить окруженных из смертельного кольца. Но не добилось успеха. 38-я армия нанесла удар снаружи в условиях, когда окруженные делали то же самое изнутри. Благодаря этому нам удалось вывести из окружения около 22 тысяч красноармейцев, командиров, политработников.

Помню, первыми подошли шесть танков «Т-34». Из одного вышел член Военного совета Юго-Западного фронта дивизионный комиссар К.А. Гуров. За танками волнами шли тысячи советских воинов во главе с генерал-майором А.Г. Батюня. На их лицах сквозь тяжкую боль и усталость светилась непомерная радость возвращения к своим» [160] .

Сохранилась служебная записка, которую 29 мая генерал-майор Батюня направил начальнику штаба Юго-Западного фронта. Она позволяет лучше представить и обстановку в кольце окружения, и то, как осуществлялся прорыв: «1. Я временно был начальником штаба группы Костенко, которая прикрывала с фронта р. Гомольша, Западенька, разъезд Тройчатый и далее на р. Орель. С 10.00 24 мая противник повел наступление с танками до 100 штук на Шебелинка, которую занимал полк 47-й стрелковой дивизии, занял Шебелинка и Кисели. Противник угрожал заходу в тыл группы Костенко (253-я и 41-я сд) к штабу группы в Алексеевка. Были приняты все меры не допустить дальнейшего распространения…

Генерал-лейтенант (Костенко. – *Авт* .) по моему предложению выехал в штаб 6-й армии и вызвал Подласа для того, чтобы обсудить создавшееся положение и принять решение. После был получен приказ маршала (Тимошенко. – *Авт* .) на вывод всех частей на восточный берег (Северского Донца. – *Авт.*) и что Костенко объединяет все войска в группу…

В 19.00 Бобкин выехал с этим приказом в Ракитно на совещание. Штаб переезжал в Красное. По прибытии штаба Бобкин мне передал, что Костенко приказал мне явиться к нему, и я убыл в Ракитно. По прибытии я явился к генерал-лейтенанту Костенко, и он мне сказал, чтобы я поступал в распоряжение Городнянского… Городнянский ознакомил меня с общим положением и с приказом, который должен был выполняться частями.

2. День 25 мая. Наступление началось с опозданием, так как запоздала 317-я стрелковая дивизия. По приказу было видно, что 411-я сд должна наступать справа на Чепель с юга с задачей прорвать фронт.

150-я и 317-я стрелковые дивизии с 21-м танковым корпусом (остатки), 37-й танковой бригадой на Лозовенька и далее на Чепель и севернее Чепеля прорвать кольцо окружения…

Наступление началось в 10.00, продвижение было исключительно медленным, просто топтание на месте.

Я по поручению Городнянского выехал в 150-ю стрелковую дивизию. Заставил штаб и командование выехать и потребовать от частей ускорения наступления. Немного продвинулись, заняли дорогу западнее Лозовеньки. 317-я стрелковая дивизия совсем не продвигалась.

В 16.00 вернулся в штаб, который был уже в Павловка-вторая. Городнянского я уже не застал – по докладу НШ он с Даниловым убыл в 103-ю, а Костенко и Гуров – в 317-ю стрелковые дивизии. Городнянский, уезжая, передал начальнику штаба: «Приказ писать не будем, остается этот в силе, и если днем не прорвут фронт, то начать с вечера и ночью выйти на берег и в Чепель».

3. Положение в 16.30–17.00 в районе Лазовский, Павловка-вторая. В лощину реки Берека стали стекаться все силы, как конный, так и автотранспорт, со всех сторон. Чувствовалось, что кольцо сужается с запада и с севера. Потом видно было отход частей 57-й армии к лощине реки Берека.

В это время прибыл Подлас со своей группой штаба. Я у него спросил: почему ваши отходят, когда здесь еще не прорван фронт окружения? Он отвечает: «Бобкин мне передал, что Костенко приказал, чтобы с утра начать всем действовать, вот я и начал выполнять». Но к этому времени прорывающиеся части не продвинулись, а прикрывающие начали отходить и противник вышел на бугор и открыл артогонь по тылам.

Я сказал тов. Подласу: «Тов. генерал, надо немедленно остановить ваши части и прикрыть с фронта». Подлас уехал, а тылы под давлением огня противника начали движение в сторону Панрелива Балка вслед за группой кавалерии 6 кк

(кавалерийского корпуса. – *Авт* .).

Начался прорыв. Я отдал последнее приказание дивизиям 6-й армии немедленно начать наступление и прорвать окружение противника. Под влиянием движения тылов и кавалеристов двинулась пехота 411-й стрелковой дивизии и 2-й танковой бригады. Вся эта группа прорвалась между Загородная и Чепель. Матчасть и машины застряли в тонких балках, разрушены авиацией противника, остальные подорваны своими. Прорвавшаяся группа свыше 3 тысяч переправилась на восточный берег р. Северский Донец. Левая группа в эту ночь прорваться не смогла и прорвалась в ночь на 27-е и в ночь на 28-е. По докладу вышедших – сильное воздействие авиации противника и наземных войск, матчасть вывести возможности не было, а пришлось ее портить.

Городнянского видели 27 мая, который прорывался на Чепель, но на переправах его уже не видели. Из прорыва вышло много людей с личным оружием, хотя значительная часть и без оружия. В ночь на 28 мая прорывалась остальная группа Бобкина.

Вывод. Войска вышли большими разрозненными группами, хотя в начале прорыва шли в своих организациях. Матчасть и машины вывести не удалось. Вышло командование 23-го и 21-го тк (танковых корпусов. – *Авт* .) за исключением командира 21-го тк, начальника штаба 41-й сд. Личного состава вышла значительная часть войск. Подсчет продолжается. Целых организационных единиц не прибыло» [161] .

Из этого краткого, наспех подготовленного документа все-таки можно сделать некоторые важные выводы. Во-первых, генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, являясь старшим по своему служебному положению военачальником, до 25 мая возглавлял группу войск, прикрывавшую отход 6-й и 57-й армий, а также группы Бобкина, и только в этот день по приказу Тимошенко объединил под своим командованием все войска, находившиеся в окружении. До этого момента оба командарма и генерал-майор Л.А. Бобкин действовали самостоятельно, выполняя распоряжения командующего войсками фронта. В исключительно сложных и тяжелых условиях, создавшихся в «котле», ни маршал Тимошенко, ни его штаб, разумеется, не могли предусмотреть всех обстоятельств и своевременно принять нужные решения. Таким образом, объединение войск под командованием генерала Костенко запоздало, что послужило одной из причин неудачи прорыва.

Во-вторых, отсутствие устойчивой связи с дивизиями, начиная с 25 мая, вынуждало и командующего южной группой, и командармов самим выезжать в соединения, чтобы на месте

организовать взаимодействие и бой. Это, конечно, отрицательно сказывалось на общем управлении всеми войсками, порождало несогласованность их действий.

27 мая после гибели генералов Костенко, Городнянского и Бобкина общее управление войсками в «котле» окончательно нарушилось. Многие командиры и политработники, взяв на себя инициативу, собирали разрозненные подразделения (части), выводя их в расположение советских войск.

Например, в ночь на 27 мая в районе Протопоповки вышли из окружения до 3000 человек, в течение 27 мая, на участке 9-й армии, – около 1000 человек с вооружением и 116 автомашинами. 29 мая также на участке 9-й армии вышли из окружения части 351-й стрелковой дивизии в составе 2500 человек и столько же – разрозненными группами.

О той обстановке, в которой решались задачи выхода из окружения, вспоминает исполнявший тогда обязанности командира роты противотанковых ружей 244-го стрелкового полка 41-й дивизии политрук Н.П. Моляров: «23 мая рота отражала атаки танков противника возле села Тороповка. Затем с тяжелыми боями отходили к селу Алексеевка. На следующий день напряженные бои развернулись южнее села Берека. К роте присоединялись небольшие группы бойцов из других частей 41-й дивизии, численность роты достигла 100 человек. Но боеприпасы кончились, подвоза не было. Поступил приказ отходить в сторону Гусаровки.

25 мая южнее Асеевки в небольшой балке рота встретилась с группой до 600 человек, состоявшей из разных частей 41-й дивизии. В ней было несколько автомашин, два трактора-тягача и другая боевая техника. Возглавлял группу начальник штаба 41-й стрелковой дивизии подполковник Самородский. Для удобства управления ее разделили на две группы. Одну возглавил старший техник-интендант штаба 41-й дивизии Шпагин, другую – я. Общее командование осуществлял Самородский. Группы заняли круговую оборону, одновременно ведя подготовку прорыва.

С наступлением темноты, по сигналу ракеты, обе группы решительно перешли в наступление. Противник отступил. С огромным трудом бойцы пробивались на восток. В селе Гусаровка противник оказал сильное сопротивление, бойцы с возгласами «ура!», с гранатами в руках кинулись на врага. Многие погибли, но заслон был прорван, и группа продвинулась вперед.

Днем 26 мая группы находились в лесу, а с наступлением темноты пошли на прорыв и в районе села Щуровка достигли Северского Донца. Моста не было, правый берег находился под прицельным пулеметным огнем противника. Бойцы гранатами

подавили огневые точки. Автомашины и тракторы пришлось взрывать. Документы и оружие переправляли на лошадях, которые, брошенные кавалеристами, блуждали по полю. Бойцы переправлялись кто как мог, многие погибли и утонули…

Из 41-й стрелковой дивизии вышло из окружения и присоединилось к частям 9-й армии около 400 человек. Подполковник Самородский сдал в штаб 9-й армии все вынесенные документы, а я – список роты с отметкой всех погибших».

«Я помню, мы потом выехали ближе к Донцу и здесь встречали людей, которые прорывались из окружения, – вспоминает Н.С. Хрущев. – Плотного прикрытия у противника не было, и они прорывались одиночками и группами.

Вышел Гуров, который был при штабе 6-й армии на главном направлении наступления. Он прорвался на танке через кольцо, которое уже замкнул противник…

Гуров доложил, что он вынужден был сесть в танк и прорываться. Другого выхода у него не было. Если бы он этого не сделал, то тоже остался бы в тылу у немцев. Тогда были некоторые голоса, которые осуждали его. Смотрели на меня: может быть, судить Гурова Военным трибуналом за то, что он на танке вырвался из окружения.

Но я с уважением относился к Гурову. Высоко ценил честность и военную собранность. Я ответил этим людям: «Нет, хватит этого, сколько генералов там полегло. Хотите еще добавить того, кто вырвался оттуда? Это сумасшедший дом! Одних немец уничтожил, а тех, кто вырвался, мы будем уничтожать? Это плохой прецедент для наших войск: все равно гибнуть – или под пулями немцев, или тебя уничтожат свои».

Все было кончено. Городнянский, командующий армией, не вышел. Штаб весь погиб. Командующий 57-й армией Подлас не вышел, погиб. Штаб его тоже погиб. Командующий конной группой погиб, и сын-подросток его погиб (вместе с Л.В. Бобкиным погиб его двенадцатилетний сын. – *Авт* .). Погибло много генералов и полковников, офицеров и красноармейцев. Все они погибли.

Вышли очень немногие, потому что расстояние между краями в этой дуге было небольшим, и противник его плотно прикрыл. Окруженные войска были на большой глубине впереди. Технику они не могли использовать: не было горючего, не было припасов. А пешком выйти – велико расстояние. Они были частью уничтожены, а основная масса взята в плен» [162] .

На долю плененных советских воинов выпали нечеловеческие испытания. «25 мая, во время отступления, мы узнали, – писала

бывший врач 973-го стрелкового полка 270-й дивизии М.Л. Коган, – что погибли командир дивизии Кутлин и комиссар Рахманинов. Бомбы падали не переставая, невозможно было поднять голову. Вокруг – огромное количество тяжелораненых и убитых. Отовсюду слышались крики и стоны. От нашей санитарной роты осталось несколько человек. Мы бегали от одного раненого к другому, перевязывали, успокаивали, но большего сделать не могли – наш обоз разбомбили, из медицинского оборудования ничего не уцелело.

К сожалению, и меня ранило в стопу, и я не смогла уйти с группой солдат, которые собрались и самостоятельно двинулись на прорыв. А потом я получила еще два ранения – к счастью, сквозные. Меня с тысячами других раненых, которые могли двигаться, немцы погнали в Барвенково. Если бы не наши солдаты, которые буквально несли меня на руках, то конвоиры пристрелили бы – много таких, ослабевших от ран и добитых фашистами, осталось на обочинах дороги…

В Барвенково нас загнали в здание бывшей школы, именуемой «госпиталем», где помощь раненым как-то пытались оказать наши врачи, тоже попавшие в плен, но у них практически не было ни перевязочного материала, ни медикаментов. Потом, когда из школы раненых перегоняли для эвакуации на вокзал, мне с подругой посчастливилось бежать. И начался долгий и тяжелый путь к фронту… Только в конце января 1943 года удалось пробраться к своим…»

Среди пленных находились и двенадцать красноармейцев из взвода младшего лейтенанта Н. Львова из 134-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии. Некоторое время их держали на поле во временном лагере, обнесенном колючей проволокой. Днем людей под усиленной охраной гоняли на изнурительные работы.

Присмотревшись к лагерным порядкам, Львов задумал побег и поделился своими планами с товарищами по несчастью. Те с готовностью поддержали идею. На следующий день по сигналу своего командира несколько пленных набросились на охранников, прижали их к земле, вырвали автоматы и ударами прикладов прикончили. Воспользовавшись моментом, весь взвод бросился бежать. Однако вскоре немцы с собаками стали настигать их.

«Держаться кучнее, – скомандовал Львов, – животные нас разорвут, если их не перестреляем». Собак встретили автоматным огнем, перебили и по ржаному полю устремились к близлежащему лесу. Но путь преградили вражеские мотоциклисты. Беглецов разоружили и жестоко избили. Пригнав

в село, заперли в сарае и выставили часовых.

Вскоре ворота сарая открылись, вошел офицер в форме полевой жандармерии. «Сейчас будете находиться под охраной, а утром всех вас расстреляем», – сказал он. Львов понимал немецкий язык и даже немного говорил. Он перевел его слова товарищам и добавил: «Отсюда нам выбраться вряд ли удастся. Но не будем расслабляться и примем смерть, как подобает советским воинам».

Когда стемнело, он подозвал троих бойцов и, встав на их плечи, принялся осторожно вынимать куски черепицы из крыши сарая. Двое наблюдали за часовыми. Когда те уснули, с помощью сделанных из обмоток веревок все выбрались наружу. Ночами долго пробирались на восток. На седьмые сутки перешли линию фронта и присоединились к своим.

29–30 мая из окружения выходили последние группы воинов Юго-Западного фронта. По наблюдениям советской авиации, затухающие бои в кольце шли в районах Лозовеньки и хутора Лозовский. Сводная группа 41-й стрелковой дивизии в составе до 600 человек на узком участке местности решительно атаковала ближайшие немецкие позиции. Группой смельчаков командовал начальник оперативного отделения штаба дивизии майор М.И. Ригонин. Бои шли днем и ночью. Потери были большие. На последнем этапе пробивались уже, как могли: самостоятельно, мелкими группами, нередко используя трофейное оружие. Многие погибли под огнем противника при переправе через Северский Донец. Из окружения вырвалось не более семидесяти человек…

Итак, к 30 мая 1942 г. закончились организованные боевые действия советских войск на харьковском направлении. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок в своем дневнике самодовольно подвел итоги последних дней боев в «котле»: «26 мая 1942:…Повсюду одинаковая картина. Постоянно сжимаемый противник хотя и делает еще тут и там попытки прорыва, но все они заканчиваются провалом. С одной из высот юго-восточнее Лозовеньки видно, как со всех сторон в направлении дымящегося «котла» ведут меткий огонь наши батареи по русским, которые пока еще слабо отвечают на него. Толпы пленных текут назад, а рядом с ними идут в атаку наши танки и части Первой горнострелковой дивизии. Потрясающая картина.

27 мая 1942. Сражение близится к концу… Поздно вечером поступил приказ, что фюрер требует атаковать противника между Изюмом и Савинцами и окруженных в Волчанском «мешке». Он хочет, используя успехи сражения, разгромить возможно большие

силы врага еще до начала главной операции…

29 мая 1942:…На фронте никаких существенных боевых действий. Трофеи сражения возросли до 239 306 военнопленных, 2026 орудий и 1249 танков, сбито в общей сложности 540 самолетов. Наши общие потери составили ровно 20 000 человек» [163] .

Не следует, однако, принимать приведенные фельдмаршалом цифры на веру, особенно количество пленных и танков. В годы войны ни мы, ни наш противник не очень-то стеснялись в преувеличении вражеских потерь и преуменьшении собственных. В описании боевых действий 1-й немецкой танковой армии, например, сказано: «24 мая красные войска в результате непрерывного наступления соединений 6-й армии и армейской группы фон Клейста были стиснуты на территории 48 х 27 км. Лишь немногим частям противника удалось с ожесточенными боями вырваться из окружения и избежать полного уничтожения. 26 мая армия доложила об уничтожении главных сил красных. Главная предпосылка для летних операций была создана. Главнокомандующий ГА (группой армий. – *Авт* .) генерал-фельдмаршал фон Бок отметил успехи армии в специальном приказе. Особым признанием успехов командования и соединений подвижных войск, внесших основной вклад в успех операции, явилось присвоение фюрером Дубовых листьев к Рыцарскому кресту командующему 3-го тк генералу фон Макензену…

Одна лишь 1-я танковая армия взяла 137 355 пленных, а также захватила или уничтожила 50 танков, 641 орудие, 195 противотанковых и зенитных пушек, 15 самолетов. Всего было разгромлено двадцать две стрелковые дивизии, семь кавалерийских дивизий, пятнадцать танковых бригад (заметим: если сосчитать все, что входило в состав 6, 57, 9-й армий, группы генерала Бобкина, то набирается двадцать одна стрелковая, шесть кавалерийских дивизий, пятнадцать танковых бригад. – *Авт* .). Армейская группа фон Клейста и 6-я армия взяли 215 000 пленных, а также захватили или уничтожили 1812 орудий, 1270 танков, сбито 542 самолета» [164] .

Кстати, анализируя события тех дней, английский историк А. Кларк подчеркивал, что «…из окружения смогла вырваться лишь четвертая часть окруженных войск 6-й и 57-й советских армий. Русские официально сообщили, что они потеряли убитыми 5 тысяч человек и 70 тысяч пропавшими без вести, а также 300 танков. Немцы утверждали, что они взяли в плен 240 тысяч человек и уничтожили 1200 танков (что, несомненно, является преувеличением…)» [165] .

Обратим внимание читателя на то, что последняя цифра общих потерь советских войск (то есть убитыми, ранеными, пропавшими без вести, попавшими в плен), приведенная уже в 1990 г., составляет около 230 тыс. человек [166] . Совместные потери 6-й армии и группы Бобкина: личного состава – 140 591 человек, танков – 468, орудий – 833, минометов – 1745 [167] . Потери 9-й армии – 33 260 убитыми, 329 орудий, 79 танков, 471 82-миллиметровый миномет, 48 120-миллиметровых минометов, 31 992 винтовки и автомата [168] . Потери 57-й армии в личном составе исчисляются в пределах 57–60 тыс. человек.

Это стало известно сейчас, когда открыты, как говорится, все карты. Ну а тогда, в самом конце мая сорок второго, что могла узнать страна о харьковской катастрофе? Очень мало, практически – ничего. Вот что отметил в рассказе-хронике один из наиболее информированных тогда военных журналистов Д. Ортенберг: «27 мая. В сводках Совинформбюро не упоминается наше наступление на Харьков. Вместо этого указывается, что советские войска «закрепились на занимаемых рубежах». Главным направлением сейчас стало Изюм – Барвенковское, там наши войска ведут тяжелые оборонительные бои. В газете это нашло отражение в репортажах К. Буковского и Т. Лильина. Сообщения крайне тревожные: «Вчера происходили крупные танковые бои… Вражеские танки почти не уходят с поля боя… Танковые бои идут почти непрерывно, они носят исключительно ожесточенный характер…

31 мая. Поздно вечером пришла сводка Совинформбюро. В ней лишь две строки: «В течение 31 мая на фронтах ничего существенного не произошло». Но, увы, в это время как раз и произошло много существенного. Сражение на Юго-Западном закончилось не в нашу пользу. Вновь возникло слово «окружение», печально памятное нам по первым месяцам войны и исчезнувшее в последнее полугодие. Немецким войскам удалось на этом фронте замкнуть кольцо вокруг нашей группировки. В этом кольце мужественно сражались наши воины с превосходящими силами противника. Несколько тысяч человек вышло из окружения. Но много наших воинов погибло или попало в плен, среди них ряд видных командиров…

Конечно, в ту пору я далеко не все знал и понимал. Вспоминаю, что, когда я в Перхушкове завел с Жуковым разговор о харьковских делах, он рассказал мне не так много и не столь откровенно, как написал об этом после войны. Не сказал, что не был согласен с развертыванием нескольких наступательных операций, в частности и на Харьковском направлении, и об этом говорил Сталину на заседании ГКО. Но фраза, которая тогда, во

время разговора в Перхушкове, у него вырвалась, многое мне открыла: «Не надо было там начинать…»

Отмечу, что в нашей газете, как, впрочем, и в других, о ходе событий нет ничего определенного. Не назывались города и населенные пункты, за которые шли бои или которые мы оставляли, не печатались и карты театра битвы, как это мы делали в прошлом. Почему? Взять грех на свою душу было бы легче всего.

Вспоминаю свою беседу с секретарем ЦК партии А.С. Щербаковым, который был начальником Совинформбюро и к тому времени стал и начальником ГлавПУРа. Я сказал, что откровенный разговор, который мы вели на страницах военной газеты и во время поражения сорок первого года, был проявлением не слабости, а силы нашего государства и армии. Правда, война не снижала, а поднимала дух людей, вселяла веру в нашу победу. Александр Сергеевич ответил: «Тогда была другая обстановка. Тогда дело шло о судьбе нашей страны. А эта операция носила частный характер. Решено публиковать только то, что дает Информбюро. Придерживайтесь наших сводок…»

Я хорошо чувствовал, когда Щербаков говорит от своего имени, а когда передает указания Верховного, никогда на него не ссылаясь. Я понял, что на этот раз он передает указания Сталина. Не мог Александр Сергеевич, да и не только он, тогда предполагать, что наше поражение на Харьковском направлении обернется наступлением противника на Сталинград и Северный Кавказ и вновь встанет вопрос о судьбе Родины» [169] .

Суровые испытания выпали на долю советских войск. Оперативно-стратегическая обстановка изменилась в пользу противника. По согласованию со Ставкой ВГК маршал Тимошенко принял решение на переход к обороне на рубеже Волчанск, Балаклея, вдоль левого берега Северского Донца силами 21, 28, 38 и 9-й армий. Войскам ставилась задача не допустить развития удара противника из района Харькова на восток.

Успешно начавшаяся Харьковская наступательная операция закончилась тяжелым поражением советских войск. Это обусловливалось рядом причин.

Существенные ошибки допустило командование юго-западного направления, Ставка ВГК. Недооценена, как стало ясно в последующем, сила врага, неточно произведен анализ его намерений в стратегическом плане. С опозданием было принято и решение на прекращение наступления в связи с мощным ответным ударом противника и обозначившейся угрозой окружения. Не всегда объективная информация о положении на фронтах направлялась в Ставку ВГК, которая в свою очередь

допустила просчет в оценке стратегических замыслов германского руководства на летнюю кампанию 1942 г.

«Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены, – отмечал в этой связи спустя годы Маршал Советского Союза А.М. Василевский. – На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное». На исходе операции сказались и ошибки Верховного Главнокомандующего, «недооценившего серьезную опасность, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, и не принявшего мер к сосредоточению крупных стратегических резервов на юге страны. И.В. Сталин игнорировал разумные советы об организации обороны на юго-западном направлении, с тем чтобы встретить там вражеские удары мощным огнем и контрударами наших войск. Он разрешил Военному совету фронта проводить необеспеченную операцию, одновременно затеяв наступления почти на всех фронтах. Это привело к растранжириванию многочисленных людских и материальных резервов», – писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков [170] .

Одной из основных причин неудачного исхода операции стало то, что командование юго-западного направления не уделило должного внимания оперативному обеспечению ударных группировок Юго-Западного фронта с юга силами Южного фронта. Необходимо было усилить Южный фронт и поставить перед ним более четкие задачи по обеспечению наступления своего правого соседа от вероятных контрударов. Фронт даже не имел достаточных сил для создания прочной обороны в полосах 9-й и 57-й армий, где контрудар врага был наиболее вероятен. Это явилось, кстати, нарушением директивных указаний Ставки фронтам и армиям юго-западного направления, требовавших развития полевых укреплений в обороне на глубину до 10–12 км [171] .

Недостатки планирования, допущенные штабом юго-западного направления, усугублялись слабым знанием сил противника и недооценкой его возможностей в использовании резервов и переброске войск с других участков фронта на угрожаемые направления. Ошибка в определении количества немецких войск, находившихся перед Юго-Западным фронтом (на 1 апреля), была к началу его наступления значительная: четыре пехотные и одна танковая дивизии. Планом наступления предусматривалась возможность перегруппировки противником пяти-шести дивизий из глубины лишь на пятый-шестой дни операции. Фактически же резервы стали прибывать на участки прорыва на второй день наступления. Главное же заключалось в том, что возможность появления крупных сил врага на южном

фасе барвенковского выступа и вероятность нанесения ими контрудара во фланг южной ударной группировки фронта вообще не предусматривалась. В действительности для нанесения контрудара в полосе 9-й армии к 17 мая противник дополнительно к имевшимся здесь силам добавил пять пехотных и одну танковую дивизии. А всего за время наступления немецкое командование ввело в сражение из резерва двенадцать пехотных и одну танковую дивизии.

Несоблюдение скрытности передислокации войск, длительная их перегруппировка позволили командованию противника в основном раскрыть замысел нашей операции, а затем осуществить контрманевр на угрожаемые направления соединениями своей 6-й армии, а также прибывшими резервами. Советские войска лишились такого важного фактора достижения успеха в любой операции, сражении или бою, как внезапность.

Важно подчеркнуть, что, располагая полуторным превосходством над противником по артиллерии и более чем двукратным по пехоте и танкам, командующий войсками Юго-Западного фронта не смог создать решающего превосходства в силах на направлениях главных ударов армий (за исключением танков в полосе 6-й армии). Максимальное превосходство над врагом было достигнуто лишь на участке прорыва 28-й армии: по пехоте – в 2,8 и артиллерии – в 2,2 раза. Несмотря на то что удар с барвенковского выступа считался главным, решительного массирования сил и средств на этом направлении достигнуто не было: на севере на 1 км участка прорыва плотность артиллерии была доведена лишь до 59,5 орудий и минометов, а на южном (главном) участке она не превышала 32 единиц. К участию в артиллерийской подготовке не привлекалась артиллерия резервных соединений фронтов и подвижных групп.

Взаимодействие войск надлежащим образом организовано не было. Действия родов войск на местности конкретно не согласовывались. Организуя управление, штабы всех степеней надеялись на надежность проводной связи и явно недооценивали радиосвязь. При значительном же удалении командных пунктов от переднего края создавалась реальная угроза нарушения работы средств связи и потери управления войсками с самого начала наступления.

Просчеты, допущенные командованием в организации наступления, не были своевременно выявлены и исправлены в ходе операции. Неверное представление о силах и возможностях противника и об успехах своих войск продолжало оставаться у командующего войсками Юго-Западного фронта и его штаба длительное время. Это удерживало от своевременного ввода в

сражение вторых эшелонов и подвижных групп. В 28-й армии, например, дивизии второго эшелона в первый день наступления находились в районах сосредоточения. Лишь позже одна из них была использована для ликвидации блокированного вражеского гарнизона в Терновой, а вторую вывели в резерв армии, где она оставалась до конца наступления. Второй эшелон 6-й армии (две стрелковые дивизии и одна танковая бригада) в течение всего наступления находился на удалении 10–12 км от соединений первого эшелона. Такое расстояние исключало возможность своевременного ввода их в сражение для завершения прорыва обороны врага и выхода на оперативный простор. В северной ударной группировке подвижная группа – 3-й гвардейский кавалерийский корпус – использовалась для выполнения частных задач.

Следовательно, и на северном, и на южном направлениях усилия, предпринятые войсками первых эшелонов, не были своевременно наращены вторыми эшелонами, что ослабило темпы наступления, дало противнику возможность перебросить из глубины свои резервы, снять часть сил с пассивных участков фронта. Разведка своевременно не вскрыла перегруппировку и выдвижение вражеских оперативных резервов к районам боевых действий. Перегруппировка войск противника перед Южным фронтом, произведенная в период с 13 по 16 мая, вообще осталась нераскрытой.

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян справедливо выделяет и ряд объективных причин поражения. Он считает, что нашу неудачу в этой операции в известной степени обусловили и имевшиеся существенные недочеты в организационной структуре войск.

Важным козырем в руках немецкого командования являлись его танковые и моторизованные дивизии. Каждая из пяти танковых дивизий в составе группы армий «Юг» имела 170–185 танков. Наряду с этой ударной силой немцы располагали несколькими моторизованными дивизиями, обладавшими высокой маневренностью. Почти все эти соединения в свое время принимали активное участие в боевых действиях в Западной Европе, на Балканах, имели большой опыт ведения боевых действий на советско-германском фронте. Эти дивизии были хорошо организованы, обладали большой ударной силой и высокой подвижностью, имели прекрасно отработанные приемы организации и поддержания тесного взаимодействия на поле боя со своей авиацией.

В сравнении с ними советские бронетанковые войска, состоявшие преимущественно из недавно сформированных

отдельных танковых бригад, лишь небольшая часть которых была поспешно сведена в танковые корпуса, во многих отношениях оказались слабее. Значительная часть этих танковых формирований еще не имела такого боевого опыта, чтобы в первых же боевых столкновениях с опытным противником оказаться на высоте.

Необходимо подчеркнуть также, что советские танковые соединения в этот период из-за незавершенности организационных мероприятий имели сравнительно небольшой боевой состав для самостоятельного ведения боевых действий. Отдельная танковая бригада состояла из двух танковых батальонов по 22 машины в каждом (один из этих батальонов имел средние танки, другой – легкие танки устаревших типов) и мотострелкового батальона. Артиллерии в бригаде не было. Танковый корпус состоял из трех танковых и одной мотострелковой бригад.

Важную роль в ходе боевых действий сыграли немецкие военно-воздушные силы. Противник превосходил советские войска в количестве боевых самолетов, более рациональным организационным построением своей авиации и более гибкой системой централизованного управления ею во время операции. Действительно, на всем южном крыле Восточного фронта, включая Крым, в начале летней кампании противник имел мощный 4-й воздушный флот, в состав которого входило свыше 1200 боевых самолетов (700–800 бомбардировщиков, 250–300 истребителей и 125 разведчиков). Имея единое командование, единые органы управления и аэродромного обеспечения, они без особого труда сосредоточивали основные усилия для массированного боевого применения на тех оперативных направлениях, где решалась участь самых важных сражений и операций.

В отличие от противника советские Военно-воздушные силы в организационном отношении были раздроблены. Основная масса боевых самолетов входила в состав армейской авиации, боевые действия которой планировались и управлялись главным образом решениями командующих армиями, исходя из оперативных задач, стоявших перед ними. В состав фронтовой авиации выделялось небольшое количество боевых машин. Такая организационная раздробленность во многих случаях крайне затрудняла возможность массированного применения авиации для решения наиболее важных задач в операции. Другим крупным недостатком в организационном построении советской авиации являлся смешанный состав авиадивизий.

Существенной причиной неудач под Харьковом являлось

также и то, что подавляющая часть войск юго-западного направления не была укомплектована положенным по штату количеством личного состава, вооружения и боевой техники. Обещанные Ставкой ВГК людские контингенты, вооружение и боевая техника прибыли в войска не полностью и с опозданием. Особенно плохо обстояло дело с поступлением в распоряжение главкома запланированного количества танковых бригад, что не позволило обеспечить танковыми силами армии правого крыла Южного фронта на барвенковском направлении.

Таковы были основные просчеты и некоторые недостатки при планировании и обеспечении Харьковской наступательной операции. Они в значительной степени предопределили крупное поражение на юго-западном направлении. В результате постигшей неудачи советские войска потеряли относительно небольшую, но важную в оперативном отношении территорию. Хотя в этой операции они нанесли довольно существенный ущерб противнику в живой силе и технике, потери советских войск в сравнении с потерями противника были намного больше.

10 июня немецкие войска продолжили наступление и нанесли удар по 28-й армии в районе Волчанска и по правому флангу 38-й армии из района Чугуева. Обе советские армии начали отход на восток. Лишь к 14 июня удалось остановить вражеское наступление. Спустя неделю командование юго-западного направления, как инстанция, было упразднено. Маршал С.К. Тимошенко остался командующим войсками Юго-Западного фронта, Н.С. Хрущев – членом его Военного совета, И.Х. Баграмян – начальником штаба.

На другой день после этого немецкое командование начало следующую наступательную операцию «Фридерикус-II», нанося главный удар от Чугуева на Купянск и вспомогательный – из района Балаклеи на Изюм. Соединения 9-й и 38-й армий отошли за р. Оскол, закрепились там и 26 июня остановили продвижение противника, который, однако, уже достиг своих целей и затем смог перебросить 1-ю танковую армию в Донбасс для последующего наступления на Ростов.

Неудачно сложилась обстановка и в Крыму. Разгромив еще в начале мая войска Крымского фронта на Керченском полуострове, немецкие войска приступили к решающему штурму Севастополя.

Таковы были ближайшие последствия поражения советских войск под Харьковом. Естественно, встал вопрос: кто же будет за это отвечать? Прямые и косвенные виновники были на виду: сам Верховный Главнокомандующий, Ставка ВГК, ее рабочий орган – Генеральный штаб, главком направления (он же – командующий

войсками Юго-Западного фронта), член Военного совета и начальник штаба направления, те же ответственные лица из командования Южного фронта, командующий 9-й армией.

Последний оказался «крайним», на которого можно было бы «списать» ошибки, промахи и просчеты. Тем более что определенная доля вины действительно лежала на Ф.М. Харитонове, хотя она, конечно, была несоизмерима с виной других. По распоряжению С.К. Тимошенко Р.Я. Малиновский отстранил Харитонова от командования армией. Акт этот был оформлен грозным, но не совсем справедливым приказом главкома юго-западного направления от 18 мая 1942 года: «… Вместо того чтобы использовать имеющиеся резервы, не допустить распространения танков противника к переправам на р. Сев. Донец и организовать взаимодействие дивизий первого эшелона для ликвидации прорыва, командующий 9-й армией генерал-майор Харитонов бросил на произвол судьбы свои войска и трусливо сбежал в Изюм. Благодаря этому уже к полудню 18 мая противник слабыми (?) силами вышел на южный берег реки Северский Донец…

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Малиновский и его штаб не проявили достаточной энергии и решительности для быстрого восстановления утерянного управление и до сего времени руководство боевыми действиями доверяется обанкротившемуся в бою генерал-майору Харитонову.

Приказываю:

1. За потерю управления войсками и трусливое поведение в бою отстранить генерал-майора Харитонова от командования армией и предать его суду Военного трибунала…» [172]

Ставка ВГК утвердила это решение. Харитонова вызвали в Москву, началось следствие, однако передавать дело в трибунал, вопреки обыкновению, не торопились. Вот что впоследствии писал об этом А.М. Василевский: «После неудачной Харьковско-Барвенковской операции, проводившейся войсками Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 года, генерал-майор Харитонов, командовавший тогда 9-й армией Южного фронта, был отстранен от обязанностей и по настоянию командования Юго-Западного направления привлечен к судебной ответственности. Подробно зная всю историю этой операции и истинные причины ее неудач, я доложил Сталину, что вина Харитонова в данном случае является относительной, и просил не только не отдавать его под суд, а как хорошего военачальника назначить командующим войсками армии» [173] .

И надо сказать, что начальник Генерального штаба не ошибся: возглавив 6-ю армию нового формирования, Харитонов

успешно командовал ею, был награжден орденом Кутузова I степени, получил звание генерал-лейтенанта, но тяжело заболел и умер 28 мая 1943 г. (Ф.М. Харитонову посвящен кинофильм «Товарищ генерал», поставленный по одноименной книге М. Колосова. – *Авт.*).

И.Х. Баграмян, описывая свой совместный с Н.С. Хрущевым июньский визит в Ставку ВГК с просьбой о резервах, подчеркивает, что И.В. Сталин, внимательно выслушав их и обсудив создавшееся на юге положение, был спокоен, сдержан и не упрекал за допущенные ошибки, очевидно, в душе считая и себя виновным в неудаче. В пределах возможного Ставкой была выполнена и просьба об усилении фронтов.

Н.С. Хрущев же в своих воспоминаниях указывает, что в Ставку ВГК вызвали его одного; о Баграмяне, который был с ним, почему-то даже не упоминает: «Я не помню, на какой день после катастрофы я получил звонок из Москвы. Вызывают в Москву не командующего, а меня. Можете себе представить. У меня было очень подавленное настроение, когда я летел в Москву. Вряд ли нужно даже говорить, что я чувствовал.

Мы потеряли много тысяч войск, много тысяч. Мы потеряли надежду, которой мы ждали. Надежду, что мы откроем победную страницу боевых действий против оккупантов, против фашизма в 1942 году.

И мы эту операцию закончили катастрофой. Инициатива наступления была наша с Тимошенко. Это тоже накладывало на меня ответственность. То, что мы хотели изменить ход боевых действий и предотвратить катастрофу, было едва ли доказуемо. Особенно перед теми, от кого зависело приостановление этой операции. Ведь согласиться с правильностью наших доводов – значит согласиться с неправильностью своих решений.

Но не для Сталина такое благородство. Это человек вероломный. Он на все пойдет, но никогда не признает, что допустил ошибку. Поэтому я ясно представлял трагичность своего положения. У меня другого выхода не было, сел в самолет и полетел.

Я был морально подготовлен ко всему, вплоть до ареста» [174] .

Оставив в стороне эти и другие попытки автора воспоминаний убедить потомков в том, что именно он – член Военного совета фронта, – вопреки мнению Генерального штаба и самого Верховного, настаивал на прекращении злосчастного наступления, а также его рассуждения о характере Сталина, обратимся к существу описываемых им последующих событий:

«Встретились. Сталин поздоровался. Сталин – актер. Он так

умел владеть собой, не выдавал: не то он кипит против тебя, не то с пониманием относится. Он умел носить маску непроницаемости.

Когда поздоровались, он мне говорит: «Немцы объявили, что они столько-то тысяч наших солдат взяли в плен. Врут?»

Я говорю: «Нет, товарищ Сталин, не врут. Эта цифра, если она объявлена немцами, довольно точная. У нас примерно такое количество войск было там. Даже чуть больше. Надо полагать, что часть была перебита, а названная немцами часть действительно попала в плен».

Сталин ничего мне не ответил. Я видел, что он кипит. Смотрю и не знаю, куда прорвется этот кипящий котел. Но он сдержался. Ничего мне не говорил, не упрекал ни меня, ни командующего. Помалкивал.

Говорили о делах: что мы предпринимаем, какая возможность построить оборону по Донцу с тем, чтобы противник не перешел Донец на этом направлении, как задержать его движение при наших очень ограниченных возможностях. Пошли обедать.

Я не помню, сколько я дней пробыл в Москве со Сталиным. Чем дальше, тем томительней тянулось время, которое должно было чем-то кончиться для меня лично.

Чем оно кончится, я не знал, но думал, что Сталин такую катастрофу после победы под Ростовом, а особенно после громкой победы под Москвой, не простит, не пройдет мимо и захочет найти «козла отпущения». Продемонстрировать свою неумолимость, свою принципиальность и твердость, не останавливаясь перед личностью, как бы она ни была известна и даже близка к нему, если это касается интересов народа.

Тут была возможность все это продемонстрировать. Вот, мол, катастрофа разразилась по вине такого или таких-то. Правительство и Сталин ни перед чем не останавливаются и строго наказывают людей, виновных в этой катастрофе».

Однако вышло иначе. «…Пробыл я некоторое время в Москве, – продолжает Н.С. Хрущев, – и Сталин сказал, что я могу уезжать опять на фронт. Я обрадовался, но не совсем, потому что я знал случаи, когда Сталин ободрял, люди выходили из его кабинета и направлялись не туда, куда следовало, а туда, куда Сталин указывал тем, кто этими делами занимался…

Я вышел. Ничего. Переночевал. Наутро улетел и вернулся на фронт. Положение было очень тяжелое…» [175]

Вскоре последовало директивное письмо И.В. Сталина Военному совету Юго-Западного фронта. И.Х. Баграмян был снят с поста начальника штаба фронта, обвиненный в том, что не справляется со своими обязанностями и «не удовлетворяет Ставку

даже и как простой информатор». «Более того, – писал Сталин, – т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий».

Проинформировав о том, что Баграмян назначается заместителем командующего 61-й армией и ему дается шанс оправдать себя на деле, Верховный подчеркнул: «Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и, прежде всего, тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе – с потерей 18–20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто. Поэтому вы должны учесть допущенные вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места» [176] .

О собственной вине и ошибках Верховный Главнокомандующий, разумеется, ничего не сказал.

Может создаться впечатление, что харьковская катастрофа никак не сказалась на военной судьбе С.К. Тимошенко. Но это неверно. В беседе с Константином Симоновым Г.К. Жуков так охарактеризовал этого военачальника: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко – старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что после харьковской катастрофы ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильней некоторых других командующих, таких, например, как Еременко. Но Сталин был на него сердит – и после Харькова, и вообще, – и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным. Если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт» [177] .

Эту же, по сути дела, мысль высказал Г.К. Жуков и в беседе с генералом для особых поручений при маршале С.К. Тимошенко Л.Ф. Минюком. «27 августа 1942 года, прощаясь с Семеном Константиновичем, – пишет тот, – получил от него последнее

поручение – вручить письмо генералу армии Г.К. Жукову в Москве. Тут же он и сообщил мне новость – о назначении Георгия Константиновича первым заместителем Верховного Главнокомандующего… Узнав место пребывания Жукова, я отправился на улицу Кирова, где в то время размещался Генеральный штаб…

Из-за большого письменного стола… поднялся Георгий Константинович и, улыбаясь, пошел мне навстречу. Поздоровавшись, спросил:

– Ну, рассказывай, с чем пожаловал ко мне?

Я протянул ему конверт… Держа в руках письмо, он задумался, а потом, как бы спохватившись, сказал:

– Семен Константинович поздравляет с назначением… Ему, конечно, обидно, что так получилось. Эту должность должен был бы занять он, но его здорово подвела Барвенково-Харьковская операция. Слишком самонадеянно он настаивал на ее проведении, а в результате такой огромный просчет! Правда, не он один в этом повинен, но дров наломали много» [178] .

Действительно, дров наломали много. Вскоре враг нанес новый удар – на воронежском направлении. Перехватив стратегическую инициативу, с таким трудом завоеванную Красной Армией в контрнаступлении под Москвой, германское командование нацелилось на Сталинград и Кавказ. Войска юго-западного направления вынуждены были начать отход. 12 июля на базе его полевого управления создается Сталинградский фронт. Начиналась Сталинградская битва…

Глава 6 Операция «Звезда»

Вновь харьковское направление стало фигурировать в оперативных сводках Генерального штаба Красной Армии в начале февраля 1943 г., когда войска Воронежского фронта приступили к проведению Харьковской наступательной операции, получившей наименование «Звезда».

Мощные удары советских войск, нанесенные в январе на острогожском и касторненском направлениях, привели, по существу, к разгрому немецкой группы армий «Б». Ее понесшие большие потери соединения были дезорганизованы и отброшены на рубеж рек Тим и Оскол. В результате в обороне противника образовалась огромная брешь. Все это способствовало дальнейшему наступлению Красной Армии на курском и харьковском направлениях. В то время Ставка Верховного Главнокомандования предполагала использовать резкое ослабление вражеской группировки на рубеже Касторное, Старобельск для стремительного овладения Курском, Белгородом, Харьковом и Донбассом. По ее мнению, наступление Воронежского фронта на Курск, Харьков и Юго-Западного в Донбассе, в сочетании с операциями войск Южного и Северо-Кавказского фронтов на Нижнем Дону и в предгорьях Кавказа, неизбежно должно было привести к разгрому противника на южном крыле советско-германского фронта. На основании такой оценки обстановки было принято решение продолжить наступление без оперативной паузы в боевых действиях, поскольку, как считали в Ставке и Генеральном штабе, «любая потеря времени с нашей стороны дает противнику возможность прочнее осесть на занимаемых рубежах» [179] .

Реальную угрозу, нависшую над южным флангом своего Восточного фронта, осознавало и немецкое командование. Так, 28 января 1943 г. Отдел иностранных армий стран Востока генерального штаба сухопутных войск Германии констатировал: «События последних недель характеризуются тем, что русским удалось после уничтожения румынских, итальянской и венгерской армий, а также после уничтожения 6-й германской армии отбросить южный фронт германских войск почти до исходных позиций перед летним наступлением, а также пробить между Доном и Воронежем брешь шириной около 300 километров… На основании сказанного операции противника на южном фланге оказывают решающее влияние на весь фронт» [180] . А фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» признает, что в январе «…решалась судьба уже не одной

армии, а всего южного крыла, а в конечном счете и всего Восточного фронта». Теперь наступило время, пишет он, когда германская армия «не могла уже больше рассчитывать на завоевание окончательной победы». Следовавшие один за другим удары Красной Армии создали такую обстановку на Восточном фронте, в которой «…германское командование, – продолжает Манштейн, – должно было отыскивать все новые и новые выходы из положения, а германские войска должны были переносить все новые неслыханные тяготы».

21 января 1943 г. представитель Ставки маршал А.М. Василевский и командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков представили на рассмотрение Верховного Главнокомандующего план операции по освобождению районов Белгорода и Харькова. В соответствии с ним главный удар планировалось нанести 3-й танковой армией в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти Харьков с юго-запада и на пятый-шестой день операции овладеть городом. Обеспечение ударной группировки с правого фланга возлагалось на 18-й стрелковый корпус, а с левого – на 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

Действовавшие на правом крыле фронта 60, 38 и 40-я армии должны были нанести удар в направлении Белгород, Харьков с расчетом выхода на северо-восточную окраину Харькова на девятый-десятый день операции. Общая глубина продвижения войск фронта определялась в 200–250 км. На первом этапе операции предусматривалось уничтожение противника по линии железной дороги Старый Оскол – Валуйки и выход к Северскому Донцу. На втором этапе предстояло овладеть Харьковом и на 15–20-й день операции выйти на рубеж Медвенское, Богодухов, Валки, в готовности в дальнейшем вести наступление в направлении Полтавы [181] . Продвижение на такую значительную глубину требовало постоянного наращивания усилий войск в ходе операции. Этого можно было достичь только при глубоко эшелонированном оперативном построении фронта и армий. На самом же деле при условии, когда все силы фронта были вытянуты в одну линию, в нем даже не создавались резервы. Тем самым командующий войсками фронта ставил себя в такое положение, при котором он фактически не мог влиять на ход операции. Все надежды связывались с успешным и решительным продвижением войск.

Особенностью замысла операции являлось то, что 60-я и 38-я армии должны были поменяться своими полосами наступления. Но вызвано это было отнюдь не оперативными соображениями, а совсем иными причинами. Дело в том, что еще в начале

предыдущей Воронежско-Касторненской операции командующий войсками фронта сказал командармам И.Д. Черняховскому и Н.Е. Чибисову: «План дальнейших действий ваших армий будет зависеть от результатов этого наступления. На Харьков пойдет та армия, войска которой освободят Касторное» [182] . Городом Касторное овладела 38-я армии, и теперь, в порядке поощрения за успех, она включалась в главную группировку для наступления на Харьков. Однако все это прибавило очень много дополнительной работы, как штабу фронта, так и штабам обеих армий. Нужно было в сжатые сроки в зимних условиях перегруппировать войска и тылы, перебазировать армии на новые станции снабжения, отрегулировать движение на маршрутах движения частей, особенно на узлах дорог.

Другая особенность заключалась в том, что операция должна была начаться не прорывом вражеской обороны, как это происходило в январе, а непосредственно с этапа развития успеха, уже достигнутого войсками. Борьбу с противником предстояло вести на промежуточных рубежах его обороны, состоявших в основном из отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов. Как отмечалось в оперативных документах 3-й танковой армии, «противник отдельными гарнизонами занимал населенные пункты и высоты по западному берегу р. Оскол, приспособив здания и сооружения для обороны. Кратковременность не дала возможности противнику полностью произвести инженерные работы, и к началу операции противник имел в основном снежные окопы неполной профили, незначительное количество минированных участков, противотанковых и противопехотных препятствий» [183] .

В полночь 23 января Сталин утвердил предложенный фронтом план операции, и в войска была направлена директива соответствующего содержания. В это время с Воронежского фронта в Москву вернулся Г.К. Жуков. На основании его доклада в Ставке была рассмотрена возможность нанесения в полосе наступления этого фронта удара еще на одном направлении – курском. И через три дня, 26 января, Ф.И. Голиков получил дополнительную задачу: армиями правого крыла наступать в общем направлении Касторное, Курск, уничтожить противостоявшего противника и овладеть районом Курска [184] . Тем самым усилия Воронежского фронта в предстоявшей операции распылялись на двух далеко отстоявших друг от друга направлениях. Однако и в Ставке, и в Генеральном штабе полагали, что общая обстановка, в первую очередь неспособность противника восстановить сплошной фронт обороны, позволит успешно решить обе задачи.

Наряду с недооценкой способности немецких войск к сопротивлению, в Ставке и Генштабе не в полной мере учитывались возможности войск Воронежского фронта при решении двух крупномасштабных задач. Подготовка группировки войск, предназначенной для наступления на харьковском направлении, проходила в сложных условиях. 40-я армия генерал-лейтенанта К.С. Москаленко должна была вести наступление на Харьков через Белгород. В ее состав входили шесть стрелковых дивизий (25-я гвардейская, 183, 309, 107, 340 и 305-я), одна стрелковая бригада (129-я), три лыжные бригады (4, 6 и 8-я), 4-й танковый корпус, одна артиллерийская дивизия, дивизия ГМЧ (гвардейских минометных частей) и зенитная артиллерийская дивизия. Кроме того, из 60-й армии ей передавались 303-я и 100-я стрелковые дивизии. Однако при этом три стрелковые дивизии, одна стрелковая бригада и 4-й танковый корпус продолжали вести боевые действия с целью ликвидации окруженной в ходе Воронежско-Касторненской операции группировки противника. Затяжка в ее ликвидации привела к тому, что 107-я и 25-я гвардейская стрелковые дивизии лишь 5–6 февраля получили возможность присоединиться к остальным силам армии, наступавшим уже на харьковском направлении. 4-й танковый корпус смог сделать это еще позднее – 8 февраля. В связи с этим к началу наступления удалось создать лишь небольшой сводный танковый отряд, в который вошли 116-я танковая бригада и три отдельных танковых полка. Но сравниться с танковым корпусом в ударной силе этот отряд не мог.

Еще в более сложном положении находилась 69-я армия, которая в течение всего нескольких дней должна была развернуться на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса. Ее командующим назначался генерал-лейтенант М.И. Казаков. Но создать армию – это не просто объединить войска под определенной нумерацией. Требовалось вывести их в полосы предстоявшего наступления и организовать взаимодействие. Но, как говорится, «с колес» создавались не только боевые соединения и части, но и органы управления войсками – армейский и другие штабы с их необходимой структурой. Остро стоял вопрос с частями и подразделениями связи. Кроме того, до начала операции в 69-й армии так и не были созданы органы тылового обеспечения, и она базировалась на тыл фронта.

Соединения 3-й танковой армии генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко с 23 января начали выдвигаться в новый район сосредоточения. Армия была усилена 6-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора С.В. Соколова в составе двух кавалерийских дивизий и 201-й отдельной танковой

бригады. Танковые соединения достигли исходного рубежа для нового наступления значительно ослабленными: в 12-м и 15-м танковых корпусах имелось по 20 танков, в 179-й отдельной танковой бригаде – 10, в 201-й отдельной танковой бригаде – 35. Остальные танки ввиду технических неисправностей и отсутствия горючего были разбросаны на маршрутах следования армии от Бутурлиновки и на местах прошедших боев. Для ее пополнения в соответствии с планом операции «Звезда» было выделено около 100 танков «россыпью», однако прибыть к началу операции они не успели: лишь 2 и 4 февраля на станции Икорец было выгружено в общей сложности 97 «Т-34». При этом, как отмечалось в докладе начальника БТ и МВ армии: «Водители поступающих на пополнение армии новых танков неквалифицированны. Большинство водителей разгружаемых танков имеют стаж вождения 2–3 часа. В результате: вывод фрикционов из строя, поломки шестерен коробок перемены передач, стартеров и т. п.» [185] .

По существу, вся танковая группировка армии (два корпуса и две бригады) по количеству боевых машин представляла собой две неполные танковые бригады. В этой связи командующий армией принял решение в первом эшелоне развернуть только стрелковые соединения (четыре стрелковых дивизии и одну отдельную стрелковую бригаду) без танкового усиления. Танковые корпуса и бригады составляли второй эшелон и должны были вводиться в сражение для развития успеха непосредственно на подступах к Харькову, с тем чтобы, как отмечалось в приказе командующего армией, «их стремительный удар с юга и юго-запада на Харьков сделать внезапным, ошеломляющим». В армейский резерв выделялась 184-я стрелковая дивизия.

К началу наступления 3-я танковая армия (два танковых корпуса, две танковые бригады, пять стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада) насчитывала 57 557 человек, 1223 миномета различных калибров и 588 орудий. Основной станцией снабжения армии по-прежнему оставалась Бутурлиновка. Ее тыловые коммуникации растянулись на 270 км. В войсках и на складах имелось от 0,2 до 3 боекомплектов артиллерийских боеприпасов, от 1,4 до 5 заправок дизельного топлива, от 0,7 до 2,5 заправки автобензина. Но и их подвоз был затруднен из-за крайне ограниченного количества автомашин.

Перед центром и левым крылом Воронежского фронта немецкие войска, непосредственно прикрывавшие харьковское направление от Чернянки до Купянска, были объединены в армейскую группу «Ланц». В нее входили танковая дивизия «Великая Германия» (61 боевой танк, в том числе – 9 «Тигров», 6

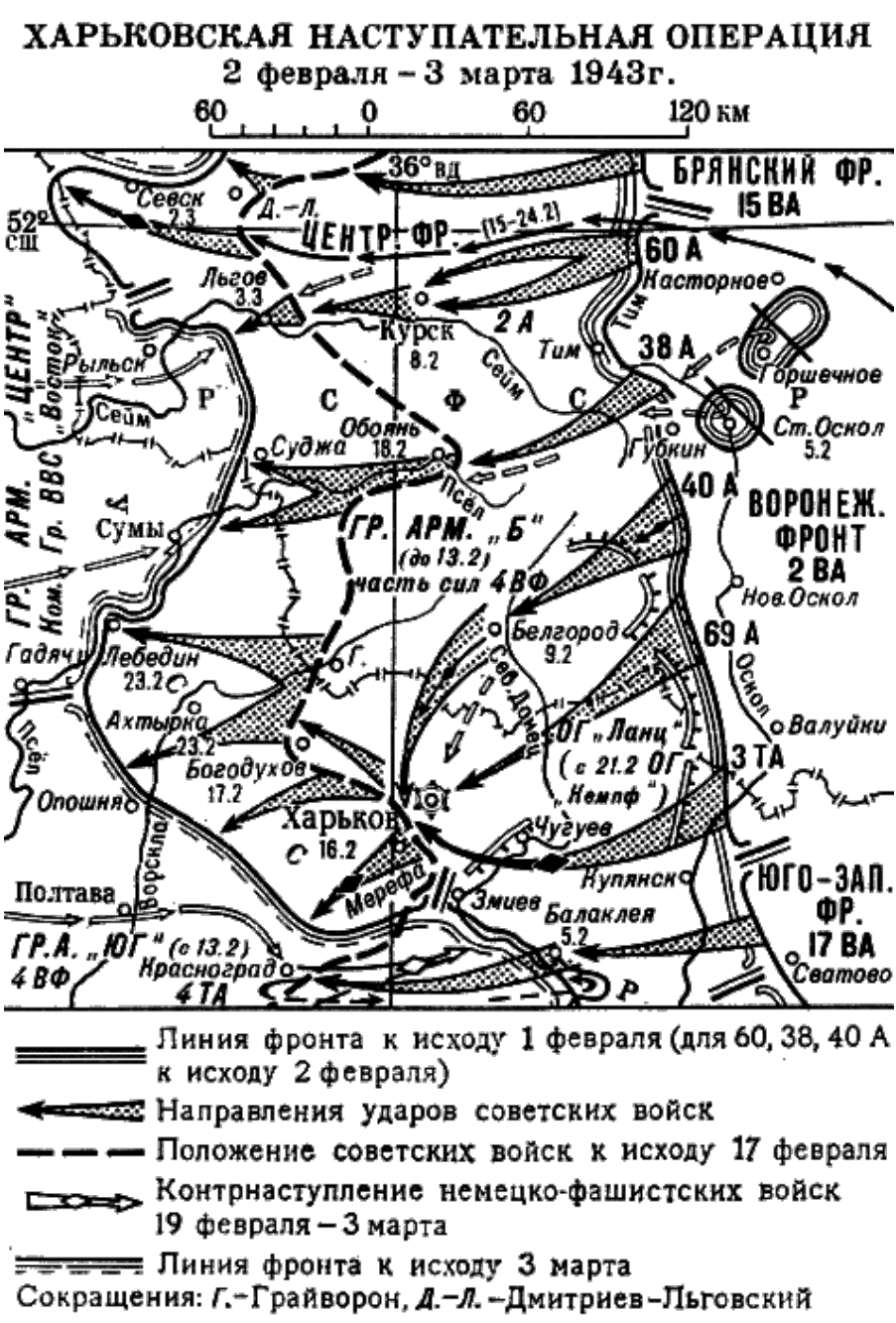
командирских и 28 огнеметных танков), а также остатки 298-й и 168-й пехотных дивизий. Южнее Купянска, в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта, отходила 320-я пехотная дивизия. В начале февраля три эти дивизии начали объединяться в корпус генерала Э. Рауса. Обстановка была настолько неблагоприятной, что первоначально штаб корпуса составляли офицеры генерального штаба сухопутных войск, оказавшиеся в этом районе с инспекционной поездкой. Кроме этих сил в глубине в районе Волчанска сосредоточивались остатки разгромленного 24-го танкового корпуса, а итальянский альпийский корпус отступал в направлении Белгорода отдельными группами.

Кроме того, для того чтобы закрыть разрывы в оперативном построении, немецкое командование осуществляло перегруппировку резервов не только с других участков Восточного, но и с Западного фронта. Так, из-под Орла была переброшена 26-я пехотная дивизия, а из района Мценска – 4-я танковая дивизия. В то же самое время командование вермахта начало переброску из Франции в район Харькова 2-го танкового корпуса СС, в который входили дивизии СС «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Все три дивизии были приведены к единому штату, став танко-гренадерскими. До этого они являлись моторизованными соединениями и не имели танков. Теперь же, вступая в сражение за Харьков, каждая из них имела танковый полк двухбатальонного состава. Помимо этого, в каждую дивизию вошла отдельная рота тяжелых танков «тигр». Мотопехотные (танко-гренадерские) полки дивизий оснащались бронетранспортерами или автомобилями. Всего в дивизиях танкового корпуса СС насчитывалось: «Рейх» – 131 танк (из них 10 «Тигров» и 9 командирских), «Адольф Гитлер» – 92 танка (9 «Тигров» и 9 командирских), «Мертвая голова» – 121 танк (9 «Тигров» и 9 командирских) [186] .

Первые подразделения танкового корпуса СС прибыли на вокзал в Чугуев всего за несколько дней до начала Харьковской наступательной операции. Это были штаб и 1-я рота 1-го танко-гренадерского полка дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (ЛАГ). Прибывавшие в последующие два дня подразделения, не ожидая полного сосредоточения в районах выгрузки, сразу же направлялись на позиции. К 31 января части и подразделения дивизии перешли к обороне почти 100-километрового рубежа от Змиева вдоль Северского Донца на север, занимая его отдельными опорными пунктами. Слева от нее выдвигались на свои рубежи и участки обороны подразделения дивизии СС «Рейх». Вот как оценивал обстановку в то время штаб танкового корпуса СС: «Фронт имеет обширные разрывы между различными

частями. Главное командование сухопутных войск намеревается сосредоточить танковый корпус СС в секторе Харькова и задействовать его в концентрическом контрударе, что затрудняется быстрым продвижением советских войск. Необходимо воспрепятствовать их проникновению в сектор сбора корпуса. Город Харьков, как важный дорожный узел, ценный в экономическом и политическом отношении, не должен быть потерян. Для этого 30 января части дивизии «ДР» («Дас Рейх») будут продвинуты для прикрытия в сектор к западу от Валуек (к северо-востоку от «ЛАГ»)».

Прибытие дополнительных сил позволило немецкому командованию в какой-то мере закрыть брешь между группами армий «Б» и «Дон», значительно усилив здесь армейскую группу «Ланц». Но все ее соединения по-прежнему занимали оборону в широких полосах, и их главной задачей являлось обеспечить прибытие, развертывание и вступление в сражение главных сил танкового корпуса СС. Последний же предназначался не столько для обороны Харькова, сколько для занятия в его районе исходного положения для последующего наступления с решительными целями. В тот момент немецкое командование еще не знало, в каком направлении будет нанесен этот удар, но в том, что он состоится в ближайшее время, оно не сомневалось. После сталинградской катастрофы, подорвавшей престиж Германии, Гитлер жаждал реванша на Восточном фронте.



Харьковская наступательная операция («Звезда») 2 февраля – 3 марта 1943 г.

Правофланговая 40-я армия ударной группировки Воронежского фронта перешла в наступление 3 февраля в 9 часов утра. В первом эшелоне действовали 309, 340, 305 и 100-я стрелковые дивизии. Им была поставлена задача к исходу третьего дня овладеть рубежом на глубине 70 км. За ними

двигался второй эшелон – 183-я стрелковая дивизия и сводный танковый отряд.

Наступление развивалось успешно. Противник, приспособив к обороне населенные пункты, подрывая мосты и лед на переправах, минируя и разрушая дороги, делал все возможное, чтобы задержать продвижение соединений армии. В определенной мере в этом ему способствовала и погода: метели с большими снежными заносами, сильные морозы. К тому же ограниченное число дорог увеличивало для наступавших трудности в маневрировании и в своевременном материально-техническом обеспечении боевых действий.

В первые дни наступления наиболее успешно действовали соединения правого фланга армии. Здесь 309-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М.И. Меньшикова, максимально используя санный транспорт, за четыре дня не только выполнила ближайшую задачу, но и продвинулась на 20 км западнее установленного ей рубежа. Уже 6 февраля она преодолела Северский Донец, овладела крупным населенным пунктом и станцией Гостищево, расположенной на железной дороге Курск – Харьков в 18–20 км севернее Белгорода. Быстро продвигалась вперед и 340-я стрелковая дивизия генерал-майора С.С. Мартиросяна.

Успешные действия на правом фланге способствовали повышению темпов наступления 100-й и 305-й стрелковых дивизий на корочанском направлении. Здесь противник силами пехоты, поддержанной артиллерией и авиацией, стремился задержать продвижение армии в районе Корочи, создав на подступах к городу и непосредственно в нем сильный опорный пункт. Отказавшись от фронтальной атаки Корочи, что могло привести к снижению темпов наступления и большим потерям, командующий армией генерал-лейтенант К.С. Москаленко приказал 340-й стрелковой дивизии обойти город севернее, а 100-й под командованием генерал-майора Ф.И. Перхоровича – южнее. В результате двустороннего охвата, грозившего окружением, немецкий гарнизон поспешно отступил в направлении Шебекино, Волчанск. 305-я стрелковая дивизия полковника И.А. Даниловича, наступавшая с фронта, 7 февраля освободила г. Корочу.

Однако важнейшие события, связанные с освобождением Белгорода и Харькова, по-прежнему происходили на правом фланге 40-й армии, где осуществлялся обход вражеской группировки. Еще 4 февраля, как только обозначился успех в полосе наступления 309-й стрелковой дивизии, с целью его развития сюда был направлен сводный танковый отряд и 183-я стрелковая дивизия генерал-майора А.С. Костицына. Туда же

направлялись по мере высвобождения 107-я и 25-я гвардейская стрелковые дивизии, артиллерийские части и, наконец, 4-й танковый корпус. В результате на правом фланге армии создавалась сильная ударная группировка войск, в состав которой вошли пять стрелковых дивизий, все танки армии и значительная часть артиллерийских средств усиления. Ее задача заключалась в овладении Белгородом.

Замысел генерала Москаленко заключался в том, чтобы охватить город с трех сторон. 309-я стрелковая дивизия получила приказ продвигаться к городу вдоль железной дороги, т. е. с севера, 340-я – с востока. Одновременно вводилась в бой 183-я стрелковая дивизия с задачей нанести удар с северо-запада. 8 февраля в 5 часов она с частью сил танкового отряда полковника В.Г. Романова овладела западной частью Белгорода и перехватила все дороги к северо-западу, западу и югу от него. Тогда же 309-я стрелковая дивизия совместно со 192-й танковой бригадой заняла его северные, восточные и южные окраины. В это время 340-я стрелковая дивизия уничтожала противника на восточных подступах к Белгороду. К утру 9 февраля город был освобожден. При этом было уничтожено до двух полков противника, захвачено свыше тысячи пленных. Вырваться из города удалось не более чем батальону немецкой пехоты с танками и обозом, но и он был разгромлен в районе железнодорожной станции Болховец частями 183-й стрелковой дивизии [187] .

После овладения Белгородом 40-я армия занимала выгодное оперативное положение: она обошла с севера оборонительные рубежи противника, подготовленные им восточнее Харькова. Это означало, что ее удар по городу и в обход него с северо-запада и запада мог оказать решающее содействие 69-й и 3-й танковой армиям, которые вели тяжелые бои на дальних подступах к Харькову. Главный удар наносился в центре оперативного построения. Здесь ударную группировку армии составили 25-я гвардейская, 340, 183, 305-я стрелковые дивизии и 4-й танковый корпус. Они получили задачу наступать вдоль шоссейной и железной дорог на юг, обходя Харьков с запада. 303-я стрелковая дивизия прикрывала ударную группировку армии с севера, 107-я – с запада, 309-я – с юго-запада. При этом 107-й дивизии было приказано наступать на Томаровку, Борисовку, Грайворон, а 309-й дивизии – на Богодухов.

Ударной группировке 40-й армии противостояли части двух дивизий противника – 168-й пехотной и танковой дивизии «Великая Германия». Не имея сплошного фронта обороны, они пытались оказать сопротивление в отдельных опорных пунктах и

на узлах дорог, но с каждым днем их положение становилось все более безнадежным. Особенно после того, как 12 февраля в сражение на харьковском направлении был введен 4-й танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, преобразованный к тому времени в 5-й гвардейский танковый корпус. После этого темп наступления ударной группировки армии еще более увеличился. Она находилась теперь уже на ближних подступах к Харькову.

В эти дни на подступах к городу 40-я армия потеряла сразу двух командиров полков, которые за личное мужество и умелое руководство войсками были удостоены звания Героя Советского Союза посмертно. Первый из них – командир 227-го стрелкового полка майор Э.Б. Ахсаров. В ночь на 14 февраля части 340-й и 183-й стрелковых дивизий завязали бои на северо-западных окраинах Харькова. Против 183-й дивизии, вышедшей к пригороду Харькова – Алексеевке, немецкое командование бросило в бой части дивизии «Великая Германия». 183-ю дивизию атаковало более полка мотопехоты при поддержке 50 танков. Главный удар пришелся по 227-му стрелковому полку. В бою, длившемся целый день, противник потерял 10 танков, три бронетранспортера, свыше сотни солдат и офицеров, но ему так и не удалось выбить полк из Алексеевки. Во время отражения одной из атак командир полка майор Ахсаров погиб в рукопашной схватке [188] .

В полдень 14 февраля 1943 г. 25-я гвардейская дивизия, обходя Харьков с северо-запада, освободила Ольшаны – крупный населенный пункт на шоссе Харьков – Богодухов. Оставив здесь 81-й гвардейский стрелковый полк полковника П.К. Казакевича, усиленный двумя артиллерийскими полками и саперами, главными силами дивизия повернула на Харьков. В ночь на 15 февраля полк овладел деревней Гавриловка, отрезав немецким войскам пути отхода из города.

С утра противник предпринял атаку незначительными силами, которая была успешно отражена полком. Но к полудню обстановка резко изменилась: атаки стали следовать одна за другой, мощь их нарастала. Находясь все время в боевых порядках подразделений, командир полка своевременно реагировал на все изменения обстановки, всем своим видом и поведением внушал окружающим спокойствие и уверенность.

О том, каким трудным был этот бой, рассказал в своих воспоминаниях бывший командир 25-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-лейтенант П.М. Шафаренко в книге «Мы все были солдатами»: «…Несколько позднее позвонил командир 81-го полка полковник П.К. Казакевич:

– Перед Гавриловкой и по дороге на Люботин стоят колонны

машин. Немцы контратакуют с танками и авиацией. В 53-м артполку раздавлена батарея Стеблинского. Обстановка в целом очень тяжелая. Гитлеровцы рвутся на Люботин и Богодухов. Первый эшелон полка долго не продержится…

И опять докладывает Казакевич:

– Первый эшелон полка разрезан. Гитлеровцы рвутся к шоссе на Богодухов. В направлении на Люботин двинулись колонны стоявших на дороге машин. Оттуда к Гавриловке подходят танки и мотопехота…

Так проходит около часа. В Гавриловке идет тяжелый бой. Взволнованный, ко мне подходит заместитель по политчасти П.П. Павлов.

– Убит Казакевич!

…Несколько минут мы стоим молча. Я смотрю на ставшие суровыми лица офицеров и солдат. Слышен зуммер телефона. Капитан Мелентьев берет трубку.

– Перед 81-м полком гитлеровцы отходят на Люботин…» [189]

Такова версия гибели Казакевича, приведенная П.М. Шафаренко. Несколько по-иному рассказывает об этом Герой Советского Союза А.Н. Потемкин, в то время исполнявший обязанности командира батальона в соседнем, 73-м гвардейском стрелковом полку дивизии: «Наш 73-й полк, где я продолжал временно командовать, входил в Харьков через пригород Холодная Гора. Где-то в этом районе нас собрал командир дивизии для уточнения задач. На лихом коне, в папахе и бурке подскакал командир 81-го полка полковник Казакевич – герой захвата Гавриловки… Уточнив задачи, наш комдив Павел Менделеевич Шафаренко, как всегда вежливо, порекомендовал полковнику Казакевичу снять папаху, так как вокруг все еще действовали снайперы противника. К несчастью, опасения комдива сбылись. На пути в полк полковник Павел Константинович Казакевич погиб от пули снайпера и был похоронен в поселке Ольшаны Харьковской области» [190] .

Наступление 69-й армии в первые дни операции проходило без серьезных осложнений. Ее соединения сравнительно легко ликвидировали опорные пункты противника на западном берегу р. Оскол и преследовали отходящие немецкие части до рубежа Прохоровка, Мелехово, Нежеголь, Белый Колодезь, Великий Бурлук, уничтожая их арьергарды. Упорные бои возникали лишь на отдельных направлениях. Так, частям 161-й и 219-й стрелковых дивизий в течение нескольких дней пришлось вести бои в районе Велико-Михайловки с дивизией «Великая Германия». А ближе к Харькову, на рубеже Мелехово, Шебекино,

Белый Колодезь, Великий Бурлук, немецкое командование стало вводить в сражение передовые подразделения танкового корпуса СС и 167-ю пехотную дивизию. Особенно тяжелые бои развернулись в районе Белый Колодезь, Приколотное, на стыке 69-й и 3-й танковой армий, куда прибыли части дивизии СС «Рейх». Используя заранее подготовленные, расчищенные от снега дороги, она умело маневрировала и то там то здесь предпринимала контратаки против нашей пехоты.

6 февраля неприятельские танки контратаковали на марше близ Белого Колодезя 180-ю стрелковую дивизию. Передовые ее части понесли при этом значительные потери. В некоторых батальонах оказались полностью выведенными из строя противотанковые средства вместе с расчетами, а немецкие танки продолжали наносить удары. Только при развертывании главных сил дивизии контратака была отражена. Но еще в течение двух суток соединения армии почти не имели продвижения, подвергаясь внезапным ударам танковых групп противника. Любые попытки вклиниться в промежутки в боевых порядках немецких соединений и перейти к их параллельному преследованию неизменно пресекались короткими, но эффективными контратаками. Ликвидировать преимущество врага в маневренности командованию дивизий и армии было нечем. В этой связи командующий 69-й армией генерал М.И. Казаков впоследствии отмечал: «Боевые действия на подступах к Харькову основательно измотали нас. Заметно поредела пехота… Многие части не имели реальных средств для подавления опорных пунктов противника, и потому бои за такие пункты принимали все более затяжной характер» [191] . В те дни он докладывал в штаб фронта: «Тылы 69-й армии отстали от армии. Один автобат, номер 864, без горючего, дистанция подвоза более 200 км. Сегодня войска армии без боеприпасов и горючего. Операция материально не обеспечена» [192] .

Однако, по мнению командующего войсками фронта, отсутствие боеприпасов и горючего не оправдывало низких темпов наступления, а потому в ответ на доклад Казакова ему поступил приказ следующего содержания: «Войска вверенной Вам армии в течение целых суток 11.2.1943 г. бездействовали перед арьергардами противника в 10–12 км от Харькова. Такое поведение преступно, т. к. оно приводит к срыву выполнения боевой задачи, позволяет противнику безнаказанно отводить главные силы. Вы лично не приняли мер и не обеспечили занятие г. Харьков к исходу 11.2.1943 г.

Приказываю:

1. К утру 12.2.1943 г. овладеть Харьковом.

2. Донести о виновниках невыполнения задачи дня 11.2.1943 г. и о принятых Вами мерах к ним» [193] .

Но и после этого 69-я армия не смогла сломить сопротивление арьергардов дивизии СС «Рейх», несмотря на то что ее основные силы осуществляли отход к Харькову. «Очень тяжело пехотой драться против танков противника, атакующего группами по 15–20 штук; общее количество перед фронтом – до 60–70 штук. Имею большой недостаток в снарядах, нет танков и РС. Войска и я лично принимали и будем принимать все меры к выполнению задачи; беру из тылов все, что можно, и бросаю в бой честных солдат своей Родины, а не преступников. Прошу не обвинять меня в этом», – сообщал генерал Казаков в очередном донесении в штаб фронта [194] .

Подобное положение было характерно в целом для всего Воронежского фронта. И не случайно 16 февраля представитель Ставки маршал А.М. Василевский отмечал в своем докладе Верховному Главнокомандующему: «Войска Воронежского фронта, ведя непрерывные бои с противником в течение месяца, имеют ощутимые потери в живой силе и военной технике. Фронтом принимаются необходимые меры для своевременного выхода войск фронта на рубеж для выполнения очередной боевой задачи, имея в виду наступление на Киев, Чернигов. Однако принимаемых мер силами фронта мало для того, чтобы все части армий иметь в совершенстве боеспособными в смысле их численности и оснащенности танками и авиацией» [195] .

Одновременно с 69-й армией 2 февраля перешла в наступление и 3-я танковая армия. В первый день стрелковые дивизии продвинулись почти на 20 км. Они отбросили передовые подразделения дивизии СС «Рейх» на северо-запад, в район Великого Бурлука, обойдя ее открытый фланг. В последующие дни общий ход событий не претерпел значительных изменений: преодолевая сопротивление арьергардов противника, соединения армии медленно продвигались вперед. Определенный успех наметился только на левом фланге. Здесь 5 февраля 201-я танковая бригада полковника И.А. Таранова овладела Волчьим Яром (севернее Балаклеи) и станцией Шебелинка, а на второй день завязала тяжелый бой за Андреевку и переправу через Северский Донец. Предстояло разгромить крупный немецкий гарнизон, усиленный танками и артиллерией. Командир бригады принял решение частью сил сковать врага с фронта, а главными силами во взаимодействии со спешенной конницей 6-го гвардейского кавалерийского корпуса обойти Андреевку с запада и отрезать пути отхода противника на Змиев. В результате реализации этого замысла немецкий гарнизон, боясь окружения,

начал отходить по льду реки, где его настигли танки бригады и почти полностью уничтожили.

В этих боях рота капитана Новикова первой ворвалась в район противотанковой обороны противника и разрезала его на две части, уничтожив при этом 6 танков, 4 броневика, 3 орудия и около сотни вражеских солдат и офицеров. Рота лейтенанта Кожара обошла Андреевку с юго-востока, первой вышла к реке, сожгла три немецких танка, создав пробку перед переправами. Лейтенант Сапорин со своими танкистами занял на высоком берегу реки выгодные позиции. Огнем с места они расстреливали танки и отходившую пехоту. Лейтенант Осипов обошел Андреевку с запада и создал видимость окружения, ведя огонь по отступавшим немецким подразделениям [196] .

В центре оперативного построения 3-й танковой армии упорные бои велись в районе Печенег. Здесь оборонялась 1-я рота 1-го танко-гренадерского полка дивизии СС «Адольф Гитлер». Вот как описывает события 4 февраля командир этой роты хауптштурмфюрер СС Х. Шпрингер: «Русские появились перед нашими позициями. Они совершают несколько попыток прорвать их, переходя через замерзший Донец, но им это не удается. Прежде всего, мы обладаем достаточной силой контратаки за нашими очень эшелонированными вглубь позициями; они способны отбросить прорвавшихся русских. Во-вторых, мы располагаем двумя пулеметами (MG-42) на боевую группу, которые мы используем впервые и которые оказывают опустошительное действие. В этот день «папаша Хауссер» (командир танкового корпуса СС. – *Авт* .) приходит на мой командный пункт, чтобы лично удостовериться в эффективности пулеметов: на льду Донца перед нашими позициями – множество трупов советских солдат. Это результат искусно расположенной нашей оборонительной позиции».

Начиная с 5 февраля значительно осложнилось положение и на правом фланге: развернувшийся в районе Белый Колодезь (в 60 км западнее рубежа, с которого армия начала наступление) 2-й танко-гренадерский полк дивизии СС «Рейх» нанес контрудар в направлении Ольховатка, Великий Бурлук. В течение всего дня части правофланговой 48-й гвардейской стрелковой дивизии вели упорные бои на рубеже Новоалександровка, Приколотное. Для отражения удара противника генерал П.С. Рыбалко принял решение ввести в сражение 184-ю стрелковую дивизию при поддержке 179-й отдельной танковой бригады и 1245-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Остальным силам армии приказывалось продолжать выполнять ранее поставленную задачу. 62-я гвардейская стрелковая дивизия

и 15-й танковый корпус готовились к штурму Печенег; 12-й танковый корпус сосредоточился в Коробочкино, ведя разведку в направлении Малиновка, Чугуев; 6-й гвардейский кавалерийский корпус двигался на Моспаново.

В течение 6–8 февраля на правом фланге армии продолжались ожесточенные бои. Части 48-й гвардейской стрелковой дивизии, а затем сменившей ее 184-й дивизии, при поддержке 179-й отдельной танковой бригады отражали атаки частей дивизии «Рейх» в общем направлении на Великий Бурлук. Учитывая медленное продвижение правого фланга, командующий армией принял решение нарастить усилия войск на левом фланге вводом в сражение 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Ему ставилась задача: действуя через полосу наступления 6-й армии Юго-Западного фронта «и следуя по маршруту Андреевка, Большая Гомильша, Тарановка, отрезать противнику пути отхода из Харькова в юго-западном и западном направлениях» [197] . С учетом того, что с севера и северо-запада пути отхода немецких войск из города блокировались 40-й армией, успешные действия корпуса должны были привести к окружению всей харьковской группировки противника, в том числе и прибывавшего в район Харькова танкового корпуса СС.

Перелом в сражении в полосе наступления 3-й танковой армии наступил 9 февраля, когда атаки дивизии «Рейх» в направлении Великого Бурлука прекратились и немецкие части начали отступать на западный берег Северского Донца. Преследуя противника, соединения армии к исходу 10 февраля овладели Чугуевом и Печенегами. В этот день командующий армией поставил войскам задачи, связанные с непосредственным штурмом Харькова.

48-й гвардейской стрелковой дивизии приказывалось к исходу 11 февраля сосредоточиться в районе Кулиничей для удара на Харьков с востока. 15-му танковому корпусу с 160-й стрелковой дивизией предстояло к исходу 11 февраля занять рубеж Лосево, Логачевка и атаковать город с юго-востока. 62-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с 12-м танковым корпусом должна была развивать наступление в направлении Новопокровское, Введенское с задачей к исходу 11 февраля сосредоточиться в районе Федорцы, Боровое и атаковать Харьков с юга. 111-й стрелковой дивизии предписывалось наступать на Терновую, Хмаровку и к исходу дня 11 февраля быть готовой к атаке на Харьков с юго-запада. 184-я стрелковая дивизия наступала в общем направлении Старый Салтов, поселок совхоза им. Фрунзе, имея задачу к исходу 11 февраля занять исходный рубеж для последующей атаки города с северо-востока.

6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу с 201-й отдельной танковой бригадой предстояло выйти в район Песочин, Люботин и быть готовыми атаковать Харьков с запада. Таким образом, по существу, все силы армии должны были вести наступление по сходящимся на Харьков направлениям.

В течение 11–13 февраля соединения правого фланга и центра оперативного построения армии, преодолевая упорное сопротивление противника, отбрасывали его к Харькову. Отступая, эсэсовские части взрывали мосты на дорогах, разрушали и сжигали населенные пункты, безжалостно уничтожали мирное население. Так, в ночь на 13 февраля подразделения дивизии «Адольф Гитлер» вошли в поселок совхоза им. Фрунзе. Рабочие совхоза вместе с семьями пытались укрыться в погребах, но немецкие солдаты, обнаружив это, забросали погреба гранатами, а затем подожгли два дома с находившимися в них жителями. Выбегавших из горящих домов женщин, стариков, детей эсэсовцы расстреливали из автоматов. В эту ночь были уничтожены 34 человека, 24—получили ранения, а 6 – пропали без вести, вероятно, сгорели в домах. «Было убито 12 мужчин от 17 до 62 лет, 12 женщин от 14 до 63 лет, 10 детей от 2 до 16 лет… Среди зверски расстрелянных – семья Будыкина А.М., состоявшая из жены – Татьяны Петровны, сына Ивана 6 лет, дочерей: Раисы 8 лет, Марии 4 лет, Галины 2 лет… При расстреле семьи… мальчик был легко ранен и пытался убежать, но фашисты-детоубийцы догнали его и со смехом убили», – сообщалось в донесении Политуправления Воронежского фронта в Главное политическое управление Красной Армии.

Обладая преимуществом в подвижности, немецкие танковые части и подразделения, прикрываясь арьергардами, сумели организованно совершить отход к Харькову. 3-я танковая армия смогла нанести ощутимые потери только 320-й немецкой пехотной дивизии. Эта дивизия в январе удерживала участок фронта по берегу Дона. На ее флангах оборонялись итальянские соединения. В результате их разгрома и стремительного наступления советских войск она оказалась в их глубоком тылу на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов. С этого времени 320-я дивизия совершала отход на запад с целью соединения со своими войсками. Из-за отсутствия горючего были уничтожены все механические средства тяги, и дивизия перешла на гужевой транспорт, конфискованный у местного населения. В качестве тягловых животных в основном использовались волы, которые тянули орудия, радиостанции и аппаратуру связи.

К 13 февраля, когда соединение находилось на подступах к Харькову, удалось установить связь со штабом танкового корпуса

СС. Его командир организовал встречный удар, в результате которого 320-я пехотная дивизия смогла вновь соединиться с немецкими войсками. Как писал впоследствии командир 11-го армейского корпуса генерал Э. Раус: «…Дивизия мало чем походила на обычное немецкое войсковое соединение. Более чем странная смесь оружия, боевой техники, гужевого транспорта и носилок; маленькие и огромные косматые лошади, волы, быки и коровы в сопровождении солдат, одетых в такие фантастические зимние одежды, – все это создавало впечатление выступления бродячего цирка… К 14 февраля 320-я пехотная дивизия вновь встала плечом к плечу с дивизиями «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Великая Германия» на оборону Харькова» [198] .

15 февраля соединения 3-й танковой армии начали охватывать Харьков с востока и юго-востока, но встретили ожесточенное сопротивление немецких войск на рубеже Кулиничи, хутор Котляры. В течение дня части 15-го танкового корпуса, 48-й и 62-й гвардейских стрелковых дивизий и 179-й отдельной танковой бригады отразили пятнадцать вражеских контратак на рубеже Лосево, Основа. После этого противник укрылся в каменных зданиях на восточной окраине поселка Основа и сильным огнем остановил продвижение стрелковых подразделений.

Нужно было немедленно уничтожить немецкие огневые точки. Такую задачу командир 179-й отдельной танковой бригады Рудкин поставил перед экипажем танка старшего лейтенанта В.А. Хало. Командир «тридцатьчетверки» сумел незаметно для врага вывести свою машину в тыл опорного пункта. Точными выстрелами были выведены из строя два штурмовых орудия и два бронетранспортера противника. Умело маневрируя на поле боя, танкисты в ходе дальнейшего скоротечного боя уничтожили три пулемета, 75-мм пушку и таранили 105-мм орудие. Дезорганизовав и в значительной мере ослабив оборону противника, экипаж В.А. Хало помог подразделениям своей бригады, а также 48-й и 62-й стрелковых дивизий продолжить движение вперед [199] .

С каждым днем кольцо окружения вокруг Харькова неумолимо сжималось. В создавшейся обстановке командующий армейской группой генерал Ланц решил сосредоточить усилия на организации прочной обороны Харькова с востока и северо-востока. Одновременно им создавалась подвижная группа для контрудара по прорвавшемуся в обход Харькова 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу. Ее возглавил командир дивизии «Адольф Гитлер» Дитрих.

Контрудар противника южнее Харькова начался рано утром 11 февраля. К 12.30 разведывательный батальон дивизии вышел к Новой Водолаге. Одновременно два танко-гренадерских полка попытались с ходу, без разведки атаковать Борки. Однако плохо подготовленная атака была отражена огнем хорошо замаскированных на окраине населенного пункта противотанковых орудий. Последующая атака на Борки, предпринятая пехотой, без поддержки танков, также не принесла результатов вследствие сильного огня пулеметов и минометов спешившихся в деревне кавалеристов.

Потерпев неудачу в первой попытке контрудара по обошедшему Харьков 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, Ланц не отказался от мысли нанести ему поражение или хотя бы ликвидировать угрозу обхода правого фланга армейской группы. В ночь на 12 февраля к Мерефе прибыл мотоциклетный батальон дивизии «Рейх». С утра при поддержке танков он попытался захватить Новую Водолагу, но все атаки были отбиты. Только один огневой взвод 45-мм пушек младшего лейтенанта В.Ф. Малышева подбил в ходе боя 7 танков и уничтожил до 70 немецких солдат [200] . В этот же день танкисты 201-й танковой бригады отразили шесть вражеских атак.

13 февраля к контрудару присоединился еще один батальон дивизии «Рейх». Это принесло противнику успех, и кавалерийский корпус, наконец, отступил из районов Новой Водолаги и Борки. 11-я гвардейская кавалерийская дивизия и 201-я танковая бригада отошли в Мелиховку, 83-я гвардейская кавалерийская дивизия – в район Охочае.

На следующий день с утра после удара пикирующих бомбардировщиков немецкая контрударная группировка продолжила наступление. На этот раз она вышла к Береке и, по существу, пересекла полосу, в которой 6-й гвардейский кавалерийский корпус вел ранее наступление, с севера на юг. Однако как таковой угрозы окружения для него не было. Кавалеристы развернулись фронтом на север и, окопавшись, отражали удары в районах Мелиховки, Охочае и Береки. В районе Мелиховки огневые позиции артиллерийской батареи 33-го гвардейского кавалерийского полка атаковали 5 танков и до роты пехоты. Артиллеристы успешно отразили первую атаку, уничтожив 2 танка. Противник подтянул подкрепления. После этого его атаки следовали одна за другой. Более 10 часов длился неравный поединок, в котором батарея капитана К.Н. Курячего уничтожила 10 немецких танков, 7 бронетранспортеров и более 300 вражеских солдат и офицеров [201] .

Все эти дни снабжение корпуса производилось по воздуху.

«Подача ГСМ и боеприпасов производилась при помощи самолетов – ночников «У-2», выполнявших ранее задачи по бомбардировке противника», – отмечалось в отчете 3-й танковой армии. Несмотря на все сложности с обеспечением боевых действий, на подступах к Береке наступление противника было остановлено. Окопавшиеся вокруг города кавалеристы успешно отразили все атаки. Немецкие подразделения понесли существенные потери, не добившись заметного успеха. В течение шести дней кавалеристы 6-го корпуса и танкисты 201-й танковой бригады уничтожили 70 вражеских танков. Единственным утешением для Ланца в этой ситуации стало то, что удалось не допустить соединения передовых частей 40-й и 3-й танковой армий западнее Харькова.

Тем временем в структуре командования оборонявших Харьков войск произошли существенные изменения. С полуночи 14 февраля армейская группа «Ланц» перешла из подчинения группы армий «Б» в подчинение группы армий «Юг» Э. фон Манштейна. 14 февраля командование группы армий «Юг» направило генералу Ланцу свой первый приказ об удержании города любой ценой и при любых обстоятельствах. Исходя из этого, было принято решение вывести из боев максимальное количество сил и сосредоточить их непосредственно для обороны Харькова. Но к этому времени боевые возможности дивизий СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» были существенно снижены в ходе непрерывных многодневных боев.

Получив приказ удерживать Харьков при любых обстоятельствах, Ланц утром 14 февраля вылетел в Мерефу в штаб корпуса Хауссера для координации дальнейших действий. При этом он понимал, что закрыть брешь к северо-западу от города имевшимися силами невозможно. Все надежды возлагались на прибытие по железной дороге дивизии СС «Мертвая голова». По расчетам, эшелоны с ее головным полком должны были подойти уже к исходу этого дня. Манштейн приказал сосредоточить дивизию в 40 км к западу от Харькова, в районе Валки. Немецкое командование планировало использовать прибывавшую дивизию для удара по советским войскам, стремившимся обойти город с запада и тем самым замкнуть кольцо окружения вокруг него.

Во второй половине дня 14 февраля обстановка для харьковской группировки немецких войск стала, по существу, критической. В 15.30 командир дивизии «Рейх» Валь отправил Хауссеру донесение, в котором сообщал, что его резервы исчерпаны и удерживать рубежи к востоку от города дивизия не в состоянии. Он утверждал, что, если до наступления ночи дивизии

не будет отдан приказ на отход, оборонявшиеся на восточной окраине Харькова части будут потеряны. После этого Хауссер запросил у Ланца разрешение на отход, но тот лишь напомнил о предыдущих директивах Манштейна об удержании города, невзирая на складывающуюся обстановку.

Но командир танкового корпуса СС уже принял решение и, вопреки всему, отдал устные указания дивизии «Рейх» на отход из Харькова. В ночь на 15 февраля и в течение почти всего дня между немецкими командными инстанциями продолжался обмен приказами и донесениями. Ланцу даже позвонил начальник штаба сухопутных войск К. Цейтцлер. Выслушав Ланца, он пообещал доложить обстановку Гитлеру и в самое ближайшее время сообщить его ответ. Он прибыл вскоре после полудня – приказ удерживать город оставался без изменения. Однако Хауссера не смогли остановить даже указания фюрера – 15 февраля он отдал распоряжение своему начальнику штаба разослать в части приказы на отход. Его аргументация была категоричной: приказ поступил слишком поздно, чтобы его выполнить, – «все уже решено, эвакуация Харькова началась». Когда Гитлер узнал, что его приказ относительно Харькова проигнорировали, с ним случился припадок неконтролируемой ярости. Несколько придя в себя, он потребовал доставить его в штаб группы армий «Юг» фельдмаршала фон Манштейна.

Между тем, охватив с трех сторон немецкую группировку в Харькове, советские войска приступили к ее уничтожению. Утром 15 февраля войска Воронежского фронта после мощного огневого налета артиллерии начали штурм городских укреплений на окраинах города. Стрелковые соединения 40-й армии овладели Залютино, выбили противника из поселков Красный Октябрь, Лозовеньки, Пятихатки. В это же время 25-я гвардейская стрелковая дивизия и 5-й гвардейский танковый корпус вышли к Южному вокзалу и соединились там со 183-й стрелковой дивизией. В 8 часов 15 февраля в Померки ворвались воины 100-й стрелковой дивизии. При поддержке 16-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады подполковника А.В. Чапаева они достигли городского парка и ипподрома.

К 13 часам части 340-й стрелковой дивизии, очистив от врага северо-западную часть города, продвинулись в район Южного вокзала и соединились там с 78-м гвардейским стрелковым полком 25-й гвардейской стрелковой дивизии. К исходу дня пути отхода противнику на Богодухов и Люботин были отрезаны стрелковыми частями 40-й армии и 5-м гвардейским танковым корпусом. На северо-восточной окраине города вели

ожесточенные бои дивизии 69-й армии.

С востока и юго-востока Харьков охватывали соединения и части 3-й танковой армии. В 15 часов 15 февраля они овладели поселком Герцена в юго-восточной части города и перерезали Змиевское шоссе. Через час была очищена от немецких подразделений железнодорожная станция Основа. При этом части 62-й и 48-й гвардейских стрелковых дивизий захватили 45 паровозов, 255 товарных вагонов, 14 железнодорожных эшелонов с имуществом и несколько складов с продовольствием.

В боевом донесении Верховному Главнокомандующему от 16 февраля командующий войсками Воронежского фронта докладывал: «40-я армия. Войска армии главными силами во взаимодействии с частями 69-й и 3-й танковой армий вели уличные бои в западной и северо-западной части г. Харьков и, достигнув центра города, продолжали очищать его от мелких групп противника. Части 25-й гвардейской, 305, 340, 183, 100-й стрелковых дивизий и 5-го гвардейского Сталинградского танкового корпуса в первой половине дня овладели западной и северной частью города. Противник частями СС оказывал упорное сопротивление, пытаясь отходить в направлении Полтава и Люботин. Часть сил армии (303, 107 и 309-я стрелковые дивизии) вела бои за Обоянь, Грайворон и Богодухов на прежних рубежах.

69-я армия. Войска армии, преодолевая упорное огневое сопротивление на подступах к г. Харьков, в первой половине дня вели уличные бои в восточной части города и овладели ею. Противник на подступах к г. Харьков оказывал упорное огневое сопротивление, с рассвета мелкими группами начал отход на г. Харьков и далее в направлении Полтава, Люботин. По овладении восточной частью города войска армии сосредоточились в районах платформы Руднева, пос. Халтурина, ст. Левада, пос. Шевченко, пос. Ворошилова.

3-я танковая армия. Войска армии основными силами во взаимодействии с частями 40-й и 69-й армий вели бои за захват юго-восточной части г. Харьков, частью сил (12-й танковый корпус, 111-я стрелковая дивизия) уничтожали противника в районе Васищево, Боровое, препятствуя отходящей от Змиева группировке противника прорваться на г. Харьков. В первой половине дня, ворвавшись в юго-восточную часть города, войска армии полностью овладели ею. Оставив 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию гарнизоном в г. Харьков, части армии выдвигались на рубеж Песочин, Коротич, Березовое, Южный. 6-й гвардейский кавалерийский корпус днем из района Большой Гомольши выдвигался в направлении Соколово, Миргород» [202]

.

16 февраля части 183-й и 340-й стрелковых дивизий 40-й армии ворвались на площадь Дзержинского. Поднявшийся на здание Дома государственной промышленности командир взвода автоматчиков 1142-го стрелкового полка 340-й дивизии лейтенант Шевченко сбросил немецкий флаг и поднял над городом Красное знамя. К 12 часам Харьков был полностью очищен от врага. Как отметил генерал Казаков: «Особенно приятно было сознавать, что город не подвергся сильным разрушениям, а некоторые заводы, частично использовавшиеся немцами для ремонта боевой техники, достались нам прямо на ходу» [203] .

По оценке генерал-полковника Ф.И. Голикова, главная роль в освобождении Харькова принадлежала 40-й армии генерал-лейтенанта К.С. Москаленко. На разборе операции в штабе фронта в присутствии командующих армиями и командиров корпусов Голиков заявил: «40-я армия представляла основную силу маневра в Харьковской операции… Развернутая в районе города Старый Оскол, она была двинута по оси Скородное, Белгород, Казачья Лопань, Дергачи, с тем чтобы выйти на город Харьков с северо-запада и запада, как это и было фактически осуществлено… Решающую роль во взятии Харькова сыграла 40-я армия» [204] .

Вместе с тем окружить и полностью уничтожить харьковскую группировку немецких войск войска Воронежского фронта не смогли. Это произошло в значительной мере потому, что 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу не удалось овладеть Мерефой, войти в соприкосновение с соединениями 40-й армии и замкнуть кольцо вокруг армейской группы «Ланц». Противник воспользовался этим единственным оставшимся у него выходом на запад и отошел в направлении Красноград. Это впоследствии привело к самым негативным последствиям не только для Воронежского, но и для Юго-Западного фронтов.

После овладения Харьковом командующие армиями надеялись на то, что в боевых действиях будет взята хотя бы кратковременная оперативная пауза. Войска нуждались в отдыхе и пополнении. Из-за отставания тылов они испытывали недостаток в боеприпасах, горючем, продовольствии, обмундировании. Так, в некоторых стрелковых дивизиях 69-й армии оставалось всего по 1000–1500 человек, по два десятка орудий, по полсотни минометов. Фактически при такой численности они не имели боеспособных подразделений [205] .

3-я танковая армия за время наступления потеряла 11 489 человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести. Потери в технике составили: 45 танков, в том числе 1 «КВ»

и 33 «Т-34», 40 45-мм противотанковых пушек, 2 37-мм зенитные пушки, 21 76-мм полковая пушка, 41 76-мм дивизионная пушка и 4 122-мм гаубицы. Растяжка путей снабжения стала составлять 420 км. Понесшие потери армейские автомобильные батальоны были не в состоянии обеспечить подвоз предметов снабжения на такие расстояния. Войска выходили из сложившегося положения путем привлечения войскового автотранспорта к снабженческим перевозкам и широкого использования трофеев и местных ресурсов. «Продовольствие в основном трофейное, хлеб, мясо, овощи и зернофураж заготавливаются из местных средств», – отмечалось в сводке штаба тыла армии. Использование для снабженческих перевозок войскового автотранспорта, не оставлявшее возможности для перемещения войсковых тылов, привело к их отставанию от своих частей на 50–100 км.

В сложившихся условиях командование армии поставило перед Военным советом Воронежского фронта вопрос о предоставлении армии хотя бы кратковременного отдыха: «Войска требуют хотя бы суточного, трехсуточного отдыха и приведения себя в порядок, приема пополнения. За эти дни части понесли очень большие потери в людском составе и матчасти, особенно большие потери в командном составе». Однако командующий войсками фронта отклонил эту просьбу – 19 февраля в штаб армии поступило указание: «До выхода за р. Коломак на рубеже Константиновка, Артемовка предоставлять войскам дневку не разрешаю. Голиков» [206] . Аналогичным был ответ генерала Голикова и на просьбу 69-й армии. «Остановки не будет», – сообщил он по телефону ее командующему генералу Казакову [207] .

Еще во время боев на ближних подступах к Харькову командующий войсками фронта поставил войскам новые задачи: 60-й армии наступать на Рыльск, 38-й – на Сумы, 40-й – на Ахтырку, 69-й и 3-й танковой – на Полтаву. Эти задачи вытекали из его далеко идущих планов по ведению наступления в направлениях Киева и Чернигова. Однако эти планы, равно как и замыслы Ставки ВГК, не учитывали конкретной обстановки. Во-первых, совершенно не бралось во внимание состояние своих войск. А во-вторых, недооценивалось усиление группировки противника. Дело в том, что во второй половине февраля немецкое командование перебросило на направления наступления советских войск дополнительные силы и средства – четыре пехотные и две танковые дивизии в район южнее Орла, а также по одной пехотной дивизии в районы Льгова и Полтавы. Последние прибыли соответственно из Франции и Голландии.

Выполняя приказ, войска фронта практически без паузы

продолжили наступление. В первой половине дня 17 февраля 40-я армия освободила Грайворон и Богодухов. Произведя перегруппировку в новую полосу, ее главные силы тут же начали продвижение в ней, с тем чтобы не позднее 20 февраля достичь рубежа Краснополье, Славгород, Пожня, Ахтырка, а к 24 февраля – линии города Лебедин. В ходе наступления дивизии первого эшелона не ввязывались в бои за отдельные опорные пункты, а блокировали их, устремляясь главными силами на запад. Задача по уничтожению блокированных гарнизонов противника возлагалась на вторые эшелоны. В первые дни наступление в основном развивалось успешно. Только левофланговая 25-я гвардейская дивизия продвигалась медленно, так как враг на рубеже Старый Мерчик, Люботин встретил ее ожесточенными контратаками. В них участвовали значительные силы пехоты с танками. Но на направлении главного удара армии сопротивление немецких войск было незначительным. Были освобождены Готня, Большая Писаревка, Красная Яруга, Краснополье, Боромля, Тростянец и др. Дивизии стремительно продвигались к р. Псел, на западный берег которой поспешно отходили вражеские войска.

23 февраля 40-я армия освободила города Лебедин и Ахтырку. К этому времени она продвинулась на 130–140 км от Харькова. В этот день командующий армией получил новую директиву фронта, в которой приказывалось «выйти главными силами на рубеж Сумы, Можиричи, Лебедин, Будылка, Камыши, Должик, Опошня…и быть в готовности к дальнейшим наступательным действиям…Усиленными передовыми отрядами овладеть узлами дорог Степановка, Марковка, Штеповка, Александровка, Каменное, Морозовщина и Зеньков…». Кроме того, на армию возлагалась ответственность за обеспечение стыка с соседом справа – 38-й армией, а также ставилась задача оказать ей содействие в овладении г. Суджа ударом через Сумы с запада [208] .

С учетом того, что за два дня до этого командующий войсками фронта приказал генералу Москаленко прикрыть своими силами прежнюю полосу наступления 69-й армии и направить на левый фланг армии две стрелковые дивизии, полоса ее наступления значительно расширялась в сторону правого и левого флангов. Все это значительно ослабляло ударную группировку армии и делало невозможным выполнение первоначальной задачи в кратчайшие сроки. Помимо всего прочего, когда выяснилось, что фронт располагал ошибочной информацией об овладении нашими войсками г. Сумы, 40-й армии было приказано захватить и их в ночь на 24 февраля.

25 февраля в штаб армии поступило еще одно боевое распоряжение командующего войсками фронта: «С выходом Кравченко и Меньшикова (командиры 5-го гвардейского танкового корпуса и 309-й стрелковой дивизии. – *Авт* .) в район Опошня создаются благоприятные условия для захвата Полтавы с севера и северо-запада не в ущерб выполнения моей основной директивы № 130/ОП (от 23 февраля. – *Авт.*). Это дает возможность не только овладеть Полтавой, но и отрезать значительные силы противника, начавшего отход из района Валки, Ковяги, Коломак на Полтаву, и поможет Казакову быстрее справиться с задачей и выйти к Полтаве».

Несомненно, что командующий и штаб армии подобным «управлением войсками» были поставлены в крайне трудное положение. Как отмечал К.С. Москаленко: «Целая серия боевых распоряжений с новыми дополнительными задачами внезапно хлынула в армию, поставив ее Военный совет, штаб, возглавляемый к тому времени генерал-майором В.С. Бенским, и войска в весьма затруднительное положение. Полоса наступления армии росла с неимоверной быстротой. За пять дней она перевалила за 200 км и теперь включала часть полосы 38-й армии, всю полосу 69-й, а с получением задачи на овладение Полтавой – еще и часть полосы 3-й танковой.

В таких условиях войска 40-й армии начали буквально расползаться. Силы ее были распылены на выполнение отдельных задач на широком фронте, фланги по-прежнему не были обеспечены. Кроме того, нам самим пришлось определять последовательность выполнения задач, так как все распоряжения содержали требование «быстрее овладеть», но сроки в них не указывались» [209] .

К этому времени 40-я армия располагала только шестью ослабленными в предыдущих боях стрелковыми дивизиями и одним танковым корпусом. Успешно наступать этими силами в такой широкой полосе и решать при этом несколько задач, по существу, было невозможно. К тому же проблема подтягивания тылов и пополнения запасов продовольствия, фуража, боеприпасов и горючего к тому времени еще больше обострилась. Тылы армии базировались на железнодорожную станцию Валуйки, от которой ее соединения оторвались уже более чем на 300 км. Автотранспорта для перевозок на такое расстояние не хватало. И чем дальше продвигались войска на запад, тем хуже становилось снабжение.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, 40-я армия продолжала наступление в указанных ей направлениях. К 1 марта ее главные силы вышли на рубеж Сумы, Межиричи, Лебедин,

Опошня, форсировали р. Псел на участке от Сум до Лебедина и овладели плацдармом глубиной 15–25 км. Южнее после освобождения г. Гадяч был захвачен еще один плацдарм. Передовые отряды дивизий вышли на р. Хорол, а местами даже на р. Сулу в ее верхнем течении.

К тому времени сопротивление врага резко усилилось. До сих пор он отходил в западном направлении, ведя арьергардами сдерживающие бои. В последних же числах февраля начал контратаковать на отдельных участках, сначала силами роты, батальона с танками, а затем и более значительными. Наиболее упорные бои велись в районе Сум, Зенькова и Опошни. Было отмечено появление новых соединений и частей, прибывших из состава группы армий «Центр». В частности, в районе г. Сумы уже несколько дней действовала 332-я немецкая пехотная дивизия. Как стало известно из показаний пленных, она направлялась в Павлоград для усиления наступавшей оттуда немецкой группировки. Уже в пути ее перенацелили в полосу 40-й армии.

Наступление армий фронта по расходящимся направлениям и отрыв 40-й армии от других объединений ставили под угрозу ее фланги, которые из-за недостатка сил и средств и отсутствия резервов были практически ничем не обеспечены. Невыгодность оперативного положения армии становилась очевидной и для немецкого командования. На ее правом фланге, в районе Сум, активизировалась одна пехотная дивизия противника, а на левом, в районе Котельвы, – другая, переброшенная из Голландии. После тщательного анализа обстановки Военный совет 40-й армии на заседании 1 марта высказался за то, чтобы приостановить наступление и занять оборону по западному берегу р. Псел от Сум до населенного пункта Каменное, а оттуда к юго-востоку – на Зеньков, Опошня. Командующий войсками фронта утвердил это решение.

В первые дни после овладения Харьковом наступление 69-й армии развивалось успешно. Противник оказывал лишь слабое сопротивление. «…Мы не встречали ни малейших признаков присутствия своих «старых знакомых» – частей танкового корпуса СС», – отмечал генерал М.И. Казаков [210] . В ночь на 23 февраля соединения армии форсировали р. Ворскла в 40 км севернее Полтавы. 180-я стрелковая дивизия, захватившая плацдарм на западном берегу этой реки, находилась в готовности вести наступление на город. Но в связи с изменением обстановки в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта командующий войсками Воронежского фронта уточнил задачи армии: теперь она должна была наносить удар в направлении Карловки.

В ночь на 23 февраля армия провела перегруппировку, и с

утра ее дивизии развернулась фронтом на юг. Продвижение шло очень медленно. Наспех пополненная пехота наступала без танков, при нехватке боеприпасов. С 25 февраля наступление 69-й армии окончательно выдохлось и замерло на рубеже Рублевка, Чутово, Староверовка. Но штаб фронта не хотел мириться с этим. Через несколько дней армия получила приказ о возобновлении наступления в юго-западном направлении с целью овладения Полтавой. В ее состав передавались 160-я и 305-я стрелковые дивизии из 3-й танковой армии. Но фактически этим армия не только не усиливалась, а еще более ослаблялась, так как вместе с обескровленными дивизиями получила от 3-й танковой армии и значительную полосу, в которой эти дивизии действовали.

При всем этом командование фронта шло на значительный риск: на фланге армии, в районах Карловки и Красноград, продолжала оставаться крупная танковая группировка противника, уже нанесшая к тому времени сильные удары по 6-й армии Юго-Западного фронта. Но именно в те дни генерал Казаков получил по телеграфу следующее оперативное ориентирование командующего войсками фронта: «До Днепра осталось 400–450 км, а до весенней распутицы тридцать – тридцать пять дней. Сделайте из этого соответствующие выводы и расчеты…» [211]

Но ничем не обоснованное и неподготовленное наступление не могло уже принести успеха. Его ход верно и лаконично охарактеризовал М.И. Казаков: «Враг легко отражал все наши трудные попытки продвинуться вперед. Мы только еще больше ослабляли себя, растрачивая и без того скудные силы. 2 марта мы получили, наконец, указание о переходе к обороне».

Такие же, как и в 69-й армии, по содержанию указания после овладения Харьковом получила и 3-я танковая армия. 19 февраля штаб армии принял указания фронта, в которых говорилось: «До Киева осталось около 400 км, до разлива рек, приведения в труднопроходимое состояние дорог осталось 25 суток. Крепко учтите это и обеспечьте всеми мерами такие темпы продвижения, чтобы р. Днепр до распутицы была, безусловно, за нами. На основе Ваших расчетов предъявите требования войскам. Используйте гидрометеоотделение Вашего штаба и постоянно держите в курсе метеообстановки войска» [212] .

Выйдя в свою полосу наступления, армия, преодолевая сопротивление арьергардов противника, медленно продвигалась на запад, производя в то же время перегруппировку для планировавшегося наступления на Полтаву. К этому времени резко осложнилась обстановка в полосе ее левого соседа – 6-й армии Юго-Западного фронта. В этой связи перед 3-й танковой

армией была поставлена новая задача: прекратить подготовку к наступлению на Полтаву, с выходом в полосу своих действий частей 69-й армии передать им занятые рубежи и форсированным маршем занять район Карловка, Красноград.

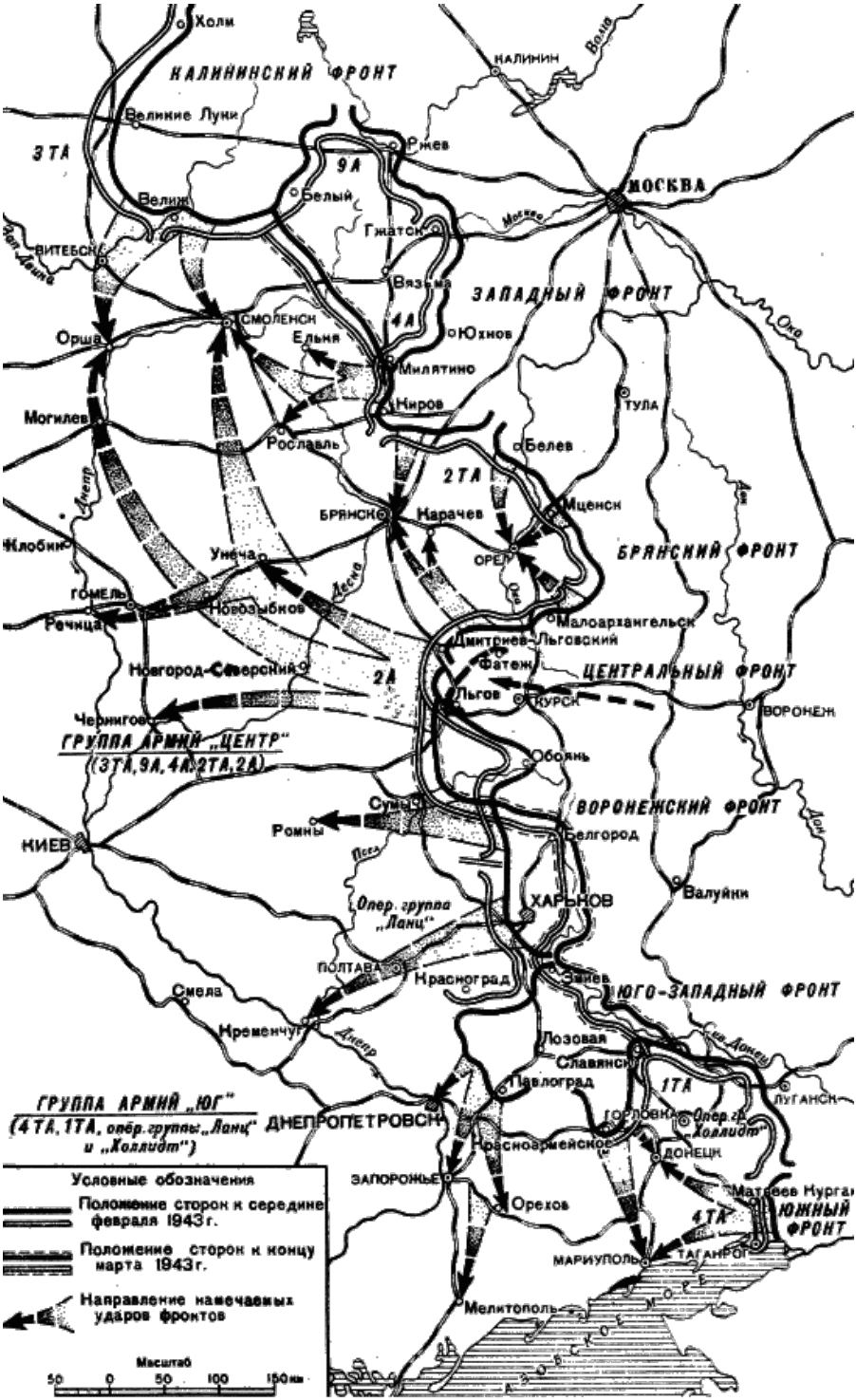
Однако уже 24 февраля решением Ставки Верховного Главнокомандования из состава армии была выделена «Южная группа», в которую вошли 6-й гвардейский кавалерийский корпус, 184, 219, 350-я стрелковые дивизии и 201-я отдельная танковая бригада. Она получила задачу «…к исходу 24 февраля уничтожить противостоящего противника и овладеть Казачий Майдан, Шляховая, Ленинский Завод в готовности к 12.00 25 февраля овладеть Кегичевка» [213] . В течение 24–27 февраля соединения 3-й танковой армии и «Южной группы» вели ожесточенные бои и медленно продвигались по направлению к Карловке, Красноградуи Кегичевке.

Таким образом, в результате Харьковской наступательной операции советские войска продвинулись на 100–200 км и нанесли тяжелое поражение противнику. Успех был достигнут в условиях, когда противостоявшая вражеская группировка была резко ослаблена в ходе предшествовавших наступательных операций советских войск. Однако закрепить его на харьковском направлении не удалось. Начиная с 20-х чисел февраля обстановка на левом крыле Воронежского фронта во многом стала определяться ходом событий в полосе соседнего с ним Юго-Западного фронта.

Глава 7 Сражения за Донбасс: от наступления к обороне

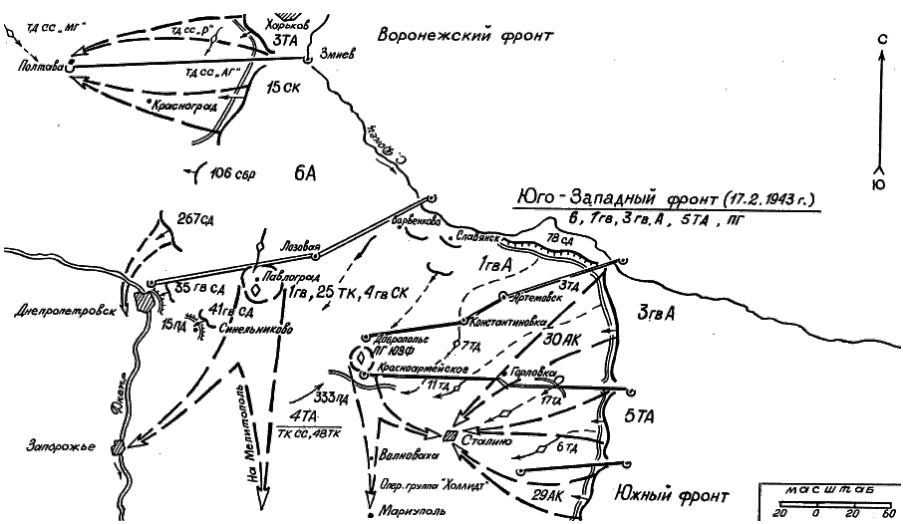
После завершения окружения противника под Сталинградом войска Юго-Западного и Южного фронтов, преследуя его отходившие части, подошли к границам Украины и ее промышленному центру – Донбассу. При этом соединения Юго-Западного фронта к концу января вышли на нижнее течение р. Северский Донец, восточнее Ворошиловграда, и захватили плацдарм на его правом берегу, а войска Южного фронта достигли нижнего течения Дона. В результате главные силы немецкой группы армий «Дон» были охвачены с севера и юга. Командование этой группы 23 января 1943 г. докладывало в ставку вермахта: «Ростов уже закрыт русскими. Создается серьезная ситуация… Опасность заключается не только лишь в районе южнее Ростова, но и в том, что противник может прорваться через Ворошиловград к Азовскому морю. В подобном случае, кажется, что вырваться из рук противника и отбиться от него невозможно» [214] .

Примерно так же оценивало обстановку и советское командование. 26 января Ставка ВГК в директиве войскам указывала: «Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции кавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, кавказской и черноморской группировок противника» [215] .



Общий замысел Ставки ВГК на развитие наступления на советско-германском фронте

В такой обстановке командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин стремился в короткие сроки осуществить разгром донбасской группировки немецких войск. Как писал генерал С.М. Штеменко, в то время начальник оперативного управления Генерального штаба: «… Личное мнение Н.Ф. Ватутина высоко котировалось в Генштабе и, конечно, оказало большое влияние на формирование здесь замысла операции советских войск в Донбассе… Ватутин был захвачен идеей… бросить сильную подвижную группу в направлении Мариуполя, отсекая врагу все пути отхода из Донбасса» [216] . Свои соображения он доложил в Ставку, которая поддержала его замысел и 20 января утвердила план наступательной операции по разгрому противника в Донбассе под названием «Скачок». В директиве Ставки указывалось: «Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар своим правым крылом с фронта Покровское, Старобельск в направлении Сталино, Мариуполь и левым крылом из района западнее Каменска в направлении Ровеньки, Сталино, а частью сил на Таганрог, отрезают всю группировку противника, находящуюся на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская отхода ее на запад и вывоза имущества». Выход подвижных войск фронта к Мариуполю предусматривался на седьмой день наступления. К этому же сроку подвижные соединения, выдвинутые из резерва фронта, должны были захватить переправы через Днепр в районах Запорожья и Днепропетровска. Южному фронту предстояло разгромить ростовскую группировку врага, освободить Ростов и Новочеркасск, а затем, развивая наступление на запад вдоль побережья Азовского моря, во взаимодействии с соединениями Юго-Западного фронта освободить юго-восточные районы Донбасса.



Замысел командующего войсками Юго-Западного фронта на развитие наступления в Донбассе (операция «Скачок») в феврале 1943 г.

Успешная реализация этого плана позволяла бы окружить крупную группировку противника. По этому поводу генерал вермахта Ф. Меллентин, бывший начальник штаба танкового корпуса, действовавшего в Донбассе, писал в своей книге: «Несмотря на успешный отход немецких армий с Кавказа, над Манштейном нависла угроза нового Сталинграда. Стрелы русских ударов зловеще тянулись к переправе через Днепр под Запорожьем – городом, служившим основной базой снабжения группы армий «Дон» [217] .

Вместе с тем необходимо признать, что при разработке столь масштабного плана советское командование допустило ошибку в оценке сложившейся обстановки. «Этот замысел, – признался впоследствии генерал С.М. Штеменко, – возник на основе неправильной оценки действий противника, имел только видимость соответствия реальной обстановке. Однако в то время и фронт, и Генеральный штаб, и Ставка были убеждены в истинности своих оценок и расчетов. Конечно, это непростительно, но это факт. Победные реляции с фронтов усыпили бдительность и Ставки, и Генштаба, хотя истины ради следует сказать, что у нас сомнения были, и мы делились ими с Ватутиным, а потом доложили их и Верховному Главнокомандующему в присутствии маршала Г.К. Жукова» [218] . Но никаких изменений и уточнений в план операции внесено не было.

Бои за Донбасс начались 29 января действиями 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова. Главный удар армия наносила на своем правом фланге, на участке шириной 20 км, в

общем направлении на Балаклею. Перед ней оборонялись 320-я и 298-я пехотные, 27-я танковая дивизии, 193-й и 393-й штурмовые батальоны. После неудачных попыток остановить соединения армии противник, ведя сдерживающие арьергардные бои, начал отходить на запад. В боевом донесении Верховному Главнокомандующему командующий войсками Юго-Западного фронта докладывал: «Преодолевая упорное сопротивление противника на всем фронте, имеющего узлы сопротивления на путях движения войск и в населенных пунктах, войска фронта нанесли большие потери противнику, потеснили его на всех участках и прорвали фронт в направлении главного удара, продвинувшись на главном направлении на 15 км» [219] .

Действуя во взаимодействии с частями 3-й танковой армии Воронежского фронта, 350-я стрелковая дивизия 3 февраля освободила Купянск. Наступавшая в центре оперативного построения 172-я стрелковая дивизия захватила Балаклею. На левом фланге части 267-й стрелковой дивизии и 106-й стрелковой бригады 5 февраля полностью очистили от противника Изюм. Выйдя на рубеж Балаклея, Петровское, армия выполнила поставленную перед ней задачу.

Командующий войсками фронта, учитывая тот факт, что правый сосед – 3-я танковая армия Воронежского фронта – вышел в район юго-восточнее Харькова, приказал 6-й армии ускорить темп своего продвижения и обеспечить с юга наступление 3-й танковой армии на Харьков. Генерал Ф.М. Харитонов поставил своим соединениям новую задачу – перехватить железную дорогу Харьков – Лозовая и тем самым не допустить подхода резервов противника к Харькову с юга [220] . В связи с этим основные усилия армии переносились с правого фланга в центр ее оперативного построения.

Тяжелые бои развернулись в полосе наступления 1-й гвардейской армии, которой командовал генерал-лейтенант В.И. Кузнецов. Она действовала левее 6-й армии в полосе шириной 130 км. Наступление началось утром 30 января. Противник, действовавший перед армией, в течение почти всего января отступал, а с 25–26 января приостановил отход. Подтянув резервы, он усилил свое сопротивление и одновременно спешно готовил оборонительный рубеж по правому берегу Северского Донца. Здесь строились дзоты, устанавливались проволочные заграждения, минные поля. Перед правофланговым 4-м гвардейским стрелковым корпусом было сосредоточено до 100 танков. Вражеская авиация непрерывно бомбила боевые порядки наших войск и их коммуникации.

Сопротивление врага было сломлено только после ввода в

сражение соединений подвижной группы фронта. Взаимодействуя с ними, 4-й гвардейский стрелковый корпус освободил железнодорожную станцию Кременная (10 км северо-западнее Рубежное). Части 19-й немецкой танковой дивизии дважды проводили контратаки, которые были отражены 195-й стрелковой дивизией вместе с частями 10-го танкового корпуса. После этого 35-я гвардейская стрелковая дивизия, взаимодействуя с левофланговыми соединениями 6-й армии, обошла сильно укрепленный район Славянска с севера и перерезала шоссейную дорогу, идущую от Изюма на Славянск. Развивая успех, части дивизии в 22 часа 5 февраля завязали уличные бои в Барвенково, а утром 6 февраля освободили город.

Действуя в центре оперативного построения 1-й гвардейской армии, 41-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с частями 18-го танкового корпуса подвижной группы вышла к Северскому Донцу. Вскоре она завязала бои на северной окраине Лисичанска и 6 февраля завершила его освобождение. На левом фланге армии 6-й гвардейский стрелковый корпус захватил переправы через Северский Донец и создал плацдарм на его правом берегу.

Тяжелая обстановка сложилась в районе Славянска. 2 февраля 195-я стрелковая дивизия ворвалась на северо-восточную окраину города. Вскоре сюда подошла 57-я гвардейская стрелковая дивизия. Противник придавал исключительно большое значение удержанию Славянска – важного узла железных и шоссейных дорог в Донбассе. В период с 4 по 6 февраля немецкое командование перебросило сюда несколько полицейских батальонов, части 7-й танковой дивизии, а с 6 февраля стало подтягивать в районы Артемовска и Константиновки части 11-й танковой дивизии с нижнего течения Северского Донца и 3-й танковой дивизии из-под Ростова. Сосредоточив в этих важных районах Донбасса крупные силы, оно приостановило дальнейшее наступление советских войск на рубеже Лисичанск, Дружковка (10 км южнее Краматорска), Красноармейское. Реакция, как обычно в таких случаях, у командования была однозначной. Вместо объективного анализа причин неудачи и возможностей войск подчиненным рассылались «руководящие» указания. Так, 7 февраля командующий подвижной группой генерал М.М. Попов направил приказ командиру 57-й гвардейской стрелковой дивизии, в котором констатировал: «Имею данные о невыполнении вами боевого приказа по овладению г. Славянск во взаимодействии с 195-й стрелковой дивизией. Это, прежде всего, объясняется безобразно-преступной бездеятельностью вашей и вашего штаба в вопросах

организации боя. Вы, ваш штаб и штабы полков отсиживаетесь в хатах, боя непосредственно не организуете и им не руководите, верите на слово своим подчиненным» [221] .

В тот же день командующий войсками Юго-Западного фронта приказал 1-й гвардейской армии решительными действиями сломить сопротивление противника и во взаимодействии с подвижной группой занять Славянск, Константиновку, Артемовск. В дальнейшем выйти на рубеж р. Орелька (25 км северо-западнее Лозовой), Славянка, Ново-Троицкое (15 км юго-западнее Красноармейского). Частью сил армия должна была содействовать 3-й гвардейской армии в освобождении Ворошиловграда [222] .

Выполняя эту задачу, соединения 1-й гвардейской армии в течение двух дней (8 и 9 февраля) имели незначительное продвижение. Противник, усиленный вновь подошедшими частями, оказывал упорное сопротивление. На славянском и артемовском направлениях он неоднократно переходил в контратаки иногда силой до двух полков пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации. В районе Славянска немецкие подразделения непрерывно атаковали части 195-й стрелковой дивизии на северо-восточной окраине города. Одновременно из Горловки в Артемовск и Константиновку враг перебрасывал большое количество танков. Сюда же подтягивались и пехотные части. Шла разгрузка прибывших воинских эшелонов в районах между Барвенково и Лозовой, а также в Красноармейском.

Наступавшая на правом фланге армии 35-я гвардейская стрелковая дивизия, взаимодействуя с соединениями 6-й армии, успешно продвигалась вперед и приближалась к городу и крупному железнодорожному узлу Лозовая. Ее передовой отряд под командованием капитана В. Евлашева взорвал железнодорожные линии, идущие из Лозовой на Славянск, Павлоград, Красноград и Харьков. В результате этого были отрезаны все пути отхода противнику по железной дороге. 10 февраля части дивизии ворвались на северную окраину города, а на другой день после упорных уличных боев очистили его от немецких войск.

Одновременно с 1-й гвардейской армией 30 января начала боевые действия подвижная группа фронта под командованием заместителя командующего войсками фронта генерал-лейтенанта М.М. Попова. В нее входили 4-й гвардейский, 3, 10 и 18-й танковые корпуса (всего – 180 танков), а также 57-я, 38-я гвардейские и 52-я стрелковые дивизии. Группе была поставлена задача нанести удар из района Старобельска в общем направлении на Красноармейское, Волноваха, Мариуполь и

перерезать пути отхода противника из Донбасса. При этом следовало разгромить его группировки в крупных узлах сопротивления – Краматорск, Красноармейское, Константиновка и тем самым способствовать быстрейшему продвижению войск Юго-Западного фронта [223] . Глубина задачи составляла до 300 км. Выполнить ее планировалось, несмотря на зимние условия и бездорожье, за 7–8 суток.

Между тем состояние спешно созданной группы оставляло желать лучшего. До этого танковые корпуса длительное время вели наступательные бои, в ходе которых понесли большие потери. Они прошли сотни километров. Многие механизмы боевых машин требовали ремонта или замены, но ремонтных летучек не хватало. Базы снабжения остались далеко позади, и поэтому горючего и боеприпасов было мало – в среднем танки имели одну заправку горючего и до двух комплектов боеприпасов. Все это крайне усложняло условия действий танковых соединений.

Подвижная группа фронта вводилась в сражение на смежных флангах 6-й и 1-й гвардейской армий. На ее правом фланге действовал 3-й танковый корпус генерал-майора М.Д. Синенко. Он получил задачу войти в прорыв в полосе наступления 6-й армии и к исходу 4 февраля частью сил во взаимодействии с 57-й гвардейской стрелковой дивизией овладеть Славянском, а затем совместно с 4-м гвардейским танковым корпусом генерала П.П. Полубоярова захватить Краматорск. Однако с первого же дня наступления корпусу не удалось выдержать установленные темпы наступления. Это вызвало резкую реакцию со стороны генерала Ватутина. «Вы являетесь виновником срыва плана на первом этапе операции. Оставляю Вас в должности командира корпуса лишь в надежде, что в дальнейшем своим честным и полным выполнением поставленных Вам задач Вы искупите свою вину. Последний раз Вас предупреждаю и приказываю перестать преступно топтаться позади пехоты, наступать смело и решительно, окружить и уничтожить противника. Не позже исхода 4 февраля 1943 г. овладеть районом Славянск, Краматорская, Дружковка», – указывал он 3 февраля командиру корпуса [224] .

Выполняя поставленную задачу, корпус, усиленный артиллерийским и истребительно-противотанковым полками, отдельным гвардейским минометным дивизионом, с боями продвигался вперед. Утром 4 февраля одной своей бригадой вместе с 57-й гвардейской стрелковой дивизией он завязал бои за северную окраину Славянска, а основными силами, развивая успех наступления на юг, подходил с севера к Краматорску.

В это же время 4-й гвардейский танковый корпус своей 14-й гвардейской танковой бригадой (остальные бригады, понесшие в предыдущих боях серьезные потери, еще не получили новых танков) наступал из района Ямполь (20 км северо-восточнее Славянска) на Краматорск с востока. При этом бригада отразила несколько сильных контратак противника, в ходе которых уничтожила семь его танков. Утром 4 февраля она ворвалась на восточную окраину Краматорска. Немецкие войска, не выдержав одновременного удара 4-го гвардейского и 3-го танковых корпусов, 5 февраля оставили город.

10-й танковый корпус генерала В.Г. Буркова, усиленный истребительно-противотанковым и гаубичным артиллерийскими полками, отдельным гвардейским минометным дивизионом, получил задачу: войти в прорыв в полосе 1-й гвардейской армии и, развивая успех стрелковых соединений, в первый день наступления занять переправы через Северский Донец, во второй день – овладеть Артемовском, затем занять Макеевку и подойти с севера к Сталино. На пятый день наступления корпус должен был выйти в район Волновахи. Следовательно, средний темп его продвижения должен был составить 45 км в сутки.

С учетом того, что на подступах к Северскому Донцу (около 70 км) дороги, по сути, отсутствовали, выдержать установленные темпы наступления корпус не смог. На ряде участков движение совершалось по целине за танками, расчищавшими путь специальными «угольниками». К исходу 1 февраля танковые бригады вместе с 52-й стрелковой дивизией форсировали Северский Донец, отразили многочисленные контратаки противника и вели наступление на юг в общем направлении на Артемовск.

18-й танковый корпус генерала Б.С. Бахарова имел задачу форсировать Северский Донец в полосе наступления 1-й гвардейской армии и овладеть городом и станцией Лисичанск. В дальнейшем ему предстояло продвигаться на юго-запад. Преодолевая сопротивление противника, танкисты в тесном взаимодействии с частями 41-й гвардейской стрелковой дивизии освободили Лисичанск, но дальше в направлении Артемовска продвинуться не смогли. На рубеже 10 км южнее Лисичанска, Дружковка, Красноармейское немецкие войска сумели подготовить сильный оборонительный рубеж. Обороняясь на нем, части 27, 3 и 7-й танковых дивизий оказывали советским войскам сильное сопротивление. Враг, применяя в ходе контратак до 50–60 танков, поддержанных ударами бомбардировочной авиации, стремился во что бы то ни стало задержать дальнейшее продвижение на юг соединений 1-й гвардейской армии и танков

подвижной группы фронта.

7 февраля генерал М.М. Попов доложил командующему войсками фронта, что перед группой действует 160–180 вражеских танков, мотополки четырех танковых дивизий, тогда как в группе оставалось 140 танков, наступавших в полосе шириной 70 км. Командующий группой просил дать ему время, чтобы произвести необходимую перегруппировку сил и возобновить операцию 10 февраля.

Однако генерал-полковник Ватутин потребовал от М.М. Попова ускорить продвижение группы. Он приказал силами 3-го и 4-го гвардейского танковых корпусов к утру 8 февраля разгромить противника в районах Славянска и Константиновки и вместе с частями 1-й гвардейской армии овладеть этими пунктами. К исходу 8 февраля требовалось освободить Красноармейское и в дальнейшем наступать на юг, обходя Сталино с запада. Командующий предупредил, что с занятием Красноармейского и Сталино перехватываются все железнодорожные коммуникации немецких войск и достигается их оперативное окружение [225] . Части 18-го и 10-го танковых корпусов должны были, наступая на юг, к утру 9 февраля сломить сопротивление врага и занять г. Артемовск.

Противник, несмотря на понесенные потери, не прекращал попытки снова захватить Краматорск. 8 февраля до двух его пехотных полков, поддержанных танками и бомбардировочной авиацией, контратаковали наши части в Краматорске с юга. Артиллерия 4-го гвардейского танкового корпуса своим огнем отразила атаку. Но вскоре удар был нанесен одновременно с двух сторон – с севера и востока. Подразделения корпуса вынуждены были отойти в южную часть города. Но в это время к Краматорску подошла еще одна танковая бригада 4-го гвардейского танкового корпуса, получившая новые танки. Попытка врага окружить и уничтожить советские части в Краматорске была сорвана.

10 февраля 4-й гвардейский танковый корпус получил приказ передать оборону Краматорска 3-му танковому корпусу, а самому к утру 11 февраля занять Красноармейское – крупный узел железных и шоссейных дорог в Донбассе. В ночь на 11 февраля корпус вместе с 9-й отдельной гвардейской танковой бригадой, прибывшей на усиление подвижной группы фронта, и 7-й лыжно-стрелковой бригадой выступил по маршруту Краматорск, Красноармейский Рудник, Красноармейское. В качестве передового отряда двигалась 14-я гвардейская танковая бригада. Уничтожая мелкие группы противника, она в 4.00 11 февраля подошла к Гришино (5 км северо-западнее Красноармейского) и овладела им. Развивая достигнутый успех, основные силы

корпуса в 9 часов утра ворвались в Красноармейское и после короткого боя освободили город.

12 февраля командующий войсками Юго-Западного фронта, оценивая данные о передвижении немецких войск из района Ростова и нижнего течения Северского Донца на запад как намерение германского командования вывести свои войска из Донбасса за Днепр, решил форсировать наступление. Этого, по существу, требовала от него и Ставка Верховного Главнокомандования. В ее директиве от 11 февраля 1943 г. было сказано, что общая задача фронта на ближайшее время – «не допускать отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и принять все меры к тому, чтобы зажать его донецкую группировку в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать таким образом ее от остальных войск противника на Украине» [226] .

Исходя из этого, Ватутин приказал 6-й армии продолжать наступление в общем направлении на Красноград и Перещепино и к исходу 17 февраля выйти на рубеж Карловка (20 км северо-западнее Красноград), Ново-Московск. Задача 1-й гвардейской армии заключалась в наступлении главными силами в общем направлении на Синельниково и в выходе к 18 февраля на рубеж Ново-Московск, Павлоград в готовности развивать удар на Запорожье. Одновременно с этим армии приказывалось частью сил овладеть Славянском и далее наступать на Артемовск. Подвижной группе фронта предстояло действовать в двух направлениях – на Сталино и на станцию Волноваха, а в последующем на Мариуполь.

По решению командующего 6-й армией главный удар наносился на правом фланге силами 15-го стрелкового корпуса (350, 172, 6-я стрелковые дивизии), поддержанного 115-й танковой бригадой, 212-м танковым полком, двумя полками противотанковой артиллерии. Части корпуса получили приказ наступать в направлении Красноград и к исходу 18 февраля выйти на рубеж р. Орчик (20 км западнее Красноград). Левее наступала 106-я стрелковая бригада с задачей к тому же времени выйти на рубеж 40 км юго-западнее Красноград. 267-я стрелковая дивизия обеспечивала левый фланг армии и наступала в направлении Перещепино.

Утром 14 февраля 350-я стрелковая дивизия отразила контратаки врага и выбила его из нескольких крупных населенных пунктов. Развивая успех, она 16 февраля ворвалась в Змиев и освободила его. Успешно наступали 172-я и 6-я стрелковые дивизии. К исходу 19 февраля части корпуса находились в 10–15 км восточнее и юго-восточнее Красноград.

На левом фланге армии 267-я стрелковая дивизия овладела крупным районным центром и железнодорожной станцией Перещепино. Развивая свой успех, она к утру 20 февраля вышла в район северо-западнее Ново-Московска. Сюда же с боями приближались части 4-го гвардейского стрелкового корпуса, переданного к этому времени в состав 6-й армии из соседней, 1-й гвардейской армии. Одновременно 25-й танковый корпус, также вошедший из резерва фронта в подчинение командующего 6-й армией, вместе с 41-й гвардейской стрелковой дивизией завязали бои за Синельниково. В это время части 35-й гвардейской стрелковой дивизии ворвались в Павлоград. С помощью боевых групп местных подпольщиков они 17 февраля очистили город от противника.

Павлоградское подполье занимает достойное место в истории Великой Отечественной войны. С момента оккупации города в нем находился подпольный обком, под руководством которого действовали подпольные группы. В первых числах февраля 1943 г. было принято решение об объединении всех 19 групп, насчитывавших свыше 500 человек, в единый отряд. Командиром отряда стал Петр Кравченко – майор Красной Армии, освобожденный патриотами из лагеря военнопленных и направленный на работу в дорожную жандармерию. Комиссаром отряда назначался Степан Прибер, для конспирации носивший немецкую фамилию Приберг. Пан Приберг работал контролером городской электросети и по делам службы посещал все предприятия города, в том числе и особо охраняемые объекты: гестапо, жандармерию, ортскомендатуру, гебитскомиссариат, тюрьму, лагеря военнопленных. Начальником штаба был утвержден старший лейтенант Константин Рябой, в декабре 1941 г. специально заброшенный на оккупированную территорию для организации партизанского движения.

Восстание намечалось начать в ночь на 14 февраля 1943 г. Штаб отряда тщательно разработал план действий всех боевых групп и отряда в целом. Этот план решили согласовать с командованием советских войск, только что освободивших станцию Лозовую и наступавших к Павлограду. Через связную подпольщики просили командование 4-го гвардейского стрелкового корпуса, входившего в состав 6-й армии, ускорить наступление, чтобы предотвратить сосредоточение в районе Павлограда крупных резервов врага.

В ночь на 12 февраля в типографии городской газеты подпольщики отпечатали воззвание к населению Павлограда: «К оружию! Пусть каждый дом даст бойца! Пусть села превратятся в батальоны, а города – в полки! В бой! Сражайтесь всем, что вам

попадется под руку. Поднимайся, украинский люд!» На следующий день воззвание читали не только в городе, но и в окрестностях Павлограда. Среди оккупантов началась паника. Воспользовавшись суматохой, подпольщики похитили из комендатуры портфель с документами, среди которых оказалась карта дислокации немецких войск. Ее незамедлительно передали командованию 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

13 февраля примерно в середине дня на кожевенном заводе собрались три боевые группы. О подпольщиках кто-то предупредил гестаповцев. Завод окружили немецкие и итальянские солдаты. Завязался бой. Каратели, подтянув артиллерию, стали методично расстреливать корпуса завода. То в одном, то в другом месте вспыхнули пожары. Яростно сопротивляясь, осажденные вели прицельный огонь. По свидетельствам очевидцев, им удалось уничтожить более сотни солдат, но силы были слишком неравны. Погибли бойцы всех трех групп, всего 21 человек.

В тот же день в Павлоград прибыл начальник областного гестапо оберст Мульде с отрядом 14-й карательной бригады. Начались облавы – тюрьма оказалась переполненной. Но ни один из патриотов не выдал подпольный склад оружия и боеприпасов. Штаб объединенного отряда сменил место дислокации: теперь он разместился в доме рядом с гестапо. Здесь каратели меньше всего ожидали подпольщиков. 15 февраля связная Ольга Куликова доставила в город согласованный с командованием 4-го стрелкового корпуса план совместного удара по оккупантам.

В ночь на 16 февраля все группы подпольщиков начали боевые действия. В южной части города удалось захватить мост через р. Волчью. Почти одновременно вспыхнул бой в противоположном, северном районе города. Овладев железнодорожной станцией, подпольщики захватили в плен 46 итальянских солдат со штабными документами. Захватив вокзал, боевые группы овладели затем почтой и телеграфом, прервав связь находившегося в Днепропетровске штаба тыла 6-й немецкой армии с частями, сдерживавшими наступление советских войск.

Подпольщики, внедренные в дорожную жандармерию, взяли под полный контроль дороги из Днепропетровска и Запорожья. В селах Вербки и Вязовок удалось захватить важные объекты – железнодорожные мосты через р. Самару. Тем самым была решена важная задача: гарнизон оккупантов не смог получить подкрепление.

Освободив военнопленных из лагеря, находящегося на территории механического завода и Богуславского лагеря, восставшие получили значительное подкрепление. Ожесточенные

бои развернулись за центр города, где были сосредоточены административные и карательные органы немцев. В их разгроме участвовали большие силы восставших, им удалось окружить штаб 104-го итальянского полка и взять в плен две роты солдат.

Более суток длился бой на улицах города. На рассвете 17 февраля в него ворвались части 35-й гвардейской стрелковой дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Павлоград был полностью очищен от оккупантов. Командир корпуса генерал-майор Н.А. Гаген телеграфировал в Москву об освобождении Павлограда, исключительно большом значении вооруженного восстания и лично представил к наградам 14 командиров и бойцов павлоградского подполья [227] .

В полосе наступления 1-й гвардейской армии бои принимали все более ожесточенный и затяжной характер. В район Славянска немецкое командование дополнительно перебросило из района Краматорска до полка пехоты с 30 танками, которые при поддержке авиации 13 февраля провели сильную контратаку. Они нанесли удар по частям подошедшей сюда 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Наступление на левом фланге армии – в направлении Артемовска – развития не получило. Противник сильно укрепился на занимаемых им позициях, и части 6-го гвардейского стрелкового корпуса не смогли сломить его сопротивления.

В итоге пятнадцатидневного наступления 1-я гвардейская армия растянулась с запада на восток по линии Лозовая, Барвенково, Славянск, Крымская фронтом на запад, юго-запад и юг. Во всей этой полосе действовало всего десять стрелковых дивизий, к тому же ослабленного состава. Не хватало в армии и артиллерии. А между тем противник подтянул в районы Славянска, Константиновки, Артемовска значительные силы. В такой обстановке командующий армией решил сосредоточить большую часть сил на ее правом фланге, где наступление развивалось более успешно. С этой целью была произведена частичная перегруппировка войск. В течение 15 и 16 февраля 41-я гвардейская и 244-я стрелковые дивизии направлялись в обход Славянска с севера в районы Барвенково и Лозовой. Они должны были развить успех 35-й гвардейской стрелковой дивизии, наступавшей в направлении Павлограда. Тогда же началась подготовка к штурму Славянска. Дополнительно в этот район перебрасывалась 38-я гвардейская стрелковая дивизия, которой предстояло вместе с действовавшими там 195-й и 57-й гвардейской стрелковыми дивизиями, а также танковыми частями подвижной группы фронта выбить противника из города.

17 февраля командующий 1-й гвардейской армией получил

директиву фронта, в которой приказывалось частью сил 57-й гвардейской стрелковой дивизии прочно закрепиться в Славянске, а главными силами этой дивизии с утра 18 февраля перейти в наступление в направлении Константиновка, Артемовск. 6-й гвардейский стрелковый корпус в составе 58-й, 44-й гвардейских и 195-й стрелковых дивизий со средствами усиления должен был сдать свой участок частям, оборонявшимся на левом фланге армии, а затем, следуя по маршруту Славянск, Барвенково, Лозовая, к 1 марта выйти в район Петриковки (40 км западнее Ново-Московска) [228] .

В полосе действий подвижной группы основные события развернулись в районе Красноармейского. С утра 12 февраля оно было контратаковано врагом одновременно с юга и востока. Немецкие подразделения ворвались на окраины города. Севернее его они снова захватили Гришино. В результате этого коммуникации 4-го гвардейского танкового корпуса оказались перерезанными. Подвоз боеприпасов и горючего был прекращен. Гарнизон оказался в тяжелых условиях. Особенно критическое положение создалось 14 февраля, когда боеприпасы у него были уже на исходе. Вскоре в Красноармейское вошла 7-я отдельная лыжно-стрелковая бригада. Это несколько улучшило обстановку. 15 февраля наши части потеснили противника. Был восстановлен подвоз боеприпасов и горючего.

Командующий подвижной группой предвидел, что 4-му гвардейскому танковому корпусу, имевшему вместе с 9-й отдельной гвардейской танковой бригадой на 10 февраля всего 37 танков, трудно будет преодолеть день ото дня усиливавшееся сопротивление противника. Поэтому он заранее приказал 10-му танковому корпусу, наступавшему на Артемовск, передать свой участок 18-му танковому корпусу, а самому сосредоточиться в районе Маяков (10 км севернее Славянска) и оттуда, продвигаясь на юг, овладеть Красноармейским Рудником, а затем соединиться с 4-м гвардейским танковым корпусом [229] . В это время подвижная группа постепенно пополнялась новой материальной частью. К 11 февраля в ее состав прибыла 11-я отдельная танковая бригада.

В ночь на 12 февраля 10-й танковый корпус вместе с 11-й отдельной танковой бригадой, вошедшей в подчинение командира корпуса, приступили к выполнению боевой задачи. Действовавшие с корпусом 407-й истребительно-противотанковый артиллерийский и 606-й зенитный артиллерийский полки остались пока в районе Маяков до получения горючего. Танкисты двигались медленно, 2–3 км в час, так как колесный транспорт то и дело застревал в глубоком

снегу. В районе Черкасской (10 км западнее Славянска) 12 февраля во второй половине дня до 30 вражеских танков с многочисленной пехотой на бронетранспортерах внезапно атаковали 11-ю отдельную танковую бригаду. Имея всего 11 танков, она не смогла отразить удар. В ходе тяжелых боев овладеть Черкасской удалось только к 10 часам утра 13 февраля. К утру 16 февраля основные силы 10-го танкового корпуса подошли в район Красноармейского Рудника. В тот же день начались его совместные действия с 4-м гвардейским танковым корпусом по отражению контратак противника в районе Красноармейского.

18-й танковый корпус после неудачных попыток прорвать вражескую оборону на артемовском направлении получил приказ командующего группой передать в ночь на 14 февраля свой участок частям 52-й стрелковой дивизии и выйти в район Красноармейского. Перед танкистами стояла задача к исходу 19 февраля сосредоточиться в 20 км северо-западнее него и быть готовыми ударом с тыла во взаимодействии с 10-м танковым корпусом уничтожить противника в районе Гришино [230] . Сюда же перебрасывался и 3-й танковый корпус. Ему было приказано сдать район Краматорска стрелковым соединениям, а самому к 20 февраля сосредоточиться в районе Удачной (20 км юго-западнее Красноармейского). Продолжали движение на юг, на Красноармейское, 5-я и 10-я лыжные бригады, прибывавшие в распоряжение командующего подвижной группой.

В эти же дни и немецкое командование стягивало в район Красноармейского значительные силы. Сюда подходили части 6, 7, 11-й танковых дивизий, 76-й пехотной дивизии и моторизованной дивизии СС «Викинг». Эта группировка имела своей целью остановить дальнейшее продвижение на юг, в сторону Сталино, танковых соединений Юго-Западного фронта [231] . В 11 часов 18 февраля после сильной артиллерийской подготовки противник перешел в наступление на северную и северо-восточную окраины Красноармейского. Используя свое превосходство, он прорвал оборону 4-го гвардейского танкового корпуса и вышел в центр города. 12-я гвардейская танковая бригада, имея незначительное количество танков и личного состава, продолжала удерживать его западную часть.

«11-й танковой дивизией справа, 7-й танковой дивизией слева и моторизованной дивизией СС «Викинг» в центре немецкий 40-й танковый корпус двинулся в северном направлении, как только дороги снова затвердели от возвратившегося мороза.

Точки, в которых потерявшие мобильность танковые бригады

Попова и моторизованные стрелковые батальоны оказывали ожесточенное сопротивление, просто обходили, оставляя их полкам 333-й бранденбургской пехотной дивизии, следовавшей за немецкой бронетехникой… Великолепную танковую группу Попова разрезали на куски, как пирог» – так образно, но, по сути, верно, описал эти события немецкий историк П. Карель [232] .

На левом крыле фронта 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко вела наступление на ворошиловградском направлении. Она с боями прошла около 100 км и освободила на территории Донбасса более 200 населенных пунктов, в том числе крупный промышленный центр Ворошиловград. Однако дальнейшее наступление было затруднено не только возросшим сопротивлением противника, но и значительными трудностями в материально-техническом обеспечении боевых действий. Состояние армии как нельзя лучше отразил в коротком донесении от 18 февраля ее командующий генерал Лелюшенко: «В течение двух дней веду наступательные бои почти без артиллерийского и минометного огня. Со станций снабжения, которые удалены от войск на 430 км, не поступают снаряды и мины. Горючего мало» [233] .

5-я танковая армия генерала И.Т. Шлемина, начиная с 9 февраля, за 12 суток наступления прошла от Северского Донца до Миуса 150 км, освободив при этом сотни населенных пунктов в восточной части Донбасса. В целом в ходе операции «Скачок» войска Юго-Западного фронта продвинулись на правом крыле из района Старобельска на запад почти на 300 км и на левом крыле от Северского Донца до Миуса – на 120–150 км. К исходу 18 февраля 6-я, 1-я гвардейская армии и подвижная группа фронта своими передовыми частями вышли на рубеж Змиев, Красноград, Ново-Московск, Синельниково, Красноармейское, Краматорск, Славянск, а 3-я гвардейская и 5-я танковая армии – на линию Родаково, Дьяково (10 км северо-восточнее Куйбышево).

Одновременно с наступлением соединений Юго-Западного фронта на павлоградском и красноармейском направлениях войска Южного фронта под командованием генерала Р.Я. Малиновского нанесли удары на новочеркасском и ростовском направлениях. 5-я ударная армия с утра 7 февраля сломила сопротивление частей трех пехотных дивизий противника, 11 февраля вышла на подступы к г. Шахты и на следующий день освободила его.

Успешное наступление Красной Армии, охватившее все южное крыло советско-германского фронта, и реальная опасность разгрома группы армий «Дон» встревожили немецкое командование. Генерал-фельдмаршал Манштейн 6 февраля был

вызван в ставку вермахта, где доложил, что обстановка тяжелейшая и «на южном фланге может фактически решиться судьба Восточного фронта», особенно «если противник подбросит из своих сильных резервов (прежде всего из Сталинграда) новые силы» [234] . Чтобы ликвидировать нависшую над группой армий «Дон» угрозу, он предложил отвести войска с рек Дон и Северский Донец на заранее подготовленные позиции по р. Миус. Это позволило бы сократить линию фронта и тем самым высвободить соединения для борьбы с прорвавшимися в Донбасс советскими войсками. Гитлер вынужден был утвердить этот план. Начавшаяся с 9 февраля переброска из 4-й танковой армии на левый фланг группы армий, в полосу 1-й танковой армии, 3, 11, 17-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Викинг» и управления 40-го танкового корпуса позволила противнику укрепить фронт на наиболее опасных направлениях и улучшить оперативное положение своих войск.

В это время под ударами соединений Южного фронта немецкие войска оставляли один рубеж за другим. Соединения 2-й гвардейской армии генерала Я.Г. Крейзера форсировали по льду Дон и, преследуя врага, южнее станции Александровка подошли к р. Аксай. Однако с ходу преодолеть этот рубеж соединениям армии не удалось. Укрепившись на высоком обрывистом правом берегу и организовав сильный артиллерийско-минометный огонь, враг сумел задержать наступление армии. Только 13 февраля, выбив его с этого рубежа, части 98, 3 и 49-й гвардейских стрелковых дивизий овладели г. Новочеркасск. Наступавшие на левом крыле фронта войска 7 февраля освободили Батайск и Азов. Соединения 28-й армии генерала В.Ф. Герасименко, которым тоже пришлось преодолевать Дон, ворвались на окраины Ростова. Казаки конно-механизированной группы генерала Н.Я. Кириченко во взаимодействии с соединениями 44-й армии генерала В.А. Хоменко в ночь на 8 февраля перерезали железную дорогу Ростов – Таганрог. 14 февраля Военный совет Южного фронта доложил в Ставку ВГК: «Передовые отряды частей и армий продолжают преследовать отходящие в северо-западном направлении остатки разбитых частей противника. Над цитаделью Тихого Дона – Ростовом – вновь взвилось великое и непобедимое Красное знамя Советов» [235] .

Освобождение Ростова, большого промышленного и культурного центра, крупного узла железных дорог, явилось важной победой Красной Армии. Немецкие войска, лишившись сильного оборонительного рубежа, поспешно отступали на запад. В создавшейся обстановке командующий войсками Южного

фронта принял решение: преследуя вражескую группировку, с ходу овладеть рубежом на р. Миус, который прикрывал выход советских войск к Донбассу. Однако противник располагал здесь мощной системой сооружений, построенных еще в 1941–1942 гг. Используя выгодную для обороны местность, он оборудовал на высотах вдоль правого берега реки большое количество дотов и дзотов, установил минные поля и проволочные заграждения. Только в случае упреждения врага в занятии рубежа, который сами немцы назвали «Миус-фронт», соединения фронта могли рассчитывать на успех. Поэтому командующий войсками фронта ввел в сражение 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т.И. Танасчишина. Развивая наступление, его части к 16 февраля вышли к крупному узлу обороны – Матвееву Кургану. Несмотря на яростное сопротивление немецких войск, гвардейцы в ночном бою отбросили их за р. Миус. В ночь на 17 февраля корпус стремительным броском с ходу овладел Анастасиевкой – важным узлом обороны врага на подступах к Мариуполю. К сожалению, стрелковые соединения 2-й гвардейской армии не смогли использовать успех корпуса. Противник выдвинул резервы, нанес удар по прорвавшимся частям и восстановил утраченное положение.

Немецкое командование отчетливо понимало: если ему не удастся удержать рубеж «Миус-фронт», то советские войска получат возможность выйти к Днепру. Перейдя здесь к позиционной обороне, противник оказывал ожесточенное сопротивление, в результате чего неоднократные попытки войск Южного фронта прорвать его оборону не увенчались успехом. На этом рубеже фронт стабилизировался вплоть до лета 1943 г.

Таким образом, в первой половине февраля итогом наступления Юго-Западного и Южного фронтов стало их продвижение на запад на 150–300 км. В ходе его советские войска очистили от оккупантов северо-восточную часть Донбасса. Вместе с тем созданное к началу операции превосходство над противником стало сходить на нет, так как последний ввел в сражение перегруппированные из резерва командования сухопутных войск восемь дивизий, в том числе две танковые. Это позволило ему не только остановить наступление частей Южного фронта, но и создать условия для перехода в контрнаступление против войск Юго-Западного, а впоследствии и Воронежского фронтов.

Оценивая обстановку и возможный характер дальнейших действий, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин считал, что перед ним открыта перспектива стремительного преследования отходившего, по его

мнению, врага на запад вплоть до рубежа Днепра. Однако такие прогнозы оказались несколько преждевременными и несостоятельными, поскольку они основывались на предвзятой, неверной оценке возможностей и намерений противника. Недооценивалось также и состояние своих войск.

Данные нашей разведки о крупных передвижениях немецких войск были оценены Ватутиным как начало отхода противника из Донбасса, что и послужило основой для принятия им решения на продолжение наступления. Так, в итоговой разведсводке за период с 10 по 20 февраля, подписанной начальником штаба фронта генерал-лейтенантом С.П. Ивановым и начальником разведотдела генерал-майором А.С. Роговым, отмечалось, что сосредоточение с 17 февраля танковых соединений в районах Красноград и Красноармейского противник производит «с целью удара для ликвидации прорыва (советских войск. – *Авт.*) и освобождения коммуникаций для вывода войск с территории Донбасса за Днепр…». В конце сводки делался вывод: «Имеются все данные, указывающие на то, что противник оставит территорию Донецкого бассейна и отведет войска за реку Днепр» [236] . Командующий войсками фронта полностью разделял эту оценку. В переговорах с подчиненными войсками и Ставкой он неоднократно подчеркивал, что «противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр».

Поэтому, не принимая во внимание доклады командующего 1-й гвардейской армией генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова и заместителя командующего войсками фронта генерал-лейтенанта М.М. Попова о невозможности развивать наступление во всей полосе в условиях сильной усталости войск, низкой материальной обеспеченности, а также возросшего сопротивления противника, Ватутин спешил выполнить задачу по окружению и разгрому всей его донбасской группировки до начала весенней распутицы.

Следует сказать, что Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб также неверно оценивали действия немецких войск на южном крыле советско-германского фронта. 21 февраля заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенант А.Н. Боголюбов, ведя по личному приказанию Сталина переговоры с начальником штаба Южного фронта генерал-майором И.С. Варениковым, без всяких на то оснований заявил последнему: «У нас имеются точные данные, что противник вчера сплошными колоннами выходил из Донбасса». «Советское командование было просто слепо, скорее всего, именно отсюда шло ошибочное понимание ситуации» – такой комментарий дал этим переговорам П. Карель [237] .

Следовательно, и во фронте, и в Генеральном штабе перегруппировка немецких войск была расценена как поспешный отход из Донбасса за Днепр. Такая оценка в значительной степени и предопределила принятое советским командованием решение на преследование противника. При этом замысел командующего войсками Юго-Западного фронта сводился к тому, чтобы ударом 6-й армии в направлении Запорожье, Мелитополь отрезать пути отхода врагу за Днепр, а остальными силами фронта развить наступление в центр Донбасса и, взаимодействуя с Южным фронтом, окружить, рассечь и уничтожить всю донбасскую группировку немецких войск.

Данное решение генерала Ватутина имело ряд серьезных недочетов, которые отрицательно сказались на ходе операции. В нем не предусматривалось создания достаточно сильных группировок на избранных направлениях. Наступление войск правого крыла намечалось вести по расходящимся направлениям, что приводило к распылению сил. Стремление не дать противнику возможности отступить за Днепр привело к тому, что подготовительные мероприятия к новой операции в армиях и в войсках осуществлялись наспех.

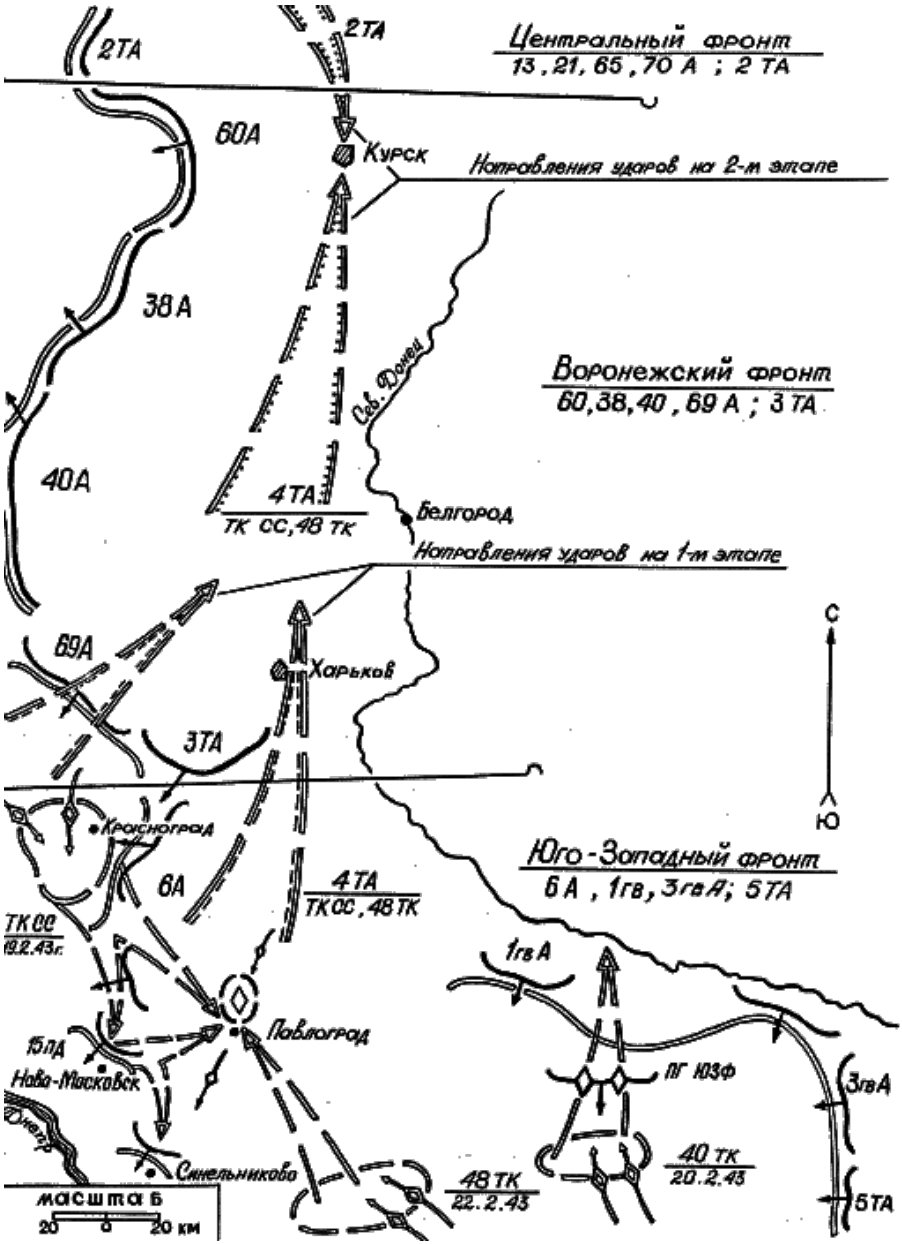
Вместе с тем положение вермахта на южном крыле Восточного было в то время весьма тяжелым. Реальную опасность разгрома группы армий «Дон» советскими войсками и неизбежность потери Донбасса видели многие немецкие военачальники, в том числе и командующий этой группой генерал-фельдмаршал Манштейн. Еще 9 февраля, когда войска Воронежского фронта, освободив Курск и Белгород, приближались к Харькову, он отмечал: «Тень смертельной опасности продолжала висеть над южным флангом Восточного фронта, так как противник до или сразу же после распутицы мог пробиться до побережья Азовского моря или еще глубже – до Черного моря» [238] . Однако немецкое командование не планировало отхода за Днепр. В течение первой половины февраля оно принимало все меры, чтобы задержать наступление советских войск, не допустить окружения и полного разгрома группы армий «Юг» («Дон») в Донбассе, а также оставления этого важного экономического района. В телеграмме на имя начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Цейтцлера Манштейн настоятельно предлагал сосредоточить новую армию силой не менее 5–6 дивизий в течение двух недель в районе севернее Днепропетровска, а также другую армию в районе западнее Курска за фронтом 2-й немецкой армии для нанесения удара на юг. Эти предложения Манштейна и легли в основу плана действий противника на южном крыле Восточного

фронта. 13 февраля штаб группы армий «Юг» получил указания от ОКХ (главное командование сухопутных войск. – *Авт* .) о сосредоточении здесь двух армий и подготовке контрнаступления против Юго-Западного и Воронежского фронтов [239] .

Окончательное решение на проведение этого контрнаступления было принято на совещании в штабе группы армий «Юг» в Запорожье 19 февраля, в котором участвовали Гитлер, Клейст, Йодль, Манштейн и другие высшие генералы немецкой армии. Гитлер настоятельно требовал «как можно быстрее и во что бы то ни стало возвратить Харьков». Поэтому он предлагал сначала нанести удар на харьковском направлении силами танкового корпуса СС. Однако быстрое изменение обстановки в полосе наступления войск правого крыла Юго-Западного фронта, приведшее к реальной угрозе потери важных для противника переправ через Днепр у Днепропетровска и Запорожья, вынудило его согласиться на вариант плана, предложенного командованием группы армий «Юг».

Замысел предстоящего контрнаступления заключался в следующем. На первом этапе предусматривалось ударом двух танковых корпусов 4-й танковой армии по сходящимся на Павлоград направлениям и фронтальным ударом 40-го танкового корпуса 1-й танковой армии на барвенковском направлении разгромить войска правого крыла Юго-Западного фронта и отбросить их за Северский Донец. После перегруппировки главных сил в район юго-западнее Харькова планировалось нанести удар по войскам Воронежского фронта и овладеть Харьковом и Белгородом. И, наконец, на втором этапе войскам группы армий «Юг» предстояло развить наступление на Курск с юга. С севера в том же направлении должна была нанести удар 2-я танковая армия группы армий «Центр». В результате намечалось окружить и разгромить войска Воронежского и Центрального фронтов.

Переход противника в контрнаступление без оперативной паузы был неразрывно связан с решением немецким командованием трех основных задач: во-первых, замедлить и остановить наступление советских войск на наиболее угрожаемых направлениях; во-вторых, стабилизировать положение на второстепенных направлениях; и, в-третьих, создать и развернуть в короткие сроки ударные группировки. Это было достигнуто выполнением ряда оперативных мероприятий, основными из которых были: своевременный отвод войск на подготовленные оборонительные рубежи и надежное их закрепление, а также широкий маневр силами и средствами вдоль фронта и из глубины на главные направления.



Замысел немецкого командования на контрнаступление в Донбассе и на харьковском направлении

Не имея каких-либо резервов в полосе наступления Юго-Западного фронта, которые могли бы составить основу ударных группировок, противник вынужден был создавать их за счет вывода ряда соединений из первого эшелона. Вместе с тем такой вывод был невозможен без соответствующего сокращения линии фронта и его стабилизации на второстепенных направлениях.

Данную проблему немецкое командование решило своевременным отводом своих войск с рек Дон и частично Северский Донец на подготовленный оборонительный рубеж по р. Миус. Это позволило ему, замедлив и остановив наступление войск Южного и левого крыла Юго-Западного фронтов (3-я гвардейская и 5-я танковая армии), вывести в резерв и перегруппировать 3, 6, 7, 11 и 17-ю танковые дивизии, моторизованную дивизию СС «Викинг» и управление 40-го танкового корпуса [240] .

Одновременно из района Харькова была отведена действовавшая в полосе Воронежского фронта танковая дивизия СС «Рейх» и сосредоточена в районе Красограда. Сюда же по частям прибывала разгружавшаяся в Киеве танковая дивизия СС «Мертвая голова». В то же время с целью усиления обороны в районах Новомосковска и Синельникова на направление удара подвижной группы 6-й армии была спешно выдвинута из Днепропетровска 15-я пехотная дивизия [241] .

Проведение этих оперативных мероприятий позволило противнику создать две ударные группировки, первую в составе танкового корпуса СС (танковые дивизии СС «Рейх» и «Мертвая голова», 15-я пехотная дивизия) и 48-го танкового корпуса (6-я и 17-я танковые дивизии), объединенных в 4-ю танковую армию, и вторую – в составе 40-го танкового корпуса (7-я и 11-я танковые, 333-я пехотная дивизии, моторизованная дивизия СС «Викинг») 1-й танковой армии. Всего в составе ударных группировок было сосредоточено 9 дивизий, в том числе 6 танковых и одна моторизованная. С воздуха ее поддерживали 750 самолетов. Противник превосходил войска правого крыла Юго-Западного фронта, против которых готовился главный удар, по танкам и самолетам – в 2–2,1 раза. Преимущество в артиллерии (1,5 к 1) было на стороне Юго-Западного фронта.

Планируя дальнейшее наступление, командующий войсками Юго-Западного фронта Н.Ф. Ватутин решил главный удар нанести подвижной группой 6-й армии (1-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, сводная кавалерийская дивизия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 4-й гвардейский стрелковый корпус) в направлении на Запорожье, а в последующем развивать его на Мелитополь и отрезать пути отхода противника за Днепр. Остальными силами фронта (подвижная группа, 1-я и 3-я гвардейские и 5-я танковая армии) развивать наступление в центре Донбасса и, взаимодействуя с Южным фронтом, окружить и разгромить войска всей донбасской группировки противника.

К 19 февраля войска правого крыла Юго-Западного фронта занимали следующее положение. Выполняя поставленные задачи,

они развивали наступление одновременно по трем расходящимся направлениям – на Красноград, Запорожье и Красноармейское и действовали на широком 330-километровом фронте, имея одноэшелонное оперативное построение [242] . При этом командующий войсками фронта, введя в сражение подвижную группу и передав в состав 6-й армии 1-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, совершенно не располагал резервами для наращивания усилий в наступлении либо для парирования внезапных ударов противника. Кроме того, главная ударная сила фронта – его подвижная группа – была вынуждена начиная с 11 февраля отражать контратаки противника в районе Красноармейского, в результате чего понесла большие потери и, имея в своем составе лишь 88 танков, не могла достичь решительного перелома в общем ходе сражения [243] . Фактически наступление подвижной группы было остановлено. В то же время фронт не использовал всех своих возможностей, позволив противнику сковать на второстепенном направлении силы 3-й гвардейской и 5-й танковой армий.

Подобным образом складывалась обстановка и в полосах наступления армий фронта. Его 6-я армия, действуя в полосе шириной 152 км, вынуждена была одновременно вести наступление в западном и юго-западном направлениях. Она имела одноэшелонное оперативное построение и не располагала ни общим, ни специальными резервами. Ее стрелковые дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, наступали в полосах шириной от 13 до 44 км [244] . При этом разрывы в оперативном построении армии достигали 20–30 км. Ее подвижная группа, не завершив полного сосредоточения сил и средств, вводилась в сражение по частям и действовала отдельными группами, которые не имели взаимодействия между собой. Укомплектованность стрелковых дивизий составляла от 3960 до 7735 человек. Непосредственно в соединениях имелось 0,1–0,6 боекомплектов к стрелковому оружию и артиллерии, 0,6–1 заправка горючего к автотранспорту.

В отчете армии о боевых действиях в феврале 1943 г., составленном вскоре после их окончания, отмечалось: «Войска армии растянулись на широком фронте, части действовали по отдельным направлениям, имели разрывы между собой до 25 км. Фланги их не были обеспечены, они испытывали недостаток в боеприпасах и горючем. Ударная группировка армии вела бои отдельными группами и в разных направлениях: одной частью в районе Ново-Московска, второй – в районе Павлограда, третьей – в районе Синельниково без тесного взаимодействия между собой. При этом состав каждой из этих группировок был недостаточно

сильным, чтобы разбить противостоящую группировку противника.

Командующий войсками Юго-Западного фронта, а на основе его распоряжений и командующий 6-й армией продолжали ставить приказы на наступление без учета реальной обстановки. Эти приказы, как правило, не могли быть выполнены» [245] .

Всего в боевом составе 6-й армии действовали: стрелковых дивизий – 8, стрелковых бригад – 1, кавалерийских дивизий – 1, танковых корпусов – 2, танковых бригад – 1, танковых полков – 1, пушечных артиллерийских полков – 1, гаубичных артиллерийских полков – 1, корпусных артиллерийских полков – 1, истребительно-противотанковых артиллерийских полков – 5, гвардейских минометных полков – 2, отдельных гвардейских минометных дивизионов – 1, зенитных артиллерийских полков – 8, отдельных зенитных артиллерийских дивизионов – 1. В них насчитывалось 53 071 человек, 1150 орудий и минометов (в том числе – 332 противотанковых), 46 реактивных установок, 95 зенитных орудий, 226 танков. Средние плотности составляли: 17 км на стрелковую дивизию; 7,6 орудий и минометов (в том числе 2,2 противотанковых), 0,6 зенитных орудий и 1,5 танка на 1 км фронта.

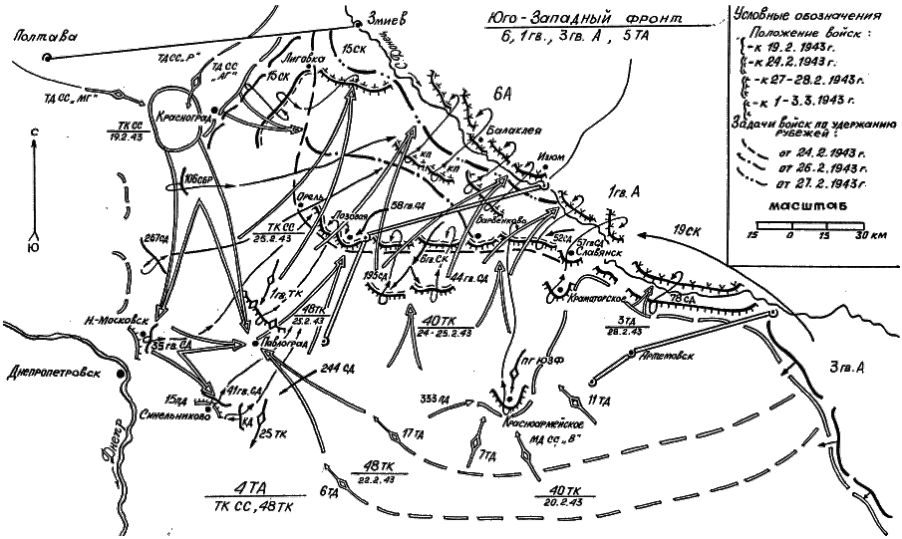
Не менее сложная обстановка складывалась и в полосе 1-й гвардейской армии. Ее особенность заключалась здесь в том, что, перейдя к обороне двумя стрелковыми дивизиями (78-я и 57-я гвардейская) с целью обеспечения фланга подвижной группы фронта, главными силами в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса армия осуществляла перегруппировку для переноса усилий в ходе наступления с одного направления на другое [246] . Исходя из этого, соединения 6-го гвардейского стрелкового корпуса к началу активных боевых действий противника в полосе фронта находились на марше и еще не вышли в районы их боевого предназначения. Армия действовала в очень широкой полосе – 178 км. Численность стрелковых дивизий составляла 4096–7068 человек. В дивизиях имелось 0,4–0,9 боекомплектов боеприпасов и 0,3–1 заправка горючего.

Всего в боевом составе армии имелось 5 стрелковых дивизий, 1 танковая бригада, 1 корпусной и 1 гаубичный артиллерийские полки, 2 отдельных зенитных артиллерийских дивизиона. В них насчитывалось 24 932 человека, 499 орудий и минометов (из них 111 противотанковых), 20 зенитных орудий и 42 танка. Средние плотности сил и средств составляли: 36 км на стрелковую дивизию; 2,8 орудия и миномета (в том числе 0,6 противотанковых), 0,1 зенитное орудие и 0,2 танка на 1 км фронта.

С учетом подвижной группы фронта и двух этих армий на его правом крыле было сосредоточено 17 стрелковых и кавалерийских дивизий, 2003 орудия и миномета (в том числе 518 противотанковых) и 356 танков. Все эти силы находились в прямой зависимости от возможностей по тыловому обеспечению их действий. А оно к тому времени было крайне затруднено. Удаление армейских баз снабжения составляло для войск правого крыла фронта – 170–250 км. Положение усугублялось и наличием в тылу войск крупной водной преграды – Северского Донца. Все армейские базы к концу второй декады февраля оставались на противоположном берегу этой реки. Это ставило тыловое обеспечение боевых действий в зависимость от работы паромных и мостовых переправ, использование которых часто нарушалось авиацией противника. С учетом большого удаления фронтового и армейского тыла важная роль в обеспечении боевых действий войск принадлежала автотранспорту. Однако в Юго-Западном фронте насчитывалось всего 2256 грузовых и специальных автомобилей, при общей их потребности в 10 500 единиц. Значительное удаление баз снабжения и ограниченное количество автотранспорта не позволили осуществить своевременный подвоз и накопление запасов материальных средств, что впоследствии негативно сказалось на общем ходе боевых действий.

Особенность положения 6-й и 1-й гвардейской армий заключалась и в построении боевых порядков их соединений. Ведение боевых действий в широких полосах и по расходящимся направлениям характеризовалось одноэшелонным построением не только этих армий, но и их стрелковых (танковых) корпусов и дивизий. Для обеих армий было также характерным децентрализованное применение артиллерии. Огневое сопровождение боевых действий соединений и частей в условиях, когда немецкие войска не имели сплошного фронта обороны, требовало от артиллерии выполнения только отдельных огневых задач. Как правило, они заключались в подавлении противника в узлах сопротивления и в отражении его контратак. В сложившейся обстановке требовалось обеспечить самостоятельность действий наступавших войск. Такое положение предопределяло равномерное распределение артиллерии среди не только соединений, но и частей первого эшелона. Во многих случаях артиллерийский полк стрелковой дивизии подивизионно придавался стрелковым полкам первого эшелона. Между тем отсутствие в составе армий, корпусов и дивизий сильных артиллерийских групп и резервов, вызванное стремлением командующих армиями и командиров соединений

всемерно усилить подчиненные инстанции в условиях ведения наступления на широком фронте и по отдельным направлениям, лишало их возможности при резких изменениях обстановки активно повлиять на ход боевых действий.



Ход боевых действий в полосе правого крыла Юго-Западного фронта 19 февраля – 3 марта 1943 г.

В такой обстановке немецкое командование приступило к реализации замысла своего контрнаступления. Первой из района Красноградa нанесла удар дивизия СС «Рейх». Ее задача заключалась в захвате Перещепино и развитии успеха в направлении Ново-Московска, а затем Павлограда. Стремясь максимально достичь внезапности перехода в наступление, она вводилась в сражение, не завершив полностью сосредоточения своих сил в исходном районе, по частям, практически с марша. 19 февраля в 5 часов утра начал действовать только один усиленный артиллерией полк дивизии – «Дойчланд». Уже к вечеру, сломив сопротивление 6-й стрелковой дивизии 6-й армии, он захватил Перещепино и мост через р. Орель, выполнив ближайшую задачу наступления дивизии.

С утра 20 февраля наступление продолжилось, и уже в 14.00 было установлено взаимодействие полка «Дойчланд» с 86-м пехотным полком 15-й немецкой пехотной дивизии северо-западнее Ново-Московска. Совместными усилиями они начали теснить наступавшие здесь части 4-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й армии. В то же время в полосе правофлангового 15-го стрелкового корпуса образовался 35-километровый разрыв, не занятый войсками. Здесь противник не только вышел на тылы и коммуникации 106-й стрелковой бригады и 267-й стрелковой

дивизии, но и отрезал их от главных сил. Тяжелые потери понесла 267-я дивизия. Как отмечалось в журнале боевых действий фронта, ее «848-й стрелковый полк был атакован танками противника с тыла. Тылы полка, командование и штаб погибли, из боя вышел только один батальон» [247] .

На левом фланге ударной группировки армии шли безуспешные бои в районе Синельниково против прибывшей туда из Днепропетровска 15-й пехотной дивизии. Продолжавшая заканчивать сосредоточение в районе Павлограда подвижная группа армии подверглась сильным ударам вражеской авиации и поэтому не могла быть своевременно введена в сражение. В то же время действия 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта носили эпизодический характер. Это объяснялось, прежде всего, трудностями с ее базированием, так как немецкие войска, отступая, разрушили аэродромы. В таких условиях авиационным соединениям и частям приходилось действовать на предельных радиусах полета.

Несмотря на резкое осложнение обстановки в полосе 6-й армии, командование фронта все еще не осознавало, что в ходе сражения намечается перелом в пользу противника и, как и прежде, полагало, что его активные действия объясняются стремлением обеспечить отвод своих войск за Днепр. Об этом красноречиво свидетельствует боевое распоряжение командующего войсками фронта 6-й армии: «В связи с прорывом дивизии СС «Адольф Гитлер» (ошибочно, здесь действовала дивизия «Рейх». – *Авт* .) с харьковского направления на Ново-Московск и возможным появлением противника со стороны Красноармейского, ближайшей задачей 6-й армии ставлю: окружить и уничтожить дивизию СС «Адольф Гитлер», не допустить ее ухода в Днепропетровск, овладеть районом Ново-Московска, а для обеспечения правого фланга овладеть районом Красноград. На левом фланге уничтожить противника в районе Синельниково и овладеть этим районом, прочно закрепить за собой районы: Павлоград, Раздоры, Синельниково. Не допустить ни в коем случае отхода противника на Днепропетровск, в дальнейшем к утру 22 февраля овладеть Запорожьем» [248] .

В соответствии с указаниями Военного совета фронта командующий 6-й армией генерал Харитонов поставил войскам следующие задачи. 106-я стрелковая бригада и 6-я стрелковая дивизия должны были выбить противника из Перещепино и восстановить прерванные коммуникации. Охваченная с тыла 267-я стрелковая дивизия вместе с 16-й танковой бригадой должна была вести наступление на Ново-Московск с запада. С востока на него должен был наступать 4-й гвардейский стрелковый корпус.

25-й танковый корпус получил задачу прорваться к Запорожью и захватить мосты через Днепр. 1-й гвардейский танковый корпус должен был к исходу 21 февраля овладеть Синельниково.

Второй удар противник нанес против подвижной группы фронта. 20 февраля из района Красноармейского перешел в наступление 40-й немецкий танковый корпус. Против оборонявшихся непосредственно в Красноармейском 4-го гвардейского и 10-го танковых корпусов наступало почти 200 танков (7-я, 11-я танковые дивизии, моторизованная дивизия СС «Викинг»). Оказывая упорное сопротивление, соединения и части подвижной группы вынуждены были начать отход. Вот как отражены эти события в журнале боевых действий фронта: «Группа Попова продолжала упорные бои с контратакующим противником… 10-й танковый корпус со своими 11 танками прикрывал фронт Красноармейский Рудник, Криворожье фронтом на север и северо-запад. 18-й танковый корпус, подошедший ночью со своими 8 танками, удерживал фронт Краснополье, им. Шевченко фронтом на восток. 4-й гвардейский танковый корпус с 6 танками прикрывал направления на Доброполье и Гришино. На всех направлениях части находились в соприкосновении с противником и отбивали его контратаки.

Командующий группой доложил, что контратаковать для восстановления положения в Красноармейском нечем, рискует потерять последние танки. Считал целесообразным в ночь на 21 февраля вывести 10-й и 4-й гвардейский танковые корпуса в район Степановки…» [249]

Но и здесь действия противника не насторожили генерала Ватутина. Содержание его приказа командующему подвижной группой генералу Попову не оставляет в этом никаких сомнений: «Вы делаете грубую, непростительную ошибку, отводя вопреки моему категорическому приказу свои главные силы из района Красноармейского и даже из района Доброполья на север, открывая тем самым дорогу для отхода противника на Днепропетровск и оголяя фланги и тылы ударной группы Харитонова. Неужели одного не понимаете, что это резко противоречит возложенной на Вас задаче и создавшейся сейчас обстановке, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр.

В этих условиях ваше предложение о выводе войск в район Степановки и затем нанесении оттуда удара является своего рода уклонением от выполнения боевой задачи, т. к. по времени Ваш удар запаздывает. Категорически Вам запрещаю отводить войска на север и приказываю из района Доброполья нанести стремительный удар кратчайшим путем на Гришино и юго-

западнее с задачей снова стать на пути отхода противника и к утру 21 февраля 1943 г. овладеть районом Гришино, а при благоприятных условиях – и Красноармейского. Арьергардные части противника в районе Ново-Александровки окружить и уничтожить. Ни в коем случае не допустить отход противника на Днепропетровск и частью сил перехватить путь отхода на Запорожье.

Лишь в крайнем случае после овладения указанным выше Вам районом Вы можете оставлять его, но с обязательным условием последовательно отходить на запад на присоединение к Харитонову, все время преграждая пути отхода противнику на Днепропетровск и Запорожье» [250] .

21 февраля 6-я армия продолжала вести наступление, но ее положение все более осложнялось. В оперативном построении армии образовались огромные бреши, все ее соединения были втянуты в сражение в напряженной и невыгодной обстановке. В этот день только 25-му танковому корпусу удалось добиться некоторого успеха – обойти с востока Синельниково и овладеть несколькими населенными пунктами в 20–30 км юго-восточнее его. Однако противник силами танкового корпуса СС стал теснить части армии в юго-восточном направлении. Танковая дивизия «Рейх», прорвавшаяся из Ново-Московска вдоль железной дороги на восток, во второй половине дня подошла к Павлограду, где завязала бои с частями 1-го гвардейского танкового корпуса, а дивизия «Мертвая голова», которая начала вводиться в сражение, вышла в район Попасное (30–40 км северо-восточнее Ново-Московска).

Развитие событий в полосе 6-й армии свидетельствовало, что главные силы танкового корпуса СС наносят удар на Павлоград с севера и что для нее создалось крайне опасное положение. Однако и в этот день командование фронта продолжало оценивать активные действия врага как его стремление прикрыть отход основных сил к Днепру. Поэтому необходимых мер для отражения ударов немецких войск принято не было, задача 6-й армии осталась прежней: развивать наступление ее подвижных соединений на Запорожье и надежно перехватить пути, ведущие на Днепропетровск. Такая задача 6-й армии была подтверждена во время переговоров командующего войсками фронта с командующим армией [251] .

40-й немецкий танковый корпус 21 февраля продолжил активные действия в районе Красноармейского, стремясь сломить сопротивление соединений подвижной группы и прорваться к Барвенково. К исходу дня его дивизии полностью овладели этим районом и продолжали теснить войска группы Попова к северу.

Командир 18-го танкового корпуса в этот день докладывал: «170-я танковая бригада: танков не имеет, активных штыков – 288, 82-мм минометов – 2. 171-я танковая бригада: «Т-34» – 14 (неисправных – 10), 76-мм пушек – 1. 110-я танковая бригада: «Т-70» – 7. 32-я мотострелковая бригада, ведя бой в районе Новогришинский, Водяной, потеряла полностью артиллерийский дивизион» [252] .

Обстановка настоятельно требовала отвести танковые корпуса группы на рубеж, где можно было бы организовать оборону и остановить продвижение врага. Однако командование фронта все еще недооценивало характер развернувшихся событий, считая, что противник проявляет здесь активность с целью обеспечения отхода своих главных сил из Донбасса. Войска подвижной группы в тяжелых условиях были вынуждены отражать все усиливавшиеся удары вражеских танковых дивизий. Недооценку противника и переоценку действий войск Юго-Западного фронта в это время допускали и в Генеральном штабе. Генерал-лейтенант А.Н. Боголюбов, информируя начальника штаба Южного фронта о положении на Юго-Западном фронте, 21 февраля сообщил, что «войска Ватутина действуют чрезвычайно успешно. Его правый фланг находится за Павлоградом и задержка левого фланга происходит от недостаточно активных действий вашего фронта» [253] .

22 февраля принесло новое осложнение обстановки в полосе действий войск правого крыла Юго-Западного фронта. В этот день в контрнаступление включился 48-й танковый корпус противника, наносивший удар из района 50 км западнее Красноармейского на Павлоград, навстречу танковому корпусу СС. Авиация 4-го воздушного флота продолжала наносить сильные удары по войскам Юго-Западного фронта. Так, если 21 февраля она совершила 1000 самолето-вылетов, то 22 февраля их было сделано уже 1500 [254] . Однако и в этот день 6-я армия получила от командования фронта активную задачу – силами ее подвижной группы развить удар на Запорожье с целью отрезать все еще предполагаемый отход донбасской группировки немецких войск на запад, а 15-м стрелковым корпусом вести наступление на Красноград. Пытаясь добиться выполнения этих нереальных в сложившейся обстановке задач, соединения 6-й армии еще больше ухудшили свое положение. На правом фланге они вынуждены были начать отход. Часть сил (106-я стрелковая бригада и 267-я стрелковая дивизия), ведя тяжелые бои в окружении, пробивались на восток. Дивизии, действовавшие в центре оперативного построения армии, вели тяжелые бои на северо-восточной окраине Павлограда и на подступах к

Синельниково. Лишь на левом фланге армии 25-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск П.П. Павлов, продолжал продвигаться на юг в тыл наступавшему противнику. К исходу дня корпус главными силами достиг Славгорода, а передовые его части находились в 20 км от Запорожья. Однако в общей неблагоприятной обстановке этот частный успех поставил корпус в крайне опасное положение. Оторвавшись почти на 100 км от остальных сил армии и еще больше от тыловых баз, он был лишен возможности получать горючее, боеприпасы, продовольствие, так как их подача по воздуху не была заранее предусмотрена. Начавший же продвижение на Павлоград с востока 48-й немецкий танковый корпус отрезал частям 25-го танкового корпуса пути отхода.

В этот день обстановка обострилась и в полосе 1-й гвардейской армии. Как отмечалось в журнале ее боевых действий: «Наибольшая активность противника, особенно его танков, началась 22 февраля. На многих направлениях его пехота силами до пехотного батальона с танками при поддержке артиллерии и авиации неоднократно переходила в контратаки против наших наступавших и оборонявшихся частей» [255] .

Тем самым в течение двух-трех дней наступление войск Юго-Западного фронта было остановлено, значительная часть его соединений была отсечена от главных сил либо окружена и понесла тяжелые потери в живой силе и технике. Это явилось следствием не только объективно складывавшейся обстановки, но и неправильной оценки характера действий противника со стороны командования фронта. Несмотря на то что войска его правого крыла не получили приказа на переход к обороне, по существу, соединения и части 6-й, 1-й гвардейской армий и подвижной группы реально вели уже не наступательные, а оборонительные действия. Их переход к обороне носил вынужденный характер и осуществлялся без оперативной паузы, в условиях непосредственного соприкосновения с противником, под воздействием сильных ударов его наземной и воздушной группировок. Наступательные задачи, стоявшие перед фронтом и армиями к моменту перехода группы армий «Юг» в контрнаступление, предопределяли их вступление в сражение в наступательных группировках, действовавших на отдельных и не связанных между собой направлениях. Объединения и соединения должны были отражать удары немецких войск на достигнутых в ходе наступления либо совершения марша и не подготовленных в инженерном отношении рубежах, без предварительной подготовки, в широких полосах. Оперативное построение фронта и армий не отвечало требованиям реально

складывавшейся обстановки. Главным его недостатком являлась незначительная глубина и отсутствие сильных резервов. Их создание и восстановление должно было осуществляться в сложной обстановке начавшегося оборонительного сражения.

23 февраля наступавшему против 6-й армии противнику удалось частями танкового корпуса СС соединиться в районе Павлограда с 48-м танковым корпусом. Действовавшие здесь части 4-го стрелкового и 1-го гвардейского танкового корпусов вели бои севернее и северо-восточнее Павлограда. 15-й стрелковый корпус продолжал отходить на восток, а 25-й танковый корпус вел бои на подступах к Запорожью.

Не менее напряженная обстановка сложилась в течение 22–23 февраля и в полосе подвижной группы Юго-Западного фронта, соединения которой, ведя тяжелые оборонительные бои, продолжали отходить в северном направлении. К исходу 23 февраля они с трудом отражали удары 40-го немецкого танкового корпуса на рубеже Александровка, Степановка, не допуская его прорыва к Барвенково.

В этот день командование и штаб Юго-Западного фронта впервые доложили в Ставку Верховного Главнокомандования обстановку, лишь в какой-то степени приближавшуюся к действительной. В боевом донесении, переданном в Ставку в ночь на 24 февраля, отмечалось: «Противник на правом крыле фронта силами танкового корпуса СС (три танковые дивизии, не менее 400 танков) с утра 23 февраля возобновил наступление на красноградском и павлоградском направлениях. В районе Павлограда противнику удалось прорваться на юго-восток и занять Богуслав, перерезав тем самым коммуникации 6-й армии.

Другая группа этого корпуса (до 100 танков) прорвала фронт 172-й стрелковой дивизии и заняла Нижнюю Орельку, пытаясь распространиться на юг и юго-восток в направлении Лозовой.

На центральном участке фронта отходящие колонны донбасской группировки противника к утру 23 февраля достигли рубежа Васильевка, Ново-Николаевка. Части 6-й и 17-й танковых дивизий… к вечеру завязали бой со 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. Значительные силы танков противника от Красноармейского и Славянска повернули на север на Лозовую и во взаимодействии с отходящими частями от Горловки на Константиновку, в общей сложности 60–70 танков и свыше двух полков пехоты, контратаковали части группы Попова в районе Марьевка, Красноармейский Рудник и потеснили их в район Степановки…

Отражая непрерывные атаки, части 10-го и 18-го танковых корпусов понесли значительные потери, с боем прорвались из

окружения и отошли на Степановку…

Командующий 6-й армией приказал командирам 4-го гвардейского стрелкового и 1-го гвардейского танкового корпусов собрать все свои силы и средства, находящиеся севернее Павлограда, подтянуть артиллерию и уничтожить павлоградскую группировку, овладеть Павлоградом и всеми силами ударить по синельниковской группировке, продолжая выполнение ранее поставленной задачи удара на Запорожье…

Войска подвижной группы Попова вели бои с контратакующим противником в разобщенном положении… 10-й танковый корпус удержал рубежи фронтом на восток и юго-восток (Петровка, Ленинский, Малевский, Красногорка). ГСМ совершенно нет, боеприпасы на исходе…» [256]

Однако, как следует из документа, в этом донесении опять говорилось об «отходящих колоннах донбасской группировки противника» на центральном участке фронта и о продолжении выполнения «ранее поставленной задачи удара на Запорожье», т. е. характер и цель действий немецких войск по-прежнему оценивались неверно.

Для противодействия наступавшему противнику на правом крыле фронта в это время не было никаких оперативных резервов – ни общих, ни артиллерийско-противотанковых. Поэтому командующий войсками фронта был вынужден дать указание командующему 1-й гвардейской армией выдвинуть 6-й гвардейский стрелковый корпус из района Славянска в районы Барвенково и Лозовой, куда он должен был прибыть главными силами к утру 24 февраля.

Между тем обстановка на правом крыле фронта все более ухудшалась. 24 февраля противник, наступавший в полосе действий 6-й армии, продвинулся на восток уже на значительную глубину. Часть сил армии вела бои в окружении. В этот день начальник Оперативного управления штаба армии в переговорах со штабом фронта докладывал: «Положение Грязнова (15-й стрелковый корпус) очень серьезное. Противник силами до 100 танков прорвал расположение Тимофеева (172-я стрелковая дивизия) и устремился в юго-западном направлении, окружая Герасимова (267-я стрелковая дивизия), а также в южном и юго-восточном направлениях. Судьба самого Тимофеева и его штаба неизвестна. Грязнов говорит, что от 172-й дивизии почти ничего не осталось. 267-я дивизия окружена в районе Вольная, Свободная» [257] .

В районе Синельниково также были окружены 35-я и 41-я гвардейские стрелковые дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса и сводная кавалерийская дивизия 1-го гвардейского

кавалерийского корпуса. Стремясь изменить обстановку в свою пользу, командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса ввел в бой поступавшую в его подчинение 244-ю стрелковую дивизию. Как развивались события дальше, свидетельствует командир этой дивизии: «24 февраля около 100 танков и мотопехота противника атаковали с запада и северо-запада 1-й и 2-й батальоны 907-го стрелкового полка в районе Вязовок. К 16. 00 противник окружил батальоны и почти полностью уничтожил их. На рассвете 25 февраля танки противника ворвались в Вербки. В Вербках штаб дивизии был разгромлен (до 75 % личного состава не вышло из окружения). 911-й стрелковый полк распоряжением командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса был введен в бой в районе юго-западнее Криштоповки. Полк с ходу вступил в бой с 50–60 танками и мотопехотой. Полк был разгромлен. После этого командир 4-го корпуса ввел в бой пулеметный батальон, а затем на подступах к Криштоповке – учебный батальон, которые были разгромлены… Части дивизии вводились в бой с марша, по частям, в момент ведения противником наступления. Практически дивизия потеряла боеспособность.

Командир 244-й стрелковой дивизии полковник Афанасьев» [258] .

В полосе 1-й гвардейской армии 195-я и 44-я гвардейская стрелковые дивизии 6-го гвардейского стрелкового корпуса перешли к обороне непосредственно с марша. Заняв ее на широком фронте системой отдельных опорных пунктов, они пропустили через свои боевые порядки отходившие на Барвенково разрозненные части подвижной группы фронта и вступили в бой с превосходящими силами противника. Однако из-за значительного отставания артиллерии оказать должного сопротивления ему не смогли и вынуждены были отступить на рубеж железной дороги Лозовая – Славянск. По этому поводу в журнале боевых действий армии отмечалось: «Окруженные танковые соединения в районе Красноармейского остатками своих сил прорвались из окружения и начали отход в северном направлении на рубеж восточнее Барвенково (Петровка, Черкасское). Своим отходом внесли дезорганизацию в оборонявшиеся на этом рубеже части 6-го гвардейского стрелкового корпуса и невольно заставили их под напором совершенно незначительных сил противника отходить с занимаемых рубежей» [259] . О состоянии действовавших здесь войск дает представление и боевое донесение 18-го танкового корпуса: «Занял оборону в районе Ново-Павловка, Ново-Александровка, Ново-Григорьевка сводным отрядом в составе: бронемашин – 7, автоматчиков – 33, 82-мм минометов – 5, 120-мм

минометов – 2, 76-мм пушек – 2. В корпусе танков нет» [260] .

В переговорах по прямому проводу в 3.00 25 февраля генерала Ватутина с Генеральным штабом он, подводя итоги боевых действий за 24 февраля, докладывал: «6-я армия: перед фронтом 15-го стрелкового корпуса в районе Шляховая, Кегичевка, Петровский установлено до двух мотополков пехоты и до 100 танков, т. е. до одной танковой дивизии, которая 24 февраля, видимо, вела разведывательные бои перед фронтом 15-го стрелкового корпуса, и 25 февраля следует ожидать здесь атаки противника в направлении Алексеевское, южнее Кегичевки. Противник сегодня занял группами от 15 до 30 танков следующие населенные пункты: Сахновщина, Константиновка, Чернявщино, Шандровка, район Попасное, Васильевка, Всесвятское… 1-й гвардейский танковый корпус: во второй половине дня противник из района Павлограда нанес удар в направлении Лозовой. Прорвал здесь фронт и распространяется прямо на север… 1-я гвардейская армия: перед 195-й и 44-й дивизиями с юга наступало до одной танковой дивизии (до двух мотополков и до 70 танков), которая наносила главный удар на фронте Доброволье, Александровка… Группа Попова в течение дня отражала сильные атаки противника, которые он вел со стороны Степановки на Андреевку и далее на Барвенково. Здесь наступало до 80 танков с мотопехотой до дивизии с артиллерией. Натиск этого противника сдерживался понесшими большие потери частями 10-го и 18-го корпусов, которые перед этим выдержали ожесточенные атаки в районе Красноармейский Рудник, Криворожье…К вечеру противник ворвался на южную окраину Барвенково…» [261]

Несколькими часами ранее командующий войсками Юго-Западного фронта приказал генералу Попову: «Барвенково удерживать во что бы то ни стало, противника в районе Барвенково разбить и не допустить его выхода на тылы наших войск и на фланг 6-го гвардейского стрелкового корпуса» [262] . Окружение, отсечение и разгром значительных сил 6-й и частично 1-й гвардейской армий, отсутствие у них, а также во фронте резервов и подготовленных оборонительных рубежей в глубине, а в связи с этим невозможность создания сплошного фронта обороны позволили танковым корпусам противника начиная с 24 февраля развивать наступление по направлениям смешанными танковыми и мотопехотными колоннами.

Чтобы повысить темпы наступления, а главное, обеспечить самостоятельность в действиях подвижных соединений, в их колоннах следовали противотанковые орудия на прицепе у танков и бронетранспортеров, а за ними машины с горючим.

Одновременно группы из трех-пяти танков каждая перерезали все идущие на восток дороги, тем самым препятствуя организованному выходу советских частей из окружения. Как отмечалось в докладе штаба артиллерии Юго-Западного фронта «О деятельности артиллерии противника за январь – февраль 1943 года»: «На центральном участке с 22 февраля танковые и моточасти имели большое количество полковой противотанковой артиллерии, которая следовала на прицепе у танков и автомашин. Противник вел артиллерийский огонь главным образом прямой наводкой с открытых огневых позиций. Также в боевых порядках танков действовала самоходная артиллерия. Группы по 3–5 танков и 1–2 самоходных орудия выходили на дороги в тылу наших войск и удерживали их под обстрелом, препятствуя снабжению и маневру наших частей» [263] .

К тому же преимущество противника в подвижности приводило к тому, что отдельные соединения (как, например, 267-я стрелковая дивизия 6-й армии), не успев выйти в районы сосредоточения, вновь попадали в окружение и должны были с боями прорываться из него.

В создавшейся к 25 февраля тяжелой обстановке командующий войсками Юго-Западного фронта решил, наконец, отказаться от дальнейших попыток вести наступательные действия и принял решение о переходе войск правого крыла фронта к обороне. Свое решение генерал-полковник Н.Ф. Ватутин сообщил в докладе Ставке Верховного Главнокомандования. В этом докладе впервые давалась правильная оценка действий противника. В нем говорилось также о тяжелом положении войск. В частности, сообщалось, что войска фронта понесли значительные потери, нуждаются в пополнении. Отмечалось также плохое положение дел с ремонтом танков. Так как все фронтовые ремонтные средства следуют за корпусами, то танки, оставленные в глубоком тылу, ремонтировать некому. Намеченные же для фронта два подвижных ремонтных танковых завода до сих пор на фронт не прибыли. Докладывая Ставке свое решение о переходе к обороне и о тех мерах, которые принимаются для отражения контрнаступления немецких войск, Ватутин просил активизировать действия Южного фронта, ускорить прибытие следовавших в распоряжение Юго-Западного фронта стрелковых дивизий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, направить авиацию Воронежского и Южного фронтов на уничтожение танковой группировки противника, наступавшей против Юго-Западного фронта [264] .

В соответствии с замыслом Ватутина в полосе 6-й армии, где на флангах занимали оборону лишь 15-й стрелковый корпус и

выдвинувшаяся в Лозовую 58-я гвардейская стрелковая дивизия, 50-километровый разрыв, образовавшийся между ними, должны были прикрыть выходившие из окружения сводная кавалерийская дивизия, 4-й гвардейский стрелковый и 1-й гвардейский танковый корпуса. 1-й гвардейской армии и соединениям подвижной группы фронта он приказал удерживать рубеж Старые Близнецы, Барвенково, Черкасская, Славянск.

Наряду с этим командующий войсками фронта уточнил задачи, состав и полосы обороны армий, передав в оперативное подчинение 1-й гвардейской армии подвижную группу фронта и одновременно выведя из ее состава 78-ю стрелковую дивизию в занимаемой ею полосе обороны. Важным мероприятием, которое позволяло упорядочить управление войсками, необходимо признать и создание на этом направлении вспомогательного пункта управления фронта под командованием заместителя командующего генерал-лейтенанта М.М. Попова.

Однако время было безвозвратно упущено, и не замеченная ранее угроза стала перерастать в катастрофу. Создать сплошной фронт обороны в полосе 6-й армии так и не удалось. Не встречая организованного сопротивления в центре оперативного построения армии, противник начал непрерывно атаковать Лозовую, одновременно нанося по ней мощные удары авиацией. В полосе 1-й гвардейской армии основные драматические события развернулись в районе Барвенково.

25 февраля с первых часов боя западнее и восточнее Барвенково враг прорвал оборону сводных отрядов танковых корпусов подвижной группы фронта, 195-й и 44-й гвардейской стрелковых дивизий, некоторые их части рассек и окружил. «Противник, действуя мелкими группами по 10–15 танков, перерезал коммуникации наших частей, нарушил их управление. Все это привело к тому, что в районе Троицкое 1-й и 2-й мотострелковые батальоны 32-й мотострелковой бригады и 10-я лыжная бригада в районе Александровки потеряли 50–60 % личного состава и вооружения и дали возможность выйти танкам противника в район севернее Степановки, чем противник завершил окружение 18-го танкового корпуса», – сообщалось об этих событиях в «Отчете о боевых действиях БТ и МВ фронта за январь – март 1943 года» [265] . В результате гарнизон Барвенково оказался отрезанным от главных сил, более того, возникла угроза его полного окружения.

В 19 часов состоялись переговоры между командующим войсками фронта и командующим 1-й гвардейской армией. В ходе их ведения генерал Кузнецов доложил, что «наши части закрепляются на рубеже Черкасское, Барвенково, Лозовая. Перед

фронтом армии на участке Черкасское, Семеновское действует до двух пехотных дивизий при поддержке 120–150 танков. Наша авиация наблюдала новый подход частей как на барвенковском направлении со стороны Красноармейского, так на краматорском в районе Артемовска». В своем ответе Ватутин обратил внимание на то, что теперь главная задача состоит в том, «чтобы не допустить ни в коем случае прорыва на изюмском и купянском направлениях и разбить противника, удержать фронт Лозовая, Барвенково, Славянск и далее на восток» [266] .

Стремительное наступление противника привело к глубокому рассечению фронта обороны 6-й и 1-й гвардейской армий. Фактически они оборонялись в трех изолированных друг от друга группировках: 15-й стрелковый корпус 6-й армии – на рубеже Рябухино, Лиговка; 58-я гвардейская стрелковая дивизия и части 1-го гвардейского танкового корпуса – в Лозовой; соединения и части 1-й гвардейской армии – в районах Барвенково и Славянска. В разрывах между ними продолжали выходить из окружения 106-я стрелковая бригада, 267-я стрелковая дивизия, соединения и части 4-го гвардейского стрелкового корпуса вместе со сводной кавалерийской дивизией 6-й армии [267] . Вот как отражено их состояние в журнале боевых действий фронта: «35-я гвардейская стрелковая дивизия вышла из окружения и сосредоточилась в районе Рождественского. Имеет в своем составе около 500 человек, 76-мм пушек – 3, 122-мм гаубиц – 3, 37-мм пушек – 2.

41-я гвардейская стрелковая дивизия: 122-й гвардейский стрелковый полк вышел из окружения в составе 50 человек. Остальные части дивизии мелкими группами продолжают выходить и сосредоточиваться в Волвенково…» [268]

В сложившейся обстановке ни командующие армиями, ни командующий войсками фронта не могли оказать реальной помощи сражавшимся войскам. К тому же многие соединения и части не имели связи с вышестоящими штабами. В результате последние не всегда располагали точной информацией о положении и состоянии подчиненных войск. Для того чтобы как-то задержать противника и упорядочить управление отходившими войсками, командование вынуждено было создавать сводные отряды и группы. Невзирая на их принадлежность к тому или иному роду войск и боевое предназначение, они немедленно вводились в бой против наступавших пехоты и танков врага и использовались как стрелковые подразделения. Так, в частности, применялись разведывательные и инженерно-саперные батальоны корпусов и армий, которые в отдельных случаях обеспечивали отход

соединений и частей (например, 370-й инженерно-саперный батальон 6-й армии) [269] .

В полосе 1-й гвардейской армии, ввиду того что боевые порядки ее соединений перемешались с частями подвижной группы, заместитель командующего войсками фронта генерал М.М. Попов вынужден был переподчинять их без учета штатной принадлежности. Так были созданы сводные отряды самого различного состава: из отдельных частей и подразделений стрелковых дивизий, танковой и лыжной стрелковой бригад, танковой бригады и стрелкового полка и т. д. Формирование таких отрядов было обусловлено не только необходимостью восстановить нарушенное управление и взаимодействие, но и закрыть бреши в оперативном построении армии, не допустить паники, исключить беспорядочный отход.

Отсутствие резервов, запаздывание с перегруппировкой дополнительных сил и средств с левого крыла фронта заставили его командующего и командующих армиями использовать местное население, личный состав учебных частей и подразделений обеспечения. Так, для подготовки обороны по левому берегу Северского Донца были привлечены армейские запасные стрелковые полки, курсы младших лейтенантов, полк НКВД, мотоциклетный полк, строительные батальоны, тыловые учреждения и части [270] .

С учетом того, что в ударных группировках немецких войск применялось большое количество танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров, борьба с ними становилась главной задачей оборонявшихся. При этом для уничтожения бронеобъектов противника применялись не только пушечная, но и гаубичная, зенитная и даже реактивная артиллерия. Это являлось отнюдь не исключением, а правилом. Например, приданный оборонявшейся в Лозовой 58-й гвардейской стрелковой дивизии 230-й гаубичный артиллерийский полк был полностью выставлен на открытые огневые позиции для ведения огня прямой наводкой. Как сообщалось в боевом донесении командира 9-й артиллерийской дивизии: «25 февраля 230-й гаубичный артиллерийский полк начальником артиллерии 58-й стрелковой дивизии был целиком поставлен на противотанковую оборону по окраинам города Лозовая как противотанковый дивизион. С 20.00 25 февраля до 16.00 26 февраля полк потерял 12 орудий, подбитых танками» [271] . Согласно приказу командующего 6-й армией генерала Ф.М. Харитонова, передаваемая в его подчинение 3-я зенитная артиллерийская дивизия должна была организовать круговую оборону Лозовой, причем в первую очередь противотанковую, затем противопехотную и, наконец, противовоздушную [272] .

Нередки были и случаи ведения огня по танкам реактивными установками прямой наводкой. Хотя это было и нехарактерно для них, обстановка порой вынуждала идти на такой шаг. Именно так действовал 265-й дивизион 45-го гвардейского минометного полка в районе Барвенково. Одним его залпом было уничтожено пять танков противника, после чего он прекратил наступление на этом направлении. В районе Доброполья залпом 412-го дивизиона (4 установки) была также отражена атака немецких подразделений. Их потери составили пять танков и до десяти автомобилей [273] . Однако отдельные успешные бои не могли оказать определяющего влияния на общий ход событий.

Убедившись, что задержать врага на запланированном рубеже не удается, генерал Ватутин 26 февраля определил новые задачи для 6-й и 1-й гвардейской армий, а также конечные рубежи отхода, попутно приказав их командующим разработать планы удержания ряда последовательных рубежей на подступах к Северскому Донцу [274] . Одновременно он остановил наступление 3-й гвардейской и 5-й танковой армий и приказал им перейти к обороне на достигнутых рубежах.

27 февраля соединения 6-й армии под угрозой полного окружения оставили Лозовую. В эти же дни в районе Барвенково части 1-й гвардейской армии и перешедшей в ее подчинение подвижной группы фронта вели тяжелые бои с 40-м танковым корпусом противника, в котором насчитывалось четыре дивизии. Со стороны советских войск в районе Барвенково действовал сводный отряд весьма ослабленного состава. Командиры входивших в него соединений докладывали 27 февраля генералу Попову: «Гарнизон города Барвенково имеет следующий состав:

1. 38-я стрелковая дивизия пушек не имеет, гаубицы все без горючего и имеют по 10 выстрелов на гаубицу. Противотанковых ружей 115-й и 113-й стрелковые полки не имеют, станковых пулеметов нет, ручных пулеметов нет, минометов 82-мм – 3, минометов 120-мм – нет. Личный состав: 115-й стрелковый полк имеет 150–200, 113-й стрелковый полк – 50–60 человек.

2. 52-я стрелковая дивизия имеет: 9 пушек 76-мм с 0,75 боекомплекта, 10 – 45-мм пушек и к ним 1,5 боекомплекта. Гаубицы все оставлены в прежнем районе обороны (без горючего). Непосредственно в Барвенково имею два стрелковых полка, активных штыков в среднем по 150 в каждом полку. Кроме того, имею 14 минометов 82-мм и 0,25 боекомплекта к ним, 5 минометов 120-мм без мин, станковых пулеметов не имею. О моем 429-м стрелковом полку, находившемся в районе Приволье, Черкасское, сведений не имею. От тылов дивизии отрезан, продовольствием снабжаюсь на месте. Попытка ликвидировать

прорыв в Ново-Павловке совместно с 13-й танковой бригадой успеха не имела, наткнувшись на превосходящие силы противника (до 50 танков с мотопехотой).

3. 13-я гвардейская танковая бригада имеет в своем составе: танков «Т-34» – 11 (из них 4 неисправные), танки «Т-70» – 15 (один из них неисправный), орудий 76-мм – 4 и 45-мм – 1. На все пять орудий одна транспортная машина. Мотострелковый батальон имеет в своем составе 97 активных штыков. Обеспеченность горючего по танкам: «Т-34» – одна заправка на танк, «Т-70» – по 100 литров на танк. Боеприпасов – 1 боекомплект.

Гарнизон Барвенково отрезан от действующих частей как справа, так и слева, а также представляется угроза полного окружения и изоляции наших коммуникаций.

Командир 38-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник Самарин.

Командир 52-й стрелковой дивизии полковник Ванин.

Командир 13-й гвардейской танковой бригады подполковник Баунов» [275] .

Соотношение сил здесь было подавляющим в пользу противника. Несмотря на это, все попытки врага сломить сопротивление оборонявшихся в этом районе частей 1-й гвардейской армии в течение 27 и 28 февраля были безуспешными. Лишь после того, как во второй половине дня 28 февраля вражеские танки ворвались в Барвенково, сводный отряд начал с боями отходить на Изюм. В тот же день советскими войсками был оставлен и Славянск. К исходу дня дивизии 40-го танкового корпуса вышли к Северскому Донцу западнее Изюма.

Стремясь изменить тяжелую обстановку на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов, Ставка Верховного Главнокомандования своей директивой от 28 февраля переподчинила 3-ю танковую армию Юго-Западному фронту [276] . Командующий его войсками в тот же день поставил генералу Рыбалко задачу: «Ударной группой в составе 12-го и 15-го танковых корпусов, 111, 184, 219-й стрелковых дивизий, 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 265, 138, 260-го гаубичных артиллерийских полков, 470-го зенитного артиллерийского полка, 315-го гвардейского минометного полка наступать в общем направлении Мироновка, Петровский, Лозовенька, уничтожить противостоящего противника, нарушить его управление, уничтожить штабы и тылы и к исходу 2 марта выйти в район Протопоповки.

6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу с 201-й отдельной танковой бригадой, 288-м истребительно-

противотанковым артиллерийским полком и 319-м зенитным артиллерийским полком наступать в общем направлении Лиговка, Краснопавловка, Мечибиловка, уничтожить противостоящего противника, его штабы и тылы, нарушить управление и по выполнению задачи выйти в район Грушеваха, Петровская» [277] .

Тем самым 3-я танковая армия должна была нанести удар по флангу наступавшего в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта танкового корпуса СС и разгромить его соединения, вышедшие к Северскому Донцу. Необходимость глубокого обхода противника обусловила то, что задача армии на первом этапе составляла по глубине 70–75 км.

К этому времени в состав армии входили 12-й и 15-й танковые корпуса, 179-я отдельная танковая бригада, 48-я и 62-я гвардейские, 111, 160, 184, 219 и 350-я стрелковые дивизии и 6-й гвардейский кавалерийский корпус с приданной ему 201-й отдельной танковой бригадой. Потери армии за период со 2 по 28 февраля составляли 5804 человек убитыми (в том числе 603 офицера и 1183 человека младшего комсостава), 11 555 человек ранеными (из них 1008 офицеров и 2093 человека младшего комсостава). Общие потери убитыми, ранеными, контуженными, пропавшими без вести, заболевшими, обмороженными и убывшими из состава армии по другим причинам составили 19 258 человек или более 33 % от ее численности на начало операции «Звезда» [278] . Начиная с 14 января на пополнение армии прибыли 22 561 человек рядового и младшего комсостава, в том числе 10 528 из армейского запасного полка, 2574 были поставлены фронтом и 3442 через пункты сбора Харькова, 6017 человек было мобилизовано непосредственно войсковыми частями. Многие из них не имели даже первичной военной подготовки. Так, например, в 12-м танковом корпусе по состоянию на 23 февраля в мотострелковых батальонах танковых бригад имелось в среднем по 50 человек, в 13-й мотострелковой бригаде – всего до 300 мотострелков, «из них не менее 90 % были вновь призванные, неодетые, необученные. Младший начсостав имелся всего на 5 %, средний и старший начсостав на 30 %» [279] .

Танковые соединения ударной группировки армии, в которых насчитывалось всего 69 танков («КВ» – 1, «Т-34» – 50, «Т-70» – 9, «Т-60» – 9), испытывали острый недостаток в горючем и боеприпасах. Они имели от 0,1 до 0,7 заправки автобензина, при этом на складах армии автобензин отсутствовал. Положение с дизтопливом было менее острым: 1,5–2,9 заправки в частях, 4,2 заправки на армейских складах. В тыловой сводке армии

отмечалось, что «28 февраля не вышло в рейс за отсутствием бензина 2-го сорта 33 автомашины» армейских автомобильных батальонов, «в соединениях отсутствует бензин 2-го сорта, что не дает возможности полностью использовать автотранспорт. Войсковой и армейский автотранспорт простаивает, численностью от 30 до 35 % наличия машин. В 6-м гвардейском кавкорпусе по этой же причине не используется 231 машина» [280] . На армейских складах имелось 0,15–0,17 боекомплекта 120-мм мин и 76-мм выстрелов для полковой артиллерии, до одного боекомплекта винтовочных патронов и 76-мм выстрелов для дивизионной артиллерии. 37-мм зенитные выстрелы и 14,5-мм патроны к противотанковым ружьям на складах армии полностью отсутствовали.

Очень остро чувствовался дефицит предметов интендантского снабжения: на момент начала операции личный состав был обут в валенки, «сдав кожаную обувь на хранение и для ремонта в местах прежней дислокации. К моменту оттепели значительная часть личного состава армии не имела кожаной обуви и ходила по воде и грязи в валенках… На 1 марта до 40 000 бойцов и командиров не имели кожаной обуви», – отмечалось в отчете штаба тыла армии [281] .

Вечером 28 февраля 1943 г. командующий армией принял решение силами 48-й гвардейской, 160-й и 350-й стрелковых дивизий перейти к обороне на достигнутых рубежах, а все танковые соединения и 111, 184 и 219-ю стрелковые дивизии объединить в оперативную группу под командованием командира 12-го танкового корпуса генерал-майора Зиньковича.

В течение 1 марта 48-я гвардейская, 160-я и 350-я стрелковые дивизии закреплялись на указанных рубежах, а соединения, выделенные в группу Зиньковича, совершали марш в район сосредоточения. 6-й гвардейский кавалерийский корпус при выходе в назначенный район встретил крупные силы противника и был вынужден перейти к обороне на рубеже южнее Охочее. После этого он так и не смог преодолеть сопротивления врага и как такового участия в планировавшемся контрударе не принял.

К утру 2 марта соединения ударной группировки, ведя в ходе выдвижения бои с противником, сосредоточились в районе Кегичевки; 12-й танковый корпус занимал район Шляховой; 15-й танковый корпус действовал непосредственно в Кегичевке и на протяжении всего дня 1 марта и ночи на 2 марта отражал атаки противника с красноградского направления; 111-я стрелковая дивизия передовыми отрядами заняла оборону в районе Чапаево; 219-я стрелковая дивизия в течение всего дня 1 марта отражала на рубеже Казачий Майдан, Рассоховатое атаки противника с

запада; 184-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся в районе Парасковея, Шляховая, под ударом противника в течение дня 1 марта отошла главными силами в район Ленинский Завод; из выделенных средств усиления к утру 2 марта в районе Шляховой находились только 265-й и 138-й гаубичные артиллерийские полки.

Таким образом, сосредоточить ударную группу к назначенному времени начала наступления не удалось. Вышедшие же в район сосредоточения части практически не имели горючего и боеприпасов: 111, 184, 219-я стрелковые дивизии, 138-й и 265-й гаубичные полки не располагали бензином вовсе; 12-й танковый корпус имел одну заправку для боевых и 0,1–0,5 заправки для вспомогательных машин; 15-й танковый корпус располагал одной заправкой для танков и 1,25 заправками для автомашин; истребительно-противотанковые полки и полк ПВО «имели 0,25 заправки горючего в некоторых машинах, а часть машин стояла с пустыми баками». Соединения ударной группы имели от 0,6 до 1 боекомплекта к стрелковому оружию и 1 боекомплект к танковому вооружению. Гаубичные артполки имели 0,2–0,4, а истребительно-противотанковые полки – 0,5 боекомплекта. Командиры соединений докладывали, что подвоз боеприпасов невозможен из-за отсутствия горючего. Утром в штаб 12-го танкового корпуса поступила шифровка начальника штаба 3-й танковой армии о направлении горючего для группы Зиньковича в Староверовку, куда были высланы представители соединений с целью скорейшей доставки топлива в Шляховую.

Тем временем соединения группы подвергались атакам подразделений танковых дивизий СС «Рейх» и «Адольф Гитлер». К 16 часам они обошли группу Зиньковича с флангов, потеснили 350-ю стрелковую дивизию с занимаемого ею рубежа и тем самым замкнули кольцо окружения и перерезали все пути подвоза контрударной группировки армии. Колонна с предназначавшимся для нее горючим была атакована противником на дороге Староверовка – Шляховая и частично уничтожена, частично вернулась в Староверовку.

В 21 час 25 минут 2 марта командиром группы в штаб армии было направлено донесение: «Еще раз докладываю, ГСМ совершенно нет. Вся артиллерия и малые танки стоят. Доставить колесным транспортом невозможно. Дорога Медведовка, Шляховая противником отрезана. Без обеспечения горючего перейти в наступление нельзя. Противник ведет с утра наступление из Павловки, Краснополья. Обеспечение горючим во всех соединениях тяжелое. Прошу подать горючего первого и второго сорта». В ходе радиообмена генерал Зинькович доложил

командарму свое мнение: «Считаю наиболее целесообразным идти на присоединение к своим войскам». Около 22 часов 2 марта была получен приказ из штаба армии, в котором разрешалось под покровом темноты оторваться от противника и выйти в район Тарановка, Рябухино, Охочее [282] .

Командир группы принял решение осуществить прорыв из окружения двумя колоннами: правая – 15-й танковый корпус с 138-м гаубичным артиллерийским полком должен был двигаться по маршруту Шляховая, Ленинский Завод, Лозовая, Охочее; левая – 12-й танковый корпус с 265-м гаубичным артиллерийским полком имел задачу выдвигаться по маршруту Ленинский Завод, Лозовая, Парасковея, Рябухино. Отход танковых корпусов должны были прикрывать стрелковые дивизии. Машины, не имеющие горючего, и артиллерию приказывалось «буксировать всеми имеющимися средствами и способами, главным образом танками. Ненужное для боя имущество и отстающие машины уничтожить».

Дальнейшие события в полосе ударной группы армии отражены в ее отчете по итогам операции: «Противнику удалось сильным артминометным огнем вывести из строя большое количество автомашин и орудий частей группы. Большое количество автомашин, орудий и несколько танков были уничтожены в пути движения из-за отсутствия горючего. Попытка буксировать орудия и автомашины за танками не увенчалась успехом, так как глубокий снежный покров и целый ряд глубоких балок с крутыми подъемами не давал возможности двигаться ввиду перегревов моторов. Радиостанции соединений прекратили работу после первого боя с противником, так как часть из них была выведена из строя полным уничтожением, а часть имела повреждения. Попытки установить связь с соединениями группы через офицеров связи на танках также успеха не имели» [283] .

К утру 5 марта соединения группы Зиньковича основными силами вышли к рубежу обороны армии в районе Охочее, Рябухино. «Части потеряли в основном материальную часть транспортных машин и тяжелое оружие. Соединения и части, вышедшие из боя, были небоеспособны и нуждались в доукомплектовании, для чего решением командарма были выведены в войсковой тыл, где и занялись приведением себя в порядок», – отмечалось в том же отчете. Из 26 исправных танков 12-го танкового корпуса, имевшихся на момент формирования группы, к своим войскам вышло 13 машин (1 КВ, 10 Т-34 и 2 малых танка). Из 25 исправных танков 15-го танкового корпуса к своим войскам не вышел ни один. Командир 15-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск Копцов, который был удостоен этого звания еще за бои в

Испании, погиб в бою при прорыве из окружения. При этом утверждения авторов ряда трудов о том, что танкисты сумели вывезти и захоронить тело командира корпуса, как показали исследования последних лет, являются неверными.

О том, что же произошло на самом деле, свидетельствуют материалы назначенного по факту гибели комкора расследования: «3 марта 1943 г. года генерал-майор Копцов, руководивший отходом частей корпуса из района деревень Шляховая, Кегичевка, был ранен в правую ногу осколком разорвавшейся мины. Раненый Копцов был уложен в санитарную автомашину. Уход за ним осуществлялся военфельдшером роты управления корпуса Бубновой. Санитарная машина, в которой находился Копцов, была прицеплена к одному из трех выходивших из боя танков Т-34 частей танкового корпуса. На головном танке следовал заместитель командира 88-й танковой бригады подполковник Трушин. Вслед за первым танком двигался танк, буксировавший санитарную автомашину с раненым генерал-майором. Третий танк следовал в 100–150 м справа… У хутора им. Шевченко (4 км восточнее деревни Пар. Шляховая) третий танк отстал… В районе между хутором им. Шевченко и хутором Новый Свет санитарная машина с раненым генерал-майором была обстреляна, вследствие чего генерал-майор был перенесен в танк… В районе хутора Новый Свет танк потерпел аварию. Генерал-майор Копцов был вынесен из танка уже мертвым. Причины смерти установить не удалось. Предположительно, разрыв сердца (из показаний военфельдшера Бубновой). Тело Копцова было уложено в сани с упряжкой лошадей. В сопровождении ординарца генерала – старшего сержанта Юдина и старшего сержанта Сербина сани продолжали движение… В районе станции Лихачево военфельдшер Бубнова, вследствие темноты, потеряла из виду сани с телом генерала… До сего времени единственные сопровождающие генерал-майора – ординарец старший сержант Юдин и старший сержант Сербин не возвратились. Вследствие этого вопрос о местонахождении тела генерал-майора Копцова и дальнейшей его судьбе остается невыясненным» (из донесения № 0290 от 5 апреля 1943 г. Военному совету 3-й танковой армии, подписал врид командира корпуса подполковник А.Б. Лозовский. Основание: ЦАМО РФ. Ф. 3 ТА. Оп. 4453. Д. 2. С. 294–94об.). Таким образом, можно сделать вывод, что на основании материалов расследования генерал-майор Копцов должен был числиться пропавшим без вести.

Судьба погибшего генерала была выяснена в конце войны, когда был освобожден из плена его ординарец – Юдин. Так, в одной из учетно-послужных карт на В.А. Копцова имеется запись

следующего содержания: «Адъютант командира 15-го танкового корпуса… старший сержант Юдин сообщил, что 29 марта 1943 г. во время боев корпуса в районе западнее Харькова Копцов был смертельно ранен и после попытки выйти из окружения 2.4.43 (приведенные даты, по всей видимости, ошибочны. – *Авт* .) был захвачен немцами вместе с Юдиным во время сна в плен. Через несколько часов после пленения Копцов умер и похоронен южнее села Красный Совхоз Алексеевского района Харьковской области по левую сторону дороги (вх. № 305 от 11.01.1945 г.)» [284] . Значит, захоронение его тела в поселке городского типа Первомайский Первомайского района Харьковской области, как это указано в учетно-послужных документах, состоялось уже после войны.

С выводом остатков 12-го и 15-го танковых корпусов в тыл танковые соединения армии были представлены только 19 танками «Т-34» 12-го танкового корпуса и 13 танками «Т-34» 15-го танкового корпуса (всего 32 танка), объединенных под общим командованием командира 195-й танковой бригады 15-го танкового корпуса в районе Новой Водолаги (бригада комплектовалась восстановленными после боевых повреждений и технических неисправностей танками), и 18 танками «Т-34» и 4 малыми танками 179-й отдельной танковой бригады, оборонявшейся в районе Тарановки [285] . Армия фактически утратила возможность вести активные наступательные действия и с 24 часов 3 марта была передана из состава Юго-Западного фронта вновь в состав Воронежского фронта, имея задачей не допустить прорыва противника в Харьков.

С 27 февраля по 3 марта войска правого крыла Юго-Западного фронта под ударами противника отошли за Северский Донец, заняв оборону по его левому берегу на рубеже Змиев, Изюм, Красный Лиман. Непрерывные бои с превосходящими силами врага, зачастую в окружении, в отрыве от основных войск и в условиях отхода требовали от солдат и офицеров огромного напряжения моральных и физических сил. И все же противнику не удалось превратить отход советских войск в беспорядочное бегство. Везде, где только позволяла обстановка, ему оказывалось упорное сопротивление. Примером этого служат, в частности, боевые действия 25-го танкового корпуса. После того как корпус был отрезан от главных сил фронта, он в полдень 24 февраля получил приказ генерала Ватутина на отход в направлении на Балаклею и сосредоточение в районе Орелька, Артельная, Краснопавловка.

Командир корпуса генерал П.П. Павлов решил вывести его в лес восточнее Нового Поселка, осуществляя в дальнейшем выход

из окружения ночными переходами. Поскольку радиосвязь со 111-й танковой бригадой была нарушена, в район ее боевых действий был направлен офицер штаба. С наступлением темноты корпус, имея в своем составе 40 танков и 20 бронемашин, начал выдвижение на Волчью-Васильевку к переправам на р. Волчья.

В ночь на 26 февраля, переправившись через Волчью, главные силы корпуса рассредоточились в лесах западнее Новой Дачи. Как только наступил рассвет, в небе появились вражеские бомбардировщики. Они нанесли сильный удар по району сосредоточения танкистов, а спустя час с востока подошла колонна танков противника с мотопехотой. Развернувшись в боевой порядок, они атаковали боевое охранение 162-й танковой бригады. Завязался бой, в котором отличился командир роты старший лейтенант В.Л. Лев. В его подчинении осталось три танка. Прикрывая огнем друг друга, используя естественные укрытия, экипажи боевых машин умело вели огневой бой и подбили пять вражеских танков. В тот же день противник атаковал подразделения 111-й танковой бригады у села Зеленый Яр. Почти сутки шел бой танкистов с врагом на восточной окраине села. Было уничтожено 40 солдат противника, подбит один танк. Ночью подразделения бригады отошли на Лукашево.

С тяжелыми боями, неся потери, корпус отходил на восток. Были ранены генерал П.П. Павлов, подполковник К. К. Степанов, майоры В.Г. Кизюп, Д.Х. Корсупский, старший батальонный комиссар А.Д. Самко, погибли многие командиры подразделений, политработники, бойцы и младшие командиры [286] .

В полдень 28 февраля к селу Ново-Васильевка подошла боковая походная застава – три танка 102-й бригады во главе с лейтенантом В.М. Завьяловым. Противник бежал из села. Танкисты замаскировали машины и разместились в школе. Неожиданно в село ворвался вражеский бронетранспортер. Первым его увидел подросток Саша Тищенко. Он побежал к школе и предупредил танкистов. Огнем из засады бронетранспортер с пехотой был уничтожен. Вечером танки отошли к селу Поды.

Тогда же выделенный от корпуса разведывательный отряд в составе мотострелковой роты, усиленной двумя танками, был вынужден принять бой с противником на железнодорожном переезде близ села Тарасовка. Бой продолжался несколько часов. Колонна противника отошла на Монастырку. С наступлением темноты главные силы корпуса вышли к Терны – небольшому селу на берегу реки Орельки (49 км северо-восточнее Павлограда). Начало светать, когда над районом его сосредоточения появились вражеские самолеты. Они нанесли

бомбовый удар по селу и прилегавшему к нему лесу. Генералу Павлову доложили, что, по сведениям разведки, противник тремя колоннами мотопехоты силой до батальона каждая подходит к селу с северо-востока и юго-запада. По приказу генерала корпус занял круговую оборону. Новый заход сделала вражеская авиация. Осколком бомбы был вторично ранен командир корпуса. Погиб начальник штаба полковник Н.П. Васютин. Вышел из строя узел связи. Одновременно противник открыл сильный минометный огонь. Спешившись с бронетранспортеров, пехота атаковала подразделения корпуса.

Образовалось несколько очагов боя. Севернее Терны командир 175-й танковой бригады подполковник К.К. Степанов повел подчиненных в рукопашную. Он был ранен. Группу бойцов возглавил начальник политотдела майор В.Г. Кизюн. Другая группа (до 25 человек) под командованием заместителя командира одного из батальонов по политчасти майора Я.Г. Зуева, уничтожив до взвода противника, под прикрытием двух танков ушла в лес севернее села, где, заняв оборону, продолжала вести бой с наседавшим пехотинцами до позднего вечера. Еще одна группа бригады, в которую вошли подразделения обеспечения и обслуживания, оборонялась, заняв позиции на окраине села. Ее возглавлял начальник разведки бригады капитан П.Е. Тюрин. В схватке с противником он подбил бронеавтомобиль связкой гранат и уничтожил пять вражеских солдат огнем из автомата. В этом бою капитан Тюрин погиб.

К востоку от села Терны вела бой 162-я танковая бригада. Отражая вражеские атаки, воины бригады трижды переходили в контратаку. В одной из них погибли полковник Б.С. Благонравов, почти все офицеры штаба. Последующие боевые действия возглавили заместитель командира бригады по политической части подполковник К.И. Акулич и начальник штаба бригады майор А.Е. Каприльянс. Противнику так и не удалось рассечь бригаду. С наступлением сумерек подполковник Акулич дал команду на отход в лес.

Тяжелый бой вела 111-я танковая бригада, занявшая оборону по левому берегу реки Орелька. Открытая местность облегчала авиации противника прицельное бомбометание. Лишь воронки от авиабомб служили укрытием от интенсивного минометного огня. Был тяжело ранен командир бригады подполковник М.С. Бондаренко. В командование бригады вступил начальник штаба майор А. И. Мандель. Погиб, возглавляя одну из контратак, начальник политотдела бригады майор Д.Х. Корсунский. В полдень повел бойцов бригады в новую контратаку заместитель командира бригады по политической части майор А.И. Кравченко.

Противник дрогнул. Контратакующая группа устремилась на соединение с 16-й мотострелковой бригадой и влилась в ее ряды. Вскоре к ним присоединилась группа бойцов, возглавляемая лейтенантом Кузнецовым, помощником заместителя командира 111-й танковой бригады по технической части.

Умело организовал оборону командир 16-й мотострелковой бригады полковник М.П. Сорокин. Противник шел в атаку плотным строем. По приказу командира бригады бойцы встретили врага залповым огнем. Спустя час на бригаду обрушился огонь минометов. Затем нанесла удар авиация. И вновь вражеская атака была отражена. С наступлением темноты бригада, разделившись на два отряда по 120–130 человек, начала отходить на северо-восток. Одну группу возглавил комбриг, другую – его заместитель по политчасти старший батальонный комиссар А.Д. Самко [287] .

Ночь на 2 марта позволила уточнить обстановку и положение корпуса. В командование им вступил заместитель командира по политчасти подполковник А.И. Стебловцев. Он отдал приказ о выходе частей из окружения в направлении Балаклея, Изюм. Генерала Павлова и нескольких раненых командиров штаба корпуса перенесли в село Повеково, организовав охрану.

10 марта в расположение 6-й армии вышла группа воинов (50 человек) 162-й танковой бригады под командованием подполковника К.И. Акулича. Он сообщил о местонахождении штаба корпуса. В тот же день командующий 6-й армией генерал Ф. М. Харитонов выслал за генералом Павловым самолет По-2, который благополучно приземлился близ села Повеково. Комкор распорядился в первую очередь увезти раненого начальника особого отдела. Летчик доставил на аэродром раненого и снова вылетел в село. Генерал вновь уступил место – теперь тяжелораненому лейтенанту В. Козлову. Когда летчик прилетел в третий раз, сельская учительница, в доме которой спрятали генерала Павлова, сообщила ему трагическую весть – немцы схватили командира корпуса и увезли в Павлоград.

В плену генерал Павлов содержался в г. Хаммельсбург и Флёссенбургском концлагере. В конце апреля 1945 г. освобожден американскими войсками, после чего был направлен на сборно-пересыльный пункт репатриированных 1-го Украинского фронта. После этого Павлов проходил специальную проверку в органах НКВД, затем был восстановлен в кадрах Красной Армии, после чего в марте 1946 г. зачислен слушателем Высших академических курсов при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Уволен в запас в 1950 г. в звании генерал-майора.

Всю первую половину марта соединения корпуса с боями

выходили из окружения. Танкисты 175-й танковой бригады вышли двумя группами. Одну возглавлял начальник политотдела майор В.Г. Кизюн, другую – майор И.Г. Зуев. Организованно вышла на соединение с 35-й стрелковой дивизией 6-й армии 16-я мотострелковая бригада во главе с полковником М.П. Сорокиным, насчитывавшая в строю 250 бойцов. К ней присоединились около 100 воинов 162-й танковой бригады. Почти в полном составе вышел из окружения личный состав 2-го танкового батальона 111-й танковой бригады под командованием старшего лейтенанта Л.М. Романова. Вскоре в расположении армии появилась еще одна группа – 80 бойцов и командиров в основном тыловых подразделений корпуса [288] . Из 156 имевшихся к 19 февраля танков из-за отсутствия горючего не удалось отвести в новые районы сосредоточения ни одной боевой машины. Большинство из них пришлось подорвать.

При отходе к р. Северский Донец большинство стрелковых дивизий 6-й и 1-й гвардейской армий, соединений подвижной группы фронта в полном составе или частью сил действовали в окружении. Многие части и соединения, ввиду значительных потерь в личном составе и технике, фактически потеряли боеспособность и выходили на новые оборонительные рубежи отдельными группами. О сложности и трагизме их положения говорят следующие данные: по состоянию на 1–3 марта 1943 г. 172-я стрелковая дивизия 6-й армии насчитывала менее 1500 человек и всего 8 орудий [289] , а 267-я стрелковая дивизия этой же армии (два стрелковых и артиллерийский полки) имела 1295 человек и 13 орудий. Погибли начальник штаба дивизии, три начальника штаба полка. В 6-й стрелковой дивизии были убиты начальник оперативного отделения, два командира полка, один начальник штаба полка [290] .

Еще в более трудном положении оказались соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса. В 35-й гвардейской стрелковой дивизии из окружения вышли около 500 человек с пятью орудиями, а в 41-й и 58-й гвардейских стрелковых дивизиях артиллерия была уничтожена полностью [291] . В полосе 1-й гвардейской армии 38-я гвардейская стрелковая дивизия имела всего три орудия. Были убиты командир и начальник штаба дивизии, а 52-я стрелковая дивизия за неделю потеряла 1645 человек, 24 орудия и 22 миномета. К 3 марта 1943 г. она насчитывала 1427 человек и два 76-мм орудия. В 195-й стрелковой дивизии осталось только одно орудие дивизионной артиллерии [292] . Несомненно, что успешно отражать удары противника такими силами было невозможно. К тому же выдвижение резервов из полос 3-й гвардейской и 5-й танковой

армий задерживалось. Поэтому главная задача фронта заключалась в подготовке обороны по р. Северский Донец.

Таким образом, боевые действия, развернувшиеся в Донбассе во второй половине февраля 1943 г., закончились крайне неудачно: войска Юго-Западного фронта вынуждены были отойти на 100–120 км, а противник не только вновь захватил территорию северной части Донбасса общей площадью более 15 тыс. кв. км, но и восстановил важные коммуникации, ведущие от Запорожья и Днепропетровска к Северскому Донцу. Немецкое командование, оставив на Северском Донце перед войсками правого крыла Юго-Западного фронта силы пехотных дивизий, основную массу своих войск перегруппировало в район юго-западнее Харькова и перенесло боевые действия в полосу Воронежского фронта.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, соединения которой успешно осуществили в Донбассе первый этап немецкого контрнаступления, в своей книге «Утерянные победы» с достаточной степенью объективности оценивает его результаты и характеризует состав подвергшейся, по существу, разгрому группировки советских войск. Он пишет: «2 марта группа могла уже выявить результаты своего первого контрудара, проведенного ею силами 4-й танковой армии и левым флангом 1-й танковой армии по группировке противника, расположенной между Донцом и Днепром. В результате этого удара, а также в результате успешной обороны группы Голлидта на Миусе, вражеские армии Юго-Западного фронта были настолько сильно потрепаны, что уже не были способны к наступлению. Особенно ослаб натиск частей противника, наступавших на левый фланг 1-й танковой армии и в стык между нею и группой Кемпфа: 6-я армия противника, группа Попова, действовавшая у Гришино, и 1-я гвардейская армия. Можно было полагать, что мы уничтожили 25-й тк и три стрелковые дивизии, разгромили 3-й тк и 4-й гвардейский тк, одну отдельную танковую бригаду, одну механизированную бригаду, одну стрелковую дивизию и одну лыжную бригаду. Значительные потери понесли 1-й гвардейский тк, 18-й тк, шесть стрелковых дивизий и 2 лыжные бригады.

По донесениям наших войск, противник в этой битве между Донцом и Днепром потерял 23 000 убитыми. Мы захватили 615 танков, 354 орудия, 69 зенитных орудий и большое количество пулеметов и минометов. Пленных же было мало – 9000. Это объясняется тем, что наши войска, в основном танковые дивизии, не в состоянии создать плотное кольцо вокруг противника. Холод заставлял – особенно ночью – располагаться в населенных пунктах и вокруг них, так что для солдат противника и его

частей, бросивших свои машины, было достаточно пространства для выхода из окружения. Но нам не удалось перерезать Донец в тылу противника, так как река все еще была скована льдом и ее легко преодолевали солдаты с легким оружием» [293] .

Однако численные оценки Манштейна далеки от объективности. Как правило, в послевоенных мемуарах каждая сторона преувеличивала потери противника и явно занижала или скрывала свои. Взять хотя бы приведенное Манштейном число захваченных советских танков – 615. Вне всякого сомнения, что в условиях отхода соединения Юго-Западного фронта не смогли вывести из окружения оставшиеся без горючего боевые машины – часть из них была уничтожена, другая часть – захвачена противником. Он захватил также танки, которые были выведены полностью или частично из строя артиллерийским огнем и бомбовыми ударами и не были эвакуированы ремонтными бригадами в тыл. Следовательно, немецким войскам достались практически не боеготовые машины, большинство из которых восстановить для дальнейшего использования было крайне затруднительно или даже невозможно. К тому же к началу немецкого контрнаступления, 19 февраля 1943 г., на правом крыле Юго-Западного фронта действовало 356 танков. Перебрасывавшиеся с левого крыла фронта танковые соединения к моменту отхода 6-й и 1-й гвардейской армий за Северский Донец еще не вышли в районы своего боевого предназначения и участия в сражении, по сути, не приняли. Поступавшее в двадцатых числах февраля пополнение в боевых машинах было незначительным, и даже с его учетом общее количество танков не достигало приведенной Манштейном цифры.

С другой стороны, в советской послевоенной историографии при оценке группировки противника, предназначенной для перехода в контрнаступление, утверждалось, что в ней насчитывалось 900 танков. Давалась эта цифра на основании докладов разведывательного отдела Юго-Западного фронта и командующего его войсками генерал-полковника Н.Ф. Ватутина. Но им-то, после докладов об «отходящих за Днепр колоннах противника», неверной его оценки и переоценки возможностей своих войск, требовалось хоть как-то реабилитироваться. Незапланированный отход, вместо успешного наступления, можно было оправдать только подавляющим превосходством врага. Отсюда и ничем не обоснованная цифра – 900 танков. Между тем в шести немецких танковых дивизиях, которые, за исключением дивизии «Мертвая голова», принимали до этого активное участие в боевых действиях против советских войск и несли при этом потери, такого количества танков не могло быть,

даже если бы они были укомплектованы в соответствии со штатным расписанием.

В целом в боевых действиях сторон в Донбассе в феврале 1943 г. имелось много важных, поучительных моментов, проявлявшихся как в искусстве подготовки и ведения контрнаступления, так и в попытках решения проблемы осуществления вынужденного перехода от наступления к обороне в сложной быстроменяющейся обстановке. Так, в основе замысла немецкого командования на контрнаступление в Донбассе и впоследствии на харьковском направлении лежало нанесение сильного первоначального удара по главной группировке советских войск, продолжавшей наступление к Днепру. При этом активные боевые действия противника в полосах правого крыла Юго-Западного фронта и его армий начинались с внезапных ударов его войск, которые переходили в наступление без оперативной паузы, не завершив полностью сосредоточения ударных группировок, с ходу. Такой переход врага в контрнаступление обусловил возникновение встречных боев советских соединений и частей с передовыми отрядами и авангардами противника; отсечение и окружение в короткие сроки части сил и средств; нарушение взаимодействия и управления и перемешивание боевых порядков стрелковых (танковых) корпусов, дивизий и полков.

С учетом того, что соединения и части 6-й и 1-й гвардейской армий, а также подвижной группы фронта, исходя из характера их действий (продолжали наступление, совершали марш, переходили к обороне, но еще не успели закрепиться), не были готовы к отражению ударов противника, ему удавалось в короткие сроки овладеть инициативой на избранных направлениях и резко изменить соотношение сил и средств на них в свою пользу. Применяя в первом эшелоне ударных группировок преимущественно подвижные соединения, немецкие войска, используя их высокие ударные и маневренные возможности, с ходу вступали во встречные бои с соединениями и частями советских войск и вынуждали их к занятию обороны на невыгодных для них рубежах либо выходили на их фланги и тылы, перерезали коммуникации, отсекали дивизии и полки от главных сил армий и заставляли их вести боевые действия в окружении. Все это отрицательно сказалось на последующем развитии событий в полосах обороны не только армий, но и в целом правого крыла Юго-Западного фронта.

Недостаточное количество артиллерии, широкие полосы, занимаемые стрелковыми дивизиями при переходе к обороне, и, как следствие, низкие плотности противотанкового огня не

позволяли отразить атаки вражеских танков, несмотря на наносимые им при этом потери. В результате этого противник в короткие сроки преодолевал спешно создаваемый передний край обороны, уничтожал орудия противотанковой и полевой артиллерии и, развивая наступление в глубину, окружал стрелковые и артиллерийские подразделения и части, выходил на позиции дивизионной и приданной артиллерии, которая оставалась без пехотного прикрытия.

Положение усугублялось также и тем, что в такой обстановке многие артиллерийские подразделения и части вынуждены были вступать в бой с танками с ходу. Их развертывание для боя проходило под воздействием противника, на открытой местности и не подготовленных в инженерном отношении рубежах, что не позволяло в необходимой мере организовать их огонь в единую систему. Все это отрицательно сказывалось на эффективности огневого поражения врага и приводило к потере значительной части штатной и приданной артиллерии стрелковых полков и дивизий.

Противотанковая оборона характеризовалась: ее организацией в тактическом звене; небольшой глубиной эшелонирования средств поражения; децентрализованным применением противотанковой артиллерии; ее равномерным распределением между частями и подразделениями первого эшелона и рассредоточением истребительно-противотанковых артиллерийских полков и дивизионов на широком фронте; привлечением пушечной, гаубичной и реактивной артиллерии для выполнения несвойственных им задач; незначительной ролью огня с закрытых огневых позиций в борьбе с бронеобъектами противника; отсутствием сильных противотанковых резервов и подвижных отрядов заграждений.

При этом наиболее существенным фактором, который отрицательно сказывался на устойчивости обороны, следует признать равномерное распределение противотанковой артиллерии по всему фронту, что при действиях соединений и частей в широких полосах приводило к линейному расположению орудий и не позволяло создать необходимую глубину противотанковой обороны. Такое распределение орудий имело место не только в войсковой противотанковой артиллерии, но и при боевом применении истребительно-противотанковых артиллерийских полков и бригад, которые в этих случаях нередко использовались децентрализованно.

Анализ указаний, докладов и отчетов штаба артиллерии Юго-Западного фронта по боевому применению артиллерии свидетельствует, что в отдельных случаях истребительно-

противотанковые артиллерийские полки (иптап) распределялись между стрелковыми ротами и взводами повзводно и даже поорудийно. При этом они были вынуждены занимать оборону на фронте от 6–8 до 40–50 км. Естественно, что такое распыление противотанковой артиллерии не позволяло сосредоточить ее усилия на танкоопасных направлениях и создать глубину противотанковой обороны.

Попытки применения командующими армиями, командирами корпусов и дивизий выдвигавшихся из глубины резервов для разгрома перешедшего в наступления противника, как правило, были необоснованными, не отвечали складывавшейся обстановке и заканчивались тем, что эти резервы, вступая в бой с ходу, несли при этом значительные потери в живой силе и технике и, по существу, теряли боеспособность (например, 244-я стрелковая дивизия).

После нанесения первых ударов немецкое командование стремилось развить успех путем наступления танковых (моторизованных) соединений по направлениям в высоком темпе. С учетом отсутствия подготовленных оборонительных рубежей в глубине и незавершенностью создания резервов это создавало реальную угрозу глубокого рассечения советских армий и позволяло противнику завершить разгром их группировок по частям.

В целом боевые действия в полосах Юго-Западного фронта, его 1-й гвардейской и особенно 6-й армии характеризовались высокими темпами наступления противника и вынужденным отходом их соединений на большое расстояние в короткие сроки. Основными причинами этого являлись: отсутствие необходимого количества сил и средств для создания сплошного фронта обороны в глубине и, как следствие, очаговый ее характер; упреждение противником советских соединений и частей в выходе на запланированные рубежи обороны; нарушение управления штабами армии подчиненными силами и средствами и недостаточная устойчивость войск в обороне.

Сложившаяся на правом крыле Юго-Западного фронта обстановка предоставляла немецким войскам широкие возможности в выборе различных способов завершения разгрома группировок 6-й и 1-й гвардейской армий. Боевые действия врага в оперативной глубине характеризовались широким маневром танковых и моторизованных соединений, осуществлением преследования отходивших соединений и частей и ведением наступления смешанными танковыми и мотопехотными колоннами по направлениям, применением обходов и охватов отдельных узлов сопротивления. В то же время противник,

встречая на некоторых направлениях упорное сопротивление, наносил при необходимости сильные фронтальные удары с целью глубокого рассечения оборонявшихся войск и их разгрома по частям.

Оборона советских войск на промежуточных рубежах отхода носила локальный характер и основывалась лишь на отдельных узлах сопротивления. Противник преодолевал их с ходу передовыми отрядами, зачастую даже не вводя в сражение главные силы, которые вели наступление в колоннах. Это было обусловлено очаговым характером обороны, наличием незанятых войсками промежутков в оперативном построении армий и боевых порядках дивизий и полков, большими потерями соединений в личном составе и артиллерии, слабостью противотанковой обороны, потерей управления в звеньях армия – дивизия и дивизия – полк.

Для советской историографии было характерно отрицание оценок, даваемых «битыми немецкими генералами» событиям на советско-германском фронте. Но полагаю, что с оценкой этих событий, данной Манштейном, трудно будет не согласиться даже ей: «… После успешного прорыва фронта венгерской армии, создавшего брешь на немецком фронте от Донца до Воронежа, советское командование не смогло организовать быстрый и достаточно сильный прорыв на решающем направлении, а именно к переправам через Днепр. Вместо того чтобы бросить все силы для достижения этого успеха и удовлетвориться прикрытием наступления с запада одной сосредоточенной ударной группой, оно распыляло свои силы, нанося удары в разных направлениях – через Курск на Ахтырку, Полтаву, на Днепр и по рубежу Донца на участке Славянск, Лисичанск, Ворошиловград. Этим оно дало возможность немецкому командованию создать, в конце концов, превосходящие силы на решающих участках благодаря переброске сил… и получению подкреплений» [294] .

Итог хочется подвести словами генерала армии С.М. Штеменко: «До сих пор остается загадкой, как это Ватутин – человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было еще очень далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы. Они делали все, чтобы вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную под Сталинградом» [295] .

Глава 8 Харьковская оборонительная операция

После разгрома главных сил правого крыла Юго-Западного фронта немецкое командование приступило к дальнейшей реализации плана своего контрнаступления. Начатое в Донбассе, оно должно было получить свое развитие на харьковском направлении. Замысел командующего группой армий «Юг» Манштейна заключался в том, чтобы после вытеснения войск Юго-Западного фронта за Северский Донец перегруппировать главные силы 4-й танковой армии в район юго-западнее Харькова, нанести мощный удар по войскам Воронежского фронта и овладеть Харьковом и Белгородом. В последующем развивать наступление во взаимодействии со 2-й танковой армией и овладеть Курском. Как отмечал сам Манштейн: «После того как в результате победы между Донцом и Днепром инициатива вновь оказалась в наших руках, группа согласно приказу, отданному еще 28 февраля, начала наступление на Воронежский фронт противника, то есть на его войска, расположенные в районе Харькова. Мы намеревались нанести удар по южному флангу противника, чтобы потеснить его с юга, или – если это окажется возможным – позже ударить ему в тыл с востока». И хотя Манштейн пишет, что «наша цель была не овладение Харьковом, а разгром и по возможности уничтожение расположенных там частей противника» [296] , он не мог не учитывать настоятельного требования Гитлера вновь захватить город.

По состоянию на 1 марта 1943 г., разведывательными органами Воронежского фронта и его армий было установлено действие частей тринадцати пехотных (327, 88, 82, 340, 377, 68, 57, 75, 323, 255, 168, 167, 320-я) и одной танковой (СС «Адольф Гитлер») дивизий [297] . Кроме того, по оценке разведывательного отдела 3-й танковой армии, перед фронтом ее обороны было развернуто 300–320 танков противника (танковые дивизии СС «Мертвая голова» и «Рейх», соединения 48-го танкового корпуса) [298] .

Следует отметить, что командующий войсками фронта и его штаб располагали относительно полными данными о группировке противостоявших немецких войск. Обмен информацией с Юго-Западным фронтом позволял сделать вывод о том, что основные усилия 4-й немецкой танковой армии (танковый корпус СС и 48-й танковый корпус) сосредоточиваются для удара по левому крылу Воронежского фронта. Всего противник развернул здесь (полосы

40, 69 и 3-й танковой армий) до десяти пехотных, одну моторизованную и пять танковых дивизий. Эта группировка насчитывала, по оценкам советской стороны, в своем составе 560–580 танков. Поддержку наземных войск должна была осуществлять авиационная группировка, насчитывавшая 500–550 самолетов.

К началу марта 1943 г. Воронежский фронт имел в своем составе 22 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, один танковый корпус, 11 танковых бригад и 3 танковых полка, 39 артиллерийских полков различного назначения, 7 минометных полков, части гвардейских минометов (4 бригады и 6 полков). Всего в группировке войск насчитывалось 3471 орудие и миномет, в том числе 916 орудий противотанковой артиллерии, 207 зенитных орудий, 172 танка. При наличии таких сил и средств фронт, действуя в полосе 327 км, мог создать следующие оперативные плотности: 12,1 км на стрелковую (кавалерийскую) дивизию; 10,6 орудий и минометов, 2,8 орудий противотанковой артиллерии, 0,6 зенитных орудий и 0,5 танков на 1 км фронта.

Из общего количества соединений и частей во фронте непосредственно на его левом крыле в полосе 219 км действовали 16 стрелковых и кавалерийских дивизий, один танковый корпус, 8 танковых бригад, 2 танковых полка, 27 артиллерийских полков различного назначения. Эта группировка насчитывала 2157 орудий и минометов (9,8 на 1 км фронта), в том числе 542 орудия противотанковой артиллерии (2,4 на 1 км), 115 танков (0,5 на 1 км).

Фронт имел в подчинении 2-ю воздушную армию, которая насчитывала 151 самолет, из них истребителей – 43, штурмовиков – 25, ночных бомбардировщиков – 71, разведчиков – 12 [299] . Кроме того, командующему 2-й воздушной армией была подчинена оперативная группа из состава авиации Центрального фронта, насчитывавшая 106 истребителей и 110 штурмовиков (истребительный и штурмовой авиационные корпуса). Последняя должна была осуществить частью сил авиационную поддержку наземных войск, наступавших на стыке Центрального и Воронежского фронтов. Непосредственно подчиненные 2-й воздушной армии авиационные соединения базировались на аэродромах в Харькове и Рогани, т. е. на удалении 40–100 км от линии соприкосновения сторон в полосах 69-й и 3-й танковой армий, однако испытывали острый недостаток в горючем и боеприпасах. Обращая внимание на этот факт, член Военного совета фронта генерал-майор Кузнецов в своем докладе члену ГКО А.И. Микояну отмечал: «2-я воздушная армия, ведя напряженную боевую работу в районе Харькова,

осталась без горючего. Занаряженные транспорты находятся в пути, и прибытия их в ближайшие дни ожидать нельзя. Неоднократные ходатайства о доставке его «дугласами» реальных мер не дали. Прошу Вас принять срочные меры доставить авиагорючее транспортными самолетами. Обстановка в районе Харькова требует максимального напряжения в боевых действиях авиации» [300] .

Переходя к обороне после длительного периода предшествовавшего ей наступления, войска Воронежского фронта имели низкую укомплектованность личным составом и обеспеченность материальными средствами, прежде всего боеприпасами и горючим. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приведенные в таблице.

Численный состав стрелковых дивизий и их обеспеченность по основным видам материальных средств к началу оборонительных операций

Армия	Средн. числ. сд (чел.)	Наличие боеприпасов в б/к		Наличие горючего в заправках	
		в войсках	на арм. складах	в войсках	на арм. складах
3 ТА	3376—5278	0,5—1,8	0,2—1,6	0,1—3,2	0,1—0,4
69 А	3405—5482	0,2—30,9	0,1—33,3	0—0,4	0,1—3,1
40 А	4911—5283	0,3—0,7	0,9—2,5	0,5—0,6	0,1—3,8

Как показывают данные таблицы, укомплектованность стрелковых дивизий в 40, 69 и 3-й танковой армиях составляла от 3376 до 5482 человек, т. е. в среднем 30–40 % от штата. Такой некомплект личного состава заставлял пополнять соединения и части за счет населения призывных возрастов освобожденных территорий. Этот личный состав не только не имел необходимой подготовки, но и нередко обладал низкими морально-боевыми качествами, что снижало устойчивость соединений и частей в обороне.

Ведение фронтом наступления в течение продолжительного времени привело к отрыву объединений и соединений от оперативного и войскового тыла. Так, удаление армейских баз снабжения составляло до 300 км. Фронт, имея в своем составе только 1062 машины различного назначения, не мог обеспечить ими своевременный подвоз и накопление необходимых материальных средств [301] . В результате как армии фронта в целом, так и их соединения испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем. В этом смысле переход фронта к обороне

затруднялся и тем обстоятельством, что не было обеспечено надежное материально-техническое обеспечение предстоявших оборонительных операций и боев.

Переход войск фронта к обороне определялся не только возросшим сопротивлением противника и снижением боевых возможностей советских объединений и соединений в результате длительного наступления, но также во многом обусловливался тяжелой обстановкой, которая складывалась в полосе соседнего с Воронежским Юго-Западного фронта. Как уже отмечалось, войска его правого крыла совершали отход с целью организации обороны по восточному берегу р. Северский Донец.

Такие действия соседа неизбежно вели к обнажению левого крыла войск Воронежского фронта и резко ухудшали их оперативное положение. Однако это обстоятельство не было своевременно принято во внимание как командованием фронта, так и Ставкой Верховного Главнокомандования, поэтому в ходе наступления серьезных мер по обеспечению левого крыла войск Воронежского фронта не последовало. Тяжелое положение здесь также усугублялось и передачей из его состава в состав Юго-Западного фронта главных сил 3-й танковой армии для нанесения контрудара во фланг противнику, наступавшему в полосе 6-й армии. После их разгрома в районе Кегичевки направление на Харьков с юга было прикрыто только двумя ослабленными стрелковыми дивизиями, двумя кавалерийскими дивизиями и двумя имевшими низкую укомплектованность танковыми бригадами.

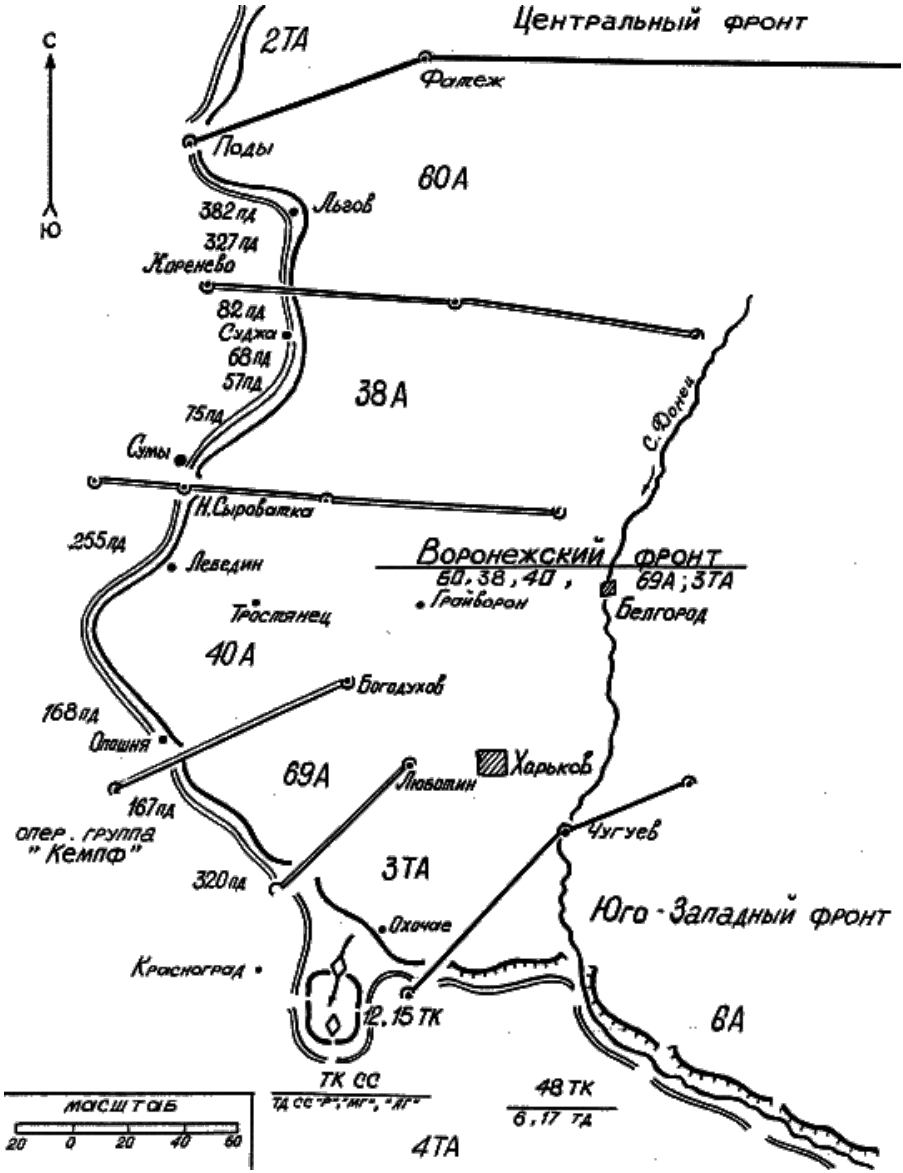
Кроме того, командующий войсками фронта, введя в сражение в ходе развития наступления все имевшиеся у него резервы, не имел возможности к наращиванию его усилий ни на одном из направлений. Это также не позволяло ему эффективно реагировать на резкие изменения обстановки в случае нанесения противником внезапных ударов.

В такой обстановке, учитывая угрозу флангу со стороны соседа слева, генерал-полковник Ф.И. Голиков 1 марта принял решение временно «до ликвидации наступления противника в стыке Юго-Западного и Воронежского фронтов» перейти к обороне, ограничив наступательные действия овладением городами Суджа и Сумы на правом крыле фронта. Тем самым он рассматривал переход к обороне как временное явление, проводимое для того, чтобы пополнить войска личным составом, вооружением, запасами материальных средств и благодаря этому создать условия для продолжения наступления. Исходя из этого и рассчитывая на успех контрудара главных сил 3-й танковой армии и 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, Голиков,

принимая меры к созданию обороны на левом крыле фронта, одновременно ставил частные наступательные задачи армиям, действовавшим на его правом крыле. В результате этого он распылял усилия на двух далеко отстоявших друг от друга направлениях.

Основная оперативная идея замысла командующего войсками фронта заключалась в сосредоточении основных усилий в обороне на харьковском направлении, для чего создавалась оперативная группа обороны Харькова в составе 62-й гвардейской стрелковой дивизии, 86-й отдельной танковой бригады, 17-й бригады войск НКВД и отдельных подразделений 3-й танковой армии [302] . Ее возглавил заместитель командующего войсками фронта генерал-лейтенант Д.И. Козлов.

Кроме того, на левое крыло фронта перегруппировывались одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады из состава 60-й и 38-й армий. Одновременно в резерв фронта выводились 107, 183 и 340-я стрелковые дивизии из 40-й армии, которые должны были занять районы сосредоточения в глубине обороны, на стыке 69-й и 3-й танковой армий [303] . Вместе с этим, учитывая ослабление 40-й армии, генерал-полковник Ф.И. Голиков приказал командующему 38-й армией генерал-лейтенанту Н.Е. Чибисову принять от 40-й армии полосу ее правофланговой 206-й стрелковой дивизии и изменил разграничительную линию между армиями. Это позволило сократить полосу обороны 40-й армии со 115 до 97 км [304] .



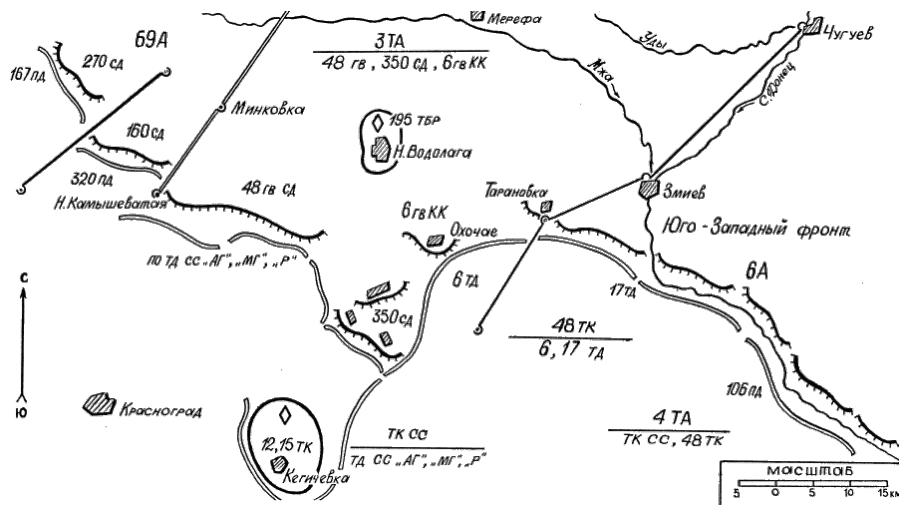
Положение войск Воронежского фронта к 1 марта 1943 г

Фронт имел одноэшелонное оперативное построение и не располагал сильным общевойсковым резервом, так как последний еще только создавался, а его соединения не вышли в районы сосредоточения. Артиллерийский резерв фронта составлял только один гаубичный артиллерийский полк. Ввиду отсутствия в непосредственном подчинении командующего войсками фронта противотанковой и зенитной артиллерии в нем не были созданы артиллерийский противотанковый резерв и зенитная артиллерийская группа.

В целом положение, которое войска Воронежского фронта

занимали к началу марта 1943 г., создавало выгодные условия противнику для нанесения сильного удара по его левому крылу, рассечения войск фронта на несколько изолированных друг от друга группировок и выхода в тыл 69-й и 40-й армий.

Армии Воронежского фронта переходили к обороне в короткие сроки, в непосредственном соприкосновении с противником, на неподготовленных в инженерном отношении рубежах. Их переход к обороне отличался большим разнообразием условий, которые определялись различием задач, стоявших перед армиями, ролью, отводимой им во фронтовой операции, и занимаемым ими положением к началу наступления противника.



Положение 3-й танковой армии при переходе к обороне.

Так, 3-я танковая армия, переходившая частью сил к обороне на левом крыле фронта, вышла на указанный ей рубеж к исходу 28 февраля 1943 г. При этом если 160-я и 48-я гвардейская стрелковые дивизии переходили к обороне на рубежах, достигнутых ими в ходе наступления, то 350-я стрелковая дивизия, переданная из 6-й армии Юго-Западного фронта, занимала рубеж, на который она отошла в ходе предыдущих боев. На левом фланге армии переходили к обороне отошедшие после неудачного исхода встречного боя с противником соединения 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, а также выдвигавшаяся сюда 25-я гвардейская стрелковая дивизия.

Армия создавала одноэшелонное оперативное построение с выделением в резерв одной танковой бригады. В первом эшелоне армии действовали 48-я гвардейская и 350-я стрелковая дивизии, 6-й гвардейский кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий и 201-й танковой бригады, а также 25-я гвардейская стрелковая дивизия. В резерве командующего армией

генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко была сосредоточена 195-я танковая бригада. В армии были созданы артиллерийская группа дальнего действия (два пушечных артиллерийских полка) и артиллерийский противотанковый резерв (истребительно-противотанковый артиллерийский полк) [305] .

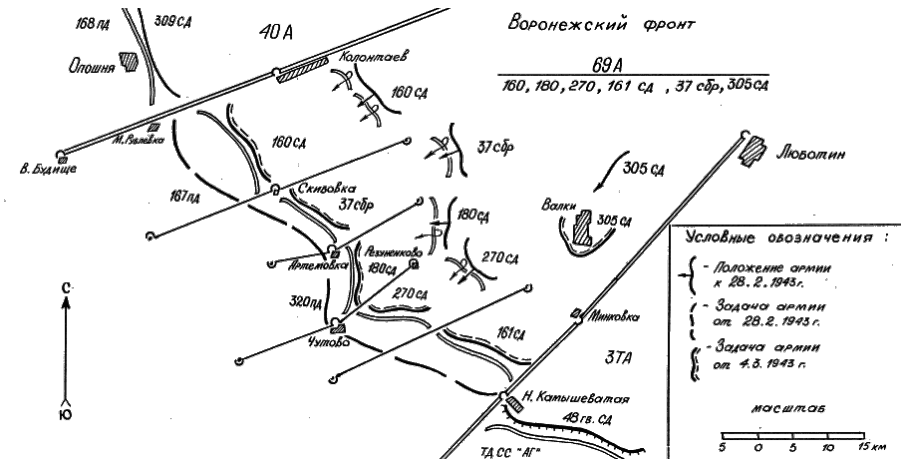
Усилия армии в занимаемой ею полосе были распределены равномерно. Имея 362 орудия и миномета, в том числе 83 орудия противотанковой артиллерии, а также 47 танков, она могла создать следующие плотности сил и средств: 7,4 орудия и миномета; 1,7 орудий противотанковой артиллерии и 0,9 танка на 1 км фронта. Соединения армии, закрепляясь на достигнутых рубежах с вечера 28 февраля 1943 г., имели на подготовку обороны от 12 до 15 часов, преимущественно темного времени суток. С утра 1 марта они были вынуждены вступить в бой, отражая удары передовых частей танковых соединений противника.

69-я армия фронта имела задачу, развивая наступление, овладеть рубежом Большая Рублевка, Щорсовка, Артемовка, Чутово, Старая Ольховатка, после чего перейти на нем к обороне и не допустить прорыва немецких войск стыке с 40-й армией и в направлении Чутово, Валки. Однако обстановка, сложившаяся в полосе 3-й танковой армии, заставила командующего войсками фронта отказаться от первоначального замысла, и армии был отдан приказ прекратить наступление и перейти к обороне на достигнутом к этому времени рубеже. После этого в ее состав включалась 160-я стрелковая дивизия 3-й танковой армии в занимаемой ею полосе, в результате чего ширина полосы обороны армии составила 55 км.

Согласно решению командующего армией генерал-лейтенанта М.И. Казакова основные усилия в обороне были сосредоточены на левом фланге, в полосах 270-й и 160-й стрелковых дивизий. Армия имела двухэшелонное оперативное построение: в первом эшелоне – 161, 180, 270, 160-я стрелковые дивизии и 37-я стрелковая бригада, во втором – 305-я стрелковая дивизия, которая переходила к обороне в районе Валки на удалении 12–18 км от переднего края [306] . В резерве армии находилась 173-я отдельная танковая бригада («Т-70» – 2; «Т-34» – 2), один минометный полк и два отдельных дивизиона реактивной артиллерии [307] .

Армия имела в своем составе 681 орудие и миномет, из них 154 орудия противотанковой артиллерии, 20 реактивных установок и всего 4 танка. Плотности сил и средств на 1 км фронта во всей полосе обороны армии составляли: 12,4 орудия и миномета, 2,8 орудия противотанковой артиллерии и 0,07 танка.

Сосредоточивая основные усилия на левом фланге, генерал-лейтенант М.И. Казаков не только разместил здесь второй эшелон и резервы, но и перегруппировал на угрожаемое направление 2-ю и 6-ю истребительные бригады, придав их соответственно 160-й и 305-й стрелковым дивизиям [308] . В результате этих мер плотности сил и средств на направлении сосредоточения основных усилий в обороне составили: 8 км на стрелковую дивизию, против 11 км во всей полосе обороны, 18,8 орудий и минометов, 4,8 противотанковых орудия и 0,16 танка на 1 км фронта.



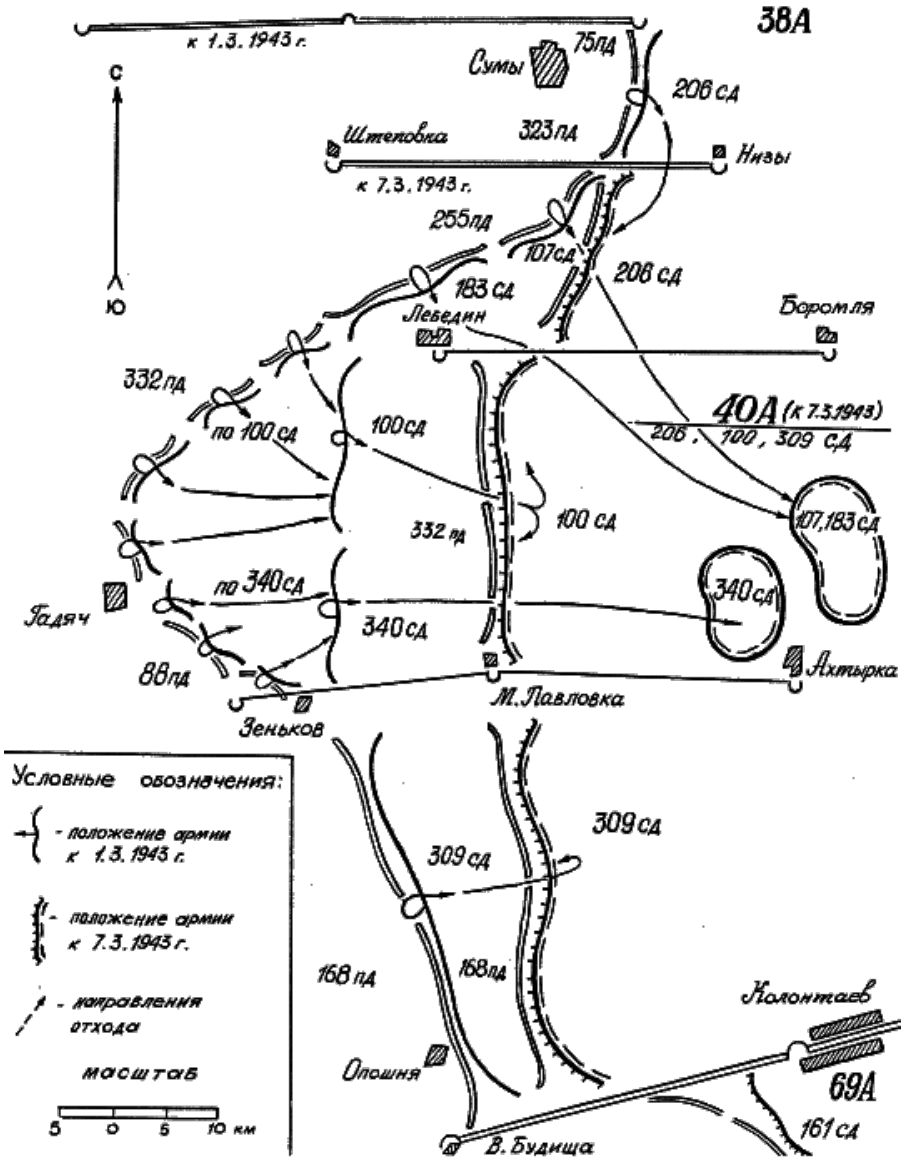
Обстановка в полосе 69-й армии при переходе к обороне.

С момента получения приказа на переход к обороне (28 февраля) до начала наступления противника (6 марта) армия имела на подготовку операции 5 суток. Однако в рамках ее осуществления она вплоть до 4 марта вела наступление с целью выхода на указанный рубеж, одновременно производя перегруппировку сил и средств вдоль фронта. Перейдя 4 марта к обороне на достигнутом рубеже (в 5–6 км от запланированного), она располагала не более чем 1,5 сутками для его закрепления.

40-я армия фронта переходила к обороне после преднамеренного отхода с целью выравнивания и сокращения линии фронта. При этом ее командующий генерал-лейтенант К.С. Москаленко должен был решать ряд сложных оперативных задач. Одновременно с отходом армия должна была передать полосу действий правофланговой 206-й стрелковой дивизии 38-й армии, вывести в резерв фронта 107, 183 и 340-ю стрелковые дивизии и, проведя перегруппировку вдоль фронта за счет увеличения полос обороны 206, 100 и 309-й стрелковых дивизий, занять ими указанный рубеж обороны.

Осуществляя эти мероприятия, армия вышла на указанный рубеж

обороны 7 марта, имея в своем составе 206, 100, 309-ю стрелковые дивизии и 5-й гвардейский танковый корпус. Как армия в целом, так и ее соединения переходили к обороне в широких полосах: 206-я стрелковая дивизия – 21 км, 100-я и 309-я стрелковые дивизии – 36 и 40 км соответственно [309] .



Отход и перегруппировка 40-й армии при переходе к обороне.

Оперативное построение армии включало в себя первый эшелон – три стрелковые дивизии и мотострелковая бригада 5-го гвардейского танкового корпуса, танковый и артиллерийский резервы. Первый из них составляли две танковые бригады и два

танковых полка, а второй – гвардейская минометная бригада [310] . В боевом составе армии насчитывалось 378 орудий и минометов, из них 110 орудий противотанковой артиллерии, а также 63 танка. При равномерном распределении усилий в полосе обороны, плотности сил и средств составляли: 3,9 орудий и минометов; 1,1 противотанковых орудий и 0,6 танка на 1 км фронта.

Осуществляя с 1 по 7 марта отход и перегруппировку, соединения армии действовали в непосредственном соприкосновении с противником, что крайне затрудняло проведение всех мероприятий по созданию устойчивой обороны. Кроме того, 40-я армия завершала выход на указанный рубеж в то время, когда 3-я танковая и 69-я армии, начиная с 4 марта, последовательно отражали удары противника в их полках.

Из девяти стрелковых дивизий 3-й танковой, 69-й и 40-й армий, переходивших к обороне непосредственно на переднем крае, боевой порядок в два эшелона имели только три дивизии – 180-я и 270-я в 69-й армии и 309-я в 40-й [311] . В этих дивизиях во второй эшелон выделялось по одному стрелковому полку, которые занимали оборону на удалении 2–4 км от переднего края. Резерв стрелковых дивизий составляли, как правило, учебный или пулеметный батальоны.

Исходя из построения армий, подавляющая часть их сил и средств была развернута в тактической зоне обороны, которая состояла только из одной – главной полосы и занималась дивизиями первого эшелона. Глубина главной полосы, а равно и тактической зоны обороны составляла от 2–3 до 5–7 км. При действиях в широких полосах оборона стрелковых дивизий на переднем крае носила очаговый характер, создавалась системой отдельных участков (районов) обороны и опорных пунктов. Невозможность создания сплошного фронта обороны заставляла командиров дивизий и полков сосредоточивать основные усилия на удержании отдельных районов местности, узлов дорог и населенных пунктов.

Следовательно, 3-я танковая, 69-я и 40-я армии, так же как и Воронежский фронт в целом, не имели в глубине обороны заранее подготовленных и занятых войсками рубежей. Только в 69-й армии переходила к обороне на армейском оборонительном рубеже одна стрелковая дивизия. Занимая оборону на левом фланге в районе Валков, она прикрывала лишь одно из вероятных направлений наступления противника.

Исходя из того, что немецкое командование при переходе в наступление привлекало в состав ударных группировок, как правило, подвижные соединения, имевшие большое количество

танков и штурмовых орудий, борьба с ними составляла основное содержание огневого поражения и требовала создания стройной системы противотанковой обороны объединений и соединений.

В 3-й танковой армии противотанковая оборона характеризовалась децентрализованным применением противотанковой артиллерии, небольшой глубиной эшелонирования средств поражения, незначительной ролью огня с закрытых огневых позиций в борьбе с бронеобъектами противника на подступах к обороне, отсутствием сильных противотанковых резервов и подвижных отрядов заграждения в соединениях. Здесь ее основу составлял огонь противотанковой, пушечной и гаубичной артиллерии прямой наводкой, которая равномерно распределялась среди соединений и частей первого эшелона и располагалась на местности линейно, без должного эшелонирования в глубину.

Более глубокое содержание имела противотанковая оборона в 69-й и 40-й армиях. Она организовывалась в масштабе стрелковой дивизии и основывалась на системе противотанковых опорных пунктов, создаваемых на переднем крае и в ближайшей тактической глубине. Состав этих противотанковых пунктов раскрыт в таблице.

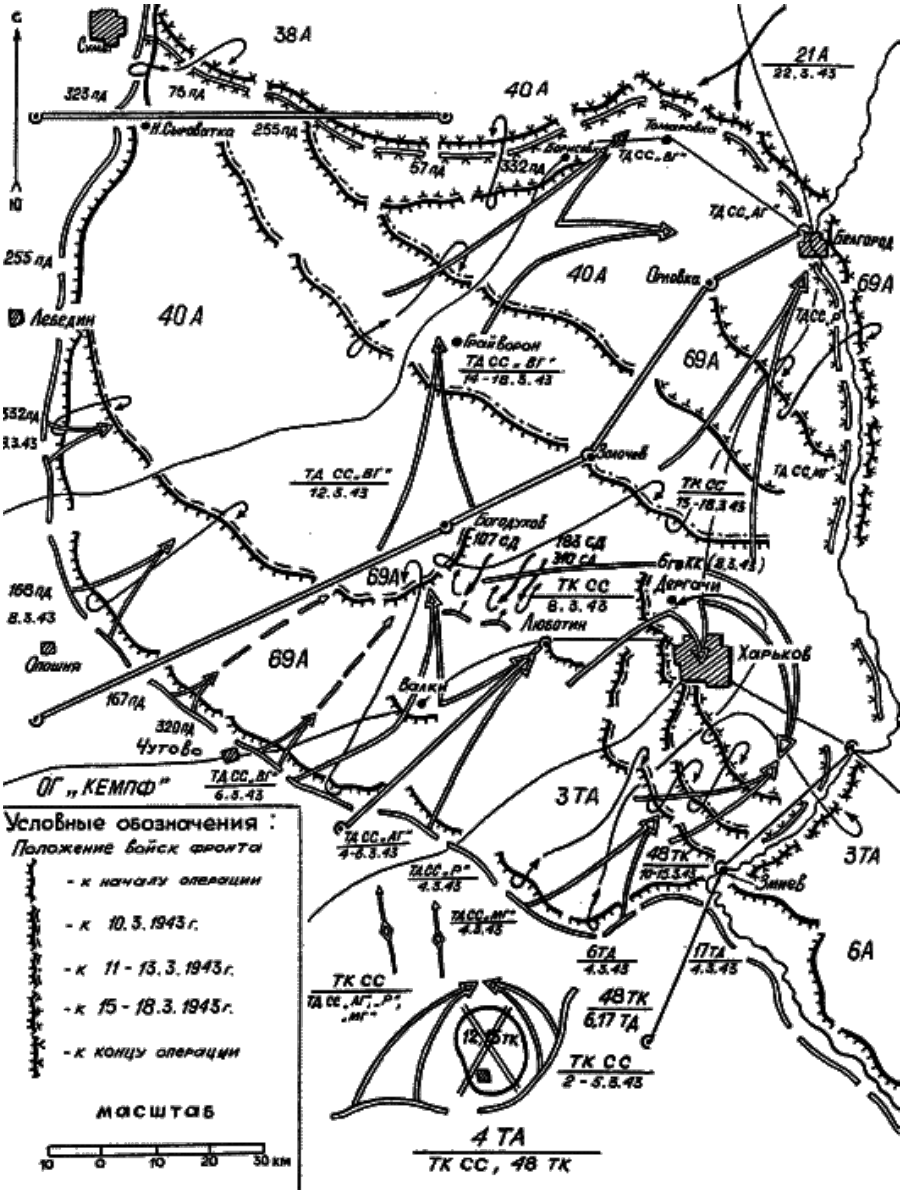
Состав противотанковых опорных пунктов стрелковых дивизий 69-й и 40-й армий

Армия	СД	К-во ПТОП	45-мм	76 ПА	76 ДА	122-мм	82—120-мм М	ПТР
69-я	161-я	№ 1	2	2	—	—	—	—
		№ 2	3	1	—	—	—	6
		№ 3	3	3	—	—	—	4
		№ 4	4	—	—	—	—	8
	270-я	№ 1	—	7	—	3	—	—
		№ 2	—	6	—	4	—	—
		№ 3	—	4	—	—	—	—
	160-я с ибр	№ 1	4	—	10	—	8	29
		№ 2	4	—	2	—	4	24
	350-я с ибр	№ 1	4	—	7	—	—	—6
		№ 2	—	—	6	—	—	18
		№ 3	—	—	4	—	—	—
40-я	206-я	№ 1	2	—	2	—	—	2
		№ 2	2	1	2	—	—	4
		№ 3	—	3	3	—	—	—
		№ 4	3	2	1	—	—	3
		№ 5	1	2	2	—	—	3
		№ 6	2	1	1	—	—	3
	100-я	№ 1	6	2	2	—	—	3
		№ 2	—	2	4	—	—	—
		№ 3	—	—	—	10	—	3
		№ 4	—	—	—	4	—	—
	309-я	№ 1	2	2	2	—	—	4
		№ 2	3	1	—	—	—	3
		№ 3	—	3	2	—	—	3

Как показывают данные таблицы, в полосе обороны стрелковой дивизии создавалось от 2 до 6 противотанковых опорных пунктов (ПТОП), располагавшихся на танкоопасных направлениях в районах обороны стрелковых батальонов первого эшелона, а также на стыках подразделений и частей. В своем

составе противотанковые опорные пункты имели от 3 до 14 орудий и от 2 до 29 противотанковых ружей. Наиболее типичным было наличие в них 4–6 орудий и 3–6 противотанковых ружей.

При общем незначительном количестве артиллерии в стрелковых полках в состав противотанковых опорных пунктов включалась не только вся полковая артиллерия (45-мм противотанковые орудия и 76-мм полковые пушки), но и приданные полкам батареи истребительно-противотанкового дивизиона дивизии, а также 76-мм пушки дивизионной артиллерии из состава артиллерийского полка соединения. Например, в стрелковых дивизиях 40-й армии 75 % 76-мм пушек дивизионной артиллерии вошли в состав ПТОП и были предназначены только для ведения огня прямой наводкой [312] . Тем самым задачи по борьбе с танками противника на подступах к переднему краю огнем с закрытых огневых позиций возлагались в основном на батареи 122-мм гаубиц и артиллерийские группы дальнего действия стрелковых дивизий (в тех случаях, когда они создавались). Гаубичные батареи, кроме того, составляя артиллерийские группы поддержки пехоты стрелковых полков, должны были создавать и глубину противотанковой обороны, оборудуя огневые позиции по принципу противотанковых опорных пунктов и готовя исходные данные для стрельбы прямой наводкой. Исходя из их удаления от переднего края, глубина противотанковой обороны стрелковых дивизий не превышала 3–5 км, что отрицательно влияло на ее устойчивость.



Ход боевых действий в полосе Воронежского фронта 4–23 марта 1943 г.

В общей системе противотанковой обороны важная роль принадлежала артиллерийским противотанковым резервам. Что касается армий, то такой резерв был создан только в 3-й танковой армии в составе истребительно-противотанкового артиллерийского полка. В стрелковых дивизиях артиллерийский противотанковый резерв, как правило, создавался, включая в себя от батареи до полка. Наиболее часто в него выделялись батарея истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона соединения либо дивизион в полном составе. В целом состав

артиллерийских противотанковых резервов дивизий был явно недостаточным для надежного отражения атаки вклинившихся в оборону танков противника.

Таким образом, построение обороны Воронежского фронта и входивших в его состав армий характеризовалось одноэшелонным оперативным построением объединений, отсутствием сильных резервов, очаговым характером обороны на переднем крае и ее незначительной глубиной, децентрализованным применением средств поражения и низкой противотанковой устойчивостью.

Официальной датой начала Харьковской оборонительной операции считается 4 марта 1943 г., после того как 3-я танковая армия вновь вошла в состав Воронежского фронта, однако передовые части танкового корпуса СС и 48-го танкового корпуса завязали бои с ее переходившими к обороне соединениями еще 1 марта. Они обеспечили сосредоточение и развертывание главных сил 4-й танковой армии, которая наносила главный удар танковым корпусом СС на правом фланге 3-й танковой армии в полосах 48-й гвардейской и 350-й стрелковых дивизий. На направлении другого удара – в полосах обороны 6-го гвардейского кавалерийского корпуса и 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии – в наступление переходили соединения 48-го танкового корпуса. На этом направлении действия противника заключались в проведении фронтальных атак силами одного-двух танковых батальонов в сочетании с обходом и охватом главными силами открытых флангов соединений и частей первого эшелона.

Еще в то время, когда подвижные соединения 3-й танковой армии вели тяжелые бои в окружении, командование Воронежского фронта принимало меры к созданию обороны на рубеже р. Мжа. За счет войск, снятых с других участков фронта, и подходивших резервов решено было выдвинуть сюда сначала 25-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а затем 1-й Чехословацкий отдельный батальон и 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

25-я дивизия генерал-майора П.М. Шафаренко вошла в подчинение 3-й танковой армии и получила задачу по тревоге оставить Валки и практически за сутки выйти на р. Мжа и подготовить оборону в полосе с передним краем по рубежу Замостье, Зидьки, Змиев. Совершив 80-км марш, части дивизии к исходу 28 февраля вышли на указанный рубеж. 78-й гвардейский стрелковый полк вместе с 179-й отдельной танковой бригадой занял оборону в Тарановке, 73-й – в Зидьках и Замостье, а 81-й – в Змиеве. Основные усилия в обороне дивизии ее командир решил сосредоточить на удержании Тарановки. Через село проходили железная и шоссейная дороги из Лозовой на Мерефу и Харьков.

«Достаточно было посмотреть на карту, – писал позже в своих мемуарах генерал-лейтенант в отставке П.М. Шафаренко, – чтобы оценить значение Тарановки не только в полосе обороны 25-й дивизии, но и на рубеже наших войск по северному берегу реки Мжи от Мерефы до Замостья. Она перекрывала дороги на Харьков с юго-востока, юга и частично с юго-запада, а железнодорожный переезд в Беспаловке блокировал путь к Тарановке с юга» [313] .

Командир 78-го гвардейского стрелкового полка полковник К.В. Билютин построил оборону в два эшелона. В первый эшелон он выделил 2-й стрелковый батальон, занявший оборону от северо-западной окраины Тарановки до церкви включительно, а дальше, исключая церковь, до железнодорожного переезда, – 3-й стрелковый батальон. Второй эшелон – 1-й стрелковый батальон совместно с 179-й отдельной танковой бригадой, имевшей 24 танка, – расположился по северо-восточной окраине села. Оборону железнодорожного переезда, находившегося на левом фланге полка, его командир возложил на 1-й взвод 8-й стрелковой роты во главе с лейтенантом П.Н. Широниным, усилив его одной 45-мм пушкой.

Бой взвода лейтенанта П.Н. Широнина 2 марта 1943 г.

Утром 2 марта в районе обороны этого взвода начался бой, который по праву вошел в историю Великой Отечественной войны. Сначала в небе появился вражеский самолет-разведчик. Он летел в направлении железнодорожного переезда, затем, повернув на Тарановку, стал кружиться над участком обороны 78-го полка. Не прошло и получаса, как в небе показались две группы бомбардировщиков. Одна из них шла в направлении на железнодорожную станцию и переезд, а вторая – на Тарановку. В каждой из них было по 20–25 «юнкерсов». Не встретив противодействия зенитных средств, бомбардировщики развернулись и стали бомбить весь участок обороны полка. Один за другим они в течение 20 минут наносили удары по железнодорожной станции, селу и железнодорожному переезду. Во взводе Широнина появились первые потери: был убит командир орудия сержант Комаров и тяжело ранен второй номер орудия рядовой Петренко. Во взводе осталось 25 человек.

Вслед за налетом бомбардировщиков противник открыл по боевым полка сильный артиллерийский огонь, а около 8 часов утра перешел в наступление на широком фронте. Здесь действовали подразделения 6-й танковой дивизии 48-го немецкого танкового корпуса. На железнодорожный переезд они двигались в походной колонне, имея боевое охранение из двух бронемашин, двух танков и взвода пехоты. За охранением шло 20 танков и самоходных орудий, 15 бронемашин и до пехотного батальона на автомашинах. Первой на заранее поставленных противотанковых минах взорвалась бронемашина, вторую подбил с первого же выстрела расчет противотанковой пушки в составе старшины С.В. Нечипуренко и рядового А.Н. Тюрина. Шедший сзади танк открыл огонь по переезду, пехота спешилась и залегла, а потом постепенно стала отходить назад вместе со своим танком.

После артиллерийской подготовки противник возобновил атаку. По нему был открыт огонь артиллерии полка, корректируемый с колокольни церкви, расположенной в центре Тарановки. Загорелись танк и бронемашина, но остальные, развернувшись в боевой порядок, продолжили атаку. Но когда немецкие танки не смогли пройти по рыхлой пашне и вновь начали скапливаться у шоссе, расчет противотанковой пушки уничтожил еще две боевые машины. Однако прорвавшееся с фланга вражеское самоходное орудие таранило пушку, в результате чего Нечипуренко и Тюрин получили тяжелые ранения. Но и оно тотчас было уничтожено сержантом И.Г. Вернигоренко, который выбрался из своего окопа и бросил в самоходку две противотанковые гранаты [314] .

Напряжение боя не спадало. Немецкие танки, ведя огонь на ходу, все ближе и ближе подходили к позиции взвода. Когда они уже подошли вплотную, гвардеец А. Скворцов, взяв две связки гранат, ценой своей жизни остановил вражескую машину. Вслед за ним со связками гранат выскочили из траншеи командир отделения сержант И.В. Седых и рядовой В.М. Павлов. Они устремились навстречу двум подходившим танкам. Бросив под них противотанковые гранаты, Седых и Павлов почти одновременно вывели их из строя, но оба погибли [315] . Прикрываясь броней танков, самоходных орудий и бронетранспортеров, немецкая пехота вплотную подошла к позиции взвода и бросилась в траншею. Началась рукопашная схватка. После того как и эта атака была отбита, во взводе осталось 10–12 человек, большинство из которых было ранено.

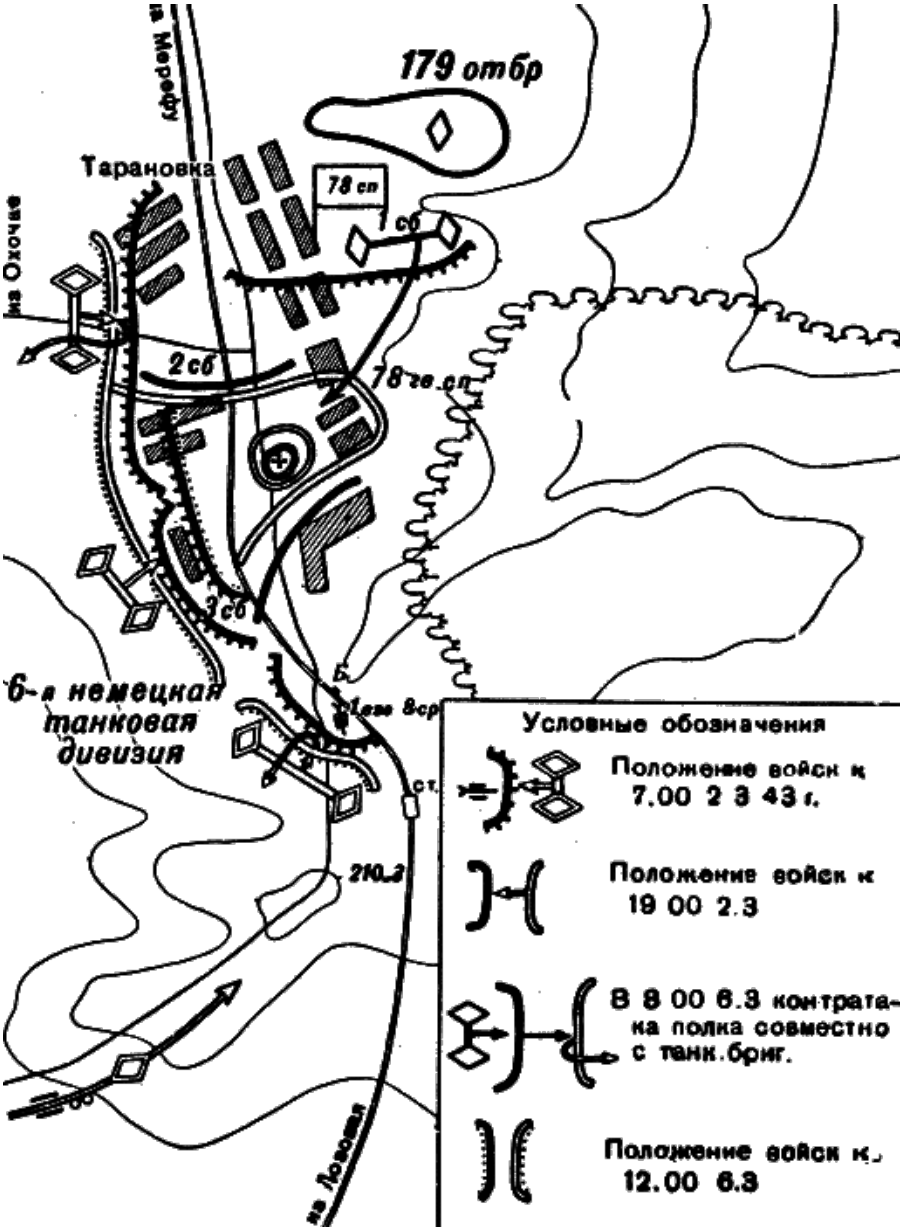
Противник, не добившись успеха, не отказался от своего намерения овладеть железнодорожным переездом. Очередная атака последовала вслед за сосредоточенным налетом авиации, в ходе которого бомбардировщики в течение 10–15 минут обрабатывали железнодорожный переезд и подступы к нему. На позицию взвода, как и всего полка, под прикрытием танков и артиллерии устремилась вражеская пехота. Один танк вплотную подошел к окопу 1-го отделения. А.П. Болтушкин, захватив две противотанковые гранаты, выпрыгнул из окопа, сблизился с ним и бросил под него гранаты. Взрыв вывел танк из строя. В это же время броском гранаты заставил застыть на месте вражеское самоходное орудие П. Шкодин [316] .

Командир полка К.В. Билютин бросил в контратаку свой последний резерв пехоты с несколькими танками приданной 179-й танковой бригады. Когда они пробились в расположение взвода, то увидели 16 горевших немецких танков, самоходных орудий, бронетранспортеров и до сотни трупов врага, среди которых безмолвно лежали убитые и стонали отдельные раненые гвардейцы-широнинцы, которых удалось вывезти на броне в свое расположение [317] . Из 27 гвардейцев остались в живых только 6 человек. Впоследствии 25 человек во главе с лейтенантом Широниным за этот бой были удостоены звания Героя Советского Союза.

В донесении, направленном в штаб 3-й танковой армии 3 марта, начальник политотдела 25-й гвардейской стрелковой дивизии майор П.И. Гречко сообщал: «…Бессмертную славу в боях за Тарановку заслужил взвод гвардии лейтенанта Широнина, геройски погибший при обороне села, но своими делами преградивший дорогу врагу… Отважные гвардейцы встретили врага смело и мужественно, приняли неравный бой. В течение 3

часов 30 минут они вели ожесточенный бой. Противотанковой пушкой и гранатами они сожгли 4 вражеских танка, три броневика, одну самоходную пушку, истребили несколько десятков гитлеровских головорезов. Противотанковая пушка вместе с расчетом была раздавлена тяжелым танком. После того как пушки не стало, бойцы вели бой гранатами, подпуская танки к себе вплотную. Герои падали под танки, но не отступали…» [318]

Сейчас трудно с полной достоверностью сказать, кто из гвардейцев со связкой гранат бросился под немецкий танк и кто подбил танк противотанковой гранатой, но был сражен осколком или вражеской пулей. Главное остается фактом: врагу прорваться не удалось.



Бой 78-го гвардейского стрелкового полка за Тарановку с 2 по 8 марта 1943 г.

В середине дня 2 марта противнику удалось ворваться в Тарановку с другого направления и несколько потеснить наших пехотинцев. Завязались ожесточенные бои в районе церкви. Занимавший здесь оборону 2-й стрелковый батальон под командованием лейтенанта А.И. Сиротенко в течение дня отразил пять вражеских атак. К вечеру, когда у гвардейцев кончились патроны, враг предпринял особенно яростные атаки.

Чтобы помочь группе Сиротенко, полковник Билютин вместе с командиром 179-й отдельной танковой бригады полковником Ф.Н. Рудкиным с наступлением темноты послали к церкви три танка 390-го танкового батальона с группой бойцов и боеприпасами. В качестве десанта на танки был посажен взвод разведчиков роты управления 179-й отдельной танковой бригады во главе с командиром взвода старшим сержантом К.В. Кольцовым. Старшим всей группы был назначен заместитель командира роты по политической части старший лейтенант В.Ф. Ладухин. Группа, прорвав кольцо окружения, доставила несколько ящиков автоматных и винтовочных патронов, ручные и противотанковые гранаты, медикаменты и продовольствие. После этого танки должны были вернуться в бригаду, но снова прорваться через позиции противника удалось только двум «Т-34». Танк под командованием младшего лейтенанта В.П. Дроздова остался в окружении, где в течение четырех суток участвовал в непрерывных боях. За это время экипаж танка уничтожил около 50 вражеских солдат, подбил танк и самоходное орудие противника. 2-й батальон, получив боеприпасы и пополнение, до 6 марта удерживал центральную часть Тарановки. За это время, находясь в окружении, он совместно с танкистами 179-й бригады вывел из строя три вражеских танка и два самоходных орудия, уничтожил около 100 солдат и офицеров противника. Всего за пять дней ожесточенных боев 78-й гвардейский стрелковый полк и 179-я отдельная танковая бригада подбили 47 танков и самоходных орудий, 6 бронетранспортеров и уничтожили более 900 вражеских солдат и офицеров. За умелое руководство боем и проявленный при этом героизм командиру 78-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковнику К.В. Билютину и командиру 179-й отдельной танковой бригады полковнику Ф.Н. Рудкину Указами Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта и 19 июня 1943 г. было присвоено звание Героя Советского Союза [319] .

Не добившись намеченного успеха в районе Тарановки, противник потерял пять суток. Поэтому немецкое командование приказало 6-й танковой дивизии обойти Тарановку и нанести удар на Соколово. Здесь предполагалось форсировать р. Мжа и в последующем развивать наступление на юго-восточную окраину Харькова. Одновременно танковая дивизия СС «Адольф Гитлер» должна была в течение 7 марта захватить Мерефу и развивать наступление на южную окраину Харькова. Учитывая угрозу прорыва немецких войск к городу, в Мерефу была направлена из фронтового резерва 62-я гвардейская стрелковая дивизия. Она совершила 25-километровый марш и заняла оборону на

десятикилометровом участке от юго-западной окраины Мерефы до хутора Тимченков.

Для усиления ей были приданы два дивизиона пушечной и три дивизиона гаубичной артиллерии. По решению командира дивизии генерал-майора Г.М. Зайцева главные силы дивизии – 186-й и 184-й гвардейские стрелковые полки – заняли оборону вдоль юго-западной и южной окраин города, а 182-й гвардейский стрелковый полк – на пятикилометровом участке от него до хутора. Своим левым флангом этот полк примыкал к подразделениям 1-го отдельного чехословацкого батальона. Чтобы не допустить прорыва вражеских танков в полосе обороны дивизии, вся пушечная артиллерия была поставлена в боевые порядки стрелковых полков для стрельбы прямой наводкой. На южной окраине города в 400–500 метрах в глубине на огневые позиции были поставлены восемь 122-мм гаубиц. На танкоопасных направлениях саперы устанавливали противотанковые мины. Все это значительно усилило оборону в противотанковом отношении.

Боевые действия на подступах к Мерефе начались 6 марта. В этот день, как отмечалось в «Докладе-отчете о действиях артиллерии противника» 3-й танковой армии, «из районов Большого и Малого Рябухино в направлении на Борки двумя эшелонами пошло 40 танков, 18 бронемашин и 25 автомашин мотопехоты. Наши передовые части начали отход. Танки противника продолжали движение. 25 самолетов Ю-87 расчищали путь атакующим танкам, с высоты 100–150 метров обстреливая из пулеметов отходящие части. С выходом на рубеж правого берега р. Мжа противник был остановлен. Быстро подтянув до полка артиллерии калибра 75 и 105 мм, начал вести борьбу с нашей артиллерией» [320] .

Рано утром 7 марта на г. Мерефа и ближайшие к нему подступы нанесла удар вражеская авиация. Он продолжался более 40 минут. Небольшой городок окутался дымом. В нескольких местах вспыхнули очаги пожаров. Вслед за налетом бомбардировщиков в атаку перешли танки. Развернувшись в боевой порядок, они под прикрытием огня своей артиллерии на полном ходу устремились к переднему краю обороны дивизии.

Ее гаубичные и минометные батареи первыми встретили вражеские машины заградительным огнем с закрытых огневых позиций. Они подожгли несколько танков и самоходных орудий. На боевые порядки правофлангового 186-го гвардейского стрелкового полка двигалось 47 танков и более 20 бронетранспортеров с пехотой. Две батареи 76-мм орудий 131-го гвардейского артиллерийского полка под командованием

лейтенанта В.С. Кусочкова и старшего лейтенанта И.Д. Савченко, а также полковая батарея 76-мм полковых пушек за короткий промежуток времени огнем прямой наводкой подбили и сожгли 8 танков, 4 бронетранспортера и уничтожили более роты пехоты. Первая танковая атака врага была сорвана. На город снова налетели вражеские бомбардировщики. Затем вновь последовала атака. В течение дня противник предпринял восемь атак, но безуспешно. Ни одному танку не удалось переправиться через р. Мжа и ворваться в город [321] . Это обстоятельство вынудило немецкое командование перегруппировать силы танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» и 6-й танковой дивизии и 8 марта ввести их в сражение на участке от Мерефы до Соколово.

Еще 1 марта 25-я гвардейская стрелковая дивизия вошла в подчинение начальника обороны Харьков генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова. В ночь на 3 марта офицер связи привез от него два боевых распоряжения. В первом из них говорилось, что в состав войск, обороняющих Харьков, вошел 1-й отдельный чехословацкий батальон добровольцев, сформированный на советской территории в городе Бузулук. В другом распоряжении командиру батальона подполковнику Свободе ставилась задача к 7.00 3 марта выдвинуться на рубеж хутор Тимченков, Миргород, Артюховка, где занять оборону и перейти в подчинение командира 25-й гвардейской дивизии.

Батальон состоял из одной пулеметной и трех пехотных рот, специальных подразделений и штаба. Он насчитывал около тысячи солдат и офицеров, имевших на вооружении винтовки, автоматы, ручные и станковые пулеметы, противотанковые ружья, четыре 45-мм противотанковые пушки и несколько 82-мм минометов. Прибыв в указанный район, подразделения батальона приступили к занятию оборонительного рубежа. На южной окраине Миргорода расположилась 3-я рота под командованием надпоручика В. Янко, а слева от нее, в Артюховке, – 2-я рота под командованием надпоручика Я. Кудлича.

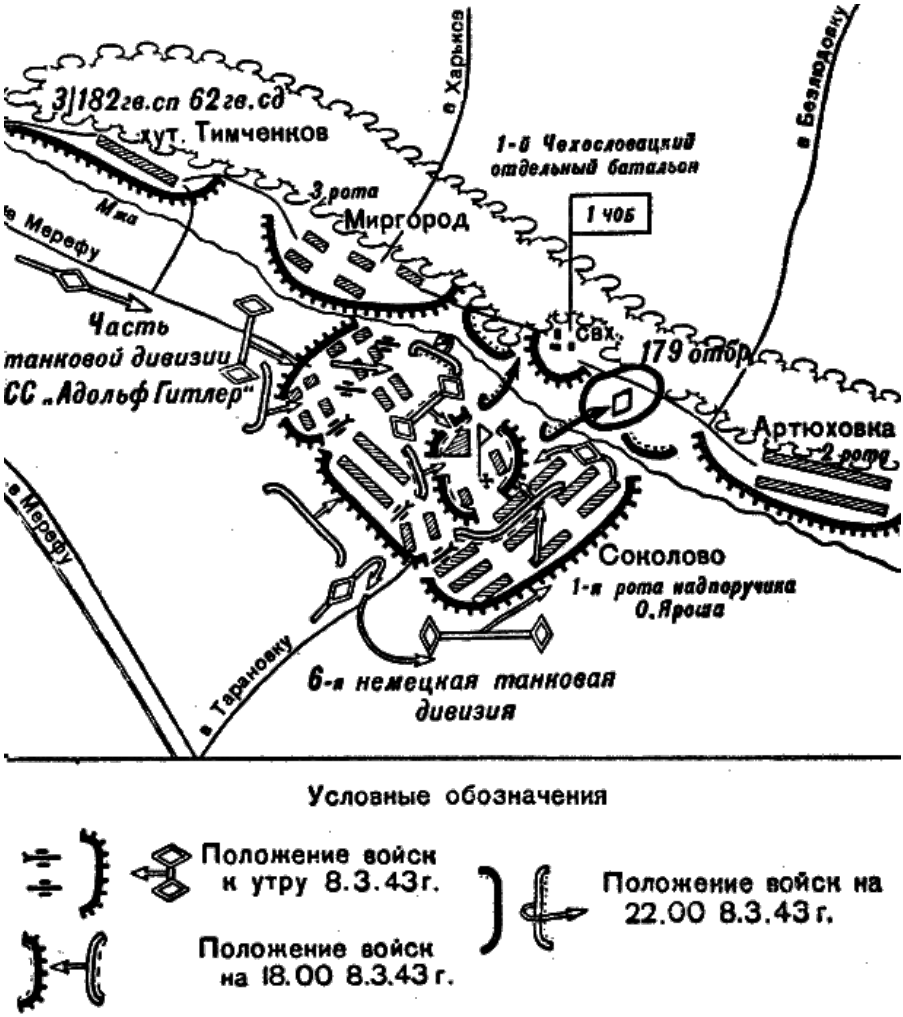
В то время, когда батальон был еще на подходе к району обороны, подполковник Л. Свобода со своим заместителем капитаном Б. Ломским и группой офицеров штаба в районе Миргорода провели рекогносцировку местности. Они решили включить в систему обороны батальона и село Соколово, расположенное на противоположном, южном берегу р. Мжа. Для его обороны Свобода назначил 1-ю роту под командованием надпоручика О. Яроша, усиленную пулеметной ротой и взводом 45-мм противотанковых пушек. Через три дня, когда батальон перешел в подчинение 62-й гвардейской стрелковой дивизии, он был усилен дивизионом реактивной артиллерии. Для его

поддержки была также выделена 179-я отдельная танковая бригада, которая была сосредоточена в районе Миргорода. Это позволило командиру батальона дополнительно усилить 1-ю роту тремя 76-мм дивизионными и четырьмя 45-мм противотанковыми пушками.

Таким образом, 1-я рота, насчитывавшая в своем составе 350 человек, имела на вооружении 24 ручных и 6 станковых пулеметов, 8 противотанковых ружей, три 82-мм миномета, шесть 45-мм и три 76-мм орудия, а также автоматы, винтовки и противотанковые гранаты. Чехословацкие воины совместно с жителями хорошо укрепили Соколово. Первая линия окопов проходила по западной, южной и юго-восточной окраинам села, а вторая – в его центре в районе церкви и школы, где находился командно-наблюдательный пункт командира роты О. Яроша. В целом село было превращено в сильный узел обороны с хорошо организованной системой ружейно-пулеметного и артиллерийского огня.

В середине дня 8 марта вражеские бомбардировщики совершили налет на Соколово. Более тридцати минут шестерки «юнкерсов» бомбили боевые порядки роты. После налета вражеской авиации чехословацкие воины вскоре заметили быстро приближавшиеся к юго-восточной окраине села танки и бронетранспортеры противника.

На позиции 1-го взвода ротмистра Ф. Немеца, оборонявшего южную окраину села, наступало 15 вражеских танков. Первыми открыли огонь советские артиллеристы – батарея 69-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона под командованием лейтенанта П.К. Пономарева. Они сразу же подожгли три танка, а у двух перебили гусеницы. В это же время бронебойщик свободник К. Команек поразил вражеский бронетранспортер. Первая атака противника на позицию взвода была отражена. Однако вскоре враг возобновил свое наступление. После 30-минутной артиллерийской подготовки до 60 танков и самоходных орудий и 15–20 бронетранспортерами повели наступление на Соколово с двух направлений. Более 40 танков и 10 бронетранспортеров устремились на северо-западную окраину села, а около 20 танков и бронетранспортеров в боевом порядке двигались на его восточную окраину. За танками, прикрываясь их броней, наступало до двух батальонов пехоты.



Бой 1-й роты 1-го чехословацкого батальона в Соколово 8 марта 1943 г.

Вражеские танки, стреляя на ходу из орудий и пулеметов, быстро приближались к окраинам села. Когда до переднего края обороны роты оставалось не более километра, боевые порядки противника окутались клубами сплошного дыма и огня. Их накрыл залп поддерживающего чехословацкий батальон 440-го отдельного гвардейского минометного дивизиона. Среди пехоты началось замешательство. Остановились и немецкие танки. Они сначала с места открыли огонь в направлении церкви, откуда был дан залп реактивной артиллерии, а затем снова пошли вперед. По ним открыла огонь артиллерия, а по мере подхода к селу – стрелки, пулеметчики и минометчики. Наступавшая на село с юго-востока группа была вынуждена вторично отойти. Лишь второй группе танков, наносившей удар с юго-запада, удалось

прорваться на северо-западную окраину Соколово, где были расположены огневые позиции двух 45-мм противотанковых пушек подпоручика И. Франка и трех 76-мм дивизионных пушек 1-й батареи 131-го гвардейского артиллерийского полка лейтенанта В. Дроздова.

Более часа советские и чехословацкие артиллеристы вели неравный бой с 30 немецкими танками и самоходными орудиями. Были подбиты шесть танков, но противник, не считаясь с потерями, продолжал атаковать артиллерийские позиции. Вышли из строя все боевые расчеты артиллерийских орудий. Лишь у двух из них продолжали вести огонь офицеры-артиллеристы чех И. Франк и русский В. Дроздов. Они подбили еще два танка, но погибли. Только после этого вражеские танки, самоходные орудия и бронетранспортеры устремились к центру села. Двигаясь вдоль улиц, противник из огнеметов поджигал крестьянские хаты, в которых находились оборудованные огневые точки. Северо-западную часть села охватил пожар. И все же, несмотря на тяжелую обстановку, сложившуюся в Соколово, рота Яроша продолжала оказывать наступавшему противнику упорное сопротивление.

От вражеских бомб и снарядов все село было уже изрыто воронками. Не было ни одной улицы, где бы не горели дома и постройки. Командир батальона направил для усиления роты взвод ротмистра Г. Ворача и 10 советских танков. Наступил вечер, а бой не затихал. В вечерних сумерках раздался еще один залп 440-го отдельного дивизиона реактивной артиллерии. Усилила огонь и гаубичная 122-мм артиллерия по противнику, прорвавшемуся к церкви. Взвод Ворача, прикрываясь огнем своей артиллерии, быстро переправился через р. Мжа и, развернувшись в боевой порядок, контратаковал вражескую пехоту, устремившуюся к церкви с северо-востока. Уничтожив более 30 немецких солдат и офицеров, он занял выгодную позицию, которая обеспечивала эвакуацию раненых на противоположный берег.

В это же время на помощь защитникам Соколово из глубины обороны по северному берегу Мжи начали выдвигаться 10 танков 179-й отдельной танковой бригады. Первый танк, въехавший на тонкий лед, пытался форсировать реку, но провалился. Его с большим трудом удалось вытащить из воды. Переправу танков пришлось отменить. Чтобы не допустить форсирования Мжи противником, нужно было укрепить оборону вдоль северного берега реки. Командир батальона, учитывая сложившуюся обстановку, отдал приказ оставить Соколово и отойти на противоположный берег. Однако приказ об отходе не удалось

передать командиру роты Ярошу: телефонная связь была давно нарушена, связаться с окруженной противником ротой через связных также оказалось невозможным. Небольшой гарнизон во главе с О. Ярошем, не зная о приказе на отход, продолжал вести тяжелый и неравный бой, стойко отражая вражеские атаки. Когда вышли из строя расчеты станковых пулеметов, он сам лег за один из пулеметов и погиб под гусеницами немецкого танка.

В донесении за день боя подполковник Л. Свобода писал: «Состав группы обороны – 350 человек. В 13.00 около 60 танков, 15–20 бронетранспортеров, около батальона мотопехоты в маскхалатах проникли постепенно на северо-западную окраину Соколово и оттуда к церкви двумя колоннами. Немцы оперировали танками «Рейнметалл», открывали сильный огонь из орудий, а также массово применяли огнеметы, которыми сожгли поселок. Танки разбили постройки, занимаемые нашими воинами, и уничтожили все дзоты со станковыми пулеметами. Вражеская пехота вела сильный минометный огонь. В 16.00 пехота и автоматчики проникли в поселок с хуторов Куряче и Прогоня на юго-восточную окраину поселка. Бой продолжался в окружении, в церкви и окопах возле нее. В результате враг занял Соколово. Реку Мжа не перешел. Подбито или сожжено 19 танков, 4–6 бронетранспортеров с автоматчиками. Враг потерял около трехсот убитыми. Наши потери: все противотанковые средства, кроме 2 ПТР, 5 станковых пулеметов, 3 – 82-мм миномета, 2 – 50-мм миномета, 16 ручных пулеметов.

К 23.00 количество убитых и пропавших без вести около 200 солдат и офицеров, 60 раненых, которые были вынесены или самостоятельно вышли. Среди убитых командир 1-й роты (начальник обороны) надпоручик Ярош и его заместитель надпоручик Лом (командир пулеметной роты). В случае поддержки обороны хотя бы десятью танками Соколово было бы удержано. К 9 марта 1943 года батальон занимает оборону – Миргород, Артюховка, в том числе промежуток между Миргородом и Артюховкой обороняется четырьмя танками 179-й танковой бригады и артдивизионом…» [322]

Потери 1-й роты отдельного чехословацкого батальона за 8 марта составили 86 человек убитыми и 56 ранеными. Впоследствии 87 чехословацких солдат и офицеров были награждены орденами и медалями СССР, а командиру 1-й роты надпоручику Отакару Ярошу было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно [323] .

После Соколово подразделения 62-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-го отдельного чехословацкого батальона еще пять дней вели ожесточенные бои на р. Мжа. Особенно напряженными

они были 9 и 10 марта. Чтобы восстановить утраченное положение в районе Тарановки и Соколово, 25-я гвардейская стрелковая дивизия силами своих 73-го и 81-го стрелковых полков утром 9 марта контратаковала противника и значительно улучшила положение 78-го гвардейского стрелкового полка. Вместе с частями дивизии в контратаке участвовали и воины 2-й роты 1-го чехословацкого батальона. Во главе с надпоручиком Я. Кудличем они ворвались в Соколово, отвлекли часть сил противника на себя и помогли дивизии решить боевую задачу.

Стойко и упорно оборонялись чехословацкие воины совместно с гвардейцами 62-й стрелковой дивизии и в районе Мерефы, где шли ожесточенные бои до 13 марта. За эти дни они, отразив не одну атаку противника, пытавшегося форсировать р. Мжа, нанесли ему большие потери. За семь суток непрерывных и ожесточенных боев 62-я гвардейская стрелковая дивизия и 1-й отдельный чехословацкий батальон подбили и сожгли 79 вражеских танков и самоходных орудий, залповым огнем стрелкового оружия сбили 2 вражеских самолета и уничтожили до полка пехоты. После боев на этом направлении в 6-й и 17-й танковых дивизиях 48-го немецкого танкового корпуса осталось (по состоянию на 10 марта) 6 и 29 танков соответственно.

Не менее упорное сопротивление противник встретил и в полосе обороны 48-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й танковой армии. Еще 28 февраля дивизия получила задачу перейти к обороне на рубеже Камышеватое, станция Власовка протяженностью 20 км. Ей приказывалось немедленно приступить к инженерному оборудованию местности. Работы первой очереди требовалось завершить к исходу 1 марта. При этом необходимо было все узлы дорог и населенные пункты подготовить к ведению круговой обороны.

Командир дивизии генерал-майор Н.И. Маковчук решил построить боевой порядок в один эшелон: на правом фланге – 138-й, в центре – 143-й и на левом фланге – 146-й гвардейские стрелковые полки. В резерв выделялся учебный батальон, располагавшийся в селе Станичное. Там же находились артиллерийско-противотанковый резерв (10 45-мм орудий 53-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона) и подвижный отряд заграждений (саперная рота с 300 противотанковыми минами). Из-за недостатка артиллерии артиллерийские группы не создавались. Для ведения огня с закрытых огневых позиций предназначался дивизион 122-мм гаубиц 98-го артиллерийского полка, который находился севернее Мокрянки.

Для надежного отражения ударов танков противника из

батальонной, полковой артиллерии и пушечных дивизионов артиллерийского полка в Камышеватом, Мокрянке, на железнодорожной станции Власовка были созданы противотанковые опорные пункты (ПТОП) по 10–14 орудий и взводу противотанковых ружей в каждом. Основу системы огня составил огонь артиллерии и минометов, который дополнялся огнем ПТР и пулеметов. Перед передним краем батальонных районов обороны создавалась зона сплошного ружейно-пулеметного огня. Промежутки между ними простреливались огнем орудий, ПТР и пулеметов. В населенных пунктах все каменные здания приспосабливались под долговременные огневые точки. В течение двух суток части дивизии оборудовали занимаемые позиции в инженерном отношении. На танкоопасных направлениях, а также на стыке с соседней 160-й стрелковой дивизией, ответственность за который нес командир 48-й дивизии, полковые и дивизионные саперы на отдельных участках установили противотанковые минные поля и фугасы [324] .

Уже 1 марта командование и штаб знали о сосредоточении танков, бронетранспортеров, автомашин и живой силы врага в районе Кленовка, Яротивка, Староверовка и сумели принять соответствующие меры. 3 марта в 15 часов десятки бомбардировщиков обрушили массированный удар на боевые порядки дивизии. Их встретили плотным огнем орудия зенитно-артиллерийской батареи. По снижающимся самолетам вели залповый огонь из винтовок, пулеметов и ПТР стрелковые подразделения. За короткое время были сбиты три бомбардировщика «Ю-88».

Через два часа после повторного налета вражеской авиации передний край обороны дивизии атаковали более 70 танков и до двух полков мотопехоты на бронетранспортерах – в наступление перешла танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Противник действовал двумя группами по двум направлениям: юго-восточнее Камышеватого и на железнодорожную станцию Власовка.

Подразделения 138-го и 146-го гвардейских стрелковых полков встретили врага организованным и сильным огнем из всех видов оружия. Гаубичный дивизион открыл сосредоточенный огонь по наиболее крупной группировке танков и БТР, наступавшей на Камышеватое. Артиллеристы и бронебойщики ПТОП, подпуская немецкие машины на короткое расстояние, открывали по ним внезапный огонь. Так, артиллеристы батареи лейтенанта Сухорябова за два часа ожесточенного боя на юго-восточной окраине Камышеватого огнем с дистанции 150–200 м подбили два танка, одно штурмовое орудие, два

бронетранспортера и уничтожили четыре пулемета с расчетами. Здесь же отличились и бронебойщики. Рядовые Кулешов и Федоров, открыв огонь из ПТР с дистанции 50–60 м, подбили два вражеских танка. На левом фланге дивизии рядовые Головин и Будя, бронебойщики 146-го гвардейского стрелкового полка, подбили два танка, один бронетранспортер и две автомашины.

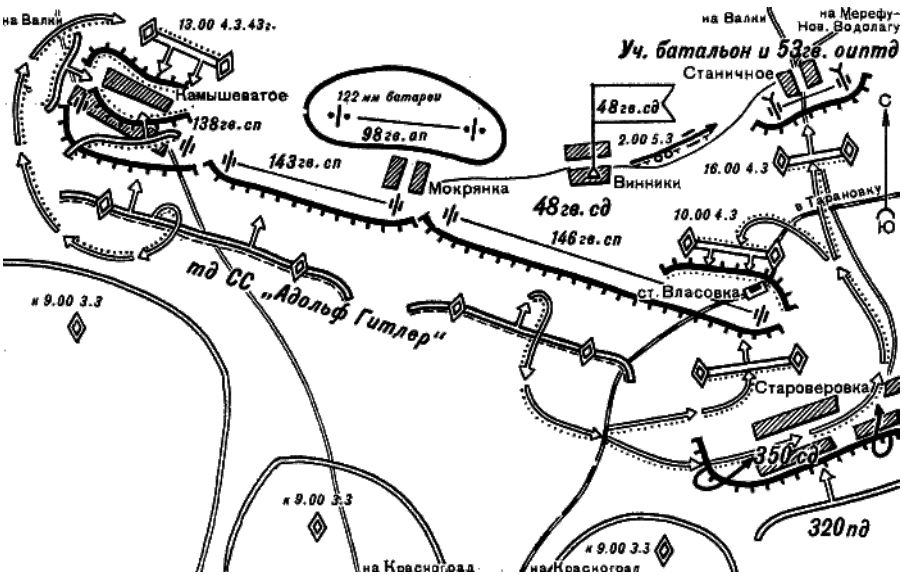
До глубокой ночи части 48-й дивизии отбивали одну за другой атаки противника. Врагу удалось потеснить поредевшие подразделения 138-го и 143-го гвардейских стрелковых полков и овладеть юго-восточной частью Камышеватого и южной окраиной Мокрянки, а на левом фланге дивизии – вклиниться в оборону 146-го гвардейского полка восточнее станции Власовка.

В ночь на 4 марта штаб дивизии и штабы полков организовали разведку. Разведгруппа 143-го полка во главе со старшим лейтенантом Герасимовым совершила налет на дом в южной части Мокрянки и захватила документы. Они позволили определить, что перед левым флангом полка действует танковый полк дивизии СС «Адольф Гитлер», который до этого наступал на участке 138-го полка. Исходя из этого, командир дивизии приказал усилить оборону на смежных флангах 143-го и 146-го полков.

С утра 4 марта после 20-минутной авиационной подготовки противник возобновил наступление. Главный удар он наносил на левом фланге дивизии: по подразделениям 146-го гвардейского стрелкового полка, где действовали около 50 танков и штурмовых орудий и до полка мотопехоты на бронетранспортерах. Ожесточенный бой разгорелся в районе обороны 2-го стрелкового батальона. Прикрывая выход главных сил полка с северо-восточной окраины станции Власовка, батальон полностью погиб, но не пропустил немецкую пехоту. В жестокой схватке погиб командир полка майор Иван Ануфриевич Собко. Гвардейцы вынесли его тело с поля боя. Позже оно было захоронено на центральном военном кладбище в Харькове.

Другой удар вражеская группировка нанесла в обход Камышеватого с северо-запада. Здесь одновременно наступали 30–40 танков и до батальона мотопехоты. Подразделения 138-го гвардейского стрелкового полка во взаимодействии с батареями 76-мм пушек 1-го дивизиона 98-го гвардейского артиллерийского полка в течение дня отбили около десяти атак, проводившихся с юго-востока и северо-востока. Во второй половине дня противнику удалось окружить два батальона 138-го полка в юго-восточной части Камышеватого. Командир полка организовал здесь круговую оборону. До конца дня подразделения полка отражали непрерывные атаки противника и одновременно

готовили удар с целью выхода из окружения. Было намечено направление атаки, определены ударная группа и группа прикрытия, уточнены сигналы взаимодействия и целеуказания. В 23 часа 4 марта батальоны внезапной атакой прорвали кольцо окружения и вышли на северную окраину Винников, где получили задачу двигаться на Станичное, Старая Водолага. В этом тяжелом бою особенно отличились бойцы расчета 76-мм орудия под командованием сержанта Фроленко, а также наводчик другого 76-мм орудия ефрейтор Черных. Обеспечивая выход подразделения из окружения, они в те мгновения, когда местность освещалась ракетами, огнем буквально в упор расстреляли два немецких танка и два бронетранспортера.



Боевые действия 48-й гвардейской стрелковой дивизии 4–5 марта 1943 г.

Тем временем в районе южной окраины Мокрянки вели бой с танками и пехотой врага подразделения 143-го полка. Затем они совместно с гаубичным дивизионом обеспечили выход из боя главных сил 138-го и 146-го гвардейских стрелковых полков, более трех часов сдерживая натиск противника и прикрывая дорогу на Винники.

Развивая наступление из Староверовки в северо-западном направлении, часть сил танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» устремилась к узлу дорог Станичное, с тем чтобы отрезать пути отхода 48-й дивизии на р. Мжа. Однако немецким танкам и мотопехоте не удалось с ходу захватить село. Здесь враг наткнулся на организованную оборону резерва дивизии – учебного батальона и артиллерийского противотанкового

резерва. Подпустив танки на дистанцию прямого выстрела, десять противотанковых орудий по команде командира дивизиона майора А.И. Митина открыли по ним огонь. Головные машины, подойдя вплотную к переднему краю батальонного района обороны, попали на установленное саперами минное поле. Два «Тигра» подорвались. Танки замедлили движение в поисках обхода. Некоторые открыли сильный огонь с места. Под их прикрытием вперед пошла спешившаяся пехота. В этот момент вступили в бой курсанты учебного батальона дивизии. Стрелки, пулеметчики и бронебойщики вели по перебегающей пехоте противника сосредоточенный огонь, который усиливался огнем истребительно-противотанкового дивизиона. В огневом поединке особенно отличился взвод 45-мм орудий под командованием младшего лейтенанта И.Д. Бурлака. В течение часа из двух пушек он подбил семь вражеских танков и бронетранспортеров.

Большие потери понесли и артиллеристы. Расчеты орудий вышли из строя, одна пушка была разбита прямым попаданием снаряда. В этой тяжелой обстановке командир взвода подбежал к уцелевшему орудию и сумел подбить три танка. Четвертый на большой скорости ворвался на огневую позицию и смял последнее орудие взвода. Как только вражеский танк стал удаляться от раздавленного орудия, Бурлак, успевший укрыться в щели, выскочил из своего укрытия и метнул в уходящий танк одну за другой две противотанковые гранаты. Немецкая машина, объятая пламенем, остановилась. Был тяжело ранен и командир взвода. Всего из двух 45-мм орудий взвод подбил 11 танков.

И все-таки противнику удалось захватить Станичное. Однако здесь он лишился 22 танков, которые подбили подразделения учебного батальона и 53-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. С потерей Станичного, по существу, завершилась борьба за полосу обороны дивизии, которую она занимала с 1 марта. Под ударами превосходящих сил врага 48-я гвардейская стрелковая дивизия отошла на рубеж юго-западная окраина Сухая Балка, западная окраина Мокрянки, Мокра, совхоз Коминтерн, Прихневка. Ей было приказано под покровом ночи скрытно отойти в район Манциловка, Минковка, Кобзаревка, занять там оборону и не допустить прорыва врага в северном направлении [325] .

В ходе упорных двухдневных оборонительных боев части дивизии нанесли противнику значительные потери и совместно с другими соединениями армии задержали наступление его ударной группировки на Харьков с юга. За это время было подбито и сожжено 38 танков, 12 бронетранспортеров, 45 автомашин и уничтожено значительное число немецких солдат и

офицеров.

Не добившись решающего успеха в полосе 3-й танковой армии, противник изменил направление главного удара. Утром 6 марта командование группой армий «Юг» нанесло главный удар смежными флангами 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» в стык между 69-й и 3-й танковой армиями. Здесь после артиллерийской подготовки противник ввел в сражение до двух танковых дивизий, действия которых активно поддерживала авиация, в течение шести часов наносившая удары по боевым порядкам 160-й и 305-й стрелковых дивизий 69-й армии [326] .

В полосе 160-й стрелковой дивизии на фронте в 2–2,5 км было развернуто в первом эшелоне до 40 танков (в том числе несколько «Тигров») и штурмовых орудий, во втором – до 60 средних танков с десантом автоматчиков, а в третьем – легкие танки, бронетранспортеры и бронемашины с пехотой. Действия наземных войск непрерывно поддерживала авиация, которая группами по 25–30 бомбардировщиков воздействовала по боевым порядкам войск и огневым позициям артиллерии. Сломив в короткие сроки сопротивление стрелковых частей, противник вышел на фланги и в тыл противотанковых опорных пунктов и на позиции дивизионной артиллерии в глубине. Часть орудий была уничтожена огнем танков, другая часть – осталась без расчетов и была без помех обойдена немецкими танковыми подразделениями. Дело в том, что не только стрелковые взводы и роты, но и артиллерийские расчеты часто были укомплектованы личным составом, призванным на освобожденной территории. Ввиду отставания тылов вновь призванные не были переодеты в военную форму и продолжали действовать в своей одежде. Этим не преминул воспользоваться противник. Переодетые в конфискованную у местного населения одежду, немецкие пехотинцы, действуя в качестве десанта на танках, при подходе к огневым позициям артиллерии заблаговременно спешивались с танков, в пешем порядке выдвигались к орудийным расчетам и, не вызывая подозрения, уничтожали их в ближнем бою.

Одновременно другие удары были нанесены в центре оперативного построения 69-й армии – на смежных флангах 37-й стрелковой бригады и 180-й стрелковой дивизии силами двух пехотных батальонов при поддержке до 20 танков, а также на ее правом фланге – в полосе 161-й стрелковой дивизии, против которой перешла в наступление 167-я немецкая пехотная дивизия.

В результате первого дня боев противнику удалось потеснить 161-ю стрелковую дивизию на 3–4 км, а 37-ю стрелковую бригаду и 180-ю стрелковую дивизию – на 6–10 км. На левом фланге

армии 160-я стрелковая дивизия со 2-й истребительной бригадой после четырехчасового боя отошла в северном и северо-восточном направлениях. За день боя потери артиллерии 160-й стрелковой дивизии и 2-й истребительной бригады составили 75 % от ее общего количества, а в 270-й стрелковой дивизии, которая была окружена, артиллерия была уничтожена полностью [327] . В 37-й стрелковой бригаде было выведено из строя 12 орудий из 28, имевшихся к началу наступления немецких войск. Бригада также имела потери до 70 % средств тяги. Фактически не смогла вывести из боя и отвести на последующий рубеж обороны свою артиллерию и 180-я стрелковая дивизия. Попытка командира дивизии задержать продвижение танков противника вводом в бой артиллерийского противотанкового резерва (одна батарея) также не увенчалась успехом, так как он был уничтожен их огнем при выдвижении на указанный рубеж развертывания [328] .

На левом фланге армии танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», вклинившись в глубину обороны на 10–12 км, во второй половине дня вышла к хутору Снежков Кут и к Замостью, где в противотанковых опорных пунктах занимала оборону 6-я истребительная бригада. В течение трех часов бригада отражала атаки до 70 танков противника, уничтожив 24 из них [329] . Ведя бой самостоятельно без стрелкового прикрытия, она была блокирована с флангов и с тыла, понесла большие потери в артиллерии и была вынуждена отойти. Вызывает интерес то, как описывает этот бой один из его участников с немецкой стороны – начальник штаба 1-го танкового полка дивизии «Адольф Гитлер» оберштурмфюрер Изике: «…Широким фронтом мы продолжаем наступление по заснеженной равнине. На горизонте перед нами едва виднеются крыши. Это может быть только Снежков-Кут. Во время короткой остановки командир штурмбаннфюрер Вюнше отдает первой роте приказ, обогнув далеко растянувшуюся деревню, атаковать ее с востока и двигаться нам навстречу. Мы же продолжаем наступать в нашем направлении… То и дело перед нами и по сторонам взвивается снег и что-то жужжит мимо нас. Нас осталось 18 танков, за нами оба «Тигра», пехота пока еще сидит на броне, спрятавшись за башней… Слева и справа от нас два танка объяты пламенем. Наша танковая атака достигла своей критической фазы… От высоты перед нами, уже хорошо различимой, неприятно часто посверкивает…

По звукам выстрелов и взрывам мы понимаем, что бой между танками и противотанковыми орудиями в самом разгаре. Примерно в 80 метрах от нас появляется «Тигр», который движется в сторону высоты… Едва «Тигр» поднимается на возвышение, раздается грохот. Вокруг нас огненные вспышки и

осколки. Подняв головы, мы видим на башне «Тигра» пятно размером с квадратный метр. Ствол орудия калибром 88-мм приходит в движение и, словно пальцем, указывает на цель. Струя огня – мы приподнялись, чтобы видеть, что произошло. Половину дома снесло, и очень ясно стал виден горящий танк, теперь без башни…

На восточной окраине как минимум две дюжины «Т-34» вышли из своих укрытий. Между тем подоспел второй «Тигр»… Перед деревней Снежков-Кут наши подбивают восемь вражеских танков. В самой деревне удается уничтожить еще четыре, в то время как остальные «Т-34» исчезают в направлении Валки, на северо-восток. Штурмбаннфюрер Вюнше между тем руководил действиями отделения против позиций ПТО. По окончании боя их насчитали 56».

Этот отрывок заставляет опять вернуться к вопросу о потерях, в данном случае приводимых немецкой стороной. В 69-й армии к тому времени насчитывалось, по различным данным, от 4 до 8 танков. «Героический» оберштурмфюрер же насчитал их «не менее двух дюжин», при этом 12 из них в этом бою были «уничтожены». А вот своих подбитых танков он в «горячке» боя заметил только два. По всей видимости, обзор из танка был плохой.

Тем не менее передовые части танкового корпуса СС к исходу дня смогли вклиниться на глубину до 15 км и выйти в район населенного пункта Валки, который обороняла 305-я стрелковая дивизия. Вот здесь-то и находился танковый резерв армии. Как пишет генерал М.И. Казаков: «И тут не вытерпело сердце командующего бронетанковыми и механизированными войсками нашей армии генерал-лейтенанта В.А. Мишулина. По собственной инициативе он сам повел в контратаку те семь-восемь танков (по данным ЦАМО, к тому времени в армии имелось 4 танка. – *Авт* .), которыми располагал. Но силы были слишком неравными. Очень скоро немцам удалось подбить головной танк, в котором находился Мишулин. Другие танковые экипажи с трудом спасли тяжело контуженного генерала. Изменить же течение боя они не смогли» [330] .

В итоге прорыв противником переднего края обороны 160-й стрелковой дивизии и одновременное его вклинение на двух других направлениях привели к отходу большей части сил армии (161, 180, 160-я стрелковые дивизии и 37-я стрелковая бригада) и к окружению 270-й стрелковой дивизии, которая была глубоко охвачена с флангов. Развивая наступление, передовые части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» 7 марта блокировали с фронта 305-ю стрелковую дивизию, обошли ее с флангов и с

выходом в район Люботина отрезали пути отхода дивизии в направлении Харькова.

Соединения 69-й армии начали отходить в северо-западном направлении, тем самым теряя взаимодействие с 3-й танковой и 40-й армиями. Прорыв танковых дивизий врага на стыке двух армий вынудил отходить 48-ю гвардейскую и 350-ю стрелковые дивизии, а также 253-ю и 104-ю стрелковые бригады, которые только что прибыли в 3-ю танковую армию.

В целом отразить наступление мощной группировки немецких войск в пределах тактической зоны обороны в полосах 69-й и правого фланга 3-й танковой армий не удалось. Противник не только прорвал их оборону, но и, вклинившись в стыке армий на глубину до 40 км, рассек войска левого крыла Воронежского фронта. Расширяя прорыв в сторону флангов, он добился того, что 69-я и 3-я танковая армии начали отход по расходящимся направлениям: на северо-восток и северо-запад соответственно. Это привело к образованию значительного разрыва в оперативном построении фронта и создало угрозу выхода дивизий танкового корпуса СС к Харькову с севера. Кроме того, с отходом 69-й армии оголился левый фланг соседней с ней 40-й армии. Это заставило командующего войсками фронта генерал-полковника Ф.И. Голикова принять решение на ее отвод с занимаемого рубежа обороны с целью совмещения флангов этих объединений. Несмотря на незначительное воздействие немецких войск с фронта (до полутора пехотных полков при поддержке 20 танков), 40-я армия вынуждена была отходить и занимать оборону на неподготовленном рубеже.

Неблагоприятный итог боевых действий в тактической зоне обороны был обусловлен тем, что ее удержание, по существу, было возложено только на ослабленные в ходе предыдущего наступления соединения первого эшелона. Отсутствие в составе фронта и армий сильных артиллерийских групп, вторых эшелонов и резервов не позволили оказать оборонявшимся на переднем крае дивизиям эффективную огневую поддержку и нарастить их усилия за счет ввода в сражение дополнительных сил и средств из глубины.

Ведение противником наступления во всей полосе обороны армейских объединений и его вклинение одновременно на нескольких участках практически исключили либо крайне ограничили маневр силами и средствами вдоль фронта и привели к нарушению взаимодействия между соединениями и частями. В такой обстановке боевые действия в тактической зоне обороны характеризовались ведением борьбы изолированных друг от друга группировок войск в отдельных узлах сопротивления

(участки и районы обороны стрелковых полков и батальонов, населенные пункты, узлы дорог). Однако немецким танковым и мотопехотным группировкам, как правило, удавалось блокировать их частью сил с фронта и обойти с флангов.

Недостаточная устойчивость соединений и частей в тактической зоне обороны была к тому же обусловлена низкой эффективностью огневого поражения противника на подступах к переднему краю, а также большими потерями в средствах поражения, в первую очередь в артиллерии. С переходом танков и пехоты врага в наступление воздействие по ним огнем с закрытых огневых позиций носило лишь эпизодический характер. Как правило, для его ведения привлекались приданные стрелковым полкам первого эшелона и составлявшие артиллерийские группы поддержки пехоты батареи 122-мм гаубиц. Но ввиду малочисленности они не могли расстроить своим огнем боевые порядки танковых соединений и частей противника и воспретить их выход к переднему краю обороны. Поэтому основная тяжесть борьбы с танками ложилась на орудия противотанковой и полевой артиллерии, которые занимали огневые позиции в районах обороны стрелковых батальонов или располагались в противотанковых опорных пунктах на переднем крае и в ближайшей тактической глубине. Однако при обороне в широких полосах они не могли создать высокой плотности противотанкового огня, что не позволяло отразить атаки противника, несмотря на наносимые ему потери.

В результате этого он в короткие сроки преодолевал или прорывал передний край обороны, уничтожал огневые средства в пределах первой позиции и выходил на позиции дивизионной и приданной артиллерии. Ввиду одноэшелонного построения соединений и частей и их отхода, она зачастую оставалась без стрелкового прикрытия и вела бой с танками и пехотой самостоятельно.

Положение усугублялось также и тем, что в такой обстановке некоторые артиллерийские подразделения, в основном составлявшие артиллерийский противотанковый резерв стрелковых дивизий, вынуждены были вступать в бой с вражескими танками с ходу, на открытой местности и не подготовленных в инженерном отношении рубежах. Это не позволяло в необходимой мере организовать их огонь в единую систему.

Таким образом, боевые действия в тактической зоне обороны носили кратковременный характер, что было обусловлено значительным превосходством немецких группировок в силах и средствах на направлениях их ударов и неготовностью обороны.

Их результатом явились большие потери в живой силе и технике, понесенные соединениями первого эшелона, рассечение обороны и окружение части сил и средств, образование брешей в оперативном построении фронта и армий.

Сложившаяся в результате ударов противника обстановка, после того как не удалось отразить его наступление в тактической зоне обороны, вызывала объективную необходимость переноса основных усилий в обороне в ее глубину и изменения имевшейся группировки сил и средств. При этом главная задача, которая стояла перед командующим войсками Воронежского фронта, заключалась в срочном наращивании усилий в стыке 69-й и 3-й танковой армий. Для прикрытия образовавшегося между ними разрыва он решил построить оборону по рубежу Крысино, Ольшаны, Люботин, Буды и далее по рекам Мерефа и Мжа за счет отвода на него соединений 3-й танковой армии, а также выдвижения на угрожаемое направление трех стрелковых дивизий 40-й армии, соединений и частей оперативной группы обороны Харькова и прибывавшей с правого крыла фронта (из 38-й армии) 303-й стрелковой дивизии. Одновременно из полосы обороны 3-й танковой армии выводился и перегруппировывался в Дергачи (20 км севернее Харькова) 6-й гвардейский кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий и одной танковой бригады.

Вместе с тем даже в обстановке, когда появилась реальная угроза Харькову, а войска фронта с трудом отражали удары противника, его командование видело дальнейшие перспективы в скором разгроме вражеской группировки и воплощении в жизнь своей вожделенной цели – выходе к Днепру. Так, 8 марта представитель Ставки на Воронежском фронте А.М. Василевский и командующий его войсками Ф.И. Голиков докладывали в Ставку: «Противник ближайшей своей целью поставил овладеть Харьковом. Обстановка здесь на 8.3. продолжает оставаться напряженной. Противник, сосредоточив до шести танковых дивизий в общем составе до 350 танков при 300 самолетах, в период с 2 по 7.3. после упорных боев отбросил сильно ослабленные после поражения в районе Кегичевки группы Зиньковича, силы 3-й танковой армии на рубежи Валок, Мерефа, Соколово, Тарановка. Основные усилия в течение 6 и 7 марта противник направил на Харьков с юго-запада через Валки и Новую Водолагу. В ночь на 8.3. ему удалось занять Валки. Все атаки противника 7.3. от Новой Водолаги на Мерефу и на других участках фронта, а также попытки переправиться на северный берег Северского Донца у Федорова (Ватутин. – *Авт* .) отбиты. За последние два дня в результате упорных боев на направлениях

Валок, Мерефы у противника подбито до 100 танков…

По сосредоточении армий Катукова и Шумилова ориентировочно 25–28.3. перейти в наступление с главным ударом силами армий Катукова, Шумилова и Рыбалко на Красноград, Днепропетровск с задачей… овладеть Полтавой, Нехворощей и Днепропетровском. Одновременно силами Юго-Западного фронта из района Балаклея, Изюм нанести удар через Павлоград на Запорожье и далее на Мелитополь с целью ликвидации донбасской группировки противника». Не случайно, что в этот же день в Ставку обратился и генерал Ватутин, который высказал свои соображения по плану дальнейших действий: «Ближайшая цель: окружить и уничтожить вооруженные силы противника, находящиеся в Донбассе и на Украине восточнее линии Полтава, Кременчуг, р. Днепр, и овладеть этим районом» [331] .

Складывается такое впечатление, что наступление ведет и владеет инициативой не группа армий «Юг» противника, а войска советских Юго-Западного и Воронежского фронтов.

Между тем обстановка в районе Харькова продолжала обостряться. Танковые части противника продолжали рваться к Харькову по Полтавскому шоссе. Для того чтобы прикрыть это направление, сюда была выдвинута прибывшая из полосы 38-й армии 303-я стрелковая дивизия. Ее командир полковник К. Федоровский в 9 часов 8 марта выдвинул в Люботин передовой отряд, поставив ему задачу до 22–24 часов удерживать город и обеспечить главным силам организованное вступление в бой. Главные силы дивизии к 15 часам подошли к основному рубежу обороны в районе Коротича.

Боевой порядок дивизии строился в один эшелон при сосредоточении основных усилий на удержании западной окраины населенного пункта. Для усиления обороны в противотанковом отношении в боевые порядки полков на огневые позиции для ведения огня прямой наводкой были поставлены 76-мм дивизионные пушки, а также полковые противотанковые орудия. На восточной окраине Коротича и южнее огневые позиции заняли гаубичные 122-мм батареи 844-го и 98-го артиллерийских полков и 120-мм полковые минометы. На юго-западной окраине Песочина был сосредоточен резерв командира дивизии в составе 8-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, саперного взвода и учебного батальона.

В 16 часов до 30 танков и до батальона пехоты на бронетранспортерах противника вышли к позициям переходившего к обороне в Люботине передового отряда дивизии.

До позднего вечера здесь шел бой, в ходе которого подразделения 849-го полка отразили несколько атак. Выполнив поставленную задачу, передовой отряд согласно приказу командира дивизии в 2 часа 9 марта скрытно оторвался от противника и соединился с основными силами.

На рассвете 9 марта по Коротичу и Гавриловке нанесли удар более 100 бомбардировщиков «Ю-88». В 7 часов 35 минут после короткого, но мощного огневого налета артиллерии противник перешел в наступление. Западнее Коротича разворачивались танки, штурмовые орудия и бронетранспортеры, которые на большой скорости начали двигаться к населенному пункту. Бронированные машины были встречены сильным заградительным огнем. Несколько танков было подбито. Но остальные продолжали движение. В бой вступили артиллерия 844-го полка и танкисты 86-й бригады. В течение шестичасового боя только один расчет противотанковой пушки сержанта Разина вывел из строя девять немецких танков и два орудия.

В течение следующего дня, 10 марта, части танковой дивизии СС «Рейх» так и не смогли преодолеть оборону советских войск в районе Гавриловка, Коротич, Буды. Однако, ввиду усложнившейся обстановки на северной и северо-западной окраинах Харькова, 86-я отдельная танковая бригада была снята с занимаемого рубежа и переброшена на усиление 19-й стрелковой дивизии. 303-я стрелковая дивизия также получила приказ оставить занимаемые позиции, отойти на рубеж Песочин, поселок Южный и прикрыть подступы к Харькову с запада.

Несмотря на то что благодаря принятым мерам была значительно усилена оборона города с запада и с юга, разрыв между 69-й и 3-й танковой армиями прикрыт не был. Выдвигавшиеся сюда 107, 183 и 340-я стрелковые дивизии 40-й армии в ходе встречных боев с танковыми дивизиями СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» (последняя была введена в сражение с утра 8 марта) понесли тяжелые потери и, частично потеряв управление, отошли в полосу обороны 69-й армии [332] . В итоге направление к городу с севера было прикрыто только 6-м гвардейским кавалерийским корпусом. Других сил, способных реально повлиять на изменение обстановки на направлении главного удара танкового корпуса СС, ни фронт, ни армии не имели.

Следовательно, создать сплошной фронт обороны в глубине командующему войсками и штабу Воронежского фронта не удалось. Это явилось следствием того, что немецкие войска упредили предназначенные для этого соединения в выходе на запланированные рубежи и, нарастив силу удара, сорвали их

переход к обороне. Действуя впоследствии отдельными группами танков и бронетранспортеров с пехотой, противник рассек противостоявшие ему стрелковые дивизии, нарушил взаимодействие между ними и заставил их отходить в нужном для себя направлении.

Преследуя стрелковые части и подразделения, передовые отряды танковой дивизии СС «Мертвая голова» вышли к рубежу, на котором закреплялись после отхода левофланговые соединения 69-й армии, в короткие сроки сломили их сопротивление и расширили прорыв в северном направлении. На правом фланге и в центре оперативного построения этой армии 161-я и 180-я стрелковые дивизии, а также 37-я стрелковая бригада вели сдерживающие бои с разведкой и авангардами начавшей выдвижение танко-гренадерской дивизии «Великая Германия» (ей был придан один танковый батальон дивизии СС «Мертвая голова»), которая входила в оперативную группу «Кемпф».

Одновременно с этим наступавшая на правом фланге танкового корпуса СС дивизия «Рейх» потеснила на запад к Харькову соединения 3-й танковой армии. В результате таких действий противника разрыв в оперативном построении Воронежского фронта увеличился до 40 км.

Утром 10 марта до полка немецкой мотопехоты с 30–40 танками дивизии СС «Адольф Гитлер» начали наступление из района высот западнее Дергачей против 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Первая атака была отбита. В 10 часов она была повторена, но теперь уже более крупными силами – до 60 танков и до двух полков мотопехоты. Их действия активно поддерживала авиация. Оборона корпуса была прорвана, и он был отброшен в леса северо-восточнее Черкасского и Русского Лозового. Для нанесения удара по противнику с тыла сюда были выдвинуты 107, 183 и 340-я стрелковые дивизии, ранее перегруппированные из полосы 40-й армии и уже понесшие до этого тяжелые потери в ходе встречных с боев с немецкими танковыми частями. Но добиться успеха они не смогли. Как отмечалось в докладе командующего 69-й армией: «… Дивизии выполняли неорганизованное и неуправляемое наступление… 107-я и 340-я стрелковые дивизии в районе Крысино были атакованы 15 танками противника и были рассеяны так, что в дальнейшем, после передачи их в состав 69-й армии, так и не удалось их собрать» [333] .

К 17 часам противник перерезал шоссе на Белгород и повел наступление непосредственно на Харьков с севера. К исходу дня отдельные пехотные группы проникли на северо-восточную

окраину города. Как отмечалось в отчете 3-й танковой армии, немецкие пехотинцы, «…засев небольшими группами в разрушенных зданиях и на чердаках, вели обстрел машин и проходящих одиночек и групп военных. Огонь автоматчиков дополнялся стрельбой одиночек украинских националистов, ведущих огонь с чердаков и окон верхних этажей разрушенных зданий. Борьба с одиночками была очень затруднена, так как последние укрывались среди развалин» [334] . В этот день в состав армии вошла 19-я стрелковая дивизия, которая заняла оборону в районе Солоницевки. Одновременно на северную окраину Харькова были направлены передовые подразделения вошедшего в состав Воронежского фронта 2-го гвардейского танкового корпуса.

Так как противник, по существу, находился уже на северных окраинах Харькова, командир дивизии СС «Адольф Гитлер» обергруппенфюрер Дитрих отдал приказ о его штурме: «1. Стремительным наступлением «Лейбштандарта» противник ошеломлен и отброшен.

2. Танковому корпусу СС 11.03.43 занять Харьков. Его восточный фланг – в районе Мерефы образуют части дивизии СС «Р», а северный и северо-восточный фланг проходит по рубежу Русское, Дергачи, Фестки, Ольшаны. Его обеспечивает дивизия СС «МГ».

3. Наступление ведут:

Дивизия СС «Р» – усиленной полковой группой с запада. Дивизия «ЛССА Г» двумя полковыми группами с севера…

4. Задачи:

а) усиленному 2-му мпп (1-й дивизион 55-го полка реактивных минометов, дивизион штурмовых орудий без батареи, 88-мм зенитная батарея, 1-й и 2-й артиллерийские дивизионы, 5-я зенитная батарея) атаковать вдоль шоссе «Запад» северную окраину Харькова, атаковать до разгранлинии с дивизией СС «Р» и очистить эту часть города от противника.

б) Усиленному 1-му мпп (боевая группа Майера, корпусной дивизион реактивных минометов, остальные средства усиления – прежние) атаковать вдоль шоссе «Восток» северо-восточную часть Харькова, сразу же направить одну боевую группу до юго-восточного выезда до Рогани, очистить центр города от противника и выслать охранение в восточном и северо-восточном направлениях…

Один батальон, усиленный штурмовыми орудиями, продвигать за боевой группой до поворота дороги у Степаново. Его применение – только с разрешения командира дивизии.

Для этого в ночь с 10 на 11 марта подвести боевые группы

как можно ближе к окраине города. Начало атаки – в 4.00».

В свою очередь генерал Голиков в этот же день передал следующие указания своему заместителю генералу Козлову: «1. За город Харьков драться до предела всеми силами Рыбалко и гарнизона с задачей как можно дольше сковать главные силы противника.

2. Корпус Баданова вывести за фланг противника наступающего на Харьков, а именно в район Казачья Лопань, Журавлевка, с задачей перехватить Белгородское шоссе фронтом на юг и не допустить продвижения противника в направлении Белгорода.

3. В этот же район вывести и сосредоточить корпус Бахарева».

С утра 11 марта танковые подразделения дивизии «Адольф Гитлер» прорвались в город, а передовые отряды пехоты дошли до его центра и заняли дом Госпрома (по немецким докладам – «Красную площадь». – *Авт* .). Управление войсками харьковского гарнизона было нарушено. Как утверждается в отчете 3-й танковой армии, генерал Козлов, «…не имея связи с войсками, передал управление войсками гарнизона командующему 3-й танковой армией, сам выехал из города в неизвестном направлении». По утверждению же командующего войсками фронта, «генерал-лейтенант Козлов выехал для увязки действий с 6-й армией Юго-Западного фронта по обеспечению правого фланга 3-й танковой армии» [335] . Как бы там ни было, но такой элемент оперативного построения фронта, как «оперативная группа обороны Харькова», прекратил свое существование, а войска, находившиеся в городе, были подчинены командующему 3-й армией генерал-лейтенанту Рыбалко.

В ночь на 12 марта танковая дивизия СС «Рейх» преодолела сопротивление 303-й стрелковой дивизии на западной окраине Харькова и в ходе боя достигла железнодорожного вокзала. К исходу дня защитники города вынуждены были отойти за р. Лопань, оставив его северную и северо-восточную части. В своем донесении командующему войсками фронта генерал Рыбалко сообщал: «Приказом Козлова мне подчинены все войска, обороняющие Харьков. Противник овладел Шевченко, Сокольниками, Северным Постом, Куряжанкой, хутором Залютин Яр, Подворками, хутором Залютино. Положение создается критическое, город силами 19-й стрелковой дивизии и 17-й бригады НКВД, к тому же небоеспособных, я не удержу. Резервов нет.

Противник может перерезать все пути отхода. Боеприпасы на исходе, горючего нет. В городе имею более 3000 раненых. Вывезти не имею возможности. Часть автоматчиков и самоходных

орудий по Белгородскому шоссе прорвались в город, заняли Госпром, полотно Сумской ж.д., и противник подтягивает силы для захвата города» [336] .

Созданные в городе укрепления, по сути, не сыграли своей роли, так как при недостатке сил и средств они не были прикрыты огнем артиллерии и стрелкового оружия. Кроме того, как следует из доклада штаба 3-й танковой армии, «частям, обороняющим город Харьков, схемы оборонительных сооружений штаб обороны не дал, в силу чего и не все укрепления были частями использованы. Заблаговременно эти укрепления никем не занимались, а отходящие части в лучшем случае случайно на них натыкались и использовали. В большинстве же случаев не использовались вовсе… Штабу 3-й танковой армии было поздно изучать участки обороны, рубежи и части, обороняющие город. Поздно было заниматься и перегруппировкой сил, хотя это и диктовалось обстановкой» [337] . В этот же день из города были выведены части 2-го гвардейского танкового корпуса с целью занятия обороны на Белгородском шоссе.

В то время, когда соединения танкового корпуса СС уже вели бои по овладению Харьковом, 48-й немецкий танковый корпус «завяз» в боях южнее и юго-восточнее города. В связи с этим командующий 4-й танковой армией принял решение обойти город с востока силами эсэсовских частей и соединиться с ними 48-м корпусом. Этим достигалось полное окружение не только Харькова, но и всей 3-й танковой армии. Для выполнения этой задачи предназначалась дивизия СС «Мертвая голова», которой приказывалось нанести удар в направлении Рогань, Чугуев. После этого тяжесть боев в городе легла на дивизию «Адольф Гитлер».

Развивая наступление, 13 марта части дивизии «Мертвая голова» заняли Сороковку и Рогань и атаковали Каменную Яругу, выйдя на основную коммуникацию армии. В этот день командующий 3-й армией докладывал в штаб фронта: «Противник пытался выйти в район ХТЗ (Харьковского тракторного завода. – *Авт.*), но, встретив упорное сопротивление со стороны Совхоз, хутор Бражники, начал обтекать восточнее и к 16.00 овладел хутором Рогань, а в 19.00 группой 27 танков и мотопехотой – Роганью. В боях за хутор Рогань противник потерял 12 танков. Часть противника повернула по Чугуевскому шоссе на Харьков, часть заняла станцию Рогань и начала накапливаться» [338] .

Понимая, что такие действия немецких войск ведут к окружению 3-й танковой армии, генерал Голиков принял решение создать ударную группировку и нанести ею удар во фланг наступавшему восточнее Харькова противнику. Для этого он

планировал привлечь 18-й танковый корпус с подчиненной ему 173-й танковой бригадой. Одновременно, с целью задержать продвижение дивизии «Мертвая голова», на направление ее наступления выдвигался сводный отряд, созданный из личного состава гвардейских минометных частей, которые к тому времени потеряли свои боевые установки. То есть в качестве пехоты должны были использоваться имеющие специальную подготовку артиллеристы. Выехавший для постановки задачи 18-му танковому корпусу генерал Козлов доложил, что «корпус имел 4 исправных танка, а всего с 173-й танковой бригадой – 11–12 танков» [339] .

Утром 14 марта после залпа двух дивизионов РС два танка «Т-34» и четыре «Т-70» с десантом мотострелков перешли в атаку и выбили противника из Рогани южной. Однако в 14.00 контратакой, поддержанной танками, они были отброшены назад. Совместно с 113-й стрелковой дивизией корпус занял оборону в Каменной Яруге. Очередной доклад Рыбалко уже не оставлял сомнения в том, что армия находится в критическом положении: «1. Заняв никем не обороняемую станцию Рогань, противник группой 7 танков, 14 автомашин с мотопехотой стал распространяться на Безлюдовку и к 14.00 вышел к юго-восточной окраине Безлюдовки. Контратакой 62-й гвардейской стрелковой дивизии был отброшен и повернул на юго-восток.

К 18.00 со станции Рогань другая группа в 12 танков и не выявленное количество автомашин с мотопехотой заняли лес между Лизогубовкой на Терновое, выйдя на северный берег реки Уда, таким образом закрыв единственную дорогу, по которой армия снабжалась из тыла. Оборонявшаяся 113-я стрелковая дивизия разбежалась и никакого сопротивления противнику не оказала.

С утра из Каменной Яруги на Рогань был организован контрудар остатками 173-й танковой бригады и группой в 200 человек пехоты, составленной из гвардейских минометных частей. Противник из восточной части Рогани к 12.00 был выбит, но контратаковавшие войска не были поддержаны частями 113-й стрелковой дивизии. Потеряв два танка и 60 % пехоты, группа отошла в Каменную Яругу.

Противник к 18.00 группой 15 танков, 18 автомашин с мотопехотой стал распространяться в Каменной Яруге и обтекал Каменную Яругу с юга в направлении Чугуева. К этому же времени группа в 6 танков с мотопехотой заняла никем не обороняемую Коммуну им. Сталина и стала распространяться в направлении Введенское. Группа в 6 машин с мотопехотой заняла совхоз Чапай, что 2,5 км северо-восточнее Ново-Покровское.

2. Положение г. Харьков.

Обороной руководит лично мой заместитель генерал-майор танковых войск Белов.

Примерно до одного батальона 32-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии продолжало драться в районе Холодной Горы, будучи обойдены со всех сторон. Вся остальная часть города севернее рр. Харьков и Лопань и западнее рр. Лопань и Уда в руках противника, также Шевченки и северо-восточная часть города. Группа противника – в районе завода «Серп и молот». Остальная часть города в наших руках.

Обороняются части 17-й бригады войск НКВД, части 19-й дивизии, 179-й танковой бригады в составе 11 танков, остатки 350-й дивизии и остатки 104-й стрелковой бригады…

3. Находясь на ВПУ – Ново-Покровское, в район Харькова или Безлюдовки я уже проникнуть не мог, разговаривал с моим заместителем генерал-майором Беловым по радио. Для меня ясно, что ухудшилось положение 19-й стрелковой дивизии и положение 17-й бригады войск НКВД, т. к. Бахарев приказа не выполнил, в назначенный ему район не вышел и где находится – мне неизвестно, с ним связи не имею…

Для того чтобы войска армии могли бы продолжать удерживать за собой г. Харьков, необходимо срочное усиление гарнизона свежей высадкой войск на аэродром Основы, снабжение их боеприпасами и продовольствием, и высадкой войск, которые могли бы занять оборону от хутора Федорцы до Лизогубовки или хотя бы до Безлюдовки, иначе положение войск в течение 15 и 16.3 может стать кризисным.

Подать собственными силами горючее, боеприпасы и продовольствие я не имею никакой возможности и не имею сил и средств для того, чтобы отбросить противника и освободить хотя бы один путь подвоза. Обещанная помощь не прибыла и не имею ориентировки, когда она может быть» [340] .

Все эти дни ни командующий 3-й танковой армией П.С. Рыбалко, ни командующий войсками Воронежского фронта Ф.И. Голиков не решались взять на себя без приказа сверху ответственность оставить город. Только в ночь на 15 марта поступила, наконец, директива Ставки выйти из окружения и сосредоточиться на левом берегу Северского Донца. Ввиду того что в большинстве соединений и частей радиостанции были выведены из строя, приказ был доведен до сведения только 179-й танковой бригады и 62-й гвардейской стрелковой дивизии, а также вспомогательного пункта управления, возглавляемого заместителем командующего армией генералом Е.Е. Беловым. На состоявшемся во второй половине дня совещании командиров

частей и соединений Белов приказал создать две группы прорыва и группу прикрытия. В первую группу вошли 303-я стрелковая дивизия полковника К.С Федоровского (он же – командир группы) и 17-я стрелковая бригада войск НКВД (без 210-го батальона); во вторую – 19-я стрелковая дивизия полковника Г.А. Гоголицына (он же – командир группы) и 86-я отдельная танковая бригада. Группу прикрытия составила 62-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г.М. Зайцева. 179-я отдельная танковая бригада полковника Ф.Н. Рудкина, а также 210-й батальон 17-й бригады войск НКВД, которые были окружены в районе тракторного завода, должны были осуществлять прорыв самостоятельно.

Эта группа в ночь на 16 марта прорвалась в северо-восточном направлении и впоследствии вышла к своим войскам на восточный берег Северского Донца южнее Волчанска. Остальные соединения армии прорывались в общем направлении на Скрипаи. В ходе прорыва, лично руководя боем своих соединений, погибли командир 17-й бригады войск НКВД полковник Тонкопий и командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Зайцев. Как отмечалось в отчете штаба 3-й танковой армии, к исходу 17 марта, «преодолевая сопротивление противника, части армии вышли в южном направлении до 5000 человек и в северо-восточном направлении до 3500 человек. 62-я гвардейская стрелковая дивизия вышла, имея без тылов около 2500 человек… 350-я стрелковая дивизия кроме тылов, ранее выведенных из боя, вышла единицами. 17-я бригада войск НКВД вышла в составе свыше 1000 активных штыков и направлена на оборону по восточному берегу р. Северский Донец на участке Старый Салтов, Хотомля. 303-я и 19-я стрелковые дивизии имеют свыше 1000 активных штыков» [341] .

За период с 1 по 20 марта потери артиллерии армии составили: 175 45-мм противотанковых пушек, 59 76-мм полковых пушек и 184 76-мм дивизионные пушки, 99 122-мм гаубиц, 321 50-мм миномет, 437 82-мм минометов и 87 120-мм минометов, 30 37-мм зенитных пушек [342] . Всего, в соответствии с докладом штаба артиллерии армии, после отхода за Северский Донец в ней оставалось: 45-мм противотанковых орудий – 6, 76-мм ПА – 4, 76-мм ДА – 19, 122-мм гаубиц – 12, 122-мм пушек – 12, 152-мм пушек-гаубиц – 17, 50-мм минометов – 15, 82-мм минометов – 40, 120-мм минометов – 10 [343] .

Одновременно штаб артиллерии отмечал и недостатки в ее применении:

«1. Артиллерийские части усиления оставались без

прикрытия пехоты, что вело к большим потерям.

2. Имели случаи постановки огневых задач вообще – «вести огонь по населенному пункту».

3. Артиллерийские части усиления часто не предупреждались об отходе стрелковых частей на новые рубежи.

4. Постановка задач осуществлялась без учета материально-технической обеспеченности артиллерии, что вело к отрыву артиллерии от тылов. В результате чего она выходила на огневые позиции, имея низкую обеспеченность боеприпасами и ГСМ. Израсходовав боеприпасы и не имея горючего, артиллерия уничтожалась танками противника» [344] .

Что касается потерь танков, то в соответствии с докладом генерала Рыбалко в штаб фронта, «при выходе из окружения в районе Харькова в армии осталось 9 танков» (по сути, танковая рота. – *Авт* .). Общие же безвозвратные потери танков за период с 14 января по 12 марта 1943 г. составили 293 боевые машины, из них: «КВ» – 14, «Т-34» – 214, «Т-70» – 37, «Т-60» – 28 [345] . Кроме того, противнику удалось захватить в Харькове несколько десятков танков «Т-34», которые ремонтировались на тракторном заводе. Впоследствии они были использованы им в наступлении на белгородском направлении в ходе Курской битвы.

Учитывая состояние армии, ее Военный совет внес в штаб фронта следующее предложение: «В целях сохранения, быстрейшего восстановления и доукомплектования всей 3-й танковой армии в ее штатном составе, которая имеет огромные боевые традиции, богатый боевой опыт, проверенные в боевом отношении, хорошо сколоченные и взаимно-понимающие друг друга кадры, прошу возбудить ходатайство перед Народным Комиссаром Обороны Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным о немедленном выводе армии в резерв Ставки Главного Верховного Командования (так в документе. – *Авт.*) и обеспечить ей восстановление и доукомплектование в минимальный срок» [346] .

Одновременно с ведением боевых действий в районе Харькова противник, после того как он рассек войска левого крыла Воронежского фронта, получил возможность вести наступление и на Белгород, так как данное направление не было прикрыто советскими войсками. В таких условиях генерал-полковник Ф.И. Голиков решил перегруппировать 69-ю армию на новый рубеж обороны для прикрытия белгородского направления с юга. Армии подчинялся 2-й гвардейский танковый корпус генерала Баданова. 40-й армии была поставлена задача отойти в глубину обороны с целью совмещения фланга с 69-й армией. Как отмечал командующий 69-й армией генерал М.И. Казаков: «…

Филиппа Ивановича беспокоила не столько опасность в районе Богодухова и Харькова, сколько угроза более глубокого удара немцев на Белгород, Курск. Такие действия противника в период между 10 и 15 марта были вполне реальными и могли привести к весьма тяжелым последствиям, ибо у командующего Воронежским фронтом не имелось никаких резервов…

Голиков приказал мне перегруппировать часть сил 69-й армии на рубеж Золочев, Липцы и таким образом прикрыть шоссе Харьков – Белгород. При этом армия не освобождалась от ответственности за район Богодухова. Такая раздвоенность усилий, да еще в тяжелой оперативной обстановке, была нам явно не по плечу. Я попросил командующего возложить оборону направления Богодухов, Грайворон на 40-ю армию с передачей ей двух наших стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады, действовавших в данном районе, а нам переподчинить две ее дивизии, отходившие на Золочев» [347] .

В то же время угроза прорыва противника на Белгород стала очевидной и для представителя Ставки на Воронежском фронте А.М. Василевского. В разговоре по телефону с Верховным Главнокомандующим он высказал мысль о необходимости «немедленно и серьезно усилить курско-белгородско-харьковское направление», для чего направить сюда две общевойсковые и одну танковую армии. Аргументы Василевского были приняты во внимание, и вскоре командующим войсками Центрального и Воронежского фронтов поступила директива Ставки, в которой говорилось: «Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова (1-я танковая армия. – *Авт.*) навстречу подымающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов. Ставка приказывает:

1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни.

2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я

армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующего Воронежским фронтом» [348] .

Находившемуся в то время в Курске в качестве представителя Ставки заместителю начальника Генерального штаба генералу А.И. Антонову было приказано принять все меры для быстрейшего выдвижения на р. Псел 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. Армия должна была прочно удерживать этот рубеж и обеспечить развертывание прибывавшей сюда из резерва Ставки 1-й танковой армии. Ставкой было также дано указание срочно перегруппировать в распоряжение командующего войсками Воронежского фронта 64-ю армию генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, находившуюся в ее резерве в районе Сталинграда.

Перенеся основные усилия фронта на прикрытие белгородского направления, генерал Голиков в то же время определил промежуточные и конечные рубежи отхода 40-й и 69-й армий, а также изменил их состав за счет переподчинения им тех соединений, которые в результате ударов противника действовали вне полос своих армий. До этого управление войсками в этих объединениях было крайне затруднено, так как произошло взаимное перекрестное перемешивание боевых порядков пяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады.

Действуя в соответствии с директивой штаба фронта, 69-я армии с вечера 10 марта начала отход в указанных направлениях. При этом она должна была осуществлять переход к обороне на неподготовленных рубежах, создавать новую группировку сил и средств, организовывать огневое поражение противника и противотанковую оборону в крайне ограниченные сроки. С учетом того, что она переходила к обороне в широкой полосе, планировалось занять ее системой отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов, при сосредоточении основных усилий на удержании населенных пунктов, высот и дорог. Кроме того, армия не имела возможностей для заблаговременной подготовки намеченных в глубине промежуточных рубежей и при отходе на них должна была заново проводить все мероприятия по созданию обороны.

Перегруппировка армии осуществлялась в сложных условиях. Противник к этому времени уже занял Дергачи, Малую Рогозянку, Кленовое, Должик и угрожал флангу армии. При этом 180-й стрелковой дивизии и 37-й стрелковой бригаде необходимо было совершить отход на глубину 90 км, а остальным соединениям – на 70–75 км. Уже после начала отхода, 11 марта, генерал Казаков в переговорах с начальником штаба фронта генералом Пилипенко получил уточненную задачу. На армию возлагалась

ответственность за прикрытие только белгородского направления. В ее состав из 40-й армии передавались 107, 183 и 340-я стрелковые дивизии, которые фактически уже выходили на белгородское шоссе. И наоборот, 40-я армия принимала от 69-й 180-ю, 161-ю стрелковые дивизии и 37-ю стрелковую бригаду в занимаемых ими полосах.

Однако это необходимое для упорядочивания управления войсками в полосах обеих армий мероприятие было сорвано противником. Днем 11 марта немецкие танки атаковали Богодухов с трех направлений. В результате этого удара была смята оборона одного из полков 161-й стрелковой дивизии, который находился на южной окраине Богодухова в ожидании смены 37-й стрелковой бригадой. Севернее Богодухова и в районе Павловки ударам подверглись 180-я стрелковая дивизия и 37-я стрелковая бригада. В ночь на 12 марта 180-я дивизия, так и не получив нового приказа от командования 40-й армии, отошла в район Казачьей Лопани. Но Казаков, выполняя директиву фронта, уже не имел права принять ее в состав своей армии и отправил ее в армию генерала Москаленко. Командир 37-й стрелковой бригады потерял управление войсками, и бригада в течение нескольких ночей в беспорядке отходила на северо-восток в район Красного Хутора. Здесь было собрано до 1300 человек и также отправлено в 40-ю армию.

161-я стрелковая дивизия в течение дня отражала атаки до 20 немецких танков в районе Мерло и сумела уничтожить 12 из них. К исходу дня она отошла в район Казачьей Лопани, также не успев получить задачу от 40-й армии. Генералу Казакову было уже не до четкого и безусловного выполнения фронтовой директивы о переподчинении войск, и он своим решением определил дивизии рубеж обороны.

К утру 12 марта 69-я армия заняла рубеж Золочев, Дементьевка, Малые Проходы. Непосредственно на белгородском шоссе к обороне переходила наиболее боеспособная 183-я стрелковая дивизия, имевшая до 5000 человек, 47 орудий и 51 миномет. Остальные дивизии в большинстве своем являлись таковыми лишь по названию. Так, в 160-й стрелковой дивизии насчитывалось 882 человека, 2 орудия и 18 минометов. В 270-й стрелковой дивизии имелось до 1000 человек, 6 орудий и 4 миномета. В 340-й стрелковой дивизии оставалось 275 человек, 1 орудие и 7 минометов. Всего 1 орудие и 6 минометов имелось в 107-й стрелковой дивизии [349] . Днем в полосу обороны армии начали подходить передовые части передаваемых в ее состав 167-й стрелковой дивизии, 2-го гвардейского танкового корпуса и 96-й танковой бригады. «Появление 2-го гвардейского танкового

корпуса в полосе нашей армии очень подбодрило всех нас – от рядового бойца до командарма. Впервые со времени Россошанской операции услышали мы у себя за спиной гул моторов большой массы отечественных танков. Нас теперь уже не страшила неотвратимость решающего сражения за Белгород», – с удовлетворением отмечал генерал Казаков [350] . Но танковое усиление пробыло в армии недолго. В ближайшие дни и корпус, и бригада были перегруппированы в полосу 40-й армии.

В сложившейся обстановке 69-я армия вынуждена была обходиться своими силами. 14 марта ее командующий докладывал в штаб фронта:

«1. Обстановка на участке 69-й армии сложная. В армии нужно навести порядок, заставить решительней работать заградительные отряды и остановить неорганизованный отход.

2. Необходимо создать промежуточные рубежи обороны.

3. 69-я армия крайне нуждается в противотанковых средствах.

4. Армия остро нуждается в пополнении людьми и вооружением, особенно артиллеристами» [351] .

В период с 14 по 17 марта соединения армии, особенно ее правого фланга, исходя из обстановки, складывавшейся в полосе соседней 40-й армии, были вынуждены изменять свое построение с целью недопущения выхода противника во фланг и тыл армии. На некоторых участках они отражали атаки небольших групп пехоты и танков. Все это не позволяло подготовить оборону в инженерном отношении на случай отражения ударов главных сил немецких войск.

В то время как 69-я армия отходила на новый рубеж и закреплялась на нем, соединения соседней с ней 40-й армии вели тяжелые бои с перешедшим в наступление в ее полосе противником. Немецкое командование сосредоточило здесь 11-й армейский корпус генерала Рауса. Основу его ударной группировки составляла дивизия «Великая Германия», которая не была своевременно установлена разведывательными органами 40-й армии и фронта, и ее появление в полосе 40-й армии стало неожиданным для генерала Москаленко. А между тем в танковом полку этой дивизии имелось два танковых батальона и рота тяжелых танков «Тигр». Кроме того, как уже отмечалось, она была усилена одним танковым батальоном дивизии СС «Мертвая голова». Имея подавляющее преимущество в танках, дивизия должна была нанести удар на смежных флангах 40-й и 69-й армий в направлении Грайворон, Борисовка. Это позволяло противнику рассечь войска левого крыла Воронежского фронта на три изолированные друг от друга группировки и завершить их

разгром по частям.

До 10 марта немецкие войска активности в полосе обороны армии не проявляли, ограничиваясь ведением артиллерийско-минометного огня и разведкой боем незначительными силами на отдельных направлениях. Однако, исходя из общей обстановки в полосе фронта, армия в ночь на 11 марта получила задачу отойти на рубеж Верхняя Сыроватка, Большой Бобрик, Пожня, Большая Писаревка, Золочев. Как указывалось в боевом распоряжении фронта: «При необходимости дальнейшего отхода войска отводить в тесном соприкосновении с 38-й армией по оси Большая Писаревка, Борисовка, Томаровка, имея в виду в дальнейшем встать фронтом на юг» [352] .

11 марта, в то время когда соединения 40-й армии приступили к осуществлению отхода на новый рубеж обороны, 11-й немецкий армейский корпус перешел в наступление, нанося главный удар в направлении Богодухова. Организовать устойчивую оборону города в такой обстановке не удалось, и, как отметил генерал Раус, «русские войска, обороняющие Богодухов, не могли противостоять стремительной атаке наших войск, которую поддерживали Люфтваффе. Богодухов пал после короткого уличного боя». Это не позволило соединениям левого фланга армии закрепиться на указанных рубежах, и они начали отход на север, оголяя правый фланг 69-й армии и теряя взаимодействие с ней.

Утром 13 марта немецкие самолеты подвергли бомбардировке Грайворон. Удару с воздуха подверглись командный пункт армии и узел связи. После этого армейский штаб переместился в Крюково. Оборонявшиеся на южной окраине Грайворона 100-я и 309-я стрелковые дивизии, а также остатки 5-го гвардейского танкового корпуса начали отход в направлении Борисовки. На направлении другого удара, как следует из отчета «О боевых действиях артиллерии 40-й армии за март 1943 г.», «в 16.00 противник обходом на Уды, Рудка, Киселев силами до 50 танков, 8 САУ и до двух пехотных батальонов ударил во фланг группировки артиллерии, прикрывавшей дорогу Грайворон – Борисовка. 4-й гвардейский истребительно-противотанковый полк подбил 12 танков и полностью погиб» [353] . Уже вечером того же дня передовые части дивизии «Великая Германия» ворвались в Борисовку. Между флангами 40-й и 69-й армий вновь образовался значительный разрыв.

Следовательно, войска левого крыла Воронежского фронта оборонялись в разобщенных группировках, взаимодействие между армиями было нарушено, единый фронт обороны отсутствовал, в оперативном построении войск имелись

значительные разрывы и бреши, фланги были открыты. Все это давало противнику возможность последовательно сосредоточивать усилия в борьбе против каждой из группировок в отдельности.

15 марта командующий армией генерал Москаленко в связи с угрозой флангу правофланговых соединений армии приказал им отойти на новый рубеж. Такой его шаг вызвал резкую реакцию со стороны командующего войсками фронта: «Ваши действия по отводу вашей армии, в частности ее правого крыла, являются преступными, а в отношении армий Чибисова и Казакова – предательскими. Вы полностью игнорируете интересы фронта и даете противнику возможность беспрепятственного выхода на тылы других армий.

Приказываю:

1. Правый фланг 206-й стрелковой дивизии иметь в Краснополье; армию дальше рубежа Славгородок, Дорочащи, Ивановская Лисица, Красный Куток не отводить, а, используя наступление танковых корпусов Вовченко и Баданова, коим поставлена задача во что бы то ни стало восстановить положение в районе Борисовка, Грайворон, левым крылом армии одновременно перейти в наступление с целью вслед за танковыми корпусами к исходу 15.3 выйти на рубеж Головчино, Уды.

2. Вновь войти в непосредственную связь с частями Казакова в районе Золочева.

3. Привести в порядок без всякого основания совсем снятые Вами со счетов 309, 180 и 161-ю стрелковые дивизии, 37-ю стрелковую бригаду, которые поставить на оборону указанного рубежа» [354] .

Генералу Москаленко оставалось надеяться на прибытие танковых корпусов. Первой в полосу армии начала сосредоточиваться 19-я гвардейская танковая бригада 3-го гвардейского танкового корпуса. «Мы следовали к линии фронта. В Белгороде нас догнал командир корпуса генерал Н.А. Вовченко. Он сообщил, что линия фронта прорвана и что создалась угроза флангу и тылу Воронежского фронта. Командующий фронтом приказал корпусу задержать противника на рубеже Томаровки и Борисовки. 19-й гвардейской танковой бригаде было приказано 15 марта сосредоточиться в районе Архангельское в готовности к действию в направлении Борисовки», – вспоминал об этих событиях командир бригады А.В. Егоров [355] .

Командир бригады, учитывая возможность возникновения встречного боя с противником, выделил в голову походной колонны разведку и мотострелковый батальон, усиленный танковой ротой и артиллерийской противотанковой батареей. За

ними следовали штаб бригады, три танковых батальона и тыловые подразделения.

С наступлением рассвета 15 марта бригада достигла Клименков и Нижней Орловки. И тут утреннюю тишину нарушил вой «юнкерсов». От хутора Станового доносился шум начавшегося там боя. Мотострелковый батальон капитана Ф.П. Валового принял на себя первый удар. Прорвав оборону частей 40-й армии, противник силами до полка мотопехоты, поддержанного танками, авиацией и огнем артиллерии, атаковал только что занявшие боевые позиции 1-ю и 2-ю мотострелковые роты. Бой развернулся повсюду: у жилых домов и в рощах, но – главное – вдоль шоссе на Белгород. Были видны вражеские танки, задержавшие наступление батальона. Чтобы получить возможность продвигаться к Борисовке, надо было их уничтожить.

Для выполнения этой задачи бригада строилась в два эшелона: в первом – два танковых и мотострелковый батальон, во втором – один танковый батальон. В 12 часов началась огневая подготовка атаки. Батальоны первого эшелона начали сближаться с врагом. Танки, атакуя немецкие подразделения, удерживавшие хутор Становой и высоты, прилегающие к нему, с ходу вырвались к Белгородскому тракту.

Действовавшая справа 18-я гвардейская танковая бригада полковника Д.К. Гуменюка тоже вступила в бой. Трехкилометровый разрыв между бригадами прикрывался огнем артиллерийских батарей. Связь оставалась устойчивой. Но действовавшие слева части 40-й армии начали отход на Томаровку. Учитывая угрозу левому флангу, командир бригады направил сюда второй эшелон.

По мере того как мотострелковый батальон атаковал противника с фронта, 167-й танковый батальон майора Ф.В. Чуфарова обошел безымянную высоту, приблизился к вражеским позициям в Становом и через некоторое время ворвался в хутор. Враг не захотел, однако, смириться с потерей выгодной позиции в районе Станового. Подтянув артиллерию, он повел по хутору артиллерийский огонь. В то же время на безымянную высоту нанесли удар две девятки «юнкерсов». После этого на Становой из Борисовки через балку начали выдвигаться немецкие танки. Батальон майора Чуфарова также развернулся в боевой порядок. Командир бригады приказал ему подготовить залповый огонь, а 168-му батальону капитана Я.У. Лившица – атаковать танки противника во фланг, как только они преодолеют овраг. Вскоре двадцать «Т-34» этого батальона вышли из рощи и открыли огонь.

Вражеские машины замедлили ход, стали перестраиваться. Под прикрытием огня орудий и минометов батальоны Чуфарова,

Лившица и Валового сосредоточили большую часть своих сил на восточных скатах безымянной высоты и отбросили немецкие пехоту и танки от хутора. Но разгромить противника во встречном бою и выполнить задачу по овладению Борисовкой не удалось. К тому же комбриг стал получать тревожные донесения из подразделений: противник применил новые танки, броню которых не пробивает снаряд танковой пушки.

Командир бригады связался по рации с командиром корпуса. Вскоре генерал Вовченко и его заместитель по политчасти полковник Н.В. Шаталов прибыли на НП, чтобы лично разобраться в обстановке на месте. «Это, по-видимому, «Тигры», – сообщил комкор Егорову. – Надо искать способы борьбы с ними, бить не в лоб, а по уязвимым местам» [356] .

Было решено немедленно перейти к обороне и одновременно создать танковые засады. Танки батальона старшего лейтенанта А.Г. Семусенко переходили к обороне занимаемого рубежа по высотам западнее Погребняков. Через их позиции должны были отойти подразделения мотострелкового батальона. Батальоны Чуфарова и Лившица выделяли по одной танковой роте в засады в район Станового и у Белгородского тракта. Остальными силами планировалось как можно дольше сдерживать врага, а затем по команде отойти за фланги рубежа, обороняемого батальоном Семусенко. Тем самым противник втягивался в огневой мешок, который только с фронта должны были окаймлять огнем пять танковых рот и противотанковая батарея.

Вражеская атака началась налетом пикирующих бомбардировщиков. Как только исчез последний «юнкерс», открыла огонь немецкая артиллерия. Затем появилось около 60 танков. Главный удар наносился против 168-го батальона, имевшего 20 боевых машин. Танкисты Лившица подпустили противника на дистанцию восемьсот метров и завязали огневой бой. Мотострелки залегли на открытом поле. Обстановка все более осложнялась. Возникла критическая ситуация: оборона бригады могла быть прорвана раньше, чем ее батальоны отведены на новый рубеж. Командир бригады ввел в бой свой резерв. Роту танков и артиллерийскую батарею, располагавшиеся в деревне Хвостовка, он перебросил в район своего наблюдательного пункта. Здесь заняли позиции два танковых взвода и противотанковая батарея. Танковый взвод лейтенанта С.Н. Кравченко был выслан в засаду. Едва он выдвинулся на указанный рубеж, как метрах в семистах появились немецкие танки.

Танкисты открыли огонь. Один снаряд попал в башню ближайшей машины, но она даже не остановилась. Еще удар! И

снова только сноп искр – снаряды не пробивали лобовую броню вражеского танка. Другой же немецкий танк двумя выстрелами поджег два танка из взвода Кравченко. Но танк командира взвода успел укрыться в балке. Через несколько минут, когда танки противника потеряли его из вида, он вновь выдвинулся на огневую позицию и выстрелом в борт подбил вражескую машину. Но другие вражеские танки медленно продолжали движение.

С начала боя прошло около часа. Командир бригады по рации связался с командирами батальонов первого эшелона. Они доложили: «Огонь со стороны гитлеровцев очень плотный, дальнейшее противоборство без артиллерийского и авиационного обеспечения вызовет неоправданные потери и не даст положительных результатов» [357] . Доложив командиру корпуса обстановку, Егоров попросил разрешения занять другую, более выгодную для обороны позицию.

Выполняя новую задачу, танки двух батальонов развернулись и начали обходить хутор с севера и юга. Тем временем между ними образовался двухкилометровый разрыв. В него и вклинились немецкие танки, рассчитывая рассечь боевой порядок бригады. Но на такое вклинение и рассчитывал комбриг при подготовке боя – вражеская группировка начала втягиваться в огневой мешок. От Борисовки двигались две танковые группы противника до тридцати машин в каждой.

Вначале с флангов начали действовать танковые засады, а после того как враг сосредоточил внимание на них, прогремел залп пушек третьего батальона. Немецкие танки, двигавшиеся во главе клина, остановились. В течение нескольких минут враг потерял 15 боевых машин. Тем временем танки второй и последующих линий догнали впереди идущих, и теперь уже весь клин двигался на подразделения бригады. Но батальоны вели залповый огонь с места и контратаковали из засад. Немецкие танки пытались обойти бригаду с юга, но там наткнулись на артиллерию и танки 5-го гвардейского танкового корпуса 40-й армии, повернули на север и, встретив залповый огонь танков 18-й гвардейской танковой бригады, вынуждены были начать поспешный отход.

Тяжелый, но в целом успешный бой на борисовском направлении вселил определенный оптимизм представителю Ставки на Воронежском фронте А.М. Василевскому. 15 марта он докладывал Верховному Главнокомандующему: «Наступление подвижной группы противника из района Борисовки, имевшей по показанию пленных задачей… захватить Белгород и во взаимодействии с ударом из района Липцы на север окружить наши войска южнее Белгорода, остановлено. Корпус Вовченко,

действовавший на Борисовку своей тбр и приданной 96 тбр, к исходу дня отбросил танки противника (до 65) в Борисовку и полуокружил последнюю… С подходом к Борисовке остальных двух тбр корпуса началась ликвидация этой группы противника.

Направления от Харькова на север по Белгородскому шоссе и северо-восточнее Харькова в обход Белгорода с востока прикрывает армия Казакова, усиленная корпусом Баданова (до 120 танков)…

Считаю целесообразным:

1. Армию Чистякова к утру 17.3 выдвинуть на рубеж Пены (15 км восточнее Белое), Покровка, Гостищево и с этого рубежа 18–19.3 перейти в наступление в общем направлении через Борисовку, Золочев в обход Харькова, харьковской группировки противника с запада. С выходом армии южнее Борисовки – армию усилить корпусом Вовченко.

Выход этой армии на указанный рубеж прикрыть армией Москаленко, оставив в его распоряжении до 18.3 корпус Вовченко.

2. С выходом 21-й армии в район южнее Борисовки армию Москаленко уплотнить на фронте Краснополье, Головчино с задачей наступлением на Ахтырку обеспечивать фланг 21-й армии.

3. Одновременно армией Казакова, усиленной корпусом Баданова, нанести удар по Харькову с севера и северо-востока.

Общая цель операции – вырвать инициативу у противника севернее и северо-западнее Харькова, разбить харьковскую группировку противника и тем самым, еще до подхода армии Катукова, ликвидировать угрозу наступления противника на север в тыл армиям Воронежского фронта или на восток» [358] .

Однако события последующих дней заставили Василевского взглянуть на обстановку уже по-иному. 16 марта бои частей 3-го гвардейского танкового корпуса с дивизией «Великая Германия» на борисовском направлении возобновились с неослабевающим упорством сторон. Накануне вечером генерал Вовченко приказал командиру 19-й гвардейской танковой бригады провести перегруппировку и с утра из района Погребняки, Становой, Хвостовка перейти в наступление с прежней задачей – овладеть Борисовкой. Бригаде придавался тяжелый танковый батальон майора И.Я. Амелина из 3-й гвардейской танковой бригады. Одновременно на Борисовку должна была наносить удар 18-я гвардейская танковая бригада.

Танкисты Амелина должны были нанести удар по противнику, захватившему высоту 221.2, в дальнейшем овладеть западной окраиной Борисовки; 167-му и 168-му батальонам

предстояло атаковать противника на высоте 157,2 и овладеть южной окраиной Борисовки. Мотострелковому батальону приказывалось наступать вслед за танковыми. В резерв выделялся танковый батальон старшего лейтенанта Семусенко, который располагался западнее села Погребняки.

В 6.30 танки начали движение через гребни высот на вражеские позиции. Сразу же за высотой перед танкистами открылась широкая долина. На противоположную ее сторону, где разведкой было обнаружено сосредоточение 30 немецких танков, и был нацелен удар батальонов бригады. Машины одна за другой устремлялись на высоту. Ворвавшись на ее гребень, танки гусеницами вдавливали в талую землю вражеские пулеметы и минометы. Атака складывалась удачно. В течение часа батальоны продвинулись на 4 км, а некоторые подразделения даже вырвались на берег Ворсклы.

Но чем дальше танкисты и мотострелки прорывались в глубь вражеских позиций, тем сильнее ощущали сопротивление врага. Немецкая артиллерия и танки вели плотный огонь по боевым порядкам батальонов. Авиационная поддержка наступления отсутствовала. Танковые подразделения стали нести большие потери. Командир бригады приготовился ввести в бой второй эшелон, но тут последовала команда командира корпуса прекратить атаку. Вовченко понимал, да и вчерашний бой показывал то, что немецкие тяжелые танки, перейдя к обороне и имея преимущество в дальности стрельбы, попросту выжгут все танки наступавших бригад.

Интересно, что воспоминания об этих боях оставила и немецкая сторона. Вот что, в частности, писал об этом командир 11-го немецкого армейского корпуса генерал Раус: «В этом бою впервые столкнулись танки типа VI «Тигры» и «Т-34». Результаты этого столкновения для нас были более чем удовлетворительные. Например, два «Тигра», действующие как танковый головной дозор, смогли уничтожить целую группу танков «Т-34». Обычно русские танки находились в засаде на безопасной для них до сих пор дистанции тысяча двести метров и ждали появления немецких танков, чтобы атаковать их на выходе из населенного пункта. Они бы уничтожили их, ведь наши танки типа «Т-4» все еще уступали русским в дальнобойности. До сих пор такая тактика приносила свои плоды. Теперь, однако, русские совершили большой просчет. Вместо того чтобы покинуть деревню, наши «Тигры» искусно замаскировались и заняли наиболее выгодные позиции для того, чтобы обеспечить максимальную дальность стрельбы своим 88-мм орудиям. За короткое время они вывели из строя шестнадцать танков «Т-34»,

которые находились на открытом пространстве, и, когда остальные советские танки повернули назад, «Тигры» начали преследовать убегающих русских и уничтожили еще восемнадцать танков. Наши 88-мм бронебойные снаряды оказывали потрясающее воздействие, они просто отрывали орудийные башни у многих «Т-34» и отбрасывали их на несколько метров. Немецкие солдаты, бывшие очевидцами этих событий, немедленно придумали выражение: «Танк «Т-34» при встрече с «Тигром» всегда снимает шляпу».

Нужно сказать, что Раус достаточно объективен в своих оценках. Так, по архивным данным, 3-й гвардейский танковый корпус за несколько дней боев в районе Борисовки, на подступах к Томаровке и Белгороду потерял 110 танков «Т-34», 46 танков «Т-70» и 903 человека. Большое количество боевых машин было выведено из строя не только огнем артиллерии и танков противника, но и его авиацией. Как отмечалось в его отчете: «В течение боев корпус впервые столкнулся с применением пикирующей авиации противника, вооруженной пушкой с реактивным снарядом. 19 марта на боевые порядки 18-й гвардейской танковой бригады налетом авиации было выведено из строя 26 танков, из них «Т-34» – 19. В первый же день авиация противника вывела из строя все средства радиосвязи в бригадах и корпусе.

Управление танками противника производилось, как видно, из самолетов. Имели место случаи, когда танки противника, приняв боевые порядки, останавливались и ожидали своей авиации и только во взаимодействии с ней атаковали наши танки. Отмечается наличие в танках противника артиллерийских наблюдателей и корректировщиков полевой артиллерии» [359] .

17 марта в полосе обороны 40-й армии главные силы дивизии «Великая Германия» и 168-й пехотной дивизии противника, развивая наступление, продолжали теснить ее соединения в северном направлении и одновременно производили перегруппировку и сосредоточение для нанесения удара в направлении Томаровка, Белгород. Соседняя с ней 69-я армия, учитывая угрозу флангу и тылу, была вынуждена 15 марта отвести свои правофланговые дивизии на один из промежуточных рубежей. Однако это не позволило восстановить взаимодействие с 40-й армией и лишь несколько улучшило оперативное положение армии на ее правом фланге.

Для того чтобы не допустить захвата противником Белгорода и обеспечить развертывание прибывавших резервов Ставки ВГК, генерал-полковник Ф.И. Голиков решил нанести контрудар против дивизии «Великая Германия». Его целью являлся разгром

этой дивизии в районе Борисовки и стабилизация положения в полосе обороны 40-й армии. Руководство подготовкой и осуществлением контрудара возлагалось на командующего 40-й армией генерал-лейтенанта К.С. Москаленко.

Следует отметить, что контрудар планировался в условиях, когда немецкая группировка вклинилась в оборону фронта на глубину до 100 км. Наряду с ее глубоким вклинением в оперативном построении фронта имелись значительные бреши и незанятые войсками промежутки, что предопределяло ведение ими боевых действий в разобщенных группировках. Фронт имел большие потери в живой силе и технике. Кроме того, противник не был остановлен. Не исчерпав своих наступательных возможностей, он продолжал наступление, что в определенной мере позволяет вообще взять под сомнение целесообразность осуществления этого контрудара.

Основная оперативная идея замысла генерал-лейтенанта К.С. Москаленко на контрудар заключалась в окружении и разгроме борисовской группировки противника. После его завершения войска ударной группировки, продвинувшись на глубину 25–30 км, должны были овладеть рубежом Головчино, Уды и перейти на нем к жесткой обороне.

Как отмечалось в плане контрудара Воронежского фронта:

«Цель операции: уничтожить танковую и пехотную группировки противника в районе Борисовка.

Замысел операции:

Нанося вспомогательные удары: с севера 5-м гвардейским танковым корпусом, с востока – 96-й танковой и 16-й истребительной бригадами, с юго-востока и юга – двумя стрелковыми полками 161-й стрелковой дивизии и одной танковой бригадой 2-го гвардейского танкового корпуса, с севера и северо-запада – одним стрелковым батальоном 100-й стрелковой дивизии, главный (309-я стрелковая дивизия и 3-й гвардейский танковый корпус) удар направить на запад и северо-запад и окружить Борисовку. После тридцатиминутной артиллерийской обработки ворваться в Борисовку, отрезать пути отхода противнику, окружить и уничтожить его в этом районе. Впоследствии выйти на рубеж Головчино, Киселев, Уды, где прочно закрепиться.

Состав войск:

– ударная группировка – 3-й гвардейский танковый корпус («Т-34» – 25, «Т-70» – 22) и 309-я стрелковая дивизия;

– вспомогательная группировка – 5-й гвардейский танковый корпус («Т-34» – 17, «Т-70» – 1), 96-я танковая бригада («Т-34» – 2), 16-я истребительная бригада (орудий – 20), 161-я стрелковая

дивизия, одна танковая бригада 2-го гвардейского танкового корпуса, один стрелковый батальон 100-й стрелковой дивизии.

Боевые действия войск:

1. Главная группировка: исходное положение занимает в районе Становое, Хвостовка, Погребишки. В резерве в районе Б. Должик имеет один танковый батальон. После тридцатиминутной артиллерийской подготовки атакует восточную и юго-восточную часть Борисовки. Атака поддерживается артиллерийской группой (20 орудий 10-й артиллерийской дивизии и 20 орудий 16-й истребительной бригады).

После захвата Борисовки развивает наступление в юго-западном направлении, с выходом на рубеж Головчино, Киселев 309-я стрелковая дивизия закрепляется на нем, а 3-й гвардейский танковый корпус выводится в резерв в район Зозули, Березовка.

2. Вспомогательная группировка:

а) 5-й гвардейский танковый корпус после тридцатиминутной артиллерийской подготовки атакует Борисовку с севера и захватывает ее северную часть, после чего остается в резерве в районе Локинский.

б) 161-я стрелковая дивизия с рубежа Ключники, ур. Высокое после овладения Борисовкой переходит к обороне на рубеже иск. Климов, Н. Казачек, иск. Уды.

3) Авиация: производит авиаобработку восточной части Борисовки. В дальнейшем не допускает подхода резервов из Головчино.

Начало операции 17–18 марта 1943 г.» [360] .

Таким образом, в составе ударных группировок должны были действовать 67 танков. Если учесть то, что объектом контрудара были избраны танковая и пехотная дивизии, этих сил было, конечно же, недостаточно для создания необходимого превосходства над врагом. Поспешность подготовки контрудара в условиях активного воздействия немецких войск обусловила недостаточную обеспеченность его силами и средствами, низкую эффективность мероприятий по организации огневого поражения противника и согласованию усилий привлекавшихся к контрудару соединений и частей различных родов войск.

Все эти объективные и субъективные условия предопределили то, что планировавшийся в полосе Воронежского фронта контрудар фактически не был осуществлен. Во исполнение намеченного плана нанес удар только 5-й гвардейский танковый корпус, который, однако, имея к тому времени всего 18 танков, практически никак не повлиял на изменение обстановки. Это явилось следствием того, что контрудар готовился без учета состояния своих войск, характера

действий и возможностей противника. Последний, владея инициативой, сорвал организованное вступление контрударных группировок в сражение, нанес им тяжелые потери в живой силе и технике и в конечном итоге заставил командующего войсками фронта, по сути, отказаться от проведения контрудара.

Неудачный исход контрудара был также обусловлен и переходом в наступление против 69-й армии танкового корпуса СС. Его главные силы, завершив перегруппировку из района Харькова, с утра 18 марта нанесли мощный удар по соединениям армии и повели наступление на трех направлениях, одновременно обходя армию с правого фланга. Всего в сражение было введено до 125 танков. В своем отчете генерал Голиков эти события отразил следующим образом: «Противник к утру 18 марта, подтянув свежие силы и пополнив свои части горючим и боеприпасами, возобновил атаки на всем фронте армии и к 11–12 часам прорвал фронт 183-й стрелковой дивизии и отбросил ее к Зиборовке. Его танки устремились к Масловой Пристани, но западнее Топлинки были задержаны огнем двух батарей армейского полка противовоздушной обороны.

В это же время танки и мотопехота при поддержке авиации прорвались на участке 340-й и 270-й стрелковых дивизий и устремились к Белгороду. Несколько позже начали атаку танки, бывшие в Большом Должике, Борисовке и Томаровке.

Таким образом, войска армии оказались разрезанными и разобщенными между собой и начали отход на Северский Донец, в полосах ранее нарезанных командармом, кроме 270-й и 167-й стрелковых дивизий, которые выходили на север в направлении Болховца и Ячневого-Колодезя.

Как только по обстановке стало ясно, что на промежуточном рубеже удержать противника нельзя и что он уже прорвал фронт, командарм принял решение отвести войска за Северский Донец и наметил рубежи обороны. Было направлено около 20 командиров штаба навстречу отходившим дивизиям, и к утру 19 марта они были выведены на рубежи обороны» [361] . Следует сказать, что эти «рубежи обороны» не касались Белгорода, так как 18 марта он был захвачен дивизиями танкового корпуса СС.

Таким образом, боевые действия Воронежского фронта и его армий в оперативной глубине характеризовались, прежде всего, их вынужденным отходом под воздействием ударов противника на промежуточные рубежи и созданием обороны на них в короткие сроки. В условиях, когда командующему войсками и штабу фронта не удалось восстановить нарушенный с началом операции фронт обороны и закрыть имевшиеся в оперативном построении бреши, оборона армейских объединений на них

носила очаговый характер. Переходя к обороне на промежуточных рубежах в широких полосах, в условиях активного воздействия немецких войск, они не имели времени и необходимого количества сил и средств для организации устойчивой обороны. В результате занимаемые в глубине оборонительные рубежи преодолевались противником, как правило, с ходу, а его наступление развивалось в высоком темпе.

После овладения танковым корпусом СС Белгородом и отхода 69-й армии за Северский Донец части дивизии «Великая Германия» продолжали теснить соединения 40-й армии в северном и северо-восточном направлениях с целью создания условий для продолжения наступления теперь уже на Курск. Сплошного фронта обороны в полосе армии не было, управление войсками – нарушено. 20 марта начальник штаба фронта генерал-майор Пилипенко докладывал Ф.И. Голикову: «Связи с Москаленко не имею. Самолеты не возвратились… Директиву вашу на 17.00 Москаленко не получил ни самолетом, ни шифром… Рация на вызовы не отвечает.

С Казаковым связь самолетами, офицерами. Констатируются факты отсутствия управления войсками, разбросанности штаба армии и полное незнание обстановки…» [362]

В это время на Воронежском фронте находились уже два представителя Ставки: в дополнение к А.М. Василевскому сюда же прибыл по указанию Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков. В их донесении Сталину от 20 марта речь о разгроме «харьковской группировки противника», как это было ранее, уже не шла: «Докладываем обстановку у Филиппова (Голиков. – *Авт* .) к исходу 19.3.1943 г.

Личным посещением войск 19.3 установили, что 18.3 Белгородом противник овладел не с запада, со стороны Борисовки, как об этом доносилось, а ударом с юга через армию Казакова. В течение сегодняшнего дня противник свои усилия направлял со стороны Борисовки на Томаровку и в 18.00 овладел Томаровкой, Мощеное. На остальных направлениях ограничивался действиями мелких отрядов и вел огневой бой.

Войска Филиппова, выполняя приказ, организуют оборону на указанных во вчерашнем донесении рубежах…

До сих пор скверно с управлением, особенно у Казакова. Казаков фактически войсками не управляет, а о двух дивизиях (340-й и 107-й) совершенно не имеет данных…

Войска всех армий фронта в результате длительных непрерывных боев сильно истощены, малочисленны и не имеют артиллерии, минометов, ПТР и станковых пулеметов…

Войска армий Катукова и Шумилова по-прежнему поступают

весьма медленно» [363] .

В это время в разрыв в оперативном построении между 40-й и 69-й армиями стали прибывать соединения 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. Ее передовая 52-я гвардейская стрелковая дивизия в ходе тяжелых боев на обоянском направлении остановила части дивизии СС «Мертвая голова» и обеспечила сосредоточение и развертывание главных сил армии на указанном рубеже. Представление об этом бое дает донесение Василевского: «Личным выездом в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию установил, что 20.3 из Белгорода вдоль шоссе на Обоянь противник наступал силами 45 танков, 15 бронемашин и до двух батальонов мотопехоты, но, встретив организованный огонь обороны 52-й дивизии и потеряв 13 танков и 5 бронемашин, отошел в район Оскочное, оставив перед передним краем обороны 87 трупов. По сведениям местных жителей, противник с поля боя всю ночь вывозил трупы и подбитые танки. Очень хорошо накрыли мотопехоту противника наши РС» [364] .

После этого прорвать оборону 21-й армии танковый корпус СС был уже не в силах. Но и 21-я армия, в отличие от первоначальных планов ее применения – нанести совместно с 1-й танковой армией удар и разгромить противника, осталась после отражения его затухающих ударов на занимаемых рубежах. В своих послевоенных мемуарах Чистяков объяснил такое изменение в планах следующим образом: «Когда после войны я учился на Высших академических курсах Академии Генерального штаба, меня спрашивали, если речь заходила об этом случае: «Почему вы не стали развивать успех, не пошли на встречное сражение?»

В принципе вопрос был поставлен правильно. Можно было пойти на встречное сражение. Но мы считали тогда, что этот шаг неразумен, поскольку не знали хорошо противника, где он, какими силами располагает, да и где соседи справа и слева, тоже не знали. Они не раз отходили. К тому же наша армия во время скоростного марша сильно растянулась, и за такой короткий срок организовать взаимодействие с авиацией, с соседями и даже внутри армии мы не смогли бы.

Надо учесть также и то, что здесь была всего одна дорога, а наступать по целине было нельзя – кругом лежал очень глубокий снег. Артиллерию на конной тяге по такому снегу вряд ли можно было быстро выдвинуть на огневые позиции, да и пехоте по нему двигаться тяжело. У противника к этому времени, наоборот, имелось много моторизованных частей, танков; это давало ему большие преимущества в тех условиях.

Поэтому-то мы решили, и А.М. Василевский с нами

согласился, как и командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин, в подчинение которого вошла наша армия, что задачу свою – остановить противника – мы выполнили и на этом надо пока остановиться.

Некоторые товарищи сейчас пишут, что 21-я армия будто бы стала на заранее подготовленный рубеж обороны. Я должен со всей ответственностью заявить, что никакого заранее подготовленного рубежа обороны в этом районе не было. Все рубежи первой и второй армейской полосы обороны готовили мы сами с помощью местного населения. На тыловой армейской полосе все работы вело только местное население» [365] .

На этом оборонительная операция Воронежского фронта завершилась. Положение в его полосе стабилизовалось до июля 1943 г., т. е. до начала Курской битвы. Отражая контрнаступление, советские войска понесли большие потери. В соединениях Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта за март они составили более 86 тыс. человек, при этом 41,5 тыс. безвозвратные [366] . Войскам фронта был нанесен значительный урон в боевой технике и вооружении. Так, в 69-й армии после отхода за Северский Донец осталось всего 77 орудий и минометов [367] . 40-я армия с 10 по 21 марта потеряла 134 орудия и 159 минометов, а весь Воронежский фронт – 645 орудий и 1358 минометов [368] .

Столь трагический итог операции командующий войсками Воронежского фронта генерал Голиков пытался объяснить незнанием обстановки. В своем отчете в Ставку по поводу тех событий он писал: «На этом этапе я имел неправильную оценку намерений и возможностей противника. Ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар».

Однако признание своих ошибок еще не освобождало от ответственности. Сталин как Верховный Главнокомандующий по сложившейся у него привычке искал виновных среди непосредственных исполнителей решений Ставки. И конечно, искал недолго. Возложив ответственность за сдачу Харькова и Белгорода на генерала Голикова, он отстранил его от командования войсками Воронежского фронта, а на эту должность назначил генерала Ватутина. Где логика в такой замене – сказать трудно. Ведь незадолго до того, в феврале 1943 г., войска возглавляемого Ватутиным Юго-Западного фронта потерпели не менее тяжелое поражение в Донбассе.

Автор романа «Вторжение» В.Д. Соколов утверждает, что сделано это было по рекомендации представителя Ставки ВГК, заместителя Верховного Главнокомандующего маршала Жукова, срочно направленного Сталиным на Воронежский фронт. Ссылаясь на воспоминания адъютанта маршала Л.Ф. Минюка, он так описывает это назначение: «Пал Харьков. В полдень того дня, 18 марта, когда мы приехали, танковый корпус СС прорвался к Белгороду… Из Генштаба запросили, что доложить Сталину о положении на Воронежском фронте. Маршал Жуков твердо ответил:

– Доложите, что враг дальше не продвинется ни на шаг. А относительно Голикова (командующего войсками фронта) скажите: его надо снять немедленно и поставить на этот фронт генерала наступления Ватутина. Он так и сказал: «генерала наступления» [369] .

Если это в действительности так, то тогда логика Жукова и Сталина ясна: в марте 1943 г. никто не помышлял еще об обороне в Курском выступе, а потому Ватутин должен был в ближайшее время вновь «повести» фронт, теперь уже Воронежский, в наступление.

Таким образом, контрнаступление немецких войск в Донбассе и на харьковском направлении в феврале – марте 1943 г. оказалось довольно результативным: противник остановил наступление войск Южного фронта, а кроме того, нанес поражение войскам правого крыла Юго-Западного и Воронежского фронтов. Благодаря этому он добился коренного изменения обстановки, что, в свою очередь, позволило ему стабилизировать положение на юго-западном направлении.

В первую очередь такой результат стал следствием просчетов, допущенных и Ставкой, и командованием фронтов на завершающем этапе зимней кампании 1942/43 г. При руководстве операциями фронтов на юго-западном направлении в феврале Ставка не проявила должной оперативности, недооценила всей серьезности развернувшихся в Донбассе событий. Поэтому Юго-Западный фронт не был своевременно усилен резервами, а продвижение Воронежского фронта остановлено слишком поздно.

Лишь в конце февраля и начале марта, когда поражение армий правого крыла Юго-Западного фронта не вызывало никаких сомнений, а главное – создалась угроза удара крупных танковых сил противника во фланг Воронежскому фронту, Верховное Главнокомандование начало исправлять положение и принимать радикальные меры по предотвращению дальнейшего расширения немецкого наступления. Для ликвидации угрозы на юго-западном направлении Ставка выдвинула сюда из своего

резерва 1-ю и 2-ю танковые, 66, 24 и 62-ю армии, а Воронежскому фронту передала 21-ю и 64-ю армии. Это, в конце концов, позволило остановить контрнаступление врага, и он не смог продолжить свой удар на Курск, в сторону которого с севера, из района Орла, готовилась нанести встречный удар 2-я немецкая танковая армия, чтобы окружить и разгромить советские войска в Курском выступе. Не без сожаления к этому выводу приходит и П. Карель: «Стремительное победоносное продвижение Манштейна от Днепра к Донцу, сколь неправдоподобным оно ни кажется нам теперь, не было использовано до конца. Немецкое Верховное главнокомандование верило, будто может отложить на завтра то, что реально сегодня – и только сегодня. Таким образом, большая возможность была упущена. Немцы посадили зерно, из которого выросла катастрофа, решившая исход войны, – оставили Курский выступ… Операция «Цитадель» против Курского выступа началась спустя сто одиннадцать дней. Из-за этих ста одиннадцати дней промедления немцы проиграли войну» [370] .

Глава 9 Белгородско-Харьковская наступательная операция

«Харьковская эпопея» Великой Отечественной войны завершилась в августе 1943 г., после того как советские войска, отразив удары противника на Курской дуге, перешли в контрнаступление и освободили, теперь уже окончательно, Харьков. Его заблаговременная подготовка позволила избежать длительной паузы между окончанием оборонительного сражения и переходом к наступательным действиям. Войска левого крыла Западного и Брянского фронтов перешли в наступление на северном фасе 12 июля, а армии правого крыла Центрального фронта – спустя три дня. В результате положение ударных группировок вермахта, осуществлявших наступление на Курск, коренным образом изменилось. Внезапные мощные удары трех фронтов, нацеленные в тыл и во фланг немецкой группировки, поставили ее в тяжелое положение.

В изменившейся обстановке немецкому высшему командованию неотложно потребовалось оценить происшедшие события и их возможное влияние на последующий ход войны. 13 июля Гитлер, встревоженный неблагоприятным развитием событий на Восточном фронте, срочно вызвал в свою ставку командующих группами армий «Центр» и «Юг». По свидетельству Манштейна, генерал-фельдмаршал фон Клюге, войска которого уже вторые сутки вели тяжелые оборонительные бои севернее и восточнее Орла, на совещании заявил, что 9-я армия не может продвигаться дальше и уже потеряла в ходе наступательных боев на курском направлении 20 тыс. человек. Он доложил Гитлеру, что группа армий «Центр» вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, образованные советскими войсками на трех участках в полосе обороны 2-й танковой армии. В заключение своего доклада Клюге сделал вывод: «Наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено».

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн решительно отстаивал иную точку зрения. Он утверждал, что «после успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-я армия будет хотя бы сковывать противостоящие ей силы врага и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить

силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные части противника» [371] .

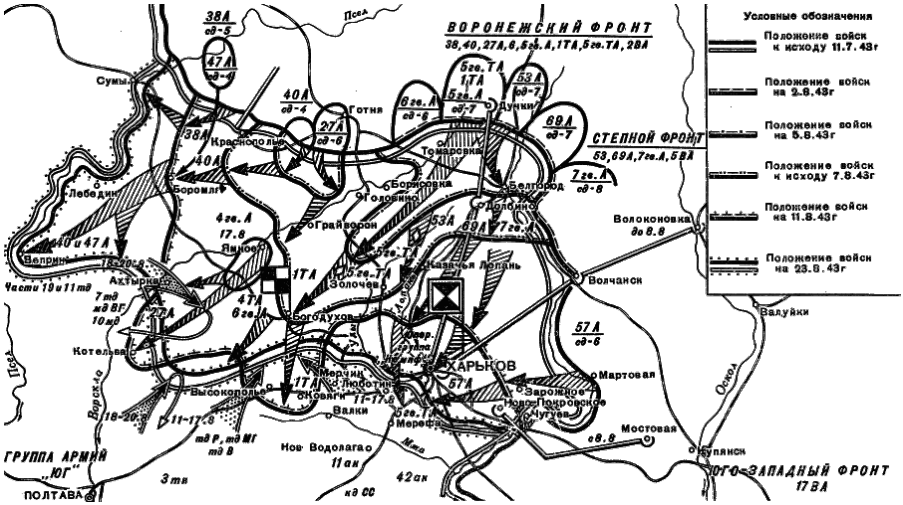
Но все попытки возобновить наступление в полосе группы армий «Юг» оказались бесплодными, и 19 июля она начала отход. Теперь уже немецкое командование не помышляло о борьбе за захват стратегической инициативы. Оно было поглощено заботами об удержании занимаемых позиций, об отражении наступления советских армий.

К началу Белгородско-Харьковской наступательной операции на направлении действий Воронежского и Степного фронтов сложилась благоприятная обстановка. Она обусловливалась тем, что командование противника в целях отражения ударов советских войск было вынуждено спешно отвести ряд дивизий с харьковского направления и перегруппировать их в район Орла и в Донбасс. Так, с 15 по 25 июля с харьковского направления были переброшены: 26-я пехотная дивизия и танковая дивизия «Великая Германия» на орловский плацдарм для действий против Западного фронта; танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Рейх» и 3-я танковая дивизия – на макеевское направление для действий против Южного фронта; танковая дивизия СС «Викинг» – в район юго-западнее Изюма против перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта.

Все это создало выгодные условия для перехода в контрнаступление войск Воронежского и Степного фронтов с целью ликвидации белгородско-харьковского плацдарма врага, который по мнению ряда германских генералов являлся наиболее сильным «бастионом немецкой обороны на востоке, воротами, запиравшими пути для русских армий на Украину» [372] . После провала наступления на Курск этот плацдарм имел для вермахта важное оперативное значение. Здесь располагался важнейший экономический и политический центр Советского Союза, важнейший железнодорожный узел, вторая столица Украины – Харьков, а также ряд других больших городов – Сумы, Белгород, Ахтырка, Лебедин, Богодухов, Чугуев.

Если в феврале 1943 г. противник переходил к обороне на этой же местности под ударами советских войск поспешно, то теперь он имел возможность заблаговременно подготовить развитую в инженерном отношении оборону. На плацдарме немецкие войска создали несколько эшелонированных в глубину оборонительных полос и рубежей. Главная полоса обороны проходила через населенные пункты Комаровка, Алексеевка (севернее Сум), Краснополье, Солдатское, Бутово, Вислое, Хохлова, далее по западному берегу р. Северский Донец. Она состояла из опорных пунктов и узлов сопротивления,

находившихся во взаимной огневой связи и соединенных траншеями. Кроме того, здесь имелось значительное количество дзотов и блиндажей.



Контрнаступление советских войск на белгородско-харьковском направлении в августе 1943 г.

Передний край обороны в большинстве случаев проходил по гребням высот и окраинам населенных пунктов, что обеспечивало противнику хороший обзор местности и возможность организовать огонь всех видов оружия. Подступы к переднему краю прикрывались проволочными заграждениями в три-четыре ряда, малозаметными препятствиями и минными полями. Вторая траншея оборудовалась обычно на обратных скатах высот на удалении 100–120 м от первой и соединялась с ней ходами сообщения.

Вторая полоса обороны, прикрывавшая белгородское направление, проходила по линии Стрелецкое, Шопино. Далее в глубине немецкие войска занимали рубеж Большой Бобрик, Дорогощ, Хотмыжск, Борисовка, Томаровка, Белгород. Все эти населенные пункты были превращены в мощные узлы сопротивления.

Тыловая полоса обороны была подготовлена на линии Ахтырка, Богодухов, Казачья Лопань, Журавлевка, Красный, Веселое, Непокрытая, Большая Бабка, Ново-Покровское. Помимо этих полос и рубежей немецкое командование создало ряд отсечных позиций, использовав для этой цели реки и крупные населенные пункты.

Особое внимание уделялось обороне Харькова. Для его прикрытия с севера было подготовил семь, а с востока – три оборонительных рубежа. Кроме того, на непосредственных

подступах к городу оборудовались два мощных кольцевых обвода. Сам город был подготовлен к ведению упорных уличных боев. Таким образом, общая глубина заблаговременно подготовленной обороны на харьковском направлении достигала 85–90 км.

К началу августа группировка немецких войск на белгородско-харьковском направлении включала: 2-ю армию (части 13-го и 7-го армейских корпусов) – на рубеже Комаровка, Самотоевка; 4-ю танковую армию (52-й армейский и 48-й танковый корпуса) – на рубеже Краснополье, Вислое; армейскую группу «Кемпф» (11-й и 42-й армейские корпуса) – на рубеже Вислое, Ближняя Игуменка и далее к югу по р. Северский Донец до Змиева. Всего в ней насчитывалось 14 пехотных и 4 танковые дивизии, а также большое количество отдельных частей и подразделений различного назначения. Численность немецких войск доходила до 200 тыс. человек (в боевых соединениях и частях), а с учетом тылов достигала 300 тыс. человек, на их вооружении находилось свыше 3000 орудий, около 600 танков. Ее поддерживал 4-й воздушный флот, имевший около 1000 самолетов [373] .

Конфигурация положения сторон после отхода немецких войск на рубежи, с которых в июле они начинали наступление, представляла собой широкую дугу, охватывавшую 4-ю танковую армию и армейскую группу «Кемпф» противника. В целом начертание линии фронта было примерно таким, как под Сталинградом в начале ноября 1942 г. Поэтому при выборе способа разгрома вражеской группировки возникал соблазн нанести удар по сходящимся направлениям с целью ее окружения и последующего уничтожения. Такой точки зрения, в частности, первоначально придерживался командующий войсками Воронежского фронта Н.Ф. Ватутин.

Однако такая широкомасштабная операция требовала создания сильных группировок на правом крыле Воронежского и левом крыле Степного фронтов. Но это требовало значительных перегруппировок войск, что было связано со значительными потерями времени. Кроме того, по мнению Генерального штаба, «окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской группировки немцев надолго приковали бы к себе большое количество наших войск, отвлекли бы их от наступления на Днепр и тем самым облегчили неприятелю возможность создания новой сильной обороны по правому берегу Днепра» [374] . Помимо всего прочего, местность перед правым крылом Воронежского фронта пересекалась значительным числом рек, что затрудняло действия танковых соединений и объединений.

Все это, вместе взятое, определило характер использования

войск Воронежского и Степного фронтов в предстоявшей операции. «Много раз прикинув и взвесив различные предложения, в Генеральном штабе пришли к окончательному выводу: белгородско-харьковскую группировку немецко-фашистских войск первым делом надо изолировать от притока резервов с запада, для чего необходимо использовать имеющиеся в готовности к северу от Белгорода две танковые армии, взломать и дезорганизовать с их помощью всю неприятельскую оборону, расчленить ее глубокими ударами и только после этого уничтожить противника по частям. Задуманная таким образом новая операция получила условное наименование «Полководец Румянцев» – такой итог работы Генштаба по выработке замысла операции подвел в то время начальник его Оперативного управления генерал С.М. Штеменко [375] .

Сложившаяся обстановка требовала от Воронежского и Степного фронтов нанесения ударов без длительной оперативной паузы, чтобы не позволить немецкому командованию усилить свою ослабленную после неудачного наступления группировку за счет переброски дополнительных сил и средств с других направлений Восточного фронта и из глубины. Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на разгром белгородско-харьковской группировки немецких войск заключался в том, чтобы нанести мощный удар смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов в общем направлении на Золочев, Валки с целью рассечения группировки противника на две части, уничтожения их порознь и обхода Харькова с запада. Вспомогательный удар должен был нанести Юго-Западный фронт силами одной армии в общем направлении на Мерефу в обход Харькова с юга.

Командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин решил главный удар нанести силами двух общевойсковых (6-я и 5-я гвардейские) и двух танковых (5-я гвардейская и 1-я) армий в общем направлении Золочев, Валки. Вспомогательный удар наносился 27-й и 40-й армиями. 27-я армия получила задачу нанести удар из района Готня на Головчино и во взаимодействии с частью сил 6-й гвардейской армии окружить и разгромить противника в районе Томаровка, Борисовка, после чего развивать наступление на Ахтырку. 40-я армия наносила удар левым флангом на Дорогощ, Боромлю. Наступление этих армий позволяло изолировать район Харькова от подхода немецких резервов. Войска фронта поддерживались 2-й воздушной армией.

Основную роль в прорыве вражеской обороны должна была сыграть 5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта А.С. Жадова, в

полосе наступления которой в первый день операции планировался ввод в сражение обеих танковых армий. Поэтому, имея в своем составе 7 стрелковых дивизий, 5-я гвардейская армия получила значительные средства усиления: 2 танковых полка, самоходно-артиллерийский полк, артиллерийскую дивизию прорыва, минометную дивизию реактивной артиллерии, зенитную артиллерийскую дивизию, 2 пушечных, один гаубичный и 5 истребительно-противотанковых артиллерийских полков, истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, минометный полк, 4 минометных полка реактивной артиллерии.

Важной особенностью подготовки наступательной операции являлось то, что советским войскам, по сути, впервые с начала войны предстояло прорывать заблаговременно подготовленную, глубоко эшелонированную оборону противника. Сделать это должны были вновь сформированные в составе Красной Армии стрелковые корпуса. В ходе оборонительного сражения они уже доказали свою состоятельность и показали свои возросшие боевые возможности. Теперь следовало сделать это и в наступлении. В этом смысле показателен пример подготовки к прорыву вражеской обороны 32-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии.

Корпус, наступая в первом эшелоне армии, получил задачу прорвать оборону противника в полосе шириной 9 км и к исходу первого дня наступления продвинуться на глубину 12–15 км. Правее наступал 23-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии, левее наносил удар 33-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии.

На направлении наступления 32-го корпуса оборонялись 3-й и 2-й батальоны 678-го пехотного полка и 677-й пехотный полк 332-й немецкой пехотной дивизии. Наиболее плотно войсками была занята первая позиция. На второй позиции располагались полковые резервы (по одной роте от полка). Резерв дивизии составляли два пехотных батальона. Вторую полосу обороны занимали 73-й и 74-й моторизованные полки 19-й танковой дивизии. Всего в группировке противника насчитывалось до девяти батальонов с 80–100 танками и 160 орудиями и минометами.

В состав корпуса входили 13, 97 и 66-я гвардейские стрелковые дивизии. На усиление ему придавались: гаубичный артиллерийский полк, три истребительно-противотанковых артиллерийских полка, пушечный артиллерийский полк, танковая бригада, самоходно-артиллерийский полк, два штурмовых саперных батальона. Наступление корпуса поддерживала армейская артиллерийская подгруппа в составе

легкой артиллерийской и минометной бригад (108 минометов и 72 орудия) и на период артиллерийской подготовки – два минометных полка 1-й танковой армии (60 минометов).

Всего перед началом наступления с учетом приданных и поддерживающих средств в составе корпуса насчитывалось: стрелковых батальонов – 27, орудий – 417, минометов – 404, танков – 50, самоходных артиллерийских установок – 12, саперных рот – 13 [376] . С воздуха корпус поддерживали 202-я бомбардировочная и 5-я штурмовая авиационные дивизии.

Командир корпуса генерал-майор А.И. Родимцев решил боевой порядок построить в один эшелон. Главный удар наносился на правом фланге в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Ей были приданы почти все средства усиления корпуса. Командир дивизии все танки и самоходные артиллерийские установки придал стрелковым полкам первого эшелона: один танковый батальон – 34-му гвардейскому стрелковому полку, а два танковых батальона и самоходный артиллерийский полк – 39-му гвардейскому стрелковому полку. Танкам приказывалось двигаться в боевых порядках пехоты, а самоходные артиллерийские установки использовались для поддержки танков и передвигались за их боевыми порядками от укрытия к укрытию. Для сопровождения танков также выделялись специальные орудия сопровождения из расчета 1–2 орудия на танковый взвод. Так, в 39-м гвардейском стрелковом полку для этой цели использовался весь 1322-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В стрелковых частях и подразделениях создавались специальные саперные группы сопровождения танков, которые обеспечивали их продвижение на поле боя [377] .

1-я танковая армия (6-й и 31-й танковые, 3-й механизированный корпуса) генерал-лейтенанта М.Е. Катукова имела задачу войти в прорыв в полосе 32-го гвардейского стрелкового корпуса, развить успех в направлении Томаровка, Богодухов, Валки и к исходу первого дня овладеть районом Борисовки. К исходу четвертого дня операции соединения армии должны были овладеть районом Богодухов, Валки, Новая Водолага. Общая глубина задачи 1-й танковой армии составляла 120 км. В армии имелось: «Т-34» – 412, «Т-70» – 108, «Т-60»—29, всего 549 танков.

5-я гвардейская танковая армия (18-й и 29-й танковые, 5-й гвардейский механизированный корпуса) генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова должна была войти в прорыв в полосе 33-го гвардейского стрелкового корпуса, развить успех в направлении Ольшан и к исходу третьего дня овладеть этим районом. Общая

глубина наступления армии составляла 100 км. Армия имела 445 танков всех марок и 642 бронемашины.

Для введения противника в заблуждение относительного направления главного удара по указанию Ставки на правом крыле Воронежского фронта, в полосе 38-й армии, создавался ложный район сосредоточения двух армий (одной из них танковой) в составе двух стрелковых, двух танковых и одного механизированного корпусов. Для выполнения этой задачи из состава 38-й армии выделялись одна стрелковая дивизия, один пулеметный батальон, одна инженерно-минная и одна маскировочная роты, 7 радиостанций, 8 танков, 18 грузовых автомашин, одна железнодорожная летучка в составе 20 вагонов.

Перед инженерными частями была поставлена задача: построить из подручных материалов 215 разборных макетов артиллерийских орудий; установить 250 макетов танков; «оживить» районы сосредоточения и станции выгрузки [378] . В действительности же макетов было изготовлено значительно больше – 450 танков и 500 различных артиллерийских орудий.

В районе сосредоточения осуществлялся радиообмен по двум радиосетям. Они работали в течение 9 суток (с 28 июля по 5 августа) и передали 35 радиограмм, а приняли 55. Интенсивность работы сетей постоянно возрастала. Тематика передач состояла из запросов и донесений о ходе сосредоточения, об обеспечении танковых частей горюче-смазочными материалами. Для того чтобы обозначить район командного пункта, недалеко от Суджи была оборудована посадочная площадка, на которую с 29 по 31 июля ежедневно совершали посадку по три самолета.

Данные о предстоявших перебросках умышленно доводились до местного населения. В Судже и прилегавших к ней районах освобождались квартиры для прибывавших «генералов и штабов», железнодорожники получили указания о подготовке станций к приему и разгрузке крупных соединений и большого количества техники; в этих указаниях предусматривалась даже постройка дополнительных разгрузочных площадок, навесов и щелей. Для осуществления рекогносцировок и руководства всеми подготовительными мероприятиями в район Суджи из штаба фронта прибыла группа офицеров.

Имитация сосредоточения частей и соединений общевойсковой армии осуществлялась двумя полками 340-й стрелковой дивизии. Они вместе с приданной артиллерией по разработанному плану совершали дневные марши в районы ложного сосредоточения, где останавливались на отдых, отрывали окопы и щели. Ночью подразделения возвращались назад. Сосредоточение танков обозначалось макетами. Шум,

производимый танками, имитировался имевшимися восемью танками; ими проложили 450 следов танковых гусениц к районам сосредоточения макетов. 500 макетов артиллерийских орудий были расставлены на ложных огневых позициях вместе с макетами орудийных расчетов.

Все эти мероприятия дали требуемый эффект. Внимание противника было привлечено к полосе 38-й армии. Его бомбардировочная и разведывательная авиация сделала здесь 244 самолето-пролета и сбросила 120 тонн бомб. Самый интенсивный бомбардировочный налет по району ложного сосредоточения немецкая авиация совершила 5 августа, т. е. на третий день наступления Воронежского фронта на направлении главного удара. Но основным результатом этих мероприятий явилось то, что даже после начала этого наступления немецкое командование продолжало держать в районе Боромли 7-ю танковую дивизию.

Командующий войсками Степного фронта генерал-полковник И.С. Конев решил нанести главный удар силами 53-й армии (с 1-м механизированным корпусом) и одним стрелковым корпусом 69-й армии в общем направлении на Харьков. Прорыв обороны противника планировалось осуществить на участке шириной 11 км. Ближайшая задача армий заключалась в разгроме белгородской группировки немецких войск и продвижении к исходу четвертого дня операции на глубину до 40 км. В дальнейшем к исходу десятого дня операции войска фронта должны были овладеть Харьковом (глубина операции 100–110 км). Вспомогательный удар предполагалось нанести 7-й гвардейской армией южнее Белгорода с задачей первоначально содействовать 53-й и 69-й армиям в овладении городом, в дальнейшем развивать наступление на юг, вдоль западного берега р. Северский Донец. Боевые действия с воздуха поддерживались 5-й воздушной армией.

Наиболее сильной по составу являлась 53-я армия генерал-лейтенанта И.М. Манагарова. В ее состав входили 7 стрелковых дивизий, 1-й механизированный корпус, 3 отдельных танковых полка прорыва, 28 артиллерийских полков, 15 артиллерийских дивизионов, 4 минометных и 3 гвардейских минометных полка, зенитная артиллерийская дивизия, зенитный артиллерийский полк и дивизион. В соответствии с полученной задачей командующий армией решил, нанеся главный удар на своем правом фланге, прорвать оборону противника на участке шириной 4 км. Оперативное построение предусматривалось в два эшелона: в первом – 252-я, 28-я гвардейская и 116-я, а во втором – 84, 214, 233, 299-я стрелковые дивизии. 1-й механизированный корпус составлял подвижную группу армии [379] .

Всего к началу наступления в составе Воронежского и Степного фронтов насчитывалось: стрелковых дивизий – 54, танковых корпусов – 8, механизированных корпусов – 3. На направлениях их главных ударов (НГУ) было сосредоточено 50–90 % стрелковых войск, до 80–90 % танков и САУ, 56–57 % орудий и минометов и абсолютное большинство авиации. За счет умелого массирования сил на НГУ были созданы значительные оперативные плотности. Ширина полос наступления стрелковых дивизий на участке прорыва составляла от 1,3 до 1,9 км. На направлении главного удара Воронежского фронта на 1 км приходилось до 70 танков и САУ, до 216 орудий, а на участках прорыва 5-й гвардейской армии Воронежского фронта и 53-й армии Степного фронта – до 230 орудий и минометов [380] .

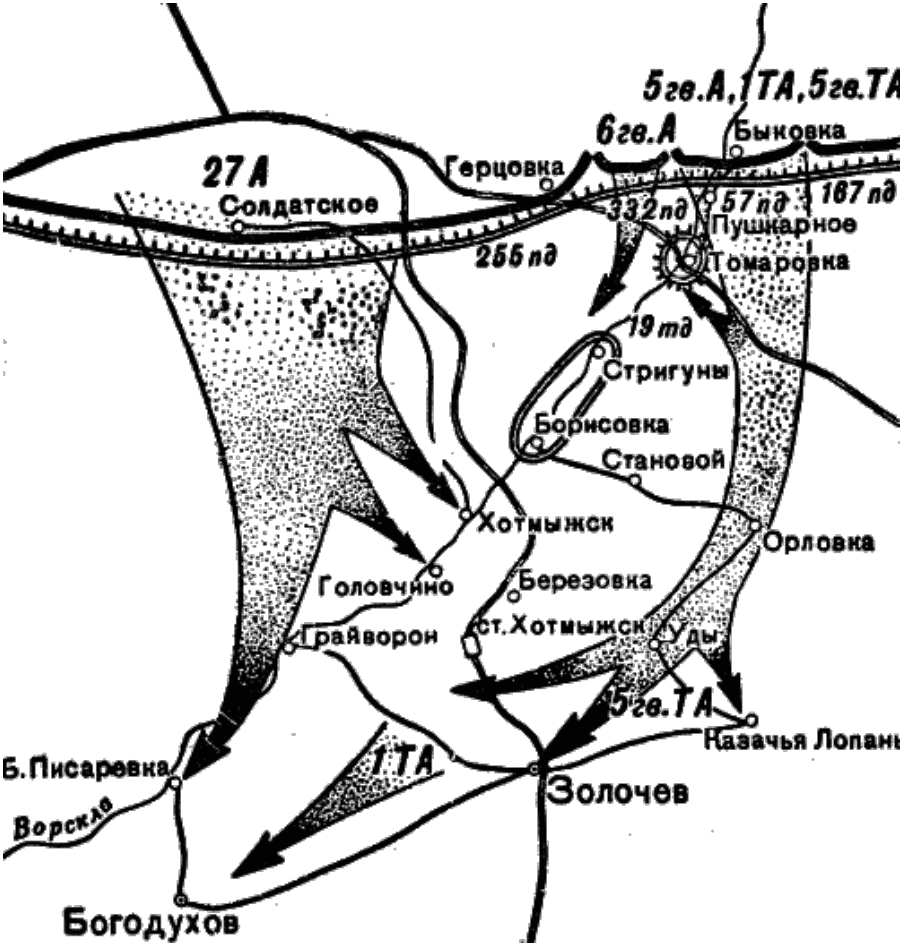
В тылу войск фронтов располагался резерв Ставки – 47-я и 4-я гвардейская армии, которые предполагалось использовать для наращивания усилий в полосе наступления Воронежского фронта.

Ударные группировки фронтов перешли в наступление 3 августа. Ему предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Она началась еще до полного рассвета и продолжалась в течение трех часов. Артиллерия вела огонь в тесном взаимодействии с авиацией, которая группами по 20–30 самолетов непрерывно наносила удары по боевым порядкам противника, огневым позициям его артиллерии, местам расположения резервов, штабам и узлам связи. Отдельные немецкие батареи, пытавшиеся отвечать на огонь, немедленно подавлялись или уничтожались.

В 8 часов артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны, и танки прорыва и пехота, следуя за огневым валом, перешли в атаку. «Утром 3 августа 1943 года вся артиллерия 6-й гвардейской армии обрушила всю мощь своего огня на позиции 167-й дивизии. Подготовка длилась несколько часов. После того как артиллерия перенесла огонь в глубину, на немецкие позиции с ревом двинулось более 200 танков русских, вслед за которыми плотной массой шли волны пехоты. Еще до наступления ночи от 167-й дивизии остались одни растерзанные остатки. Ее пехотные полки были полностью разгромлены, а те, кто остался в живых, были подавлены и потрясены» – так описал начало наступления на одном из его участков американский историк Э. Зимке [381] .

На направлении главного удара Воронежского фронта 23-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии, 32-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса 5-й гвардейской армии, действовавшие в первом эшелоне ударной группировки фронта, одновременно начали атаку. Вскоре стрелковые подразделения овладели первой и второй траншеями врага, подошли ко второй

позиции главной полосы обороны.



Боевые действия по ликвидации томаровско-борисовской группировки противника с 3 по 7 августа 1943 г.

52-я гвардейская стрелковая дивизия 23-го гвардейского стрелкового корпуса наступала прямо на Томаровку. Еще с весны противник начал создавать в этом районе мощную оборонительную систему. Расположенные вокруг Томаровки села были превращены в узлы сопротивления: с севера – Драгунское, Казацкое; с северо-востока – Стрелецкое, Пушкарное; с северо-запада – Старая и Новая Глинка; с запада – Мощеное; с юго-запада – Кустовое, Серетино, Порубежное; с юга – поселок имени Калинина. Каждый населенный пункт был приспособлен к круговой обороне. Томаровский укрепленный район был опоясан рядами проволочных заграждений, противотанковыми рвами и минными полями, а подступы к нему простреливались артиллерийским и пулеметным огнем.

Все части 52-й дивизии – 151, 153 и 155-й гвардейские

стрелковые полки вместе с приданными им танками – действовали в первом эшелоне. Роты 2-го батальона 153-го полка под командованием капитана Б.П. Сафарова с ходу атаковали вторую позицию врага и ворвались в ее первую траншею. Завязалась рукопашная схватка. Однако действовавший слева от него батальон отстал, попав под сильный огонь вражеских пулеметов и противотанковых орудий, уцелевших после артиллерийской подготовки. Его роты вынуждены были залечь. Чтобы вывести бойцов из-под вражеского обстрела, командир 1-й роты старший лейтенант И.И. Степаненко приказал взводам продвигаться вперед ползком. Когда до траншеи осталось метров 30, в нее полетели десятки гранат. Вслед за их разрывами гвардейцы ворвались в траншею.

Успешно сражались подразделения 151-го гвардейского стрелкового полка. Взвод младшего лейтенанта Рожкова действовал в качестве танкового десанта. На второй позиции противник встретил его сильным ружейно-пулеметным огнем. Установив на башнях танков ручные пулеметы, бойцы взвода открыли ответный огонь. Танки на большой скорости стали приближаться к опорному пункту. Не выдержав танковой атаки, немецкие солдаты стали выскакивать из траншеи, но здесь попали под огонь пулеметов десантников. И все-таки в первый день наступления 52-я дивизия не смогла овладеть Томаровкой. Она лишь приблизилась к небольшой, поросшей травой и лозняком речке Ворскла, дугой огибавшей населенный пункт [382] .

В полосе 5-й гвардейской армии успех наметился уже в первые часы наступления. 32-й гвардейский стрелковый корпус и 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия 33-го гвардейского стрелкового корпуса, быстро преодолев первую позицию, углубились в расположение врага на 3 км. Когда они подошли ко второй позиции, их атаковали до двухсот вражеских самолетов. Бомбежка немного задержала наступление, но не остановила его.

Во второй половине дня 66-я гвардейская дивизия 32-го корпуса после выполнения своей боевой задачи сосредоточилась в районе Драгунского и роще северо-восточнее его, составляя второй эшелон корпуса. 97-я гвардейская стрелковая дивизия на подступах к Пушкарному встретила сильное огневое сопротивление противника. Для захвата этого опорного пункта командир дивизии ввел в бой свой второй эшелон – 289-й гвардейский стрелковый полк, поддержав его действия мощным огневым налетом дивизионной артиллерии. В результате ожесточенного боя дивизия овладела юго-восточной окраиной Пушкарного.

Успешно продвигалась вперед 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г.В. Бакланова. На пути ее наступления находилось несколько господствующих высот, превращенных противником в узлы сопротивления. На высоту 222,3 наступал 1-й батальон 39-го гвардейского стрелкового полка капитана И.И. Исакова. Попав под перекрестный огонь немецких пулеметов, роты залегли. Сопровождавшие их танки вынуждены были отойти: с высоты прямой наводкой вели огонь противотанковые пушки. В этот момент приданные батальону артиллерийские батареи меняли огневые позиции. Они могли развернуться на новом месте и открыть огонь не раньше чем через 20–30 минут. В такой обстановке комбат приказал командирам рот выдвинуть вперед штурмовые группы и подготовиться к атаке. Но в это время пехота противника при поддержке танков перешла в контратаку. Штурмовые группы вступили в бой. Им удалось поджечь два немецких танка, но остальные продолжали продвигаться вперед. Тем временем за боевыми порядками батальона развернулись артиллерийские батареи. В первые минуты боя артиллеристы подбили несколько танков. Контратака врага была отражена. Для захвата второй полосы обороны противника командир дивизии ввел в бой свой второй эшелон – 42-й гвардейский стрелковый полк. Развивая успех, части дивизии в течение дня глубоко вклинились в нее.

Уже в первый день наступления командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин ввел в сражение на направлении главного удара 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии. Вначале в бой вступили передовые отряды корпусов первого эшелона армий. Передовые бригады 1-й танковой армии, начавшие выдвижение к переднему краю с началом атаки, в 12.00–13.00 совместно со стрелковыми дивизиями завершили прорыв главной полосы обороны противника. Представилась возможность для быстрого наступления ко второй полосе и прорыва ее с ходу. Но 200-я танковая бригада, действовавшая в полосе 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий, которые не имели танков непосредственной поддержки пехоты (НПП), не смогла оторваться от пехоты, поскольку ей приходилось наступать в направлении, где населенные пункты тянулись сплошной полосой.

49-я танковая бригада совместно с 93-й отдельной танковой бригадой действовала в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии. После завершения прорыва главной полосы обороны она могла устремиться сразу ко второй полосе, пока слабо занятой подходящими немецкими резервами. Однако незнание обстановки не позволило командиру бригады пойти на такой шаг.

Таким образом, создавшийся благоприятный момент для прорыва с ходу второй полосы вражеской обороны, пока не занятой резервами, на направлении 1-й танковой армии не был использован передовыми танковыми бригадами, а подход на рубеж ввода главных сил корпусов первого эшелона задерживался [383] .

На направлении действий 5-й гвардейской танковой армии передовые танковые бригады ее корпусов, вступив в бой в 13.00, обогнали стрелковые части и быстро преодолели главную полосу обороны.

Четыре танковые бригады, имевшие в общей сложности около 200 танков, оказали существенную помощь стрелковым дивизиям в завершении прорыва главной полосы обороны немецких войск. Искусно маневрируя на поле боя, не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах, стрелковые взводы и роты, действуя как танковые десанты, выбивали немецких солдат из окопов, траншей, дзотов. Они просачивались через оборону врага, заходили в тыл, наносили неожиданные удары, атаковали огневые позиции артиллерийских и минометных батарей. К середине дня немецкое командование начало выдвигать на вторую полосу обороны три танковые дивизии. Для ее прорыва в сражение были введены главные силы корпусов первого эшелона танковых армий.

Выдвижение корпусов 1-й танковой армии осуществлялось в полосе шириной 3–4 км, что позволило иметь только по одному маршруту на корпус. При подходе к переднему краю они должны были преодолеть узкую (5–7 м), но с заболоченной поймой р. Ворсклу, на которой было построено пять мостов. Но поскольку подходы к мостам не были оборудованы, после прохода головных подразделений они оказались столь разбитыми, что темп выдвижения корпусов снизился с 15 до 2 км. Танковые бригады первого эшелона вместо 15.00 вышли на линию наступавших войск только в конце дня. Потеря 5 часов времени позволила противнику занять вторую полосу обороны силами 6-й и 11-й танковых дивизий, что в конечном итоге привело к неполному выполнению задач первого дня наступления. В 5-й гвардейской танковой армии ее танковые корпуса с ходу прорвали вторую полосу обороны и к 18.00 вышли на глубину 20–26 км [384] .

Соединения 6-й гвардейской армии в этот день, ворвавшись в главную полосу обороны врага и используя успех соседа слева – 5-й гвардейской армии и танковых армий, – продолжала развивать наступление на своем левом фланге и в первой половине дня овладела важными узлами сопротивления в системе немецкой обороны – Драгунским и Казацким.

Таким образом, ход боевых действий в полосе Воронежского фронта показал, что стрелковые соединения, несмотря на значительное усиление их артиллерией, оказались не в состоянии самостоятельно прорвать оборону противника. Танковые (механизированные) корпуса и танковые армии были вынуждены совместно со стрелковыми соединениями завершать прорыв обороны врага, создавая при этом общую плотность танков и САУ 60–70 единиц на 1 км участка прорыва.

В более сложной обстановке наступали войска Степного фронта севернее Белгорода. Этот фронт не имел таких мощных средств прорыва, как Воронежский, и его наступление развивалось медленнее. До 15 часов здесь шли ожесточенные бои в траншеях главной полосы вражеской обороны. Наступавшая на правом фланге 53-й армии 252-я стрелковая дивизия в ходе наступления была контратакована противником из рощи между населенными пунктами Журавлиный и Раково. Здесь враг применил огнеметные танки. По ним сосредоточила огонь артиллерия дивизии, а затем нанесла удар штурмовая авиация авиационного корпуса генерала Рязанова. Над полем боя действовало пять девяток штурмовиков. Контратака была отбита, и дивизия, хотя и понесла ощутимые потери, продолжала наступать, стремясь выйти на линию других соединений, продвинувшихся значительно дальше.

Во второй половине дня представитель Ставки Г.К. Жуков, командующий войсками фронта И.С. Конев и командующий 53-й армией И.М. Манагаров решили проехать в рощу, чтобы ознакомиться с результатами работы артиллерии и авиации. По словам генерала Манагарова, там им предстала следующая картина: «На опушке – разбитые, искореженные автомашины, бронетранспортеры, орудия; уничтоженные прямым попаданием снарядов три «Тигра», два «Фердинанда», два шестиствольных миномета. Повсюду валялись трупы вражеских солдат и офицеров» [385] .

В полосе наступавшей в центре оперативного построения армии 28-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Г.И. Чурмаева в период огневой подготовки было израсходовано 30 845 снарядов и мин разного калибра. Пехота успешно атаковала передний край главной полосы обороны противника и вклинилась в нее. После того как саперы проделали проходы в минных полях, в бой вступили танки и артиллерия сопровождения, которые нарастили темпы наступления. 89-й гвардейский стрелковый полк под командованием капитана В. Шишковца наступал в направлении поселка совхоза «Смело к труду». Когда цепи его 1-го батальона прошли этот населенный

пункт, из соседней деревни на него вышло 14 «Тигров». Часть солдат двигалась по ржи. «Тигры», снабженные огнеметами, начали поливать горючей смесью 1-ю стрелковую роту. Люди стали выбывать из строя. И тогда командир роты старший лейтенант Н. Тарасов выдвинулся вперед, вместе с другим офицером (фамилию его установить не удалось) подбил два танка связками гранат. Оба геройски погибли. Еще два танка остановили артиллеристы, остальные повернули назад [386] .

К 16.00 дивизия, вырвавшись по сравнению с другими соединениями вперед, первой атаковала противника на рубеже Гремучий, Ерик, с которого враг начал наступление на белгородско-курском направлении 5 июля. Захватив проходы в минных полях и проволочных заграждениях, стрелковые подразделения к исходу дня с танками и орудиями сопровождения овладели первой и второй траншеями, но перед третьей траншеей были остановлены.

На левом фланге армии, в полосе 116-й стрелковой дивизии, в ночь перед наступлением саперы проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях врага. В 7 ч 55 мин 656-й и 548-й стрелковые полки атаковали передний край обороны. Поддержанные огнем артиллерии, они стремительно ворвались в первую траншею. Наиболее упорное сопротивление противник оказал на высоте на участке наступления 656-го стрелкового полка. В ходе боя за нее особенно успешно действовал 1-й батальон старшего лейтенанта К.М. Саморышкина. Двигаясь за разрывами снарядов, подразделения батальона, быстро захватили первую траншею и стремительно ворвались на высоту.

Не выдержав сильного первоначального удара, вражеские подразделения начали отход на вторую позицию. Ведя ожесточенные бои, части дивизии к 10 ч 30 мин продвинулись на 2–2,5 км. Противник, отходя, предпринял ряд контратак. При подходе ко второй позиции 1-й батальон 656-го стрелкового полка был контратакован пехотным батальоном, усиленным несколькими танками «Тигр». Огнем с места при поддержке артиллерии подразделения полка отразили атаку. Части дивизии к 13 часам с ходу ворвались на вторую позицию [387] . Относительно низкие темпы наступления дивизии объяснялись, прежде всего, недостатком танков непосредственной поддержки пехоты, исключительно упорным сопротивлением немецких войск, занимавших сильную глубоко эшелонированную оборону. Стремясь задержать наступление наших войск на рубеже р. Ерик, немецкое командование начало выдвигать сюда подразделения 6-й танковой дивизии.

С целью быстрейшего завершения прорыва обороны в 13

часов в сражение был введен 1-й механизированный корпус генерала М.Д. Соломатина. Боевой порядок корпуса строился в два эшелона. В первом эшелоне на правом фланге находилась 37-я механизированная бригада, в центре – 19-я механизированная бригада, на левом фланге – 219-я танковая бригада. Во втором эшелоне должна была наступать 35-я механизированная бригада. От бригад первого эшелона выделялись сильные передовые отряды: от механизированных бригад – танковые полки в полном составе, а от танковой бригады – танковый батальон. Этим отрядам придавались подразделения автоматчиков, артиллерия, минометы и саперные подразделения.

Движение передовых отрядов сразу же было обнаружено противником, и, как только они преодолели его бывший передний край, в воздухе появились большие группы вражеских истребителей и бомбардировщиков. В это время над полем боя появились советские истребители. Они нарушили строй немецких самолетов и помешали им нанести бомбовый удар по боевым порядкам отрядов. Они, имея незначительные потери, продолжили движение.

К этому времени части первого эшелона 53-й армии на глубине 3 км от переднего края обороны врага встретили сильное сопротивление и вынуждены были приостановить наступление. Передовым отрядам корпуса был отдан приказ совместно с пехотой с ходу атаковать противника. Тем самым корпус вводился не в прорыв, как это предусматривалось планам операции, а для его осуществления совместно с пехотой. Для этого была использована почти половина всех танков корпуса. Такое их применение впоследствии отрицательно сказалось на решении основной задачи – развитии успеха в оперативной глубине.

Передовые отряды совместно со стрелковыми войсками стремительно атаковали противника, сломили его сопротивление и, развивая успех, вышли на рубеж, на котором немецкие войска находились в течение нескольких месяцев до начала июльского наступления. Он был хорошо оборудован и прикрыт противотанковыми минными полями. Понимая, что одними танками вражескую оборону прорвать невозможно, командиры бригад развернули мотострелковые батальоны первого эшелона, организовали артиллерийскую и минометную поддержку. Лишь после этого начался прорыв второй линии обороны.

Особенно сильное сопротивление противник оказал 37-й механизированной бригаде подполковника П.В. Цыганенко на высоте восточнее Яхонтова. Эта высота позволяла ему вести огонь из орудий прямой наводкой и управлять огнем артиллерии с

закрытых позиций. Командир бригады, развернув перед высотой мотострелковые батальоны, приказал 3-му танковому полку нанести удар по ней с фланга и тыла. В результате немецкое подразделение было разгромлено, и бригада овладела этим районом.

219-я танковая бригада подполковника С.Т. Хилобока на Белгородском шоссе встретила шесть «Тигров» и два самоходных орудия, занимавших очень выгодный рубеж для ведения огня с места. Фронтальная атака могла привести к большим потерям, поэтому командир бригады оставил перед танковой группой врага одну роту с противотанковой батареей и взводом автоматчиков, а остальными силами бригады попытался обойти узел сопротивления. Обнаружив этот маневр, противник произвел отход и развернулся на новом рубеже. Бригада несколько раз пыталась обойти и разгромить танковую группу врага, но та все время уходила из-под удара и задерживала продвижение советских войск вдоль шоссе на Белгород [388] .

В целом за первый день соединения 53-й армии и правого фланга 69-й армии генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина сумели продвинуться от рубежа перехода в атаку на 7–9 км. К исходу 3 августа в результате наступления ударных группировок двух фронтов основные узлы сопротивления (томаровский и белгородский) противника, прикрывавшие Харьков с севера, были разъединены. Однако с учетом того, что они находились на флангах прорыва, немецкое командование имело возможность нанесением сильных контратак пехоты и танков задержать дальнейшее наступление. Поэтому одна из важнейших задач фронтов на 4 и 5 августа состояла в том, чтобы разгромить немецкие части в этих узлах и ликвидировать угрозу своим флангам.

4 августа ударная группировка обоих фронтов, обходя томаровский и белгородский узлы сопротивления, продолжала развивать наступление в южном направлении. 23-й стрелковый корпус 6-й гвардейской армии, наступая вдоль правого берега р. Ворскла, ликвидировал несколько немецких опорных пунктов и вышел к исходу дня на рубеж северная окраина Новой Глинки, северная окраина Томаровки.

В полосе 32-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии боевые действия по овладению второй полосой вражеской обороны возобновились в 4 ч 30 мин после мощного огневого налета артиллерии. Противник оказывал упорное сопротивление. Его авиация группами в 12–15 самолетов бомбила боевые порядки наступавших. Одновременно он предпринял ряд контратак пехотой и танками 19-й танковой

дивизии из района Томаровки на Пушкарное.

Большую роль в отражении немецких контратак сыграли артиллерийско-противотанковые резервы 97-й гвардейской стрелковой дивизии и корпуса, взаимодействовавшие с подвижными отрядами заграждений. Заняв огневые позиции на южной окраине Пушкарного, они отразили три контратаки танков противника с северной окраины Томаровки и из района Красный Острожек. Насколько сильными были эти контратаки, можно судить по такому факту. Наступавший там 6-й танковый корпус смог продвинуться к 14 часам только на 2–3 км. К исходу дня все попытки дивизии овладеть второй полосой обороны успеха не имели, и она продвинулась лишь на 2 км. Противник вел по ее частям сильный артиллерийско-минометный огонь из восточной окраины Томаровки. Кроме того, в этом районе он ввел в сражение свой ближайший оперативный резерв – 19-ю танковую дивизию, что также не могло не сказаться на результатах боевых действий 97-й гвардейской стрелковой дивизии.

Успешнее наступала 13-я гвардейская стрелковая дивизия. Она прорвала вторую полосу обороны противника, продвинулась за день до 15 км и овладела сильными опорными пунктами Клиновой и Козычев. 66-я гвардейская стрелковая дивизия, продолжая оставаться во втором эшелоне корпуса, закреплялась на рубеже Пушкарное, Степное. 33-й гвардейский стрелковый корпус вел ожесточенные бои в районе урочища Большой Должик.

Главные силы 1-й танковой армии, продолжая громить резервы и тылы врага, прошли за день до 20 км и вышли в район Кулешовка, Клеменки. Но такие результаты были ниже запланированных и не удовлетворяли командующего войсками Воронежского фронта. В своем боевом распоряжении командующему 1-й танковой армией Ватутин отмечал: «Действия частей 1-й ТА исключительно медлительны и без должной дерзости. Вместо стремительного развития наступления армия отвлекается от этого и задерживается на второстепенных рубежах… Требую ускорить темпы наступления частей армии, обеспечить более тесную увязку действий с соседями, безусловно выполнить задачу на 4.8.43». [389] Что касается 5-й гвардейской танковой армии, то ее командующему приказывалось «для помощи Степному фронту и быстрого уничтожения противника в районе Белгорода частью сил нанести удар в направлении Белгорода с юго-запада. Действия увязать с Соломатиным и Манагаровым» [390] .

Одновременно, подводя итоги второго дня наступления, Н.Ф. Ватутин указал на ряд общих недостатков в действиях войск: «1. Недопустимо большой отрыв штабов корпусов 5 гв. ТА от его

войск и штаба 1 ТА, что приводило к незнанию командирами и штабами обстановки.

2. В 6-й гв. армии преобладали лобовые атаки и крайне мало применялся маневр для выхода в тыл противнику для окружения его и уничтожения. Этот крупный недочет допускался не только командирами стрелковых соединений, но даже командирами 5 гв. тк и 6 тк, которые настойчиво стремились атаковать Томаровку в лоб, вместо того чтобы смело обойти узел обороны противника в Томаровке.

3. Отсутствовала настойчивость и стремительность наступления и движения вперед под различными, совершенно необоснованными предлогами, как, например:

а) бомбежка авиацией противника;

б) встреча на пути опорного пункта противника, который легко обойти;

в) встреча тылового рубежа противника, который противником совсем не занят, и т. д.

Особенно это относится к 5-й гв. ТА, командование которой и командование корпусов этой армии совершенно не выполнили поставленной им задачи и ложно доносили о занятии ими пунктов Орловка и Бессоновка, которые к исходу дня удерживает противник. Во многих случаях имеет место отставание артиллерии и отсутствует должный порядок на дорогах, в колоннах и боевых порядках.

Командиры соединений и частей не проявили необходимой дерзости и решительности для выполнения поставленных им задач.

Вследствие изложенных выше недочетов и ошибок задачи, поставленные на 4.8.1943 г., всеми армиями полностью не выполнены» [391] .

В течение 4 августа соединения 53-й и 69-й армий Степного фронта вели ожесточенные бои севернее Белгорода. Части 252-й, 28-й гвардейской и 116-й стрелковых дивизий в этот день овладели второй полосой обороны, передовыми отрядами переправились через р. Везелку. По свидельству генерала Манагарова: «Окопы и траншеи до самой Везелки были завалены трупами вражеских солдат… я насчитал здесь 8 подбитых «Тигров», с одного «Фердинанда» башня была сбита и отброшена метров на десять. 167-я пехотная дивизия противника только за два дня потеряла более половины своего личного состава и лишилась почти всех орудий, минометов, пулеметов и транспорта. Пленные показали, что в ротах осталось по 15–20 человек, а к началу нашего наступления было по 80–100» [392] .

Бригады 1-го механизированного корпуса в течение дня

отражали многочисленные контратаки противника. Особенно сильное сопротивление он оказывал 219-й танковой бригаде, которая действовала вдоль шоссе Белгород – Харьков. Поэтому она вынуждена была все время двигаться в обход западнее шоссе по местности, изрезанной глубокими оврагами, что снижало темпы ее наступления. Вследствие упорного сопротивления немецких войск на заранее подготовленных и выгодных рубежах корпус за весь день продвинулся только на 7 км.

В полосе наступления 7-й гвардейской армии передний край обороны соединений 11-го немецкого армейского корпуса проходил по западному берегу Северского Донца. Он командовал над восточным, что давало противнику возможность просматривать расположение советских войск на глубину 8–10 км. Как отмечает в своих воспоминаниях командир 11-го корпуса генерал Э. Раус: «Полоса обороны 320-й пехотной дивизии проходила по западному берегу Донца, который был значительно выше, чем восточный, а местность, особенно в том месте, где долина примыкала к реке, была болотистой и заросшей тростником. Донец нигде нельзя перейти вброд, и поэтому было совершенно очевидно, что русским будет тяжело развивать далее свой прорыв на данном участке…

Свою артиллерию и тяжелое вооружение мы разместили на возвышенностях… нацелив их на место, где ранее располагался мост, и подготовив их тем самым к ночным стрельбам. Высота 675, открывавшая хороший обзор на восток от наших позиций, была превращена в практически неприступный бастион. Блиндажи, глубокие укрытия и ходы сообщения защищали орудийные расчеты от огня русских. Выходы из ходов сообщения на сторону реки были тщательно замаскированы и прикрыты пулеметами на случай, если противник попытается предпринять переправу ночью. Их сектор обстрела охватывал не только вероятное место наведения переправы, но еще и районы сосредоточения и пути подхода к берегу реки… На самой же высоте располагались прожектора для освещения зоны непосредственного сторожевого охранения…» [393]

Все это затрудняло скрытный подход к реке наступавших соединений. Форсирование ее на глазах у немецких войск создало трудности в работе инженерных войск. Так, как только личный состав 156-го отдельного мостостроительного батальона 4 августа закончил сооружение моста, он вскоре был разрушен артиллерийским огнем противника. «В заранее установленное время все орудия одновременно открыли по ней (переправе. – *Авт.*) огонь, а затем прекратили его так же неожиданно, как начали. Наблюдатели на высоте заметили силуэты причудливой

смеси балок и брусьев в языках пламени от горящего дерева на восточном берегу реки. Почти законченный мост оказался в руинах, среди которых лежали раненые, просившие о помощи, когда среди них мелькали фигуры, вероятно, санитаров» – так описал эти события тот же Раус.

Тем не менее после мощной артиллерийской подготовки, в ходе которой, по свидетельству Рауса, «дьявольский огонь уничтожил все оборонительные сооружения и укрытия на позиции», передовые подразделения дивизий 7-й гвардейской армии сумели форсировать Северский Донец и «зацепиться» на его западном берегу.

Если 3 августа верховное командование вермахта просто «не заметило» переход советских войск в наступление на белгородско-харьковском направлении, то уже на следующий день в его «Дневнике боевых действий» появилась соответствующая запись: «На участке фронта 4-й танковой армии противник 200 танками прорвал фронт на правом фланге армии…» Правда, здесь же утверждалось, что «после жестоких боев прорыв был локализован» [394] . Тем не менее немецкое командование приняло решение о переброске резервов на харьковское направление. 4 августа началось выдвижение из Донбасса (из района Макеевка, Горловка) 3-го танкового корпуса и танкового корпуса СС. Управления обоих этих корпусов 4 августа уже прибыли в Харьков.

Вечером 4 августа маршалом Советского Союза Жуковым были переданы указания Ставки командованию Воронежского и Степного фронтов. В них ставились следующие задачи: с целью расширения фронта прорыва к западу с утра 5 августа начать наступление 27-й и 40-й армиями в общем направлении на Грайворон. 6-й гвардейской армии овладеть 5 августа Томаровкой и дальнейшим наступлением в юго-западном направлении решительно «сматывать» фронт обороны противника с востока на запад. 1-й и 5-й гвардейской танковым армиям быстрыми и решительными действиями выдвинуться на линию Грайворон, Золочев, Казачья Лопань. Степному фронту овладеть Белгородом, после чего наступлением на юг «сматывать» немецкую оборону по западному берегу р. Северский Донец. 53-й армии и 1-му механизированному корпусу ускорить наступление в общем направлении на Микояновку [395] .

Утром 5 августа батальоны 52-й гвардейской стрелковой дивизии 23-го стрелкового корпуса, овладев промежуточным рубежом обороны противника, вышли непосредственно к Томаровке. На окраине села виднелись ряды проволочных заграждений. Они перехватывали низины, балки, тянулись на

скатах высот. Подступы к проволочным заграждениям преграждали минные поля. За ними были вырыты траншеи, вдоль которых размещались дзоты и доты. У перекрестков дорог и улиц села, на всех танкодоступных направлениях в землю были закопаны танки.

Командир дивизии полковник Некрасов решил отказаться от фронтальной атаки Томаровки, так как это, несомненно, привело бы к большим потерям и срыву выполнения задачи. На северных подступах к селу он оставил 155-й гвардейский стрелковый полк, который своими действиями должен был сковать противника, а 151-й и 153-й гвардейские стрелковые полки направил в обход села с целью нанесения удара с запада. В это же время левый сосед – 66-я гвардейская стрелковая дивизия своим 193-м гвардейским стрелковым полком майора Б.П. Билаонова вышла на восточную окраину Томаровки и завязала бой.

В 12 часов артиллерия дивизии открыла сильный огонь по селу. Затем над полем боя появились эскадрильи штурмовиков. Первый их эшелон нанес удар по переднему краю обороны немецкого гарнизона, а остальные «илы» атаковали огневые позиции вражеских батарей. После налета штурмовиков стрелковые роты 155-го гвардейского полка вместе с подразделениями 6-го танкового корпуса 1-й танковой армии под прикрытием артиллерийского огня начали продвигаться к позициям противника.

Уцелевшие после артиллерийской подготовки вражеские пулеметы открыли огонь и тем самым обнаружили себя. Танки на ходу вели огонь по дзотам и дотам, а артиллерийские батареи с открытых позиций, стреляя прямой наводкой, уничтожали одну огневую точку за другой. Когда стрелковые подразделения в сопровождении танков ворвались в первую траншею, противник перешел в контратаку. Пройдя через Томаровку, до 40 его танков развернулись в боевой порядок перед ее северной окраиной. Их атаку поддержала авиация, которая нанесла сильный удар по огневым позициям 124-го гвардейского артиллерийского полка, обеспечивавшего огнем прямой наводкой продвижение пехоты.

Командир 155-го полка майор И.А. Чистяков с разрешения командира дивизии ввел в бой батальон второго эшелона, усиленный танковым батальоном. В это время командиры 151-го и 153-го полков майоры А.А. Негодяев и Д.В. Цибульников доложили командиру дивизии, что они успешно завершили маневр и готовы к атаке. 2-й и 3-й батальоны 153-го полка внезапно атаковали Томаровку с запада. Противник встретил их сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем и вынудил залечь. Вражеские мины рвались по всему фронту батальонов, а

пулеметный огонь прижал пехоту к земле. Это могло окончательно сорвать атаку и привести к гибели батальонов на простреливаемом сплошным огнем поле. Их командиры капитаны Б.П. Сафаров и В.А. Шалаев лично подняли залегшие цепи и возглавили атаку. Через несколько минут взводы и роты ворвались во вражескую траншею [396] .

Четырежды противник переходил в контратаки против 2-го и 3-го батальонов, пытаясь отбросить их с окраины Томаровки, и каждый раз вынужден был откатываться назад. С таким же упорством вели бои соседние 155-й и 151-й стрелковые полки. Они овладели западной окраиной Томаровки, а танковый батальон, действовавший совместно с 151-м полком, вышел к шоссейной дороге на Борисовку.

Одновременно с 23-м гвардейским стрелковым корпусом, наступавшим на томаровский узел, 5 августа из района Ново-Сергеевка, Солдатское перешла в наступление 27-я армия. Ее ударная группировка в составе 163-й и 166-й стрелковых дивизий под командованием полковников Ф.В. Карлова и Б.П. Полторжицкого после кратковременного, но мощного огневого налета атаковала вражеские позиции и с ходу овладела первой и второй траншеями.

По приказу командующего армией генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко были введены в прорыв 4-й гвардейский Кантемировский и 10-й танковый корпуса. Вместе с частями 163-й и 166-й стрелковых дивизий они завершили прорыв второй полосы обороны и повели наступление в направлении Хотмыжск, Грайворон. В обороне немецких войск была образована еще одна брешь.

Преследуя противника, 423-й стрелковый полк наступал прямо на Хотмыжск, который обороняли части 11-й немецкой танковой дивизии. Командир полка майор Ф.Н. Утенков развернул для атаки населенного пункта с севера 2-й стрелковый батальон. Его подразделения, действуя десантом на танках, завязали бой на окраине села. В это время 1-й и 3-й батальоны вышли к Хотмыжску с запада и юго-запада и развернулись для атаки. Сломив сопротивление врага, они с ходу ворвались в село и начали продвигаться к его северной окраине. Одновременный удар с нескольких направлений вызвал у противника панику. Его танки и самоходные орудия начали отход на юг. За ними бросились солдаты, еще недавно оборонявшие северную окраину села. Они поспешно вскакивали в машины, на повозки и танки, надеясь спастись. Вскоре село Хотмыжск было очищено от врага.

Ударная группировка 27-й армии за день наступления продвинулась вперед на 14 км, охватив с северо-запада и запада

основные силы 11-й немецкой танковой дивизии, оборонявшей томаровско-борисовский узел сопротивления. Была создана угроза его полного окружения. Теперь Томаровку с Борисовкой связывала только одна дорога.

Чтобы не позволить врагу организованно отойти в направлении Борисовки, командование фронта по мере продвижения ударной группировки на юг вынуждено было выделить часть сил для борьбы с ним. 5 августа в 16 часов в бой за Томаровку втянулись части 97-й гвардейской стрелковой дивизии 32-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской армии. Обстановка сложилась так, что противник огнем из этого населенного пункта мешал выполнению главной задачи дивизии – стремительно наступать в юго-западном направлении. Поэтому ее командир полковник И.И. Анциферов вынужден был развернуть 289-й и 294-й гвардейские стрелковые полки фронтом на восточную окраину Томаровки.

Для атаки села вся полковая и пушечная артиллерия 289-го полка была поставлена для ведения огня прямой наводкой. Она подавила огневые точки на переднем крае вражеской обороны. Под прикрытием артиллерийского огня стрелковые подразделения при поддержке танков, быстро преодолев низину перед селом, прорвались на его окраину. 294-й гвардейский стрелковый полк, атаковавший Томаровку с танками с востока и юго-востока, пробился к шоссейной дороге, ведущей на Борисовку, и тем самым создал угрозу окружения. Бросая технику, снаряды и тыловые запасы, противник начал поспешно отступать в юго-западном направлении. После тяжелых боев томаровский узел сопротивления практически прекратил свое существование [397] .

Части 52, 66 и 97-й гвардейских стрелковых дивизий перешли к преследованию отходивших немецких частей. Командующий войсками фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин потребовал от командующего 5-й гвардейской армией ускорить темп наступления, овладеть Борисовкой, перерезать дорогу юго-восточнее железнодорожной станции Хотмыжск и тем самым во взаимодействии с частями 6-й гвардейской и 27-й армий полностью окружить всю томаровско-борисовскую группировку противника.

Крупных успехов добилась 5 августа подвижная группа Воронежского фронта. Правда, в 10.30 утра генерал Ватутин направил нелицеприятное распоряжение командующему 5-й гвардейской танковой армией Ротмистрову: «Ваши пассивные действия граничат с преступлением. Вы оголяете фланг Катукова. Приказываю под Вашу личную ответственность стремительно

развивать успех и обеспечить выполнение задачи. В случае невыполнения задачи поставим вопрос об отстранении Вас от должности и предании суду. О ходе выполнения задачи доносить мне по радио через каждый час» [398] .

После этого основные силы 5-й гвардейской танковой армии, преодолевая сопротивление арьергардных частей противника, продолжали продвигаться в южном и юго-западном направлениях и вышли на рубеж Орловка, Степь, Водяное. Соединения 1-й танковой армии за день продвинулись на 30 км, достигнув передовыми частями района Александровки. Они с юга обошли борисовский и головчиновский узлы сопротивления врага. Положение немецких войск на этом участке фронта стало крайне опасным.

На направлении главного удара Степного фронта соединения 53-й армии на рассвете 5 августа после короткой артиллерийской подготовки возобновили наступление во всей ее полосе. 116-я стрелковая дивизия к 8 часам овладела восточной частью населенного пункта Болховец, форсировала р. Везелка и успешно продвигалась в направлении Красного. Но в 11 часов она была остановлена сильным огнем артиллерии и минометов врага перед немецкими опорными пунктами, находившимися на высотах 210.3 и 213.5.

Сосед справа – 28-я гвардейская стрелковая дивизия также была остановлена. 116-я стрелковая дивизия совместно с 219-й танковой бригадой до 14 часов вела бой по овладению этими высотами. Пример умелых действий за высоту 213.5 показал 548-й стрелковый полк. Его 1-й батальон под командованием капитана В.И. Тикова начал обход высоты с запада. Маневр оказался удачным. Обнаружив его, противник перебросил на западные скаты высоты часть своих подразделений. Этим воспользовались главные силы полка и после сильного огневого налета ворвались во вражеские траншеи. Завязался рукопашный бой. В ходе его полк взял 30 пленных и захватил большие трофеи. Понеся тяжелые потери, немецкие подразделения оставили высоту [399] .

Весь день вели упорные бои и части 1-го механизированного корпуса. Еще ночью группа автоматчиков мотоциклетного батальона вместе с разведчиками 37-й механизированной бригады незаметно для противника пробралась оврагами и долиной р. Везелка к понтонному мосту у села Стрелецкое. Внезапной атакой они захватили мост и предотвратили его взрыв. Успех мотоциклистов и разведчиков немедленно был использован главными силами 37-й бригады.

К рассвету к реке в районе Болховца вышла 219-я танковая

бригада, однако переправиться вброд она не смогла, и ей было приказано огнем из танков с места поддержать переправу 37-й бригады, передовые подразделения которой уже стали подвергаться контратакам немецких танков со стороны Белгорода.

В связи с задержкой переправы через Везелку 219-й танковой бригады основная задача – перерезать шоссейные дороги южнее Белгорода – была возложена на 19-ю бригаду, мотопехота которой начала переправу вброд восточнее моста, где продолжала переправляться 37-я бригада. Одними из первых преодолели реку 2-й и 3-й мотострелковые батальоны. Передовые подразделения 2-го батальона, которые возглавил заместитель командира батальона капитан Ш. Гогорешвили, ворвались в расположение противника и в рукопашном бою уничтожили до 100 его солдат и 45 взяли в плен. Их действия облегчили переправу остальных подразделений батальона и бригады [400] .

К 9 часам утра бригады первого эшелона, отражая непрерывные контратаки врага, продвигались в южном направлении, обходя Белгород с запада. Стремительное наступление корпуса в обход города угрожало противнику окружением. Это значительно облегчало действия советских войск, наступавших на Белгород с востока. К исходу дня 35-я механизированная бригада заняла Грязное, 37-я бригада – Красное, 19-я бригада – командную высоту на шоссе Белгород – Бродок. Выйдя на этот рубеж, корпус перерезал пути отхода немецким войскам из Белгорода по шоссейным дорогам, и они поспешно начали отступать на юг по долине реки Северский Донец.

Главным итогом боевых действий в полосе Степного фронта в этот день стало освобождение Белгорода. Противник, превратив город в мощный узел сопротивления, построил в нем большое число оборонительных сооружений. Вокруг него был подготовлен кольцевой оборонительный обвод, созданный немецкими войсками еще зимой 1941/42 г. и значительно усиленный при приближении советских войск. Кроме того, непосредственно на окраинах города была создана густая сеть дзотов, а все каменные постройки – приспособлены для обороны. Внутренние кварталы города были подготовлены для ведения уличных боев. На перекрестках улиц размещались баррикады и дзоты, значительная часть улиц и зданий в городе была заминирована. С востока Белгород прикрывался широким водным рубежом – р. Северский Донец. Белгородский узел сопротивления обороняли части 198-й немецкой пехотной дивизии, усиленной значительным количеством артиллерии, минометов и танков.

Немецкие подразделения контролировали высоты Меловых гор, и советские войска вынуждены были вести наступление по болотным низинам, которые были заранее пристреляны вражеской артиллерией. Трудную задачу пришлось решать в этой связи 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковника М.П. Серюгина из 69-й армии, наступавшей на Белгород с севера. Местность сковывала ее маневр, и она вынуждена была наносить фронтальный удар вдоль узкой полосы железной дороги, справа и слева от которой простирались болота. С северо-запада и запада по городу наносили удар 375-я и 305-я стрелковые дивизии этой армии. На правом фланге 7-й гвардейской армии наступление на Белгород вели полки 94-й гвардейской и 111-й стрелковых дивизий.

Преодолев ожесточенное сопротивление врага на подступах к городу, первыми в него ворвались полки 89-й дивизии, вслед за ними – полки 305-й и 111-й дивизий. Подразделения 270-го гвардейского полка 89-й дивизии выдвинулись к привокзальной площади, батальоны 267-го стрелкового полка выходили на улицу Литвинова, 273-й гвардейский полк по улице Богдана Хмельницкого приблизился к городской больнице. Время исчислялось минутами, продвижение метрами, войска рвались вперед, но освобождение города все же задерживалось.

И тогда на командный пункт 89-й гвардейской стрелковой дивизии прибыл командующий войсками Степного фронта И.С. Конев. Он выслушал доклад комдива, но результатами боя остался недоволен. Ссылка полковника Серюгина на укрепленные позиции и упорное сопротивление врага не была принята. Но его просьба подавить силами авиации артиллерию противника на Харьковской горе и усилить артиллерийскую поддержку пехоты не осталась без внимания командующего. Он тот час отдал необходимые распоряжения [401] .

После того как штурмовики нанесли удар по Харьковской горе, а артиллерия ударила по опорным пунктам врага в городе, подразделения дивизии вновь перешли в атаку. Борьба велась за каждый квартал, улицу, дом. В действие вступили штурмовые группы. Одна такая группа из состава учебного батальона дивизии вела бой на площади Буденного. Ее продвижение сдерживали 6 немецких пулеметов, стоявших на колокольне и крыше Смоленского собора. Командир группы младший лейтенант Цыперзон приказал подавить их огонь расчету приданного орудия сопровождения. После того как снаряд разорвался внутри колокольни, штурмовая группа броском пересекла улицу и скрылась в дыму. Преодолев площадь, бойцы прорвались к собору, гранатами взорвали тяжелые двери и

вступили врукопашную, расчищая путь ручными гранатами.

В это время 2-я рота батальона перебежками и ползком приближалась к зданию райсовета. Вслед за взрывами гранат группа курсантов вбежала во двор, стреляя по окнам. Несколько бойцов ворвались в подъезд, огнем автоматов рассекли солдат противника, сгрудившихся на лестничной площадке, а пытавшихся укрыться в помещениях – уничтожили гранатами. В ходе боя рота уничтожила более тридцати солдат и четыре офицера, захватила знамя, оперативные карты, много оружия и боеприпасов.

В боевом донесении штаба дивизии за 5 августа указывалось: «К 15.00 г. Белгород от западной церкви до станции Белгород полностью был занят частями дивизии. Противник, понеся большие потери, отошел за р. Везелку. Дальнейшее продвижение в направлении Супруновки было задержано упорным сопротивлением 308-го пехотного полка 198-й пехотной дивизии. Дивизия вела бои на переправах, и только отдельным группам удалось форсировать р. Везелку» [402] .

Немецкие подразделения упорно обороняли мост через речку и не давали приблизиться к нему пехоте. Полковая пушка, выскочившая на улицу Пионерскую, сразу же была расстреляна из танка, стоявшего в засаде. Тогда командир дивизии включил в дело дивизионных артиллеристов. К ограде церкви, стоявшей неподалеку от Везелки, выдвинулась батарея дивизионных пушек. Прямой наводкой артиллеристы уничтожили танк и огневые точки за рекой. Первый батальон 273-го гвардейского полка с ходу овладел мостом. Бойцы быстро форсировали неглубокую речку и стали продвигаться по ее пойме. После короткого ожесточенного боя на правый берег Везелки ворвались подразделения других стрелковых полков.

С Харьковской горы противник вел сильный артиллерийский заградительный огонь. В 16.30 дивизию обстреляли 50 его самолетов. Из слободы Супруновка в контратаку перешел 308-й немецкий пехотный полк, поддерживаемый танками и самоходками, но был остановлен артиллерией и шквальным огнем пулеметов. Вскоре стрелковые полки ворвались в Супруновку, завязали бой на скатах Харьковской горы и овладели ею. Поздно вечером И.С. Конев доложил в Ставку: «В результате ожесточенных боев и решительным штурмом к 18.00 5.8. 1943 г. взяли город Белгород. Идет бой за уничтожение оставшихся групп противника в западной части города. Противник в боях за город Белгород потерял только одними убитыми до 3200 человек. В городе взяты склады боеприпасов, инженерного имущества. Количество трофеев подсчитывается. За день войска

продвинулись на 10–12 км и заняли 14 населенных пунктов… Взято пленных 187 человек, принадлежащих 6 тд, 168 и 198 пд» [403] .

5 августа с падением томаровского и белгородского узлов сопротивления общая ширина фронта прорыва достигла 90 км; подвижные соединения Воронежского фронта на направлении главного удара вклинились в глубину вражеской обороны на 40 км. Противник ввел в сражение ближайший оперативный резерв на этом направлении – 7-ю танковую дивизию. Кроме того, сюда же была переброшена 11-я танковая дивизия, 4 августа вступившая в бой в районе Томаровки.

Несмотря на тяжелое положение своих войск под Орлом, немецкое командование было вынуждено начать переброску резервов с орловского направления на харьковское. 5 августа из района северо-западнее Карачева была снята танковая дивизия «Великая Германия». Передовые части танковых дивизий «Рейх» и «Мертвая голова», возвращаемые из Донбасса, в этот день уже прибыли в район Харькова, а 3-я танковая дивизия была на подходе к нему.

6 и 7 августа войска Воронежского и Степного фронтов, преследуя отступавшие части противника и преодолевая сопротивление его арьергардов, продолжали развивать наступление в глубине вражеской обороны. Пытаясь задержать их продвижение на своем тыловом рубеже обороны, проходившем через Краснокутск, Богодухов, Золочев, Казачью Лопань, Журавлевку, Веселое, командование 4-й немецкой армии стало поспешно занимать его остатками отходивших частей, а также сводными подразделениями и командами, наспех сформированными в боевые группы из различных тыловых частей и организаций. Кроме того, продолжалось выдвижение резервов с других участков фронта.

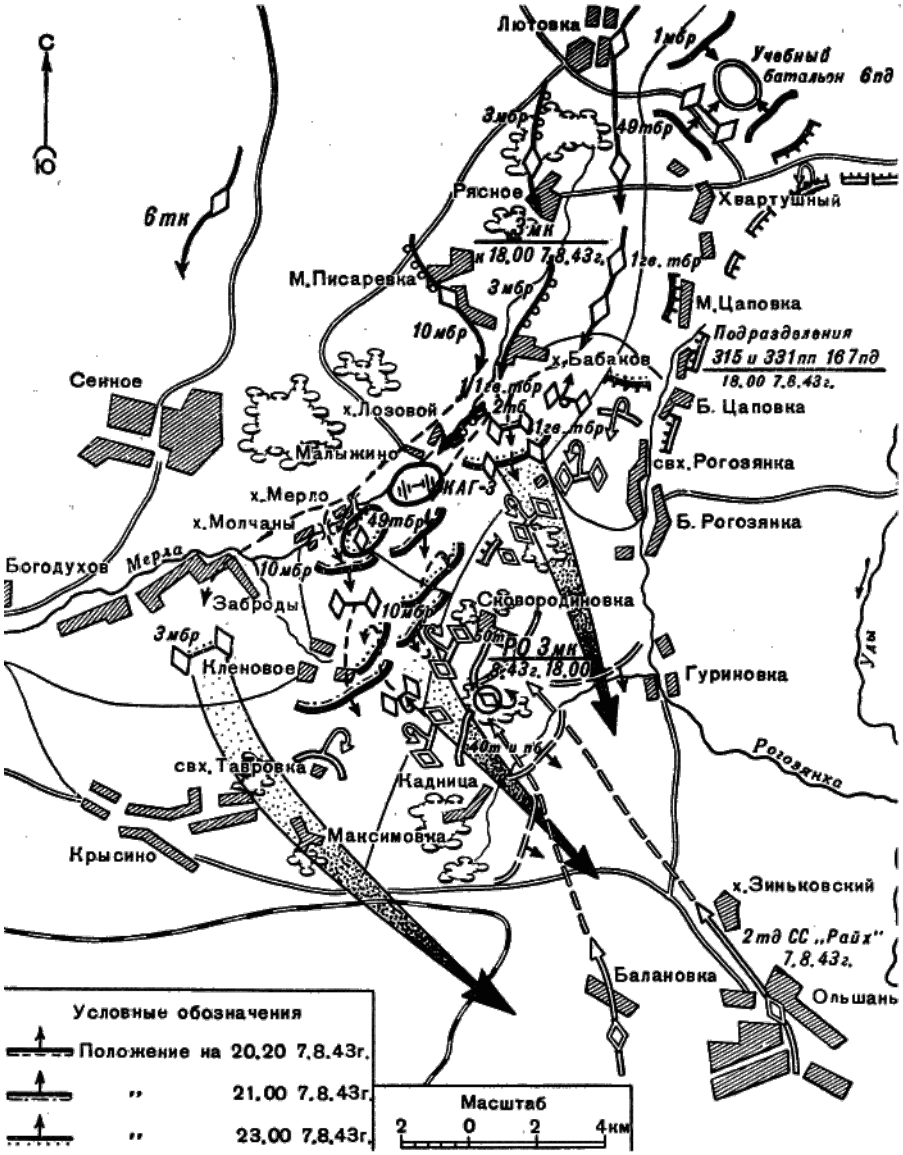
6 августа в боях против 40-й армии в районе Дорогощи принимала участие 323-я пехотная дивизия, прибывшая из района северо-восточнее Сум. В тот же день в районе Золочева сосредоточилась 3-я танковая дивизия. 7 августа в боях против 27-й армии в районе Большой Писаревки приняли участие части танковой дивизии «Великая Германия», переброшенные сюда вместе с 51-м отдельным дивизионом танков «T-VI» с орловского плацдарма. На подходе к Харькову была отмечена танковая дивизия СС «Викинг» [404] .

В течение двух дней подвижные соединения фронта продолжали развивать наступление. Несмотря на то что противник продолжал удерживать сильные узлы сопротивления – Борисовку, Головчино и Грайворон, – соединения 1-й танковой

армии к исходу 7 августа овладели одним из ключевых опорных пунктов в оперативной глубине его обороны и крупным узлом дорог – Богодуховом. Тем самым была перерезана одна из основных коммуникаций харьковской группировки противника – железная дорога Харьков – Сумы. Как вспоминал впоследствии командующий 1-й танковой армией М.Е. Катуков: «Большого сопротивления противника мы здесь не встретили. Город занимали тыловые части, не ожидавшие столь внезапного появления советских танков, и потому на нашу долю достались богатые трофеи. Целые склады продовольствия, инженерного имущества и строительных материалов позднее были отправлены в Киев, чтобы помочь восстановить столицу Украины.

Захватили мы в городе и большие запасы горючего – около 700 тонн. Но, к сожалению, воспользоваться им не удалось. На другой день после взятия Богодухова немцы бросили на город эскадрильи бомбардировщиков, обрушивших бомбы в первую очередь на склады горючего. Бомбили яростно. Землю сотрясали оглушительные взрывы. Маленький зеленый городок окутало пеленой черного дыма. Пришлось бросить часть сил на тушение пожаров» [405] .

Однако уже 7 августа для армии прозвучал первый тревожный звонок – соединения 3-го механизированного корпуса юго-восточнее Богодухова вошли в соприкосновение с частями спешно выдвигаемой в этот район танковой дивизии СС «Рейх». В 17 часов авангард 1-й гвардейской танковой бригады в районе совхоза Рогозянка завязал бой с авангардом правой колонны противника. Разведывательный отряд корпуса завязал бой с танками врага тремя километрами юго-западнее. Обнаружил левую колонну врага и авангард 10-й механизированной бригады. Командир 3-го механизированного корпуса генерал-лейтенант С.М. Кривошеин, быстро оценив обстановку, решил охватить с обоих флангов главные силы танковой дивизии СС «Рейх», вышедшие на рубеж хутор Зиньковский, Балановка, и во встречном бою разгромить их. Чтобы выиграть время и упредить танковую дивизию врага в развертывании, бригады корпуса вступали в бой последовательно. Вначале нанесли удар 1-я гвардейская танковая и 10-я механизированная бригады; затем из-за правого фланга 10-й механизированной бригады была введена в бой 3-я механизированная бригада, находившаяся во втором эшелоне. Противник не успел развернуться в боевой порядок, и его передовые части, не получив помощи от главных сил, понесли большие потери. Танковая дивизия врага была отброшена за реку Мерчик (16 км южнее Богодухова) [406] .



Встречный бой 3-го механизированного корпуса с танковой дивизией «Рейх» 7 августа 1943 г.

5-я гвардейская танковая армия, сломив упорное сопротивление немецких гарнизонов в Щетиновке и Удах, к исходу дня захватила Золочев и Казачью Лопань. 40-я армия вышла на рубеж Краснополье, Поповка, Славгородок. 27-я армия продолжала наступать на юго-запад вдоль р. Ворскла. Здесь она овладела районом Большой Писаревки – важным узлом шоссейных дорог и крупным узлом сопротивления немецких войск.

По-прежнему тяжелые бои велись в полосах 6-й и 5-й

гвардейских армий с целью ликвидации томаровско-борисовской группировки врага. Так, 32-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии возобновил боевые действия уже в 1 час ночи 6 августа. Вскоре после атаки его подразделений противник начал отход по дороге Хотмыжск – Грайворон. Командир 97-й гвардейской стрелковой дивизии полковник И.И. Анциферов, узнав об этом, решил перехватить пути отступления врага на станцию Хотмыжск силами 294-го гвардейского стрелкового полка. Его командир майор И.А. Кочарь поручил выполнение этой задачи 8-й стрелковой роте лейтенанта П.Г. Сергеенкова. К рассвету рота вышла к дороге и повзводно расположилась у нее. Вскоре на дороге появилась вражеская колонна автомашин с танками. Когда вся колонна вытянулась вдоль фронта роты, она открыла огонь из всех видов оружия.

На дороге образовался затор. Машины наезжали одна на другую. Немецкие солдаты спрыгивали на землю и пытались бежать, но попадали под перекрестный огонь пулеметов. После неудачной попытки прорыва остатки немецкой колонны вынуждены были повернуть обратно. В это время на дороге появилась еще одна колонна противника. Но ее встретили подошедшие 7-я рота лейтенанта Н.И. Попова и 1-й стрелковый батальон в полном составе. Прочно перекрыв дорогу, они завершили окружение борисовской группировки. Бой затих лишь к вечеру.

Попав в окружение, немецкие войска заняли круговую оборону. С востока их теснили части 51-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий 23-го гвардейского корпуса 6-й гвардейской армии, а с юго-запада – подразделения 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий 32-го гвардейского корпуса 5-й гвардейской армии. Перед рассветом части 66-й и 97-й дивизий начали атаку Борисовки. Бой оказался скоротечным. Противник уже не мог оказать организованного сопротивления. Часть немецких подразделений устремилась на северо-запад, но, натолкнувшись на 23-й гвардейский стрелковый корпус, повернула на юг и вместе с другими подразделениями огромной колонной двинулась в направлении станции Хотмыжск.

Чтобы упредить противника в выходе к Хотмыжску и лишить его путей отхода, командир 32-го гвардейского корпуса генерал-майор Родимцев приказал командиру 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майору Г.В. Бакланову выделить для овладения станцией усиленный передовой отряд. Для этой цели выделялся стрелковый батальон капитана П.Г. Мощенко, усиленный танковой ротой с автоматчиками (эту группу возглавил капитан А.И. Реутов), артиллерийским дивизионом 32-

го гвардейского артиллерийского полка, полковой батареей противотанковых пушек и батареей 120-мм минометов. Для оказания помощи комбату вместе с ним был направлен помощник начальника штаба полка капитан А.С. Мороз.

В 17 часов колонна вышла к совхозу, расположенному на высотке против станции Хотмыжск. Развернувшись в боевой порядок, батальон под прикрытием огня орудий и минометов внезапно для врага атаковал станцию и быстро окружил ее. Танки выехали прямо на полотно железной дороги и встали между эшелонами, направив пушки на вагоны, в которых находился немецкий пехотный батальон. Решив не испытывать судьбу, он предпочел сдаться.

К этому времени противник, выбитый из Борисовки, пытался отойти по лесным массивам и оврагам в северо-западном направлении, но, встретив там наступавшие части правого крыла фронта, не принял боя, повернул назад и стал продвигаться вдоль железной и грейдерной дорог на юго-запад. Вскоре вся эта вражеская группировка, превосходившая 13-ю дивизию по численности в 5–6 раз, с большим количеством танков и бронетранспортеров двинулась на боевые порядки ее стрелковых батальонов и артиллерийских батарей. Из орудий и минометов враг обстрелял станцию Хотмыжск.

В огневом налете участвовала и тяжелая артиллерия. Вражеские снаряды и мины разносили в щепки вагоны и станционные постройки. Мощенко, учитывая то, что станция Хотмыжск расположена в низине и вести бой в ней крайне неудобно, приказал своим ротам отойти и закрепиться на скатах высоты, обращенных к ней, перехватив все пути, ведущие на Грайворон. Танки решено было временно оставить на станции.

Вскоре на дороге, ведущей от Борисовки к станции Хотмыжск, показалась большая колонна противника. Впереди двигались «Тигры», по полю – средние и легкие танки, бронетранспортеры. Когда вражеские боевые машины вышли на окраины поселка, танки под командованием лейтенанта А.Д. Френгеля и старшины Д.И. Ведерникова, действуя из засад, уничтожили четыре из них. Шоссейную дорогу, ведущую на Грайворон, прикрывал танковый взвод лейтенанта Ю.Н. Баранчикова. На него двигались два «Тигра». Понимая, что стрелять в лобовую броню бесполезно, командир взвода приказал экипажам оставить позиции и обойти «Тигры», маскируясь за постройками. Такой маневр позволил охватить вражеские машины с флангов. Огнем в борт оба «Тигра» были уничтожены. Когда вся вражеская колонна втянулась в Хотмыжск, танковым экипажам было приказано оставить станцию и отойти за боевые

порядки пехоты.

При отходе экипаж лейтенанта Н.И. Гудинова встретился с четырьмя средними танками врага. Имея возможность отойти, Гудинов тем не менее решил принять бой. Он приказал механику на большой скорости идти на сближение с машинами противника. С короткой остановки «Т-34» поджег один танк, а уже, будучи подбитым и потерявшим ход, – второй. Оставив горящую боевую машину, экипаж скрылся в прилегающих садах. На окраине танкисты увидели вражескую противотанковую пушку со снарядами. Развернув ее в сторону преследовавшего их танка, они заставили замереть и его [407] .

После того как наша танковая группа оставила Хотмыжск, немецкая колонна двинулись на Грайворон. Впереди клином прямо на позиции передового отряда, «оседлавшего» дорогу, двигались «Тигры», по сторонам – средние и легкие танки. Колонна приближалась к стрелковым позициям. Первыми же выстрелами противотанковых орудий были уничтожены несколько автомашин с пехотой, которые создали пробку на дороге. «Тигры» на большой скорости проскочили через боевые порядки отряда, но остальные танки попали под фланговый огонь батарей и «Т-34». Прямо на дороге загорелись два танка, закрыв собой проезжую часть, третий танк был уничтожен гранатами стрелками 8-й роты.

Немецкие подразделения, отстреливаясь, стали отходить на Хотмыжск, но через некоторое время вновь повторили попытку прорыва. Их поддерживали огнем танки, стрелявшие из-за домов станции. В ряде мест немецким автоматчикам удалось вплотную приблизиться к позициям стрелковых подразделений, но они тут же были отброшены штыковой атакой.

Несколько раз враг отступал, перестраивался и вновь волнами накатывался на передовой отряд. Все поле перед станцией Хотмыжск и дорога были усеяны трупами, разбитыми машинами и бронетранспортерами, горящими танками, а бой все продолжался. Он длился до позднего вечера. В итоге колонна противника вынуждена была отступить на станцию.

Уже сутки передовой отряд отражал следующие одна за другой атаки противника. В очередной атаке главный удар он нанес по 7-й роте старшего лейтенанта С.А. Хохича. В ее расположение вклинились танки и бронетранспортеры. Видя это, командир 8-й роты старший лейтенант П. Грубов поднял своих бойцов в атаку и ударил во фланг атакующих немецких подразделений. Атаку роты поддержали бронебойщики капитана С.Н. Дятькина и пулеметчики старшего лейтенанта И. Самохина. Общими усилиями прорыв врага был локализован.

В то время, когда передовой отряд отражал вражеские атаки, 39-й гвардейский стрелковый полк в составе двух батальонов вечером 6 августа занял оборону на западной окраине Головчино. 42-й гвардейский стрелковый полк двумя батальонами вышел на северо-западную окраину Березовки и занял исходное положение для наступления в районе кирпичного и сахарного заводов, а третий батальон – резерв командира дивизии – расположился в районе совхоза, где находился наблюдательный пункт генерала Бакланова. 34-й гвардейский стрелковый полк одним батальоном занял северную окраину села Березовка, а двумя батальонами – северо-западные скаты высот 187.0 и 191.8.

Вечером начался сильный дождь с грозой. Используя непогоду, противник решил осуществить прорыв. Из района Зозули они огромной колонной устремились к Березовке, где находился 34-й гвардейский стрелковый полк и штаб дивизии. На окраине села находился саперный батальон майора В.А. Прокопьева, связисты и рота счетверенных пулеметных установок старшего лейтенанта М. Черножукова. Охрану штаба дивизии осуществлял пулеметный взвод в составе двух установок.

В третьем часу ночи на дороге появился немецкий «Тигр», который дал длинную очередь по деревне. Все подразделения, находившиеся со штабом, заняли оборону. Пулеметчики подожгли головную автомашину. Остальные вынуждены были остановиться. Пламя хорошо освещало колонну. Этим воспользовались бойцы саперного батальона. Они вели огонь по врагу почти в упор. В бой вступили комендантский взвод, офицеры штаба и политотдела, связисты, шоферы, ездовые. Используя замешательство врага, подразделения перешли в контратаку и захватили в плен более трехсот человек. Они рассказали, что здесь пытались прорваться подразделения 57-й пехотной дивизии и зенитный дивизион 19-й танковой дивизии без пушек.

Днем в Березовку вошла еще одна колонна противника, которая, по всей видимости, не рассчитывала встретить здесь сопротивления. По ней с короткой дистанции открыли огонь пулеметные установки. Вражеская колонна, двигаясь по инерции, уже не могла остановиться. Она шла прямо на штаб дивизии. На ее пути занимал оборону саперный батальон майора В.А. Прокопьева, который и принял на себя удар. На помощь саперам поспешили водители штабных автомашин. Бой распался на множество рукопашных схваток, в ходе которых саперные подразделения сражались до последнего человека. Немецкая пехота, разорвав их цепь, направилась к дому, где находилось Знамя дивизии. Его охраняли разведчики во главе с младшим

лейтенантом Г. Сапуновым. Подпустив врага на 50 метров, разведчики открыли огонь. Небольшой гарнизон дома мужественно отбивал атаки автоматчиков. От взвода осталось несколько человек. В этот момент начальник штаба дивизии полковник Т.В. Вельский поднял в атаку офицеров штаба и политотдела. Разорвав вражеское кольцо, они подбежали к дому. С другой стороны к нему устремились воины учебного батальона. Батальон вместе с саперами дивизии и ротой автоматчиков 39-го гвардейского стрелкового полка штыковой атакой отбросил немецкие подразделения из Березовки и восстановил положение. В плен сдалась большая группа вражеских солдат и офицеров [408] .

В то время, когда на командном пункте 13-й гвардейской дивизии шел бой, два батальона 332-й немецкой пехотной дивизии и несколько подразделений 19-й танковой дивизии с четырьмя «Тиграми» и бронетранспортерами атаковали 42-й гвардейский стрелковый полк на высоте 141.3. Впереди клином шли танки и бронетранспортеры, а за ними, развернувшись в цепь, – пехота. Артиллерийские батареи открыли огонь по танкам и бронетранспортерам. Боевой порядок противника нарушился, и он вынужден был начать осуществлять перестроение. Через несколько минут атака повторилась. На этот раз впереди двигались пехотные цепи, а позади в боевой линии – танки и бронетранспортеры. Два часа в предрассветных сумерках шел ожесточенный бой. Артиллеристы подбили два «Тигра» и несколько бронетранспортеров. Понеся большие потери на высоте 141,3, противник отступил к станции Хотмыжск.

Утром бой возобновился. С 5 до 9 часов немецкие части, пытаясь выявить слабые места в обороне, несколькими отдельными группами численностью до роты атаковали позиции 39-го и 42-го гвардейских стрелковых полков. Их поддержали огнем минометы и танки. Полки отразили и эти атаки, захватив 100 пленных. В 10 часов в наступление перешли главные силы вражеской группировки. Командир дивизиона 32-го гвардейского артиллерийского полка Герой Советского Союза Быков принял решение уничтожить танки противника с близкой дистанции огнем прямой наводкой. После того как артиллеристы подбили три танка, противник начал отход на исходный рубеж.

Вторая вражеская атака, как и первая, захлебнулась. В ходе третьей атаки немецкие танки, двигаясь на большой скорости, смяли стрелковое прикрытие и заставили пехотинцев отойти на линию огневых позиций артиллерийских батарей. На исходе был третий час тяжелого боя. Кончались снаряды, в расчетах осталось по одному-два человека. Всех, кто находился на наблюдательном

пункте, Быков отправил на огневые позиции. Вскоре к прицелу орудия встал и сам командир дивизиона.

Немецкие танки и пехота снова двинулись в атаку. Осколком снаряда Быков был ранен, но не оставил позицию. В 1-й батарее закончились боеприпасы. В танки полетели связки гранат и бутылки с горючей жидкостью. Они ворвались на батарею и стали давить орудия и расчеты. За ними бежали автоматчики. Израненный майор Быков поднял подчиненных в последний бой. Дивизион погиб, но не сдался.

Немецкие части, охваченные советскими войсками со всех сторон, упорно пытались вырваться из котла. Они переносили свои удары с одного направления на другое. В последний раз они атаковали на участке 39-го гвардейского стрелкового полка подполковника А.К. Щура. 1-й батальон этого полка под командованием гвардии майора Исакова, окопавшись юго-западнее Головчино, перехватил дорогу на Грайворон. Слева от него занял оборону 2-й батальон М.А. Сазонова.

Вскоре разведчики 1-го батальона доложили о движении по дороге немецкой колонны, в которой насчитывалось 33 танка. Было ясно, что такую колонну батальону не сдержать без поддержки танков и достаточного количества пушек. Единственное, что еще можно было сделать, это помешать быстрому продвижению противника на Грайворон, нанести ему как можно больше потерь в живой силе и технике. Исаков решил развернуть батальон в линию фронтом к дороге и ударить по колонне из всех видов оружия. Роты быстро сменили боевой порядок. На флангах были выставлены пушки и пулеметы, в центре – противотанковые ружья. Батальон занял участок шириной 400 метров. Тем временем в расположении 2-го батальона завязался бой. Скоро этот батальон с шестью танками «Т-34» отошел за дорогу и занял оборону рядом с батальоном Исакова.

Через несколько минут на дороге показалась колонна. Огневые средства батальонов открыли фланговый огонь. Подбитые артиллеристами и танкистами головные немецкие танки остановились и закрыли проход всей колонне. Поняв, что попали в ловушку, остальные вражеские машины съехали с дороги и устремились вперед, на Грайворон. Тем временем число горящих машин все увеличивалось. В течение нескольких минут колонна была разгромлена. Оставшиеся в живых немецкие солдаты подняли руки.

В то время, когда 13-я гвардейская стрелковая дивизия вела неравный бой с остатками пяти дивизий врага, ударная группировка 27-й армии совместно с 4-м гвардейским

Кантемировским танковым корпусом успешно продолжала выполнять боевую задачу. 163-я дивизия преследовала немецкую колонну, которая отходила на Головчино. 166-я дивизия совместно с 93-й танковой бригадой, утром 7 августа овладев Грайвороном, встретились с подразделениями 1-й танковой армии.

О сложности обстановки тех дней, вызванной глубоким вклинением советских соединений в оборону противника, дает представление эпизод, рассказанный бывшим командующим артиллерией 27-й армии генерал-майором Ф.В. Рышковым. Вечером 7 августа наши войска, занявшие Грайворон, получили сведения, что с тыла из района Головчино к городу движется большая колонна немецких войск. Было принято решение уничтожить их огнем артиллерии.

«На вражескую колонну, – пишет Ф. В. Рышков, – обрушился огонь трех десятков различных орудий и реактивных установок. Гитлеровцы в панике метались по дороге, падали, сраженные осколками снарядов и мин, бросались в канавы, укрывались в ближайших перелесках, прятались в воронках от снарядов. Пылали танки, машины… По фашистским войскам били уже около шестидесяти орудий, включая тяжелые 152-мм гаубицы. Появившаяся четверка наших штурмовиков тоже приняла участие в разгроме колонны противника. На другой день стало известно, что колонна состояла из остатков 255, 332, 57-й пехотных и 19-й танковой дивизий немецких войск… Нами было уничтожено до пятидесяти танков и штурмовых орудий врага, в том числе 44 «Тигра», около тридцати орудий и минометов, сотни автомашин, десятки повозок, кухонь… Более пятисот трупов и раненых фашистских солдат и офицеров лежало вдоль дороги, много было взято в плен» [409] .

Когда 13-я гвардейская стрелковая дивизия уже свертывалась для выполнения новой боевой задачи, ее командиру генералу Бакланову доложили, что от станции Хотмыжск прямо по полю движется группа немецких офицеров. Впереди колонны шел танк. Сомнения не было: это выходил штаб какой-то разгромленной части. На его перехват устремились автоматчики капитана И.Я. Подкопана. Увидев советских автоматчиков, немецкая группа открыла беспорядочный огонь и бросились бежать. Вражеский танк, попав под огонь артиллерийских орудий, оставил своих офицеров и на полной скорости начал уходить в сторону Грайворона, уже занятого советскими войсками. Через некоторое время автоматчики привели на наблюдательный пункт генерала Бакланова пленных и передали ему немецкую генеральскую фуражку, документы и планшет с картами. Они принадлежали

командиру 19-й немецкой танковой дивизии генерал-лейтенанту фон Шмидту, который, оказавшись перед неизбежностью плена, застрелился. Правда, создатели фильма «Освобождение» «убили» этого немецкого генерала более «красиво». По фильму он застрелился еще в июле возле командного пункта Манштейна, после того как доложил ему о том, что «моей дивизии больше нет».

В тот же день командующий 5-й гвардейской армией генерал-лейтенант А.С. Жадов доложил командующему войсками Воронежского фронта: «За 7 августа войска армии овладели 50 населенными пунктами… На правом фланге армии частью сил во взаимодействии с частями 6-й гвардейской армии уничтожены окруженные части томаровско-борисовской группировки противника. 32-й гвардейский стрелковый корпус силами 13-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий на рубеже Борисовка, Головчино, Ново-Борисовка уничтожил части 332, 57 и 255-й пехотных и 19-й танковой немецких дивизий» [410] .

6 и 7 августа войска Степного фронта продолжали наступление в исключительно тяжелых условиях. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, используя эшелонированные в глубину оборонительные рубежи и многочисленные населенные пункты, превращенные в сильные узлы сопротивления. Только к 17 часам 6 августа совместными усилиями дивизий первого эшелона 53-я армия смогла сбить немецкие части с рубежа Грязное, Репное. Однако в ночь на 7 августа они оторвались от наших частей и на новом, заранее подготовленном рубеже Отрадное, Варваровка, Салтыково перешли к обороне. Как в сердцах пишет генерал Манагаров: «Проморгали мы!» Далее он раскрывает характер действий противника при отходе: «Нехитрая эта тактика заключалась в следующем. Арьергард немцев, ведя огневой бой, задерживал наше наступление на оборонительном рубеже до вечера. С наступлением сумерек, когда глубина его обороны уже не просматривалась с наших НП, противник открывал интенсивный артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам. Под грохот стрельбы и разрывы снарядов танки и штурмовые орудия отводились на оборонительный рубеж второго эшелона под незначительным прикрытием мотопехоты на машинах и бронетранспортерах.

В свою очередь, перед рассветом прикрытие тихо отходило на промежуточный рубеж. Враг рассчитывал, что мы на рассвете нанесем мощный артиллерийский удар впустую и будем атаковать покинутые позиции. Маневр этот нередко удавался противнику, особенно когда перед ним были подразделения,

изрядно измотанные и уставшие в непрерывных боях» [411] .

Действовавший на направлении главного удара фронта 1-й механизированный корпус вел наступление в полосе между железной и шоссейной дорогами Белгород – Харьков. Двигаться приходилось по долинам рек с сильно заболоченными берегами, многие участки которых были заминированы противником. К тому времени прошли сильные дожди, дороги стали труднопроходимыми для автотранспортных машин. Все это резко снижало маневренность войск и темпы их наступления.

К исходу дня 6 августа корпус должен был овладеть крупным населенным пунктом Микояновка. В первом эшелоне наступали 36-я и 37-я механизированные бригады. 19-я механизированная бригада продолжала вести бой южнее Белгорода с вражескими войсками, отходившими от города и стремившимися прорваться на шоссе Белгород – Харьков. На эту бригаду возлагалась задача обеспечивать левый фланг корпуса. 219-я танковая бригада оставалась во втором эшелоне и перемещалась за 37-й механизированной бригадой в направлении Грязного.

Наступление 35-й и 37-й механизированных бригад развивалось медленно. Пехота противника, усиленная тяжелыми танками и самоходными орудиями, оказывала упорное сопротивление. Обойти опорные пункты врага было трудно из-за глубоких оврагов и заболоченных пойм рек. Чтобы повысить темпы наступления, командование приняло решение усилить первый эшелон 219-й танковой бригадой. К исходу дня 35-я механизированная бригада своим 4-м танковым полком с десантом мотопехоты заняла Долбино. При этом танковый полк уничтожил 3 тяжелых танка, 3 противотанковых орудия, 2 бронемашины, 4 станковых пулемета и до 100 вражеских солдат и офицеров.

В ночь на 7 августа наступление продолжалось всеми бригадами корпуса. На рассвете 37-я механизированная бригада захватила западнее Старо-Нелидовки аэродром противника и четыре его боевых самолета, которые не успели подняться в воздух. Это сделала группа разведчиков под командованием начальника разведки бригады капитана Н.Н. Колодько. Она в ночной темноте ворвалась на вражеский аэродром, захватила орудие и из него открыла огонь. Побросав оружие, различное снаряжение и не успев поднять в воздух самолеты, немецкие летчики и подразделения обслуживания и охраны бежали с аэродрома. К исходу дня корпус захватил Микояновку. В этот день он продвинулся на 14 км, освободив 16 населенных пунктов и три железнодорожные станции.

Таким образом, к исходу 7 августа войска двух фронтов,

расширив прорыв до 120 км и углубившись в расположение противника на 60–65 км, подошли к тыловому рубежу обороны противника и прорвали его соединениями 1-й танковой армии. Немецкие 4-я танковая армия и армейская группа «Кемпф», оборонявшие белгородско-харьковский плацдарм, были рассечены на две части.

Дальнейшая задача Воронежского фронта заключалась в развитии наступления в юго-западном и западном направлениях для того, чтобы перерезать основные коммуникации противника, идущие из района Харькова на запад. С другой стороны, немецкое командование, осознавая всю тяжесть положения своей харьковской группировки, стало спешно принимать меры к созданию сильных группировок с целью нанесения контрударов по флангам ударной группировки Воронежского фронта. В район западнее Харькова продолжали прибывать резервы с других участков фронта. Помимо ранее переброшенных дивизий, за период с 8 по 11 августа здесь появились еще две танковые дивизии. Дивизия СС «Мертвая голова» сосредоточивалась в районе южнее Богодухова. 10 августа в район Старого Мерчика прибыла танковая дивизия СС «Викинг» с батальоном тяжелых танков «T-VI» (30 единиц) и пехотным батальоном «Нарва». В район Полтавы из Крыма выдвигалась 355-я пехотная дивизия.

После 7 августа характер боевых действий в полосе наступления Воронежского фронта начал меняться – сопротивление немецких войск становилось все более организованным и ожесточенным. 8 августа соединения 1-й танковой армии вели тяжелые бои с частями танковых дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова» и остатками 19-й танковой дивизии и продвинуться далее не смогли. Часть сил армии действовала в районе севернее Богодухова, где уничтожала отдельные группы противника, избежавшие разгрома под Томаровкой, Борисовкой и Головчино. В районе Ново-Софиевки танкисты уничтожили немецкую колонну в составе 35 танков и 200 автомашин с мотопехотой, которая пыталась прорваться на Купьеваху.

На следующий день, сломив упорное сопротивление врага южнее Богодухова, 1-я танковая армия форсировала р. Мерла и заняла Мурафу, Хрущевую Никитовку, Александровку, Кияны. Но здесь ее дальнейшее продвижение было остановлено.

Незначительным в эти дни было продвижение 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий, наступавших уступом к северо-востоку от 1-й танковой армии. Вечером 9 августа по указанию Ставки 5-я гвардейская танковая армия была выведена в район Сенного и передана в подчинение командующего войсками Степного фронта. 6-я гвардейская армия

после разгрома борисовской группировки противника была выведена в резерв и сосредоточивалась на левом крыле фронта в районе Золочева.

Замедление темпа наступления левого крыла Воронежского фронта вызвало озабоченность Ставки. В ее директиве, направленной генералу Ватутину в ночь на 10 августа, указывалось: «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова. Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гвардейской танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефы» [412] . На основании этой директивы командующий войсками Воронежским фронта поставил 1-й танковой армии задачу: к исходу 11 августа овладеть районом Мурафа, Алексеевка, Ковяги, а передовым отрядом захватить Валки, перерезав железную дорогу Харьков – Полтава.

Опасность, нависшую над его харьковской группировкой, понимало и немецкое командование. 10 августа в «Дневнике боевых действий верховного командования вермахта» отмечалось: «Противник по-прежнему наносил тяжелые удары на участке фронта оперативной группы «Кемпф» и 4-й танковой армии в районе северо-западнее и восточнее Харькова. Наша линия фронта проходит теперь в 15 км от Харькова» [413] .

Армии левого крыла Воронежского фронта, приступившие к выполнению задачи по изоляции харьковской группировки врага, встретили с его стороны ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, 1-я танковая армия, с тяжелыми боями форсировав р. Мерчик, развивала наступление в южном направлении. В 9 часов утра 11 августа 6-я мотострелковая бригада 6-го танкового корпуса и 1-я гвардейская танковая бригада 3-го механизированного корпуса ворвались в Высокополье и на станцию Ковяги. Железная дорога Харьков – Полтава была перерезана.

Значительно успешнее 8–11 августа наступали войска правого крыла Воронежского фронта. Его 40-я армия, продвинувшись в западном и юго-западном направлениях, вела бои в районе Боромля, Тростянец. Соединения левого фланга 38-й армии, прорвав оборону врага, действовали на рубеже Железняк, Большой Бобрик. Наибольшее продвижение здесь имели соединения 27-й армии. Приданный ей 5-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко 11 августа освободил

Котельву. 4-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта П.П. Полубоярова в этот день ворвался в Ахтырку и завязал бои на улицах города.

Если на картах Генерального штаба, детально отражавших ежедневные изменения обстановки, все было предельно ясно, то о войсках, воплощавших в жизнь замыслы и решения командующих, этого сказать нельзя. Так, например, вспоминая об августовских боях в районе Ахтырки, бывший начальник штаба минометного дивизиона 4-го гвардейского танкового корпуса И.Г. Ромм отмечал, что после овладения Грайвороном «тут возник такой слоеный пирог, в котором не сразу поймешь – кто кого окружает: мы их или они нас». По свидетельству Ромма, идея нанести внезапный удар по Ахтырке возникла после допроса двух пленных немецких саперов, которые показали, что там разгружается дивизия СС «Великая Германия». Вначале это сообщение было воспринято офицерами штаба артиллерии корпуса, которые вели допрос, с полным недоверием. «Но, – как пишет Ромм, – пленные стояли на своем: «Великая Германия». Она действительно стояла в районе Орла (пленные называли его «Орэль»), но потом их погрузили в эшелоны и отправили в Италию, где высадились американцы. В пути им приказали разгружаться. Саперный батальон бросили вперед, чтобы задержать русских, пока идет разгрузка. Их батальон полностью уничтожен. Все офицеры погибли. Как называется станция выгрузки? Пленные не помнят. Какое-то очень трудное русское название.

– Может, Ахтырка? – подсказал командующий (артиллерией корпуса. – *Авт.*).

– Да, кажется, что-то в этом роде, – не очень уверенно подтвердили пленные.

Это было трагической ошибкой. Пленные запомнили название и на допросе в штабе корпуса повторили его уже вполне уверенно. Известие о разгрузке в Ахтырке моторизованной дивизии СС пошло шифром и в штаб армии, и в штаб фронта и быстро превратилось в оперативное решение: с хода ворваться в Ахтырку и разгромить дивизию на выгрузке» [414] .

4-й корпус, получив задачу, начал выдвижение в направлении Ахтырки. Впереди двигались танки, за ними – мотострелки, далее – минометчики и подразделения обеспечения. Однако с рассветом колонна начала подвергаться ударам авиации. Уходя из-под ударов и обходя встречавшиеся опорные пункты противника, части корпуса отклонились от кратчайшего маршрута, затратили на это много времени и понесли большие потери в людях и технике. «Наш путь был усеян горящими машинами, танками и

обгоревшими трупами… У села Купьеваха наше положение стало таким отчаянным, что никакие приказы фронта не могли нас заставить двигаться дальше. В небе над нами кружило уже несколько десятков самолетов. Бомбовые удары и штурмовки следовали один за другим. Мы загнали машины в бурьян, замаскировались и стали ждать ночи», – пишет об этом марше И.Г. Ромм [415] .

Минометные подразделения вышли к Ахтырке лишь к полудню. К этому времени танковые бригады прорвались-таки в город и заняли вокзал, но никаких немецких танков, тем более в эшелонах, там не обнаружили. Теперь они сами находились в ловушке, так как немецкое командование блокировало город своими танками и штурмовыми орудиями. Оказать помощь танковым подразделениям в городе могли только мотострелки. Вскоре мотострелковая бригада корпуса развернулась в боевой порядок, но огневая подготовка атаки была сорвана, так как немецкие «пантеры» огнем прямой наводкой буквально смели огневые позиции пушечных и минометных батарей. Мотострелки поднялись и снова залегли под огнем вражеских пулеметов.

День клонился к закату, когда немецкие танки после мощного бомбового удара авиации перешли в контратаку. Как вспоминает все тот же очевидец тех событий: «Нужно было спасать людей и материальную часть. Мы набрасывали на машины без разбора минометные стволы, двуноги, опорные плиты, катушки с кабелем и ящики с минами. Это было не отступление, а беспорядочное бегство. Остановились на каком-то кукурузном поле. Люди, танки – все смешалось. Чтобы разобраться, приходилось ждать рассвета».

Успешно развивающееся наступление советских войск все больше углубляло кризис обороны немецких войск на северном крыле группы армий «Юг». Характеризуя сложившуюся обстановку, ее командующий Э. Манштейн в своих мемуарах отмечал: «Противник еще более теснил на запад 4-ю танковую армию и намеревался одновременно обойти с запада группу Кемпфа в проделанной им бреши, чтобы окружить ее в Харькове». В таких условиях немецкое командование, понимая реальную угрозу глубокого охвата советскими войсками харьковской группировки с запада и рассечения фронта на две части, решило восстановить положение в полосе своей 4-й танковой армии, оборонявшейся западнее Харькова, путем нанесения двух контрударов в общем направлении на Богодухов. Один удар из района юго-восточнее Богодухова должен был нанести переброшенный из Донбасса 3-й танковый корпус (танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Рейх», «Викинг», моторизованный

полк 6-й танковой дивизии, отдельный батальон тяжелых танков «Т-VI», 1-й учебно-минометный и 55-й смешанный минометный полки – всего 230 танков и 125 штурмовых орудий), а другой – 24-й танковый корпус из района Ахтырки. Для обеспечения их действий привлекались основные силы 4-го воздушного флота.

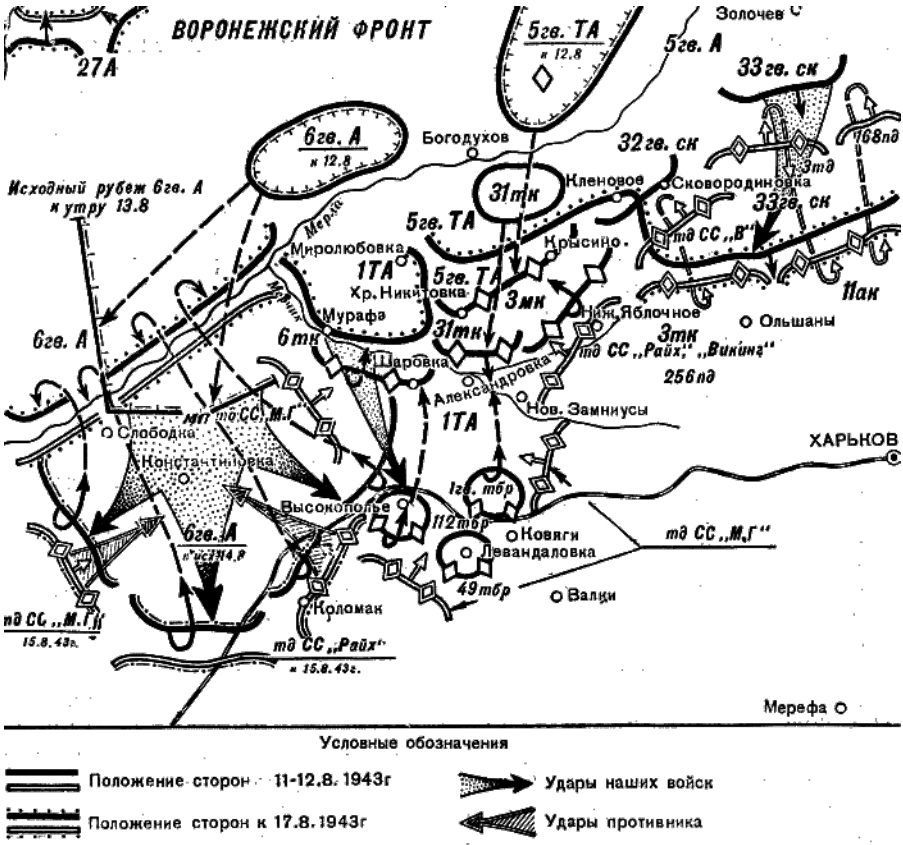
Главный удар наносился по 1-й танковой армии Воронежского фронта, которая по состоянию на 11 августа насчитывала 268 танков (24 % из них – легкие), 27 САУ, 316 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше), 119 противотанковых орудий и 57 гвардейских минометов [416] . После освобождения Богодухова передовые части армии утром 11 августа вышли на рубеж Высокополье, Левандаловка, Ковяги. В это время главные силы вели упорные бои на рубеже р. Мерчик, Сковородиновка. В первом эшелоне армии наступали 6-й танковый (командир генерал-майор А.Л. Гетман) и 3-й механизированный (генерал-майор С. М. Кривошеин) корпуса, во втором – 31-й танковый корпус (генерал-майор Д.Х. Черниенко).

Еще в первой половине дня 11 августа противник атаковал передовые танковые бригады армии. Он стремился отсечь их от основных сил объединения, окружить и уничтожить. Эти части были вынуждены перейти к круговой обороне и в течение дня огнем с места отражать непрерывные атаки. Одновременно моторизованный полк дивизии СС «Мертвая голова», усиленный 25 танками, из района Константиновки атаковал во фланг 6-й танковый корпус. После ожесточенного боя в районе Шаровки, продолжавшегося до темноты, правофланговые части корпуса были вынуждены отойти за р. Мерчик.

Не менее напряженная обстановка сложилась в полосе 3-го механизированного корпуса. Ввиду того что его левофланговым частям не удалось преодолеть упорное сопротивление немецких войск южнее рубежа Крысино, Сковородиновка, а правофланговые части еще утром прорвались к железной дороге, в центре боевого порядка корпуса, в районе Александровки, образовался 9-километровый разрыв. Именно сюда немецкое командование направило вначале до батальона мотопехоты с 15 танками, а затем, введя дополнительные силы, начало наступление на Александровку. Для ликвидации возникшей угрозы командующий армией генерал-лейтенант М.Е. Катуков ввел в сражение второй эшелон. 31-й танковый корпус стремительно выдвинулся в район Александровки, к исходу дня остановил дальнейшее продвижение врага на этом направлении и предотвратил угрозу рассечения армии на две части.

К исходу 11 августа главные силы 1-й танковой армии вели боевые действия на рубеже р. Мерчик, Александровка,

Сковородиновка. Часть сил армии (до 25 % ее состава), действуя тремя группами, вела бой в окружении в районе Высокополья. В ночь на 12 августа 112-я и 1-я гвардейская танковые бригады полковников М.Т. Леонова и В.М. Горелова вырвались из кольца и соединились с главными силами. 49-я танковая бригада подполковника А.Ф. Бурды и 17-й танковый полк 10-й механизированной бригады прорваться не смогли и в течение 4 суток продолжали вести борьбу в окружении.



Боевые действия в районе Богодухова с 11 по 17 августа 1943 г.

Таким образом, 11 августа южнее Богодухова завязалось встречное танковое сражение. Наступавшая в широкой полосе при незначительной поддержке авиации, которая в это время сосредоточивала усилия на поддержку наземных войск правого крыла фронта, 1-я танковая армия не смогла своевременно развить успех, достигнутый ее передовыми частями, и, потерпев неудачу в ходе завязки сражения, оказалась к исходу дня в тяжелом положении. Она понесла значительные потери, особенно в технике, ее правый фланг был открыт, стрелковые соединения еще не подошли к полю боя, а авиационная поддержка по-прежнему отсутствовала. Противник же, добившись успеха в ходе завязки встречного сражения, выиграл необходимое время для сосредоточения и развертывания главных сил контрударной группировки.

Неудачная для армии завязка встречного сражения была обусловлена в первую очередь недооценкой командующим войсками Воронежского фронта Н.Ф. Ватутиным возможности нанесения врагом контрудара. Не хочется проводить аналогии с февралем 1943 г., когда войска руководимого им Юго-Западного фронта в сходной обстановке потерпели тяжелое поражение в Донбассе, но тем не менее они напрашиваются. Ведь подход новых вражеских сил не являлся неожиданностью для него. Еще вечером 8 августа командующий и штаб фронта располагали необходимой информацией о выдвижении в его полосу трех танковых дивизий противника. Однако, анализируя создавшуюся обстановку, Ватутин полагал, что эти соединения не способны нанести мощный контрудар с решительными целями. Он пришел к выводу, что немецкое командование будет лишь стремиться активными действиями выиграть время для подготовки обороны по рекам Псел и Ворскла. Этого вывода не поколебали и события, происшедшие 11 августа. В этот же день командующий войсками фронта своим распоряжением подтвердил необходимость выполнения 1-й танковой армией прежней задачи по изоляции харьковской группировки противника и приказал направить одну бригаду в район Мерефы для отсечения ему путей отхода из Харькова на юг.

Одновременно в ночь на 12 августа задача на уничтожение вклинившейся в полосе 1-й танковой армии вражеской группировки была поставлена и 6-й гвардейской армии: «Противник до двух ПП с 30 танками прорвался и переправляется у Мурафы и Александровки, отрезав части Катукова, ведущие бои в Высокополье, Ковягах.

В связи с создавшейся обстановкой на основании личного приказа маршала Жукова командующий войсками фронта

приказал:

1. Не позднее 10.00 12.8.1943 г. одним корпусом во взаимодействии с частями Катукова нанести удар в направлении Мурафа, Китчинковка, Константиновка с задачей уничтожить прорвавшегося противника и выйти на рубеж Оловодка, Константиновка, Шелестово и тем самым обеспечить действия армий Катукова, Ротмистрова и Жадова с запада» [417] .

Выполняя поставленную задачу, 1-я танковая армия в течение ночи осуществила необходимую перегруппировку сил, подтянула отставшую артиллерию и утром 12 августа возобновила наступление, стремясь разгромить врага во встречном сражении. В 9 ч 30 мин, отразив атаку вражеских войск в районе Александровки, с рубежа Мурафа, Александровка перешел в наступление 6-й танковый корпус. Он нанес удар в общем направлении на Высокополье и начал развивать успех. Одновременно перешел в наступление и 3-й механизированный корпус.

Однако противник, завершив развертывание ударной группировки, в 11 часов с рубежа Новые Замниусы, Нижнее Яблочное силами танковых дивизий СС «Рейх» и «Викинг» и 256-й пехотной дивизии нанес встречный удар по левому флангу армии. В нем участвовало одновременно до 200 танков и штурмовых орудий. На фронте до 40 км развернулось ожесточенное танковое сражение. Превосходство было на стороне немецких войск: в живой силе и танках – в 1,4 раза, в артиллерии – в 1,3 раза, а в авиации – подавляющее. На направлении главного удара превосходство врага в танках и артиллерии было еще большим – в два раза. У противника было не только количественное, но и качественное преимущество: оно выражалось в том, что он имел компактную группировку своих войск, наносивших удар на заранее избранном направлении. Кроме того, в его наступавших дивизиях имелось до 30 % новых тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», которые по ряду важнейших боевых показателей превосходили танк «Т-34» с 76-мм пушкой. К тому же 1-я танковая армия имела очень мало самоходной артиллерии, а две трети ее противотанковой артиллерии составляли 45-мм пушки, эффективность которых в борьбе с немецкими тяжелыми танками была крайне низкой. Все эти факторы делали проблему отражения вражеского контрудара весьма сложной.

К 13 часам 6-й танковый корпус частью сил вновь овладел Высокопольем и перерезал железную дорогу Харьков – Полтава. Однако его главные силы были задержаны немецкими войсками на р. Мерчик. Вырвавшиеся вперед два стрелковых и два танковых

батальона оказались в тяжелом положении. Заняв круговую оборону в Высокополье, они до исхода дня отражали непрерывные атаки врага. 31-й танковый и 3-й механизированный корпуса во взаимодействии с подошедшим 32-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии под ударами превосходящих сил противника были вынуждены сначала приостановить наступление, а затем перейти к обороне.

Однако враг, вводя в сражение все новые силы, продолжал наращивать силу удара. Отражая атаки его танков и мотопехоты, поддерживаемых авиацией, соединения армии медленно отходили к Богодухову. В связи с резким осложнением обстановки на левом фланге 1-й танковой армии представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г.К. Жуков приказал командующему войсками Степного фронта ввести здесь в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию, которая к утру 12 августа сосредоточилась севернее Богодухова. К тому времени в ее состав входили 18-й и 29-й танковые, 5-й гвардейский механизированный корпуса. В ней насчитывалось 113 танков, 3 °САУ, 559 орудий и минометов, 45 гвардейских минометов «М-13» [418] . Получив приказ, армия развернулась на рубеже Хрущевая Никитовка, Крысино за боевыми порядками 31-го танкового и 3-го механизированного корпусов и в 12 часов вступила в сражение, приняв на себя всю силу удара танковой группировки врага. Действовавшие на этом направлении соединения 1-й танковой и 5-й гвардейской армий примкнули к флангам 5-й гвардейской танковой армии и вместе с ней к исходу дня остановили наступление немецкой группировки на богодуховском направлении. За день наступления противнику удалось продвинуться здесь лишь на 4–8 км. Благодаря своевременному маневру силами и средствами фронта на важнейших направлениях соотношение их к исходу 12 августа изменилось в его пользу: по живой силе – почти в 2 раза, по артиллерии – в 1,7 и танкам – в 1,1 раза. В авиации преимущество сохранялось за немецкой стороной.

Оценив сложившуюся обстановку, командующий войсками фронта принял решение нанести силами 6-й гвардейской армии и 33-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии удары по флангам немецкой группировки. 1-й танковой армии была поставлена задача силами 6-го танкового корпуса наступать в направлении Левандаловки и к исходу дня овладеть рубежом Высокополье, Ковяги. Двум дивизиям 6-й гвардейской армии было приказано занять оборону южнее Богодухова с задачей оборонять этот город в случае прорыва к нему противника. Главные силы 1-й танковой армии совместно с 5-й гвардейской

армией должны были оборонять занимаемые позиции. При этом командующему 5-й гвардейской армией приказывалось «всю истребительно-противотанковую артиллерию и батальоны ПТР немедленно сосредоточить и использовать на богодуховском направлении… Немедленно подтянуть к богодуховскому направлению всю артиллерию усиления…» [419] .

В 5 часов 13 августа соединения 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова, 33-й гвардейский стрелковый и 6-й танковый корпуса перешли в наступление. 6-я гвардейская армия и 6-й танковый корпус нанесли удар по левому флангу вражеской группировки, а 33-й гвардейский стрелковый корпус – по правому. Немецкие части оказали упорное сопротивление. Наступление развивалось медленно. Успех был достигнут лишь 6-м танковым корпусом, который продвинулся на глубину 6–10 км, вышел в район Высокополья и соединился с действовавшей там группой наших войск. Активные действия этой группы имели важное оперативное значение. Удерживая участок железной дороги, она лишила противника возможности использовать ее на всем протяжении. В результате выдвигавшиеся вражеские резервы (223-я и 355-я пехотные дивизии) были вынуждены выгружаться из эшелонов далеко от станций назначения и походным порядком выдвигаться в район боевых действий. В дальнейшем части 6-го танкового корпуса удерживали район Высокополья до 16 августа, после чего вырвались из окружения и в районе Мурафы соединились с главными силами.

Однако, несмотря на неблагоприятное для себя изменение в соотношении сил и средств, противник не отказался от своего замысла. Потерпев неудачу в попытке прорваться к Богодухову с юго-востока, немецкое командование 13 августа изменило направление главного удара. Он был нанесен во фланг и тыл группировке советских войск, действовавшей южнее Богодухова. Сосредоточенные в течение ночи на рубеже Александровка, Крысино до 200 танков и 4 полка мотопехоты после 60-минутной артиллерийской и авиационной подготовки в 9 часов перешли в наступление. В результате ожесточенных боев, продолжавшихся весь день, немецким войскам удалось продвинуться на 4–6 км и выйти на рубеж Хрущевая Никитовка, Миролюбовка. Создалась реальная опасность их прорыва к Богодухову.

После этого командующие 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армиями получили грозное предостережение командующего войсками фронта: «Вы преступно себя держите в бою; у вас масса артиллерии, танков, резервируете самоходные полки. У вас сил очень много и допускаете отход 32-го корпуса.

Требую прекратить отход, виноватых в самовольном отходе привлечь к ответственности.

Весь свой резерв, главную массу артиллерии сосредоточить против наступающего противника. Разбить этого противника, восстановить положение и продолжать выполнять поставленную вам задачу.

Передайте Ротмистрову, что товарищ Юрьев (Жуков. – *Авт* .) сказал, что он головой отвечает за недопущение продвижения противника. Отход 5-й гвардейской танковой армии товарищ Юрьев категорически запретил» [420] .

Поскольку разгромить противника путем нанесения по нему встречных ударов не удалось, генерал Ватутин приказал 1-й танковой армии с утра 14 августа перейти к обороне, с тем чтобы измотать противника в оборонительных боях, а затем во взаимодействии с 5-й и 6-й гвардейскими армиями, которые в это время должны были продолжать наступление, охватить фланги вражеской группировки и завершить ее разгром.

Переход обеих танковых армий к обороне осуществлялся под воздействием ударов немецких войск. Основное внимание было уделено организации противотанковой обороны. Во всех частях и соединениях создавались противотанковые районы и опорные пункты, танковые засады и устраивались инженерные заграждения. В состав каждого противотанкового района включался истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Плотность противотанковых средств составляла до 15 орудий и 9–11 танков (САУ) на 1 км фронта. Танковые засады (3–5 танков и САУ) располагались в шахматном порядке на глубину до 2–3 км. Важное значение придавалось обеспечению флангов и стыков. Довольно широкое применение на этом этапе сражения нашли инженерные войска. Только инженерные части и подразделения 1-й танковой армии установили 4500 мин (3000 противотанковых и 1500 противопехотных) [421] .

Не добившись успеха южнее Богодухова, немецкое командование спешно начало перебрасывать основные силы 3-го танкового корпуса против 6-й гвардейской армии, наступление которой создало угрозу левому флангу и тылу его группировки. Южнее Богодухова противник оставил сильное прикрытие с задачей активными действиями сковать советские войска в этом районе. Фронтовая и армейская разведка сразу же обнаружила перегруппировку вражеских войск, начавшуюся в ночь на 14 августа. Но и на сей раз разгадать замысел противника в полной мере не удалось. 15 августа он нанес удар во фланг 6-й гвардейской армии, которая к исходу дня была вынуждена отойти за р. Мерла. Один полк 90-й гвардейской стрелковой дивизии был

отрезан танками противника в районе Алексеевки, на железной дороге Харьков – Полтава, и вел бой в окружении.

Представитель Ставки Г.К. Жуков в донесении Верховному Главнокомандующему в этот день докладывал: «Сегодня, 15.8, противник нанес контрудар по Чистякову. В контрударе участвовали танковые дивизии «Рейх» и «Мертвая голова» при поддержке авиации, сделавшей по двум дивизиям Чистякова около 600 самолето-ударов. Очень сильно пострадала 90-я стрелковая дивизия…» Далее представитель Ставки сообщал, что остальные армии Воронежского и Степного фронтов имели лишь незначительное продвижение на 2–3 км и что командующие просят предоставить войскам на перегруппировку стрелковых соединений и артиллерии и «на подготовку нового прорыва» два-три дня [422] .

День 15 августа стал последним днем, который принес успех немецкой контрударной группировке. Но этот успех не мог существенным образом изменить ход сражения под Богодуховом. В последующие два дня немецкие войска прилагали отчаянные усилия развить удар в полосах 6-й гвардейской и 1-й танковой армий. Однако все их попытки были сорваны. Исчерпав свои наступательные возможности, 3-й немецкий танковый корпус к исходу 17 августа перешел к обороне. В результате ожесточенного семидневного сражения враг потеснил советские войска на 20 км к северу, но выполнить главную задачу не смог – угроза глубокого охвата его харьковской группировки с запада по-прежнему сохранялась.

В то время, когда соединения правого крыла Воронежского фронта отражали удары противника в районе Богодухова, не менее сложная для советских войск обстановка складывалась и на ахтырском направлении. Действовавшая здесь 27-я армия генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко 12–14 августа своими правофланговыми соединениями продолжала вести уличные бои в Ахтырке. На левом фланге армии 71-я стрелковая дивизия передовым отрядом форсировала р. Ворскла и заняла Бельск. Во второй половине дня 14 августа командующий войсками фронта поставил армии задачу: на следующий день уничтожить ахтырскую группировку противника, овладеть плацдармом на западном берегу р. Ворскла и выйти на рубеж Добрословка (5 км западнее Ахтырки), Грунь, Опошня. 5-му гвардейскому танковому корпусу, находившемуся в подчинении армии, приказывалось форсировать р. Мерла и захватить Большую Рублевку на южном берегу реки.

Выполняя эту задачу, действовавшие на левом фланге 71-я стрелковая дивизия и 4-й гвардейский танковый корпус с

упорными боями 15 августа достигли восточной окраины Груни, захватили Буды, Батьки и завязали бои за Опошню. Во второй половине дня противник подтянул на этот участок дополнительные резервы (запасный батальон танковой дивизии СС «Великая Германия», саперный батальон 48-го танкового корпуса и другие подразделения) и на рубеже Грунь, Бельск перешел в контратаку. Вот как рассказал о результатах этой контратаки уже упоминавшийся И.Г. Ромм: «Вскоре в Грунь вошли мотострелки в сопровождении двух самоходных гаубиц СУ-122… Но внезапно все изменилось. Из Груни донеслись автоматно-пулеметная стрельба и орудийные выстрелы. Потом раздался частый перестук наших минометов… В Груни творилось что-то непонятное… Вдруг на дорогу стали выскакивать оттуда наши машины с минометами, облепленные солдатами. Неслись они к нам не колонной, а врассыпную.

– Хана! – закричал Кузора (командир минометного дивизиона. – *Авт*.), соскакивая с машины. – Мотострелки накрылись! Там десятка два «Тигров» и бронетранспортеры с пехотой…

Некоторое время мы ждали, что оттуда появится кто-нибудь из наших, но никто так и не появился… Потом отползла, пятясь задом, самоходная гаубица» [423].

16–17 августа сопротивление противника в полосе армии значительно усилилось. При поддержке значительных групп авиации он неоднократно переходил в контратаки. Населенные пункты Грунь, Бельск, Буды по нескольку раз переходили из рук в руки. Тем не менее 16 августа 4-й гвардейский танковый корпус с 71-й стрелковой дивизией после ожесточенного боя выбили немецкие подразделения из Опошни. К этому времени (17 августа) 27-я армия, рассредоточив свои силы в полосе шириной 170 км, ни на одном участке продвижения не имела. На правом фланге так и не удалось овладеть Ахтыркой, так как после переброски 241-й стрелковой дивизии на левый фланг армии на р. Мерла здесь на 25-километровом рубеже действовала лишь одна 166-я стрелковая дивизия.

Вместе с тем, потерпев неудачу в своих попытках прорваться к Богодухову из района Старый Мерчик, Ольшаны, немецкое командование в середине августа начало готовить удар на Богодухов с северо-запада, из района Ахтырки. С этой целью оно сосредоточило здесь танковую дивизию СС «Великая Германия», 7-ю, 11-ю и части 19-й танковых дивизий, 10-ю моторизованную дивизию, 51-й и 52-й отдельные батальоны тяжелых танков «Т-VI» и четыре артиллерийских полка. Одновременно в районе юго-восточнее Большой Рублевки были сосредоточены основные силы

танковой дивизии СС «Мертвая голова» для удара на Колонтаев с юга. Кроме того, в районе Полтавы к 14 августа сосредоточились 355-я и 223-я пехотные дивизии. В результате на рубеже Ахтырка, Опошня, Краснокутск немецкие войска достигли к середине августа значительного превосходства над 27-й армией.

Вражеский контрудар на ахтырском направлении был нанесен 18 августа. В 9 часов утра до полка немецкой мотопехоты и 60 танков перешли в наступление на смежных флангах 517-го и 735-го стрелковых полков 166-й стрелковой дивизии. Лишь после длительной борьбы, ценой потери до 20 танков, врагу удалось прорваться в населенный пункт Велико-Озерский. Однако его пехота была отсечена от танков. В 10 часов при поддержке авиации и артиллерии противник ввел на этом направлении еще до 70 танков и до полка мотопехоты. Для отражения их удара командир 166-й стрелковой дивизии ввел в бой 423-й стрелковый полк, находившийся в резерве, и противотанковый резерв. В 11 ч 30 мин в наступление перешла третья волна немецких танков. Теперь их насчитывалось уже до 200.

К 13 часам до 15 немецких танков с группой автоматчиков прорвались в район совхоза «Ударник», где находился командный пункт дивизии, а к 14 часам танкам противника удалось пробить брешь в обороне и достичь рубежа совхоз Ильичева, Осетняк. Позже около 30 танков ворвались в Каплуновку [424] .

К этому времени вошли в соприкосновение с противником передовые подразделения соединений переданной Воронежскому фронту из резерва Ставки 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г.И. Кулика. Она имела задачу развернуться на рубеже Высокое, Новая Одесса в 20 км западнее Богодухова и организованно встретить вражеские танки и мотопехоту, не допустив их дальнейшего продвижения в восточном направлении на Богодухов. Выполнение этой задачи командующий армией возложил на 20-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Н.И. Бирюкова, соединения которого (5, 7 и 8-я гвардейские воздушно-десантные дивизии) находились в 10–12 км от рубежа развертывания.

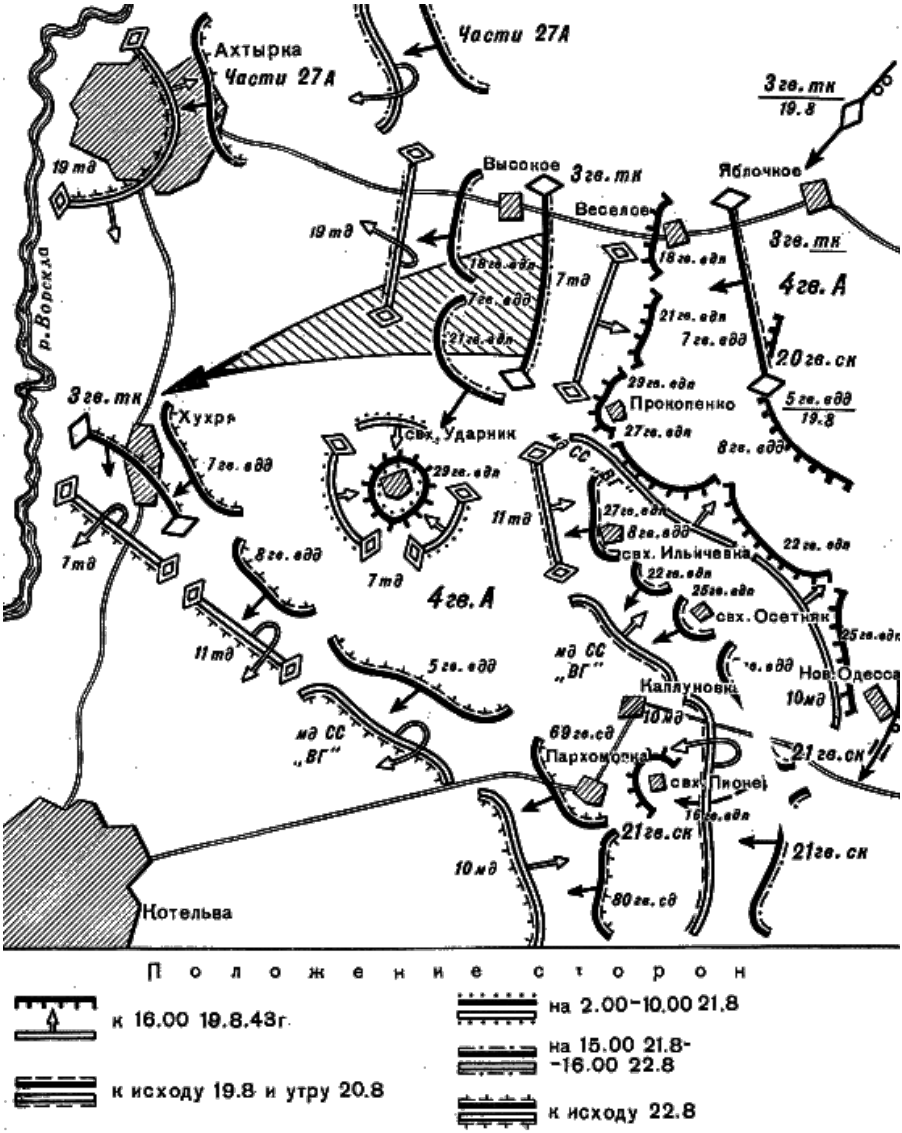
В соответствии с решением генерала Кулика первоначально планировалось выдвинуть вперед только 8-ю дивизию, занять ею исходный рубеж, организовать противотанковую оборону и тем самым создать условия для перехода корпуса в наступление. Как пишет в своих воспоминаниях генерал Бирюков: «То, что мы знали тогда о положении под Ахтыркой, никак не вязалось с приказом ввести в действие только часть сил корпуса. Я позвонил командующему 4-й гвардейской армией.

– Там нет ничего, – ответил генерал Кулик. – Нехай (пусть. –

Авт .) дивизия идет с развернутыми знаменами.

Насчет знамен он, конечно, пошутил, но факт оставался фактом: против бронированного кулака выдвигалась одна развернутая на широком фронте дивизия.

И только поздним вечером 18 августа поступили новые указания, согласно которым уже весь корпус, имея в первом эшелоне 8-ю и 7-ю дивизии, а во втором 5-ю, должен был занять рубеж обороны. Нам сообщили также, что завтра к трем часам пополудни 3-й гвардейский танковый корпус сосредоточится за нашими позициями. Слева и несколько позади нас уступом шел 21-й гвардейский корпус. Таким образом, вся 4-я гвардейская армия как будто бы вступала в дело» [425] .



Боевые действия 20-го гвардейского стрелкового корпуса под Ахтыркой 19–22 августа 1943 г.

18 августа противник нанес и второй удар в полосе 27-й армии, из района Ковалевка, Константиновка в направлении на Колонтаев, силами танковой дивизии «Мертвая голова». Однако все его атаки здесь были отражены 241-й стрелковой дивизией, которой командовал полковник П.Г. Арабей. Несмотря на эту частную неудачу, выход основных сил немецкой контрударной группировки в район Каплуновки осложнил положение на правом фланге армии. К исходу дня глубина вражеского вклинения достигла 24 км. Назревала угроза не только окружения соединений 27-й армии, действовавших южнее, но и прорыва

немецких танковых соединений в тыл 1-й танковой и 6-й гвардейской армий.

Вместе с тем положение всей ахтырской группировки противника было весьма неустойчивым. Оно во многом обусловливалось тем, что немецкое командование было не в состоянии надежно обеспечить ее левый фланг. Успешное наступление войск правого крыла Воронежского фронта позволяло не только обойти его, но и, в свою очередь, выйти в тыл немецким войскам, наносившим контрудар. Поэтому командующий войсками фронта требовал всемерно нарастить темпы наступления на своем правом крыле. Действовавшие здесь 38-я, 40-я и введенная в сражение из резерва Ставки 47-я армии за день 18 августа продвинулись на 10–20 км и вышли на рубеж Большая Чернетчина, Низы, Соловьевка, Ревки, Новоселовка, Белка. Они все более нависали с севера над немецкими войсками. Чтобы ускорить охват противника с фланга и тыла, генерал Ватутин, определяя задачи на 19 августа, приказал правофланговым дивизиям 40-й армии овладеть к исходу дня Лебедином и выйти на р. Псел. 47-я армия должна была перерезать одну из важнейших коммуникаций ахтырской группировки врага – дорогу Лебедин – Ахтырка. 38-й армии было приказано обеспечить наступление 40-й и 47-й армий, перейдя с этой целью к обороне по восточному берегу р. Псел.

Одновременно 27, 6 и 4-й гвардейским, а также 1-й танковой армиям ставилась задача разгромить вклинившуюся немецкую группировку и восстановить положение в районе Ахтырки [426] . 71-я стрелковая дивизия, находившаяся на левом выдвинувшемся фланге 27-й армии, в ночь на 19 августа была отведена с западного берега р. Ворскла в район Пархомовки.

Утром 19 августа в соприкосновение с противником вошли подразделения 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 4-й гвардейской армии. Батальон старшего лейтенанта Г.Н. Дудкина отразил атаку немецких танков и заставил их отойти. На поле боя остались два подбитых «Тигра». К вечеру в бой вступили правофланговый 27-й и левофланговый 25-й полки дивизии. Завязался встречный бой с типичными для него атаками, быстрыми отходами и контратаками. Артиллеристы и минометчики 27-го полка огнем внесли расстройство в боевые порядки врага, и его батальоны захватили совхоз «Комсомолец».

Тяжелый бой вел на левом фланге за высоту 181.4 и село Чемодановку 25-й полк. Батальон под командованием капитана С.Н. Ивлева быстро захватил высоту, но тут же был контратакован автоматчиками, которых поддерживали танки. Возникла опасность окружения. Тогда Ивлев вышел вперед вместе со своим

заместителем по политчасти М. Сазоновым. Буквально на плечах бежавших автоматчиков батальон ворвался в Чемодановку. Ивлев был ранен, но не ушел с поля боя.

Так же умело и напористо действовал батальон капитана В.М. Быкова. Ворвавшись в Каплуновку, он начал выбивать противника из домов, когда на улицу ворвался «Тигр». Его повредил двумя выстрелами из противотанкового ружья старший сержант Клименко. В результате упорного боя батальон захватил и удержал северо-восточную окраину Каплуновки.

По мнению командира 20-го корпуса, общий итог дня оказался скромным. 8-я дивизия овладела лишь совхозами «Комсомолец» и «Осетняк» и грядой высот к западу от них, остановив на этом рубеже продвижение противника. «Причины те же: растянутость фронта, поспешность в подготовке атаки и недостаток противотанковой артиллерии, который остро ощущался в полках в течение всего боя», – пишет генерал Бирюков [427] .

В сложных условиях в этот день действовала и 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия генерал-майора М.Г. Микеладзе. Против ее 18-го и 21-го полков враг одновременно бросил в бой более 40 танков и штурмовых орудий и до полка мотопехоты на бронетранспортерах. Они были встречены огнем 76-мм пушечных батарей 1-го и 2-го дивизионов 10-го гвардейского артиллерийского полка и двумя 45-мм батареями 8-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. В этом бою большую помощь дивизии оказали летчики-штурмовики 2-й воздушной армии. Они бомбоштурмовыми ударами наносили противнику большие потери, поддерживая наши наземные войска. В результате части 7-й немецкой танковой дивизии были вынуждены приостановить свое наступление. Предпринятые противником в течение дня повторные атаки также успеха не имели. Враг потерял 10 танков, из них два «Тигра» и 6 бронетранспортеров [428] .

К утру 19 августа основные силы 1-й танковой армии были перегруппированы на северный берег р. Мерла и из района Купьеваха, Новая Одесса, Губаровка перешли в наступление в общем направлении на Ахтырку. Совместно с ними действовали две стрелковые дивизии и 3-й гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской армии. В ходе ожесточенных встречных боев, продолжавшихся весь день, советские войска остановили дальнейшее продвижение ахтырской группировки противника. Более того, на левом фланге вклинения немецкие войска были выбиты из ряда населенных пунктов, что еще более сузило горловину клина, нацеленного с северо-запада на Богодухов.

Лишь небольшой успех принесли атаки врага, имевшие целью расширить прорыв в южном направлении. Но и здесь его продвижение было остановлено соединениями 27-й армии. Южнее, на рубеже р. Мерла, все вражеские атаки были отражены частями 241-й стрелковой дивизии.

К исходу 19 августа уже явно обозначился кризис наступления ахтырской группировки врага. Наступавшие на правом крыле Воронежского фронта соединения в этот день добились значительных успехов. В результате упорных боев 309-я, 161-я стрелковые дивизии и 2-й танковый корпус 40-й армии разгромили противостоявшие части противника и ворвались в Лебедин. 47-я армия, продвигаясь на юг, перерезала дорогу Ахтырка – Лебедин. В «Дневнике боевых действий верховного командования вермахта» с тревогой отмечалось за этот день: «… На участке фронта 52-го армейского корпуса в результате сильных ударов противника создалось критическое положение» [429] .

Выход 47-й и 40-й армий на тылы ахтырской группировки врага резко изменил характер его действий на ахтырско-богодуховском направлении. Немецкое командование было вынуждено часть сил ахтырской группировки перебросить на север для отражения наступления этих армий. В ахтырском выступе 20 августа основные усилия немецких войск сосредоточились на том, чтобы окружить соединения 27-й армии в районе Котельвы. С этой целью они наносили удар по сходящимся на Краснокутск направлениям из районов Пархомовки (с севера) и Константиновки (с юга).

С утра 20 августа продолжились бои в полосе 20-го стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии. Генерал Кулик приказал ему в 17 часов нанести удар совместно с бригадами 3-го механизированного корпуса в направлении совхоза «Ударник».

Для подготовки наступления у корпуса оставалось четыре часа. За это время необходимо было организовать взаимодействие с танкистами, и хотя командарм, вняв доводам генерала Бирюкова, перенес начало атаки на час, готовилась она в спешке. Из-за недостатка времени работники штаба корпуса сразу же выехали в дивизии и там поставили им задачи. Подготовительную работу облегчило, правда, то, что 7-й дивизии не нужно было осуществлять перегруппировку – она была развернута в боевой порядок в 5 км от назначенного ей рубежа.

В таком же положении находились и танковые бригады 3-го механизированного корпуса. Например, 13-я танковая бригада вступила в бой, не успев организовать разведку, без артиллерийской и авиационной поддержки, без связи с соседом

слева. Но как бы там ни было, десантники и танкисты в назначенное время перешли в наступление.

В течение нескольких часов подряд на левом фланге 8-й дивизии подразделения 25-го полка под командованием майора Д.В. Белорусова выбивали немецких автоматчиков из Каплуновки. Село было расположено на высотах и окружено оврагами. Каждый его дом и двор стали объектом ожесточенной борьбы. Когда батальоны С.Н. Ивлева и В.М. Быкова ворвались в центр села, противник предпринял сильную контратаку. Пятнадцать танков и бронетранспортеры с пехотой устремились к Каплуновке с юго-запада, но полковая батарея старшего лейтенанта И.М. Подколзина опередила врага. Развернувшись с ходу на околице, она с расстояния 150–200 метров фланговым огнем расстреляла два танка и заставила немецкие подразделения отступить. Но полностью овладеть Каплуновкой батальоны не смогли. Продвижение к северу от нее также было незначительным.

Командир корпуса ввел в бой второй эшелон – 5-ю дивизию. Ее 16-й полк направился в глубокий обход Каплуновки с юга. Совершая маневр, он встретил упорное сопротивление противника. Связав боем его главные силы, командир батальона майор Ф.М. Орехов выдвинул вперед, в направлении совхоза «Пионер», до 50 автоматчиков во главе со своим заместителем по политчасти капитаном Н.П. Лапшиным.

Еще в темноте отряд Лапшина углубился в тыл противника на 6 км. Тут автоматчики натолкнулись на вражескую батарею. Огнем и гранатами орудийные расчеты были уничтожены, а пушки приведены в негодность. Перед самым рассветом отряд перерезал дорогу, ведущую из совхоза «Пионер» на запад. После того как он уничтожил бронетранспортер, автомашину с боеприпасами и мотоцикл, движение по дороге прекратилось. Потом отряд захватил совхоз «Пионер» и занял в нем круговую оборону. Противник, посчитав, что в тыл к нему вышли значительные силы, оставляя группы прикрытия, начал отходить с переднего края, обтекая стороной совхоз «Пионер» [430] .

Утром 21 августа подразделения, ведущие бой в Каплуновке, увидели, что в рядах противника возникло замешательство, и немедленно воспользовались этим. 25-й полк майора Д.В. Белорусова и 1-й полк подполковника И.Г. Попова бросились в атаку и окончательно очистили село.

Однако главные события вечера и последующего дня произошли на правом фланге корпуса. Здесь наступала 7-я дивизия генерал-майора М. Г. Микеладзе. Хорошо подготовленной ночной атакой ее полки овладели совхозом «Ударник». Не успели они закрепиться, как последовала

контратака. На рассвете около сорока танков противника и полк мотопехоты окружили этот населенный пункт.

Танки, среди которых были и огнеметные, нанесли удар по батальону капитана Е.С. Гудименко, выбывшего из строя, как только разгорелся бой. Они крутились над неглубокими окопчиками, раздавливая их и выжигая там все живое, но разорванная на очаги оборона снова смыкалась, и батальон снова отбрасывал мотопехоту. В самый разгар боя лейтенант Ф. Березовский и комсорг батальона Д. Фукалов связками гранат подорвали два танка. Оба считались погибшими, но, пройдя через все испытания, – выжили.

В этом бою погиб командир полка майор Г.В. Кочетков. Были убиты многие другие офицеры, но 29-й полк, окруженный и обезглавленный, строго экономя боеприпасы, держал оборону. Отражая одну атаку за другой, он удерживал совхоз «Ударник». В один из самых критических моментов полк увидел своего знаменосца. Старшина А.Д. Юрьев, высоко подняв знамя, увлек за собой оставшихся в живых бойцов.

Однако вражеские танки уже проникли в совхоз, и борьба шла за каждый дом и двор. В этой тяжелой обстановке проявил себя батальон капитана И.П. Чехова. Восемнадцать часов непрерывных атак не сломили его. Перед его окопами противник оставил до трехсот солдат убитыми, восемь сгоревших танков и самоходных орудий, десятки мотоциклов.

В создавшейся обстановке нужно было любой ценой спасти полковое знамя. Майор М.П. Тараканов, вступивший в командование полком после гибели его командира, приказал выполнить эту задачу старшему врачу полка капитану медицинской службы М.И. Медведевой, старшине А.Д. Юрьеву и двум автоматчикам. Группа получила задачу: под прикрытием пулеметного и минометного огня прорваться через вражеское кольцо окружения и доставить знамя в штаб дивизии, который находился на высоте в 2 км восточнее совхоза «Ударник». Ей удалось добежать до небольшой рощи, выйти из окружения и сдать знамя полка в штаб дивизии [431] .

Генерал Микеладзе направил к совхозу свой резерв – две батареи противотанковых орудий и стрелковые подразделения. Первая батарея с ходу, развернувшись, вступила в бой с двенадцатью вражескими танками и сразу же подбила три «Тигра». А артиллеристы другой батареи, воспользовавшись тем, что четыре танка противника были скованы боем с соседней танковой частью, вручную перекатили орудия на огневую позицию и огнем с фланга подбили еще несколько немецких танков. Враг здесь был остановлен. 29-й полк получил ощутимое

облегчение [432] .

В 10 часов 21 августа прибывшая на усиление дивизии 10-я минометная бригада РВГК произвела мощный 10-минутный огневой налет по боевым порядкам противника. Подразделения 21-го гвардейского воздушно-десантного полка под командованием подполковника И.И. Павлова совместно с 8-м отдельным истребительно-противотанковым артиллерийским дивизионом при поддержке танкистов 3-го гвардейского танкового корпуса перешли в наступление, к 11 часам сломили сопротивление противника и соединились с 29-м полком. Полк вышел из окружения в составе 723 человек [433] .

Докладывая в Ставку об итогах дня, ее представитель маршал Г.К. Жуков отметил новые моменты в тактике немецких войск: «В районе Ахтырка, Каплуновка противник применяет следующую тактику оборонительных действий: свои танки он рассредоточил за пехотой и за противотанковой артиллерией и упрятал их в необстреливаемых местах. Против наших наступающих частей, главным образом против Кулика, противник действует артиллерийским, минометным огнем, авиацией и контратаками пехоты с группами танков по 20–30 штук. Он, видимо, хочет сберечь свои танки и выбить наши танки, а затем, ослабив нас, попытаться перейти в наступление. Учитывая характер действий противника, я дал указания Ватутину и командармам бить врага, не отрывая своих танков от артиллерии и пехоты, бить главным образом авиацией, артиллерией и всей системой пехотного и противотанкового оружия» [434] .

Оценивая дальнейшие перспективы действий, Жуков продолжал: «Главный наш козырь – это Корзун (командующий 47-й армией. – *Авт* .), который с тремя танковыми корпусами выходит во фланг и на тылы ахтырской группировки противника. Сегодня он занял Олешня, Россоховатый, Московский Бобрик. Учитывая нависающую угрозу со стороны Корзуна, сегодня противник потянул танки с Ахтырки к району Олешня.

Трофименко, своим правым флангом примыкая к Корзуну, на подходе к северной окраине Ахтырка…

Кулик начал действовать сегодня с 18 часов тремя дивизиями и танковым корпусом. Отбросив противника на 3 км, вышел на фронт свх. Ильичевка, свх. Осетняк, Каплуновка. **Части Кулика действуют очень хорошо, и я уверен, что через 2–3 дня они сомнут противника и отбросят его»** [435] (выделено нами. – *Авт* .).

К сожалению, оптимистический прогноз Жукова не сбылся. Как отмечал генерал Бирюков: «Итак, за четыре дня наступления мы продвинулись на шесть-девять километров. Весьма скромно!

Добиться разгрома противостоящих нам сил не удалось. Наши потери, особенно в 8-й дивизии и 29-м полку 7-й дивизии, при всем желании не назовешь небольшими» [436] . Но тем не менее далее он приводит оценку, данную со слов генерала Кулика, действиям 4-й гвардейской армии: «– Слухай, Бирюков, – сказал он с характерным своим акцентом, – только что я разговаривал с Москвой. **Москва довольна нашими действиями** (выделено нами. – *Авт* .). Сделали, говорят, дело, сковали противника, сорвали его план пройти через Ахтырку на Богодухов – во фланг Ивану Степановичу (Коневу. – *Авт*).

Эту оценку Ставки Верховного Главнокомандования, помогавшую уяснить ситуацию в целом, штаб корпуса немедленно довел до сведения каждой роты и взвода» [437] .

Характерно, что в первом послевоенном издании, посвященном Курской битве и относящемся к 1947 г., заслуги 4-й гвардейской армии в срыве немецкого контрудара также не подвергались сомнению: «…Своевременное подтягивание в район боевых действий 4-й гвардейской армии Воронежского фронта, которая к моменту ввода ее в бой находилась в районе Ямное, Яблочное на удалении 20 км от линии фронта, позволило в условиях кризисного положения в районе Ахтырки, когда ахтырская группировка немцев прорвала фронт 27-й армии, в тот же день ввести в бой часть сил 4-й гвардейской армии и остановить наступление противника, пытавшегося прорваться к Богодухову… Быстрый маневр 4-й гвардейской и 47-й армий сорвал попытку немецкого командования добиться существенного изменения оперативной обстановки на белгородско-харьковском плацдарме» [438] .

Что же касается маршала Жукова, то по прошествии времени он поменял свои оценки на диаметрально противоположные. Вот что он пишет в своих мемуарах: «18 августа противник нанес контрудар из района Ахтырки. Для его ликвидации в сражение была дополнительно введена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки. Командовал ею генерал Г.И. Кулик. К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования» [439] .

Так в чем же причина таких расхождений? Может быть, дело вовсе не в Кулике, а в ком-то другом? Не секрет в том, что недовольство Сталина действиями Воронежского и Степного фронтов, представителем Ставки на которых являлся Жуков, к 20 августа достигло критической точки. И совсем не случайно он направил Жукову следующую директиву: «План наступления Воронежского фронта с целью к 20 августа овладеть Ахтыркой явным образом не удался. Операция по разгрому харьковской

группировки противника также затянулась. Ставке Верховного Главнокомандования неизвестно, по какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты. Ставка требует, чтобы Вы представили план по ликвидации ахтырской группировки противника и овладению плацдармом Ахтырка, Котельва, Колонтаев, Пархомовка. Для этого недостаточно вовлечь в дело отдельные армии и танковые корпуса. Для этого необходимо организовать прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации…» [440]

По всей видимости, последующие доклады Генерального штаба Верховному были настолько нелицеприятными для его военачальников, что он в тот же день просто обрушился на командующего войсками Воронежского фронта, на своего «генерала наступление», Ватутина: «События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки, как при планировании, так и при проведении операций.

Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера.

Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим, далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям.

При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гвардейской армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и наконец противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника.

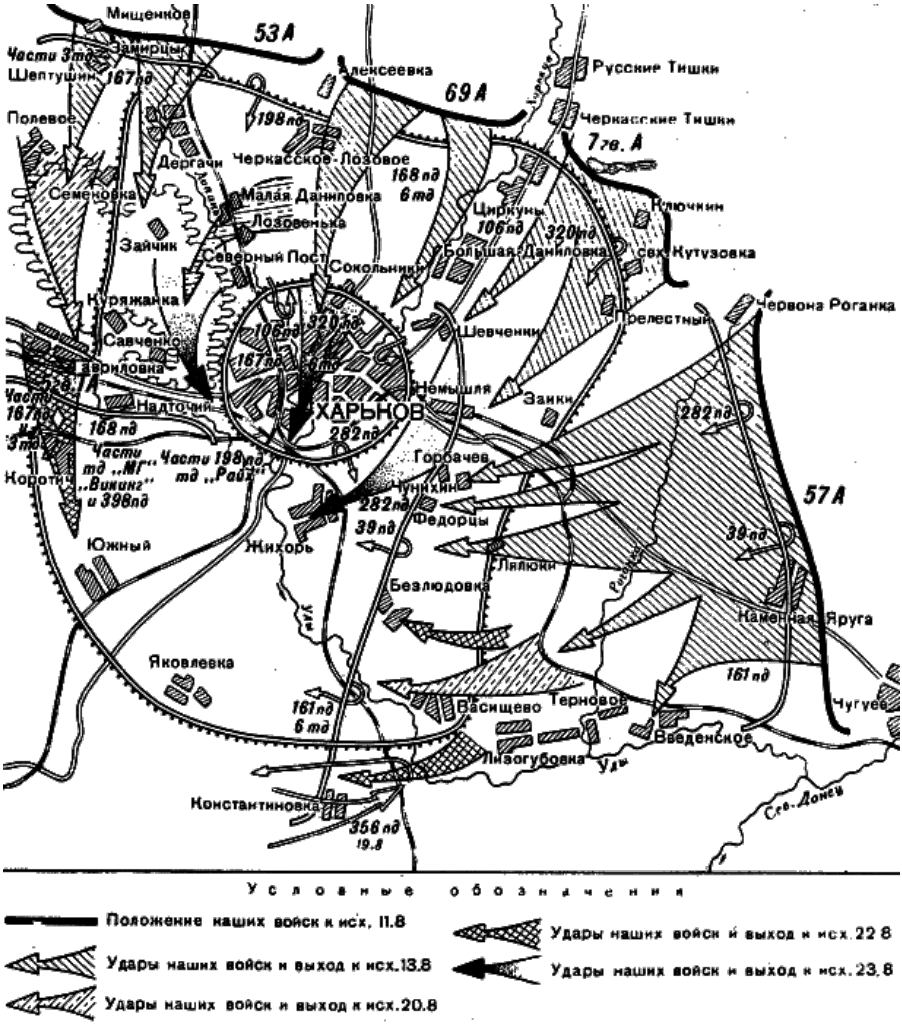
Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни» [441] .

Необходимо заметить, что обвинение в повторении старых ошибок, в стремлении к наступлению всюду свидетельствует о невероятном психологическом напряжении Сталина и боязни

повторения трагедии, которая постигла советские армии в феврале – марте 1943 г. Но раздражение, выплеснутое на Ватутина, должен был принять в свой адрес, как представитель Ставки, и непосредственно Жуков. Несмотря на то что после того, как 5-я гвардейская и 1-я танковые армии потеряли в ходе операции большинство своих танков, 4-я гвардейская армия сыграла главную роль в срыве немецкого контрудара, виновным в самом факте его существования был «назначен» генерал-лейтенант Кулик. А потому в своих мемуарах имя погибшего в начале 1944 г. генерала Ватутина Жуков порочить не решился. А Кулика, расстрелянного по указке Сталина в 1950 г. за неосторожные высказывания недовольства своим послевоенным служебным положением, можно было без зазрения совести «попинать» и после смерти.

В то время, когда войска Воронежского фронта вели тяжелые бои по отражению контрударов противника в районах Богодухова и Ахтырки, Степной фронт продолжал попытки сломить упорное сопротивление немецких войск на харьковском направлении. К концу первой декады августа его действия были выделены, по сути, в самостоятельную наступательную операцию – Харьковскую. В соответствии с ее замыслом 53-я армия во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией должна была охватить Харьков с запада и юго-запада, а 7-я гвардейская армия – с севера. Задача 57-й армии, которая вошла в подчинение фронта, заключалась в обходе города с юга. 69-я армия по мере готовности должна была развернуться на смежных флангах 5-й гвардейской и 53-й армий в районе Ольшан для ведения наступления в южном направлении.

После овладения Белгородом боевые действия фронта заключались в последовательном прорыве эшелонированных в глубину оборонительных рубежей противника, на каждом из которых он оказывал ожесточенное сопротивление. Советским войскам, которые вынуждены были вести фронтальные атаки, не удавалось рассечь фронт обороны немецких войск, чтобы выйти им в тыл и уничтожить по частям. Оборонявший подступы к Харькову 11-й немецкий армейский корпус сильными контратаками ликвидировал вклинения советских соединений, не позволял им прорваться в оперативную глубину и под прикрытием арьергардов отходил на промежуточные рубежи, на которых вновь организовывал оборону. Их основу составляли превращенные в мощные узлы сопротивления населенные пункты. Цели обороны достигались главным образом огнем артиллерии и минометов с максимальным расходованием боеприпасов.



Боевые действия Степного фронта на завершающем этапе Белгородско-Харьковской наступательной операции.

Чтобы ускорить темпы наступления, требовалось во что бы то ни стало прорваться в тыл противника и обойти его сильные арьергарды, преграждавшие путь войскам, наступавшим вдоль железной и шоссейной дорог Белгород – Харьков. Для этой цели была создана ударная группа в составе 219-й танковой бригады, 32-го отдельного броневого и 57-го отдельного мотоциклетного батальонов, 75-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка и одного мотострелкового батальона 19-й бригады 1-го механизированного корпуса. Группу возглавил заместитель командира корпуса Герой Советского Союза полковник Д.Д. Погодин. Ей была поставлена задача прорваться из района Микояновки в направлении Петровка, Журавлевка, овладеть населенным пунктом Дергачи и отрезать пути отхода

противника на Харьков. Несмотря на решительные и смелые действия ударной группы, ей, однако, не удалось прорваться во вражеский тыл. К исходу дня 8 августа она заняла лишь Долбнивку, в 4 км юго-восточнее Казачьей Лопани. Но все же выход группы в этот район облегчил 19-й и 35-й механизированным бригадам борьбу за этот крупный населенный пункт.

Первым в Казачью Лопань ворвался 2-й мотострелковый батальон 19-й бригады под командованием капитана А.Н. Шиляева. Он сумел по балкам скрытно обойти село с запада, ворваться в его центр, быстро занять выгодные позиции. В течение нескольких часов мотострелки отразили несколько сильных атак пехоты противника, поддержанных танками и артиллерией. Батальон удержал занимаемые рубежи до подхода остальных подразделений бригады. В целом за день боя 1-й механизированный корпус продвинулся на 15 км, но, как и прежде, выйти на оперативный простор не смог.

Стремясь ускорить продвижение, части корпуса наступали днем и ночью. При этом днем действовали танки с десантом автоматчиков самостоятельно или совместно с мотопехотой и стрелковыми войсками 53-й армии, а ночью, как правило, боевые действия вела мотопехота небольшими группами, стремясь не дать возможности противнику закрепиться на выгодных рубежах и стараясь проникнуть в его тыл. Но и на следующий день, 9 августа, продвижение составило не более 15 км.

Такой темп наступления не удовлетворял командующего 53-й армией генерала Манагарова. Поэтому в 5 часов 10 августа он приказал корпусу сосредоточиться в районе Михайловка, Шаповаловка и в 8 часов атаковать врага на рубеже Мироновка, Безруковка, прорвать его оборону и, развивая наступление в направлении Масловка, Полевое к исходу дня овладеть районом Коротича. Глубина задачи составляла 40 км.

Учитывая, что на перегруппировку войск и подготовку прорыва отводилось всего три часа, а также то, что дороги после дождей оказались сильно размытыми, командование корпуса решило в первом эшелоне иметь только 19-ю и 35-ю механизированные бригады, которые находились вблизи новой полосы наступления. Во второй эшелон выделялись 219-я танковая и 37-я механизированная бригады. Однако, несмотря на все усилия, задачу, поставленную перед корпусом, в первый день выполнить не удалось. В течение 10 августа его части, ведя ожесточенные бои, продвинулись всего лишь на 5 км [442] . С утра 11 августа для наращивания силы удара из-за правого фланга 19-й механизированной бригады в направлении

Масловка, Полевое была введена в бой 219-я танковая бригада. Однако и после этого наступление шло очень медленно. Войска за день продвинулись незначительно и были остановлены сильным, организованным огнем противника с заранее подготовленных позиций.

И все-таки соединения 53, 69 и 7-й гвардейской армий Степного фронта неуклонно теснили немецкие войска, оборонявшиеся севернее Харькова. В ходе наступления они последовательно прорвали пятый, шестой и седьмой оборонительные рубежи на северных подступах к городу и к исходу 11 августа подошли к внешнему харьковскому оборонительному обводу. Этот кольцевой обвод проходил на расстоянии 8–14 км от города.

Неблагоприятно для противника развивались события и на восточных подступах к Харькову. 9 августа правофланговые соединения 57-й армии генерал-лейтенанта Н.А. Гагена форсировали Северский Донец в районе Рубежного и прорвали оборону немецких войск на восточном берегу реки. К исходу 11 августа армия, овладев крупными узлами сопротивления врага – Зарожное и Чугуев, подошла к Харькову с востока и юго-востока.

Удержанию района Харькова главное немецкое командование придавало исключительное значение. «Гитлер приказал защищать город… Если теперь армии Степного фронта генерала Конева сумеют быстро прорваться через Харьков к Днепру, группе армий Манштейна придет конец, а группа армий фон Клейста в Крыму будет отрезана… Жизненно важно было, чтобы генерал Раус не позволил Коневу прорваться и сковал бы его силы, пока генерал-полковник Гот не остановит танковые армии Ватутина», – пишет немецкий историк П. Карель [443] .

Советским войскам предстояло прорвать мощные оборонительные рубежи противника. Внешний оборонительный обвод Харькова состоял из ряда узлов сопротивления, построенных в населенных пунктах. Важнейшими из них являлись – Дергачи, Черкасское-Лозовое, Циркуны, Прелестный, Южный, Васищево и другие. Подступы к ним прикрывались противотанковыми рвами, минными полями, проволочными заграждениями. В промежутках между узлами сопротивления были оборудованы опорные пункты. Они были подготовлены к круговой противотанковой обороне и находились во взаимной огневой связи друг с другом. Узлы обороны и опорные пункты имели развитую сеть траншей и ходов сообщения, большое количество долговременных огневых точек. Значительное количество оборонительных сооружений было расположено на обратных скатах возвышенностей, что снижало эффективность

огня советской артиллерии.

Местность между внешним обводом и окраинами Харькова также была приспособлена к упорной обороне. Здесь был построен ряд отсечных промежуточных позиций. Дороги, ведущие к городу, мосты, возможные объезды были минированы или подготовлены к минированию и подрыву. В лесных массивах к северу и западу от Харькова были устроены завалы, засеки, установлены минные поля.

По окраинам Харькова проходил внутренний городской обвод. Здесь для обороны были приспособлены каменные строения, превращенные в долговременные огневые точки. Улицы на окраинах были перекрыты баррикадами, въезды в город и улицы минированы. Сам город был подготовлен к ведению упорных уличных боев.

Для обороны ближних подступов к Харькову и самого города немецкое командование имело сильную группировку войск. К 12 августа в ее состав входили части 167, 168, 106, 198, 282, 320, 161-й пехотных дивизий, 3-й и 6-й танковых дивизий и многочисленные отдельные подразделения (отряды СС, охранные части, формирования полиции и т. п.) [444] , объединенные под командованием командира 11-го армейского корпуса генерала Рауса.

Сильная оборона противника на подступах к Харькову, многочисленность его группировки, получившей приказ любой ценой удержать город, настойчивые попытки врага разгромить и отбросить войска ударной группировки Воронежского фронта, обходившей Харьков с запада, делали неизбежным упорный характер борьбы за город. Командующий войсками Степного фронта рассчитывал овладеть им путем нанесения по обороне врага нескольких сильных ударов с дальнейшим охватом города войсками фронта с северо-запада и юго-востока. Как писал впоследствии сам Конев: «…Я прикидывал в уме все плюсы и минусы, прицеливаясь к Харькову со всех сторон, с разных направлений, и наконец пришел к окончательному решению: наиболее выгодным направлением для нанесения главного удара является северо-западное, где находится 53-я армия генерала И.М. Манагарова… Здесь наилучшие подступы к городу, лес, командные высоты, с которых хорошо просматривается весь Харьков. Теперь надо было решить вопрос обеспечения удара этой армии с запада, со стороны Люботина, откуда непрерывно контратаковали танковые дивизии противника. Танкам мы решили противопоставить танки и вести наступление на город с этого направления двумя армиями: 53-й армией и танковой армией П.А. Ротмистрова. Правда, эта армия, вновь возвращенная

фронту, была уже не той, какой она от нас уходила. Ожесточенные бои ослабили ее, в ней насчитывалось только 160 танков и самоходных орудий. Однако и эти силы могли значительно облегчить фронту решение главной задачи» [445] .

В соответствии с уточненным замыслом 5-я гвардейская танковая армия наносила удар на Коротич и Люботин с целью отрезать пути отхода противника на Полтаву и изолировать Харьков от подхода его резервов со стороны Богодухова. 53-я армия и 1-й механизированный корпус наносили удар по западным и северо-западным окраинам города. 69-й армии ставилась задача вести наступление на Харьков с севера, вдоль Московского шоссе. 7-я гвардейская армия наступала на северо-восточные окраины города, а 57-я армия – на левом крыле фронта, южнее Харькова.

Если принять во внимание воспоминания командира 11-го немецкого армейского корпуса генерала Рауса, то можно сделать вывод, что немецкое командование верно определило направление главного удара Степного фронта и приняло в связи с этим соответствующие меры. Вот что, в частности, пишет Раус: «Было ясно, что русские не предпримут фронтального наступления, но попытаются прорвать самый узкий участок оборонительного выступа 11-го корпуса западнее города, так называемое горлышко бутылки, с тем чтобы окружить немецкие войска в городе. Мы разместили все доступные нам противотанковые орудия на северном уступе этого «горлышка», которое возвышалось как бастион, а 88-мм зенитные орудия поставили в глубине обороны на возвышенностях» [446] .

Командующий действовавшей на направлении главного удара фронта 53-й армией генерал Манагаров для прорыва обороны врага на внешнем оборонительном обводе на участке шириной 3 км развернул 299, 84, 252-ю стрелковые дивизии и 1-й механизированный корпус. Армия имела задачу во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией овладеть населенным пунктом Полевая, а затем участком железной дороги Харьков – Золочев форсировать реку Уды, оттеснить противника из района Старого Люботина и выйти на шоссе Харьков – Полтава. Правда, надежды командарма на сильную танковую поддержку со стороны танковых корпусов Ротмистрова не оправдались. Уже 14 августа 5-я гвардейская танковая армия получила приказ вновь войти в подчинение командующего войсками Воронежского фронта Ватутина для отражения контрудара противника в районе Богодухова.

12 августа начался штурм внешнего обвода. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки соединения армий

Степного фронта атаковали вражеские позиции. Но прорвать оборону они не смогли, на отдельных участках атаковавшим войскам удалось лишь незначительно вклиниться в расположение противника. 69-я армия в результате ожесточенных боев, отразив несколько контратак пехоты и танков, вышла на южную окраину Циркунов. 7-я гвардейская армия в течение дня продвижения не имела совсем. 57-я армия, завершив прорыв второго оборонительного рубежа противника и ликвидировав его узел сопротивления в Каменной Яруге, к исходу дня подошла к промежуточному оборонительному рубежу, проходившему по западному берегу р. Роганка.

Соединения ударной группировки 53-й армии овладели рядом населенных пунктов, «зацепились» за северную окраину Дергачей и «завязли» в главной полосе обороны, отражая сильные контратаки немецких войск. 13 августа в 7 часов после 30-минутной артиллерийской подготовки стрелковые дивизии первого эшелона и 1-й механизированный корпус вновь атаковали противника. Но решительного перелома в сражении, как и прежде, не добились. В своем боевом донесении в штаб фронта генерал Манагаров докладывал: «К 21. 00 армия ведет бой на рубеже: 299-я стрелковая дивизия с 1-м механизированным корпусом ведет бой за Полевое; 84-я стрелковая дивизия овладела Дергачи и ведет бой южнее, у безымянного ручья; 28-я гвардейская стрелковая дивизия овладела Лужок; 116-я стрелковая дивизия овладела Караван и Лозовеньки, продолжает наступление в южном направлении; 233, 214, 252-я стрелковые дивизии занимают противотанковые районы в готовности к наступлению и контрударам.

Противник (3-я танковая дивизия, 168, 198 и 106-я пехотные дивизии) продолжает оказывать упорное сопротивление, контратаками и артиллерийско-минометным огнем пытается задержать наступление соединений армии» [447] .

14 августа дивизии 53-й армии завязали тяжелые бои перед лесным массивом на рубеже Полевая, Семеновка, Лужок. Впоследствии их не обошел вниманием в своих мемуарах даже представитель Ставки на Воронежском и Степном фронтах Г.К. Жуков. Он, в частности, писал: «Части 53-й армии, нажимая днем и ночью, стремились быстрее завершить прорыв обороны на подступах к городу. Особенно ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевое, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В.П. Петрищева» [448] .

События в районе высоты 201.7 развивались следующим образом. Разгромив противника в районе Дергачей, соединения

армии развивали наступление на Люботин. На рассвете 14 августа 1943 г. 1-й батальон 960-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии вышел к Полевой и с ходу атаковал противника. Немецкие подразделения начали отход на заранее подготовленный рубеж в глубине своей обороны. Оставляя населенный пункт, они поджигали уцелевшие еще дома и сараи. Стремясь не допустить полного уничтожения села, 1-й батальон атаковал вражеский арьергард, разгромил его и овладел Полевой.

1-я стрелковая рота, которой командовал старший лейтенант Петрищев, наступала в направлении высоты 201.7. Попытка овладеть ею с ходу успехом не увенчалась. Сильным огнем из танков и пулеметов противник вынудил роту остановиться и залечь перед восточными скатами высоты. Высота 201.7 резко возвышалась над всем прилегающим районом, с нее хорошо просматривалась и простреливалась на значительное расстояние прилегающая местность. Ее штурм с фронта мог привести к большим потерям и не гарантировал успеха.

Поэтому на рассвете группа бойцов роты подползла к траншее на юго-западных скатах высоты и открыла сильный огонь из пулеметов и автоматов. Ожидая, что именно с этого направления и последует атака, противник развернул сюда огневые средства. Воспользовавшись тем, что все внимание враг сосредоточил на своем правом фланге, основные силы роты во главе с Петрищевым по-пластунски вышли на противоположные скаты высоты и отсюда внезапно перешли в атаку. «Выйдя к траншеям противника с фланга и тыла, мы забросали его огневые точки гранатами, огнем из автоматов уничтожили метавшихся в панике фашистов и вскоре овладели высотой 201.7», – вспоминал позже Петрищев.

После ожесточенного боя в строю осталось только 16 бойцов; поднявшись на вершину высоты, они увидели, что с запада на нее движутся несколько немецких танков, а за ними пехота. Отражать атаку, находясь на гребне высоты, было явно нецелесообразно, а времени для того, чтобы спуститься на ее западные скаты и окопаться там, уже не оставалось. Петрищев приказал бойцам занять только что захваченные немецкие траншеи. Теперь противника можно было видеть только с расстояния 40–50 метров, но зато группа находилась в укрытии. Первую контратаку рота отразила внезапным огнем из пулеметов и автоматов и противотанковыми гранатами. Вначале немецкие танки опасались выходить на высоту. Высовываясь из-за ее гребня только башней, они почти в упор, с расстояния 40–50 метров вели огонь из пушек и пулеметов. На правом фланге один огнеметный танк все же прорвался к занимаемой позиции. В эту критическую минуту из

своего окопа выпрыгнул лейтенант Стародубцев и бросил под боевую машину связку противотанковых гранат. Потеряв два танка и десятки автоматчиков, вражеские цепи остановились, а затем отошли.

В ходе второй атаки автоматчики, поддерживаемые огнем танков, ворвались в траншею. В короткой рукопашной схватке часть из них была уничтожена, остальные отползли назад. Петрищев потом рассказывал: «Оружие забивалось землей, раскалялось. После каждого выстрела приходилось шомполом выбивать из патронника гильзу. Через несколько часов начали подходить к концу боеприпасы. Несмотря на это, мы решили, что, пока жив хоть один из нас, фашисты не захватят высоту 201.7».

Командир полка майор Сорокин приказал Петрищеву удержаться на высоте и пообещал в скором времени оказать помощь. Тем временем кончились боеприпасы. В эту критическую минуту командир роты попросил по телефону открыть по высоте артиллерийский огонь. Когда же полковая артиллерия нанесла огневой удар, танки и пехота стали отходить. В это время перешли в атаку подразделения соседнего полка. Собрав последние силы, двинулись вперед и оставшиеся в строю защитники высоты 201,7 – В.П. Петрищев, младший лейтенант В.В. Женченко, старший сержант Г.П. Поликанов и сержант В.Е. Бреусов. Всем им Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза [449] .

Тяжелые бои в районе Полевой, несмотря на мужество и героизм войск, никак не позволяли достичь главную цель – прорвать оборону противника. Как отмечал генерал Манагаров: «Наши части, хорошо зарекомендовавшие себя в обороне и наступлении на равнинной местности, не проявляли, однако, должной маневренности в условиях ведения боя в лесу. Подразделения действовали изолированно друг от друга, теряли связь с соседями.

Может быть, думалось, наша тактика прорыва обороны однообразна? Обычно мы начинали наступление с артподготовки рано утром. После заключительных залпов «катюш» поднималась в атаку пехота. Противник к этому привык и действовал соответственно: с началом артподготовки солдаты и офицеры прятались в укрытия, а после залпа «катюш» возвращались, занимали свои места в траншеях и открывали огонь по нашим наступавшим частям» [450] .

Командующий 53-й армией понимал, что необходимо изменить тактику, уйти от шаблонного построения наступления, использовать для достижения успеха непривычные для противника способы действий войск, в частности, ночью. С этой

целью он приказал командирам дивизий подготовить батальоны для ночных действий. К примеру, в 84-й стрелковой дивизии ее командир полковник П.И. Буняшин назначил для ночного боя стрелковый батальон 41-го стрелкового полка.

С наступлением темноты во всей полосе дивизии имитировались разновременно в нескольких пунктах атаки мелких подразделений. К полуночи атаки прекратились, и наступило полное затишье. Почти всю ночь батальон выдвигался как можно ближе к вражеским траншеям. И только под утро, когда бдительность противника ослабела, бойцы по сигналу, после короткой, но мощной огневой подготовки, ворвались в траншеи, предварительно забросав их ручными гранатами. В рукопашной схватке батальон уничтожил оборонявшихся немецких солдат и прорвался в расположение врага. Этот успех был немедленно использован другими батальонами 41-го стрелкового полка. На рассвете 15 августа весь полк во главе с его командиром майором Каргиным вклинился в оборону противника на глубину свыше 3 км, захватив высоту, расположенную в глубине лесного массива.

К утру 15 августа противнику удалось закрыть брешь в своей обороне, и 41-й стрелковый полк оказался в тылу врага, но с ним все время поддерживалась устойчивая радиосвязь. Используя успех 41-го полка, в образовавшийся прорыв была введена вначале 252-я стрелковая дивизия, а затем 1-й механизированный корпус. Это положили начало тому обходному маневру, который в конечном итоге вынудил немецкое командование оставить Харьков [451] .

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, в период 13–17 августа войска Степного фронта прорвались к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова. К моменту решающего штурма города боевые возможности армий в результате непрерывных оборонительных и наступательных действий в течение июля – августа значительно снизились. Так, в дивизиях 7-й гвардейской армии к 18 августа насчитывалось по 3–4 тыс. человек. В некоторых из них стрелковые полки имели по одному батальону численностью 200–300 человек. В армии имелось всего 20 танков. Соотношение сил, сложившееся в полосе наступления, было уже настолько невыгодно, что Конев поставил армии задачу перейти к обороне.

Несколько лучшим было положение в 53-й армии. Укомплектованность ее дивизий составляла по отношению к штату от 63 до 37 %, причем в большинстве дивизий она была близкой к 50–60 %. Но в 1-м механизированном корпусе оставалось всего 44 танка.

Войска фронта испытывали острую нехватку автотранспорта, что в значительной степени снижало маневренные и огневые возможности соединений и частей. Так, в донесении на имя начальника тыла Красной Армии генерала А.В. Хрулева отмечалось: «В частях и соединениях Степного фронта из-за недостатка тяги сотни орудий и тяжелых минометов лишены возможности маневрировать при перегруппировках войск. Так, например, в боях под Харьковом 857 орудий и тяжелых минометов были лишены подвижности и частично занимали менее выгодные позиции, чем этого требовала обстановка, а та часть артиллерии, которая все же маневрировала, меняла свои позиции тремя, иногда четырьмя эшелонами, затягивая время, отведенное для общей перегруппировки войск. Кроме того, на артиллерийских складах фронта скопилось до 250 орудий и тяжелых минометов, которые не могут быть направлены на укомплектование частей из-за отсутствия тяги. Прошу распоряжений в возможно кратчайший срок о выделении автомашин» [452] .

На заключительном этапе борьбы за Харьков основные события развернулись в полосах наступления 53-й и 57-й армий, обходивших город с запада и юго-востока. 18 августа соединения 53-й армии завязали бои за сильно укрепленный противником большой лесной массив северо-западнее Харькова. Попытки с ходу ворваться на северную окраину леса были отбиты массированным огнем и контратаками немецких войск. Остальная часть дня ушла на подготовку ночного штурма лесного массива. Вся артиллерия стрелковых дивизий и большая часть танков были выведены на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой по разведанным целям врага. С наступлением темноты 299-я и 84-я стрелковые дивизии полковников А.Я. Клименко и П.И. Буняшина возобновили наступление. Противник, не выдержав мощного огня артиллерии и удара пехоты, начал отходить в глубь леса.

Соединения 57-й армии, нанося удар в общем направлении на Мерефу и обходя Харьков с юго-востока, встретили ожесточенное сопротивление и значительного успеха не добились. Немецкое командование, стремясь не допустить окружения группировки своих войск, направило в район Харькова кавалерийскую дивизию СС из резерва группы армий «Юг» и 355-ю пехотную дивизию из Полтавы. С другой стороны, в Степной фронт возвращалась 5-я гвардейская танковая армия, которая с ходу вводилась в сражение.

Дальнейшие события, развернувшиеся на харьковском направлении в период с 19 по 22 августа, в довольно-таки

обширной советской историографии, посвященной Курской битве, описываются одним абзацем: «Войсками 5-й гвардейской танковой и 53-й армий в ходе исключительно напряженных боев были перерезаны железные дороги Харьков – Золочев, Харьков – Люботин – Полтава и шоссе Харьков – Люботин». Несколько подробнее, если это слово здесь применимо, говорит о действиях 5-й гвардейской танковой армии лишь И.С. Конев: «Чтобы ускорить овладение Харьковом, я отдал приказ сосредоточить 5-ю гвардейскую танковую армию в районе леса южнее села Полевое. Ударом на Коротич она должна была перерезать противнику пути отхода из Харькова на запад и юго-запад.

Используя наведенные ночью переправы и проходы через железнодорожную насыпь и сосредоточив свои танки на южном берегу Уды, 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление и охватила группировку врага в районе Харькова с запада и юго-запада, а 57-я армия – с юго-востока» [453] .

Неужели эти события были настолько незначительными, что не удостоились более подробного описания? Или причина в другом? Так уж сложилось в послевоенной историографии, как советской, так и немецкой, что им была присуща практика замалчивания неудач и недостатков и, наоборот, всемерное восхваление своих успехов. И если одна из сторон обходится при описании хода боевых действий одним абзацем, то их подробный анализ следует искать у противника. Это не означает, что факты будут изложены им предельно объективно, в особенности количественные показатели, но то, что описываемые действия были успешными для него, сомнения не вызывает. Так что же пишет о событиях 19–22 августа на харьковском направлении немецкая сторона?

Вот как описывает события 19–20 августа немецкий историк П. Карель: «К утру 19 августа, невзирая на заградительный огонь немецкой артиллерии, танки Ротмистрова двинулись тремя клиньями через воронки и поля подсолнухов прямо на главную дорогу из Ахтырки в Харьков. Они атаковали и оказались на шахматной доске противотанковых и зенитных орудий. То, что несколько недель назад случилось с немецкими танковыми полками и дивизионами штурмовых орудий в Курской битве, теперь переживали советские танковые батальоны па подходах к Харькову: хорошо спланированная противотанковая оборонительная система била их в огромных количествах. Последние прорвавшиеся группы были атакованы затаившимися «Пантерами», «Тиграми» и штурмовыми орудиями, уничтожены или обращены в бегство. На поле битвы осталось сто восемьдесят четыре подбитых «Т-34». Но Сталин жаждал Харькова.

На следующий день генерал Ротмистров изменил свою тактику. Огромным танковым клином – двести «Т-34» – он пошел в наступление вдоль железнодорожной линии. Бронированная армада исчезла на двухстах гектарах подсолнухов. Будто скошенные невидимым жнецом, подсолнухи выше человеческого роста падали под гусеницы танков. Стальной флот приближался. Однако на краю этого моря подсолнухов лежали в засаде охотники – фаланги «Пантер», «Тигров» и штурмовых орудий типа «Фердинанд». Между ними возвышались непреодолимые 88-мм пушки… Сто пятьдесят русских танков были разбиты на краю поля подсолнухов» [454] .

Но наиболее подробно рассказывает об этих событиях их очевидец – командир 11-го армейского корпуса Э. Раус. Он пишет, что едва только 19 августа 96 танков «Пантера», 32 танка «Тигр» и 25 самоходных штурмовых орудия успели занять свои позиции, как 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление. Первый мощный удар по ней нанесла немецкая авиация еще в исходных районах для перехода в наступление. «Звено за звеном бомбардировщики беспрепятственно подходили к точке бомбометания и выполняли свою работу. Вскоре все деревни, занятые советскими танками, были в огне… Благодаря этому жестокому удару, нанесенному по советским войскам, было получено столь необходимое время для перегруппировки 11-го корпуса» – так описывает Раус ход событий 19 августа.

Касаясь событий 20 августа, он отмечает, что ночью советские пехотные части в нескольких местах прорвали оборону и неожиданно ворвались на артиллерийские позиции в районе Люботина. В силу того что немецкие пехотные части были слабо укомплектованы, после продолжительного и упорного сопротивления орудийных расчетов 12 гаубиц попали в руки противника. С утра вновь атаковали советские танки. Танки «Пантера», входившие в состав дивизии СС «Рейх», встретили передовые «Т-34» сильным огнем, не давая им приблизиться к переднему краю обороны. Однако они в конечном итоге вклинились в немецкие оборонительные позиции. Но здесь попали под огонь противотанковых и зенитных орудий 88-мм истребителей танков «Шершень» и 105-мм полевых гаубиц на самоходных лафетах, которые рассекли боевой порядок советских танков на отдельные группы и большинство из них вывели из строя. Последние их группы еще пытались осуществить прорыв, когда «Тигры» и штурмовые орудия, входившие в мобильный резерв, атаковали русских и, нанеся им серьезные потери, вынудили отступить. «Командование 5-й гвардейской танковой армии заплатило за это 184 подбитыми танками «Т-34»…» – такие

цифры советских потерь в танках приводит Раус по итогам второго дня.

Далее командир 11-го армейского немецкого корпуса пишет, что 21 августа 5-я гвардейская танковая армия изменила свою тактику, нанеся удар с востока «одним глубоким клином, задействовав одновременно более сотни танков». Но уже во время движения по открытому участку вдоль железной дороги многие танки были подожжены на дальности более 3000 метров дальнобойными орудиями «Тигров» и истребителей танков «Шершень». После полудня, как только русские танки вышли из полей, они были встречены сосредоточенным огнем всех орудий «Тигров», «Пантер», истребителей танков «Шершень», штурмовых орудий «StG III», 88-мм зенитных и противотанковых орудий. Атака захлебнулась, «противник при этом потерял 154 танка. Слабое пехотное прикрытие, следовавшее за танками, было прижато к земле сосредоточенным огнем нашей пехоты и артиллерии».

Следующий день, 22 августа, вопреки всем ожиданиям, прошел спокойно, но «около полуночи шум танковых двигателей в кукурузных полях возвестил о начале нового приступа. Противник решил попытаться достичь ночью то, что не удалось ему днем». По свидетельству Рауса, в ночь на 22 августа на подступах к Харькову обе стороны вели встречный танковый бой: «Гул выстрелов слился воедино, на многие мили было видно ужасное зрелище, как две танковые армады сошлись в железной схватке. Постепенно битва переместилась к северу, и вспышки выстрелов появлялись все дальше и дальше от нашей линий обороны. Лишь через два или три часа тишина восстановилась и у нас в тылу… Таким образом, попытка советских войск захватить Харьков в ходе широкомасштабного ночного удара силами 5-й гвардейской танковой армии потерпела полное фиаско. Ее потери составили более 80 танков, сотни убитых и тысячи раненых солдат, значительная часть вооружения была уничтожена в ходе одного ночного боя. Таким образом, за три дня боев за Харьков советские войска потеряли 420 танков, а сам город оставался в наших руках».

И наконец, весьма интересный вывод по итогам всех этих дней с точки зрения компетентного военного профессионала: «Грубые ошибки со стороны русских командиров лишь отчасти являлись причиной того, что каждая из пяти предпринятых советскими войсками атак окончилась неудачей, хотя советские войска и сражались с удивительным героизмом. Меня поразил тот факт, что танковые атаки не были в достаточной мере обеспечены артиллерийским огнем и имели слабое пехотное

прикрытие, что авиация противника практически не принимала участия в боях. В таких условиях нельзя было говорить ни о каком прорыве и дальнейшем развитии успеха. Я предполагал, что 5-я гвардейская танковая армия была вынуждена предпринимать преждевременные действия под сильным давлением Ставки» [455] .

А теперь вопрос: разве все написанное Раусом опровергает утверждения советской историографии о том, что «войсками 5-й гвардейской танковой и 53-й армий **в ходе исключительно напряженных боев** (выделено нами. – *Авт* .) были перерезаны железные дороги Харьков – Золочев, Харьков – Люботин – Полтава и шоссе Харьков – Люботин»? Другое дело, что данные о потерях 5-й гвардейской танковой армии в боевой технике, приведенные Раусом, требуют тщательной проверки и не должны восприниматься читателем как истина в последней инстанции.

Как бы там ни было, во второй половине дня 22 августа немецкое командование было вынуждено начать отход из района Харькова. Отход был вынужденным, но, с другой стороны, Манштейн не собирался защищать город до последнего солдата. «Угрожающе надвигалась опасность окружения армии Кемпфа в районе Харькова… Командование группы не собиралось в бою за Харьков жертвовать армией. Харьков был сдан для того, чтобы высвободить силы для обоих угрожаемых флангов армии Кемпфа и предотвратить ее окружение» – так он сам объясняет свое решение [456] .

О том, что немецкие войска сами оставили город, невольно свидетельствуют и советские военачальники. Вот как об этом писал маршал Конев: «Чтобы не дать возможности противнику уйти из-под ударов, вечером 22 августа я отдал приказ о ночном штурме Харькова.

Всю ночь на 23 августа в городе шли уличные бои, полыхали пожары, слышались сильные взрывы. Воины 53, 69, 7-й гвардейской, 57-й армий и 5-й гвардейской танковой армии, проявляя мужество и отвагу, умело обходили опорные пункты врага, просачиваясь в его оборону, нападали на его гарнизоны с тыла. Шаг за шагом советские воины очищали Харьков от фашистских захватчиков.

Ворвавшиеся в город на рассвете 23 августа части 183-й стрелковой дивизии успешно наступали по Сумской улице и первыми вышли на площадь Дзержинского. Воины 89-й гвардейской стрелковой дивизии по Клочковской улице вышли к зданию Госпрома и водрузили над ним Красное знамя.

К 11 часам 23 августа войска Степного фронта полностью освободили Харьков. Большая часть группировки, оборонявшей

город, была уничтожена. Остатки ее отступили» [457] .

А вот выдержка из воспоминаний командующего 53-й армией И.М. Манагарова: «23 августа в 4.00 89-я гвардейская, 107-я и 116-я стрелковые дивизии ворвались в Харьков с запада, уничтожая оборонявшиеся части врага. Одновременно с севера в город вошли части 69-й армии и с востока – 7-й гвардейской армии. Совместными усилиями трех армий к 12 часам 23 августа Харьков был очищен от фашистов» [458] .

Так от какого же противника можно было освободить второй по величине город Украины за 8 часов, по Манагарову, и за 11–12 часов, по Коневу? Только от уходящего, покидающего по приказу Харьков. Да и стал ли бы он, имея задачу удерживать во что бы то ни стало город, превращать его в руины и пылающий факел? Вот что писал о событиях тех дней военный корреспондент Ю. Жуков: «… Страшное багровое зарево обняло полнеба, и Млечный Путь, опускавшийся прямо в костер Харькова, как бы растворялся в нем. Теперь особенно отчетливо было видно, что горит действительно весь город. Отдельные очаги пожара слились в одно море золотисто-желтого накаленного пламени. В районе вокзала не утихали взрывы. Видимо, там рвались цистерны с горючим. Молочно-белые кипенные столбы поднимались к зениту, и в степи становилось светло. В некоторых районах горели склады с боеприпасами, и зловещие фейерверки трассирующих снарядов будоражили и без того беспокойное небо… К рассвету грохот канонады утих. К городу потянулись колонны пехоты» [459] .

Значит, штурма, как «решительной атаки соединениями, частями (подразделениями) противника, занимающего населенные пункты, сильно укрепленные позиции, отдельные здания и т. п. и оказывающего упорное сопротивление», не было. В Харькове были уничтожены и пленены лишь арьергарды немецких войск, обеспечивающие отход главных сил и не сумевшие под воздействием ударов советских соединений уйти из города. Но избежал разгрома не только харьковский гарнизон, избежали разгрома и силы группы армий «Юг», действовавшие на этом направлении. Да, они понесли ощутимые потери, но задача, поставленная Сталиным Воронежскому, Степному и Юго-Западному фронтам, полностью выполнена не была.

Таким образом, название «Харьков» в течение 1941–1943 гг. неоднократно упоминалось в оперативных сводках Генерального штаба РККА. В истории Великой Отечественной войны с ним ассоциируются ожесточенные оборонительные и наступательные сражения советских войск, победы и поражения, успехи и неудачи, достижения и промахи Верховного Главнокомандования, командования фронтов и армий. Важное значение Харькова, как

крупного административного и промышленного центра, второй столицы Украины, постоянно приковывало к нему внимание противоборствующих сторон, руководства СССР и Германии. И в этом были не только преимущества города, но и свалившиеся на него беды. Стремление во что бы то ни стало овладеть им в большинстве случаев диктовалось политическими амбициями Сталина и Гитлера, а не военной целесообразностью. Но солдаты на войне лишены права выбора, и шли они раз за разом на штурм вражеских укреплений, оставляя на своем пути бесчисленные братские могилы. А потому харьковская земля, ставшая ареной ожесточенного вооруженного противостояния, израненная и политая кровью сотен тысяч солдат и офицеров, хранит на себе следы минувшей войны до настоящего времени.

Четырежды переходивший из рук в руки Харьков оказался одним из самых разрушенных в годы войны городов Европы. Посетивший его в 1943 г. писатель Алексей Толстой писал: «Я видел Харьков. Таким был, наверное, Рим, когда в пятом веке через него прокатились орды германских варваров. Огромное кладбище…» Новые «германские варвары» за время оккупации уничтожили в Харькове и области 280 тыс. мирных жителей и около 22 700 пленных красноармейцев и командиров. Но не стал в свое время многострадальный Харьков городом-героем. Может быть, потому, что был окончательно освобожден Красной Армией лишь после неоднократных неудачных попыток. Но величие и трагедия связанных с ним событий от этого не уменьшились.

Примечания

1

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 244. Оп. 287. Л. 9.

2

Вскоре после этого Рейхенау, одновременно исполнявший обязанности командующего 6-й армией, скоропостижно скончался. 20 января 1942 года в командование группой армий «Юг» вступил генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. Командующим 6-й армией был назначен генерал-лейтенант Ф. Паулюс, до этого – первый обер-квартирмейстер (начальник оперативного управления) генерального штаба сухопутных войск вермахта.

3

ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 59. Л. 91.

4

ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 59. Л. 91–94.

5

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 607. Л. 13–14.

6

Вопросы истории. 1990. № 11. С. 72.

7

Объединяла немецкие соединения, действовавшие в Донбассе.

8

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 1–4.

9

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 59. Л. 17.

10

Carell P. Unternehmen Barbarossa. II. West Berlin. 1968.

11

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 61. Л. 18.

12

Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 180.

13

Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 202.

14

Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 72.

15

ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 628. Л. 226.

16

Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М., 1976. С. 395.

17

Адам В. Трудное решение. Пер. с нем. М., 1967. С. 25.

18

Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73.

19

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 121.

20

Там же.

21

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 112.

22

Там же.

23

ЦАМО РФ. Ф. 132-а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.

24

Василевский А.М . Дело всей жизни. М., 1984. С. 164.

25

Жуков Г.К . Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд.,

доп. по рукописи авт. Т. 2. М., 1990. С. 275.

26

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 34–35.

27

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 35–36.

28

ЦАМО РФ.Ф.251.Оп.646.Д.145. Л. 41.

29

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 49.

30

ЦАМО РФ. Ф.251.Оп.646.Д.145. Л. 54.

31

Там же. Л. 15–24.

32

Там же. Л. 59.

33

Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73.

34

Иванов С.П . Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 203.

35

Исаев С.И., Левченко В.Н. Герои – освободители Харьковщины. Харьков, 1988. С. 76, 246.

36

Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. Киев, 1988. С. 41.

37

Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. С. 48.

38

Штеменко С.М . Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 53–56.

39

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 799. Л. 278–283.

40

Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 4.

41

ЦАМО РФ. Ф. 16-а. Оп. 974. Д. 37. Л. 2–7.

42

ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 138. Л. 143–144.

43

ЦАМО РФ. Ф. 132-а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 89–95, 185–187, 193–195.

44

Carell P . Unternehmen Barbarossa II. S. 386.

45

Jacobsen H. 1939–1945. Der Zweite Weltkrig in Cronik und

Dokumenten. Fr/M. 1959. S. 288.

46

Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 92.

47

Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. Пер. с нем. М., 1957. С. 126.

48

Дашичев В.И . Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки. Документы и материалы. М., 1973. С. 258.

49

Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С. 153.

50

Hubutsch W . Hitlers Weisungen für die Kriegsfuhrung. 1939–1945. M., 1962. S.183.

51

Дерр Г. Поход на Сталинград. Пер. с нем. М., 1957. С. 127.

52

KTB/OKW. Bd 1. S. 1093.

53

От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. Пер. с англ. М., 1988. С. 157.

54

Warlimont W. Im Hauptquartier der deutschen Wermaht. 1939–1945. Fr/M, 1962. S. 146.

55

«Совершенно секретно. Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Пер. с нем. М., 1967. С. 381.

56

Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 83–84.

57

Hubutsch W . Hitlers Weisungen für die Kriegsfuhrung. S. 184.

58

Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. 34-е изд. М., 1984. С. 145.

59

Адам В. Трудное решение. С. 34.

60

ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11 600. Д. 1105. Л. 6.

61

Вопросы истории. 1990. № 11. С. 74–75.

62

Лященко Н.Г . Годы в шинели. В 2 кн. Кн. 2. Фрунзе, 1976. С. 147, 149.

63
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 106.
64
Там же. Л. 109.
65
Там же. Л. 117.
66
ЦАМО РФ. Ф. 251.Оп. 646. Д. 145. Л. 118.
67
Там же. Л. 123.
68
Там же. Л. 112.
69
Там же. Л. 91.
70
Там же. Л. 129.
71
ЦАМО РФ. Ф. 251.Оп. 646. Д. 492. Л. 111.
72
ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 300–302.
73
Там же. Ф. 228. Оп. 754. Д. 129. Л. 275–276.
74
Там же. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 102.
75
ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 229.
76
ЦАМО РФ. Ф. 228.Оп. 754. Д. 83. Л. 134.
77
Лященко Н.Г . Годы в шинели. Кн. 2. С. 150.
78
Москаленко К.С. На юго-западном направлении. 1941–1943. Воспоминания командарма. В 2 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 169.
79
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 186.
80
Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 176–177.
81
ЦАМО РФ. Ф. 206.Оп. 284. Д. 3. Л. 310–313.
82
Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 779. Л. 294.
83
Военно-исторический журнал. 1987. № 10. С. 48.

84
Вопросы истории. 1990. № 11. С. 75.
85
Вопросы истории. 1990. № 11. С. 73–74.
86
Горбатов А.В . Годы и войны. М., 1965. С. 212–213.
87
Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 192.
88
Горбатов А.В . Годы и войны. С. 214.
89
Исаев С.И., Левченко В.Н . Герои – освободители Харьковщины. С. 267.
90
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 60–62.
91
Адам В. Трудное решение. С. 40.
92
Carell P . Unternehmen Barbarossa II.S. 402.
93
Иванов С.П . Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 230–231.
94
Самчук И.А . Тринадцатая гвардейская. 2-е изд. М., 1971. С. 84–85.
95
Иванов С.П . Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 231.
96
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 228–230.
97
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 231.
98
Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 233.
99
Gorlitz W . Paulus und Stalingrad. Fr/M, 1964. S. 180–181.
100
Самчук И.А. Тринадцатая гвардейская. С. 87–89.
101
Калинин В.В., Макаренко Д.Г . Герои подвигов на Харьковщине. Харьков, 1970. С. 88.
102
Абшилова А.А . В боях за Родину. Сухуми, 1980. С. 112–116.
103
Сообщения Советского информбюро. Т. 2. М., 1944. С. 290.
104

Баграмян И.Х . Так шли мы к Победе. С. 91.
105
ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 123. Л. 384.
106
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 262. Л. 233.
107
Там же. Л. 233–234.
108
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 545. Д. 262. Л. 265–267.
109
Лященко Н.Г. Годы в шинели. Кн. 2. С. 154.
110
Там же. С. 156.
111
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 384-в. Л. 395.
112
Там же. Ф. 254. Оп. 646. Д. 262. Л. 265–266.
113
Огонек. 1989. № 31. С. 20.
114
Там же.
115
ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 532. Л. 202–203.
116
Баграмян И.Х . Так шли мы к Победе. С. 97.
117
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 189. Л. 7–8.
118
Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1.С. 195.
119
Лященко Н.Г . Годы в шинели. Кн. 2. С. 163.
120
Там же. С. 164.
121
Carell P . Unternehmen Barbarossa II.S. 404–405.
122
ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 76. Л. 148.
123
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 189. Л. 10.
124
ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 76. Л. 147–148.
125
ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 76. Л. 148–150.
126

ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 76. Л. 151.
127
ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 754. Д. 83. Л. 331, 385.
128
Там же. Ф. 220. Оп. 226. Д. 17. Л. 11.
129
Военно-исторический журнал. 1987. № 10. С. 50.
130
Баграмян И.Х . Так шли мы к Победе. С. 101.
131
Вопросы истории. 1990. № 11. С. 78–79.
132
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 243–245.
133
ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1162. Л. 15–16.
134
Жуков Г.К . Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 292.
135
Штеменко С.М . Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. Кн. 1. М., 1975. С. 65.
136
Баграмян И.Х . Так шли мы к Победе. С. 102.
137
Лященко Н.Г. Годы в шинели. Кн. 2. С. 172.
138
ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 980. Л. 168.
139
ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 76. Л. 155–156.
140
ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 701. Д. 980. Л. 111–116.
141
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 809-а. Л. 528–530.
142
Там же. Л. 531.
143
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 90. Л. 472.
144
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 90. Л. 431–432.
145
Там же. Л. 410.
146
Ортенберг Д. Год 1942: Рассказ-хроника. М., 1988. С. 195.
147
Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 210.

148
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 255–256.
149
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 188. Л. 104.
150
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 820. Л. 4.
151
ЦАМО РФ. Ф. 251.Оп. 646. Д. 188. Л. 104.
152
Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 934. Л. 101.
153
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 820. Л. 6–8.
154
Огонек. 1989. № 31. С. 22.
155
Надысев Г.С . На службе штабной. М., 1976. С. 39–40.
156
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 934. Л. 101–102.
157
ЦАМО РФ. Ф. 229.Оп. 161. Д.934. Л101–102.
158
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 188. Л. 105–106.
159
ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 8973. Д. 107. Л. 230–233.
160
Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1.С. 211–212.
161
ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 188. Л. 113–115.
162
Огонек. 1989. № 31. С. 22.
163
Jacobsen H., Dollinger H . Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten: Der Weltkrieg 1941–1943. München. 1963. Bd. 2. S. 209.
164
Военно-исторический журнал. 1990. № 2.С. 41.
165
От «Барбароссы» до «Терминала». С. 167.
166
Великая Отечественная война. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 95.
167
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 6509. Д. 97. Л. 13; Оп. 3808. Д. 31. Л.

166–169.

168

ЦАМО РФ. Ф. 251.Оп. 646. Д. 189. Л. 27.

169

Ортенберг Д . Год 1942. С. 200–203.

170

Жуков Г.К Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 283.

171

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып 5. С. 81.

172

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 189. Л. 33–34.

173

Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 207–208.

174

Огонек. 1989. № 31. С. 22.

175

Огонек. 1989. № 31. С. 22.

176

ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 8. Л. 212–214.

177

Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С. 44.

178

Маршал Жуков: полководец и человек. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 251.

179

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С.146.

180

Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. М., 1973. С. 12.

181

ЦАМО РФ. Ф. 203.Оп. 2843. Д. 360. Л. 1–2.

182

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 161.

183

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 2007. С. 60.

184

Великая Отечественная. 5 (3). Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. С. 40.

185

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 59.

186

Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. М., 2006.

187

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. 1941–1943. Записки командарма. Кн. 1. М., 1973. С. 417.

188

Исаев С.И., Левченко В.Н. Герои – освободители Харьковщины. Харьков, 1988. С. 19.

189

Исаев С.И., Левченко В.Н . Герои – освободители Харьковщины. С. 137–139.

190

Потемкин А.Н. Воспоминания о войне, 1943 год. // Военно-исторический архив. 2002. № 8.

191

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 166.

192

Великая Отечественная. 4 (3). Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. 6 декабря 1942 г. – 25 апреля 1943 г. М., 1997. С. 94.

193

Там же. С. 93.

194

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 111. Л. 361.

195

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 94.

196

Козинский А.Ф . По тылам врага. // В боях за Харьковщину. Харьков, 1978. С. 252–253.

197

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 64.

198

Раус Э . Оборона и выход из сражения, февраль – март 1943 года. // Немецкий взгляд на Курскую дугу.

199

Исаев С.И., Левченко В.Н. Герои – освободители Харьковщины. С. 251–252.

200

Калинин В.В., Макаренко Д.Г. Герои подвигов на Харьковщине. Харьков, 1970. С. 143.

201

Там же. С. 177–178.

202

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 95–96.

203

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 167.

204

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 425.

205

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 169.

206

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 71–73.

207

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 169.

208

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 439.

209

Москаленко К.С . На юго-западном направлении. Кн. 1. С. 441.

210

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 171.

211

Казаков М.И . Над картой былых сражений. С. 175.

212

ЦАМО РФ. Ф. 227. Оп. 4487. Д. 66. Л. 93.

213

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 75.

214

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С.171.

215

Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. С. 41.

216

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 149, 150.

217

Перелом. М., 1998. С. 173.

218

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 150–151.

219

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 198.

220

Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. С. 22.

221

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 203.

222

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 297. Л. 45.

223

Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. С. 34.

224

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 200.

225

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 208. Л. 29, 31.

226

Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. С. 32.

227

Платонов В. Триумф и трагедия Павлограда. // Днепропетровщина. 2005. 14 февраля.

228

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 297. Л. 120.

229

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 214. Л. 12.

230

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 297. Л. 127.

231

Там же. Д. 223. Л.3.

232

Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. Выжженная земля. 1943–1944. М., 2003. С. 145.

233

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 643. Д. 21. Л. 82.

234

Перелом. М., 1998. С. 176.

235

Перелом. М., 1998. С. 177.

236

Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

237

Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. Выжженная земля. С. 145.

238

Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

239

Осуществить практически такое сосредоточение сил на южном крае Восточного фронта немецкому верховному главнокомандованию не удалось.

240

Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 2. 1958. С. 163.

241

Рогов А.С. Действия противника от Дона до Австрийских Альп: контрнаступление танкового корпуса СС и стабилизация фронта (19.2. —19.3.43.) на реке Северский Донец. Заметки офицера-разведчика. Рукопись.

242

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 233–234.

243

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д.294. Оп. 643. Д. 21. Л. 248; Д. 72. Л. 405.

244

Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 168. Л. 82–83.

245

ЦАМО РФ. Ф. 334. Оп. 5252. Д. 173. Л.87–90.

246

ЦАМО РФ. Ф. 292. Оп. 6850. Д. 265. Л. 4.

247

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 245–259.

248

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 643. Д. 74. Л. 165.

249

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 245–259.

250

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 225.

251

Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

252

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 445. Л. 69–70.

253

Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. С. 79.

254

Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.

255

ЦАМО РФ. Ф. 292. Оп. 6850. Д. 265. Л. 5–6.

256

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 284–295.

257

ЦАМО РФ. Ф.232. Оп. 290. Д. 281. Л. 141.

258

ЦАМО РФ. Ф. 334. Оп. 5252. Д. 168. Л. 80–88.

259

ЦАМО РФ. Ф. 292. Оп. 6850. Д. 265. Л. 7.

260
Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 445. Л. 75.
261
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 278. Л. 154–160.
262
Там же. Ф. 232. Оп. 643. Д. 74. Л. 175.
263
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 598. Д. 119. Л. 1–18.
264
Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1963. № 3.
265
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 218. Л. 11–100.
266
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590 Д. 278. Л. 178–187.
267
Там же. Д. 294. Л. 308–314; Ф. 334. Оп. 5252. Д. 289. Л. 49–50.
268
Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 324–335.
269
ЦАМО РФ. Ф. 334. Оп. 5265. Д. 31. Л. 110–142.
270
Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 163. Л. 133, 139; Д. 168. Л. 92–93, 104–106.
271
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 643. Д. 22. Л. 30.
272
Там же. Ф. 334. Оп. 5297. Д. 32. Л. 32.
273
Там же Ф. 232. Оп. 598. Д. 73. Л. 6–8.
274
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 643. Д. 74. Л. 190–191.
275
ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590 Д. Д. 172. Л. 120–126.
276
Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. С. 83.
277
ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 302. Л. 1–18.
278
Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 76.
279
Там же. С. 77.
280

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 4487. Д. 66. Л. 57.

281

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С.78–79.

282

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 83–84.

283

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 85.

284

Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. В 2 т. Т. 2. Москва – Жуковский. 2006. С. 140–142.

285

Там же.

286

Демин В.А., Португальский Р.М. Танки входят в прорыв. Боевой путь 25-го танкового корпуса. М., 1988. С. 54–55.

287

Демин В.А., Португальский Р.М. Танки входят в прорыв. Боевой путь 25-го танкового корпуса. М., 1988. С. 55–56.

288

Демин В.А., Португальский Р.М. Танки входят в прорыв. Боевой путь 25-го танкого корпуса. С. 57.

289

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 302. Л. 38–51.

290

Там же.

291

Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 324–335.

292

Там же. Ф. 292. Оп. 6850. Д. 265. Л. 7–8.

293

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 491.

294

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 498.

295

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 153.

296

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 492.

297

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2874. Д. 39. Л. 208.; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 161. Л. 425.

298

Там же. Ф. 316. Оп. 4487. Д. 131. Л. 106.

299

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 511. Л. 24–28.

300

ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 2777. Д. 69. Л. 274.

301

ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 2893. Д. 4. Л. 30.

302

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 88.

303

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 509. Л. 5–8.

304

Там же. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 161. Л. 384.

305

ЦАМО РФ. Ф. 316. Оп. 4487. Д. 69. Л. 30–35.

306

ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 378. Л. 11–12.

307

Там же. Д. 370. Л. 2–3.

308

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 273. Л. 281–282.

309

Там же. Д. 518. Л. 1–40.

310

ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 153. Л. 31; Д. 156. Л. 61.

311

Там же. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 486. Л. 54; Ф. 395. Оп. 9136. Д. 156. Л. 61.

312

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 920412. Д. 24. Л. 93–139.

313

Шафаренко П.М . На разных фронтах. Записки командира дивизии. М., 1978. С. 141.

314

Гладков Н.Н . Они стояли насмерть. Харьков, 1965. С. 20, 22.

315

Там же. С. 23.

316

Там же. С. 25.

317

Потемкин А.Н. Воспоминания о войне, 1943 год. // Военно-исторический архив. 2002. № 8.

318

Марченко А.Д . Герои-широнинцы. Харьков, 1972. С. 16.

319

Гладков Н.Н . Они стояли насмерть. С. 30–32.

320

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 598. Д. 130. Л. 6–12.

321

Гладков Н.Н . Они стояли насмерть. С. 38–42.

322

Шафаренко П.М . На разных фронтах. С. 160.

323

Гладков Н.Н . Они стояли насмерть. С. 46–62.

324

Гладков Н. Оборонительные бои 48-й гвардейской стрелковой дивизии юго-западнее Харькова в марте 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1983. № 5.

325

Гладков Н. Оборонительные бои 48-й гвардейской стрелковой дивизии юго-западнее Харькова в марте 1943 года. // Военно-исторический журнал. 1983. № 5.

326

ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10789. Д. 16. Л. 149–152.

327

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 920412. Д. 7. Л. 388.

328

Там же. Ф. 426. Оп. 10789. Д.14. Л. 3–17.

329

Там же. Оп. 10753. Д. 97. Л. 5–22.

330

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 176.

331

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С.112–113, 243.

332

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 519. Л. 1–40.

333

ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 97. Л. 5–22.

334

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 91.

335

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 412а. Л. 97–129.

336

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 117. Л. 129–131.

337

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 92.

338

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 116.

339

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 412а. Л. 97–129.

340

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 116–117.

341

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 92.

342

Там же. С. 93.

343

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 598. Д. 23. Л. 2–30.

344

ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 598. Д. 23. Л. 2–30.

345

Шеин Д.В. Танки ведет Рыбалко. С. 93.

346

Там же. С. 94.

347

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 177.

348

Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. С. 93.

349

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 12а. Л. 59–90.

350

Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 179.

351

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 116.

352

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 70. Л. 275.

353

ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9155. Д. 66. Л. 60–73.

354

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 121.

355

Егоров А.В. Встречный бой под Борисовкой. // Военно-исторический журнал. 1986. № 1.

356

Егоров А.В. Встречный бой под Борисовкой. // Военно-исторический журнал. 1986. № 1.

357

Егоров А.В . Встречный бой под Борисовкой // Военно-исторический журнал. 1986. № 1.

358

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 122.

359

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 413. Л. 101.

360

ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 142. Л. 1–6.

361

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 413. Л. 69–70.

362

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 126.

363

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 126–127.

364

Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. С. 126–127.

365

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985. С. 123–124.

366

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 187.

367

ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10789. Д. 14. Л. 3–17.

368

Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 414. Л. 13–17.

369

Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 251–252.

370

Карель П . Восточный фронт. Выжженная земля. С. 153.

371

Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. М., 1973.

372

Битва под Курском. Кн. 2. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немцев (июль – август 1943 г.). М., 1947. С. 132.

373

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 274.

374

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 221.

375

Штеменко С.М . Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 221–222.

376

Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник статей. М., 1957. С. 85.

377

Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник статей. С. 92–93.

378

Мацуленко В.А. Оперативная маскировка войск. М., 1975. С. 63.

379

Сухинин Ю., Фролов Б. Прорыв обороны противника 116-й стрелковой дивизией в Белгородско-Харьковской операции (3–5 августа 1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1977. № 8.

380

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 282.

381

Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 169.

382

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А . Котел под Томаровкой. М., 1967. С. 12–13.

383

Радзиевский А.И. Развитие теории и практики прорыва. Ч. 1. М., 1977. С. 258.

384

Радзиевский А.И. Развитие теории и практики прорыва. Ч. 1. М., 1977. С. 259.

385

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. Харьков, 1983. С.75.

386

Там же. С. 78.

387

Сухинин Ю., Фролов Б. Прорыв обороны противника 116-й стрелковой дивизией в Белгородско-Харьковской операции (3–5 августа 1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1977. № 8.

388

Соломатин М.Д. Красноградцы. М., 1963. С. 53–55.

389

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 75.

390

Там же. Л. 79.

391

Курская битва. Документы и материалы. 27 марта – 23

августа 1943 года. М., 1997. С. 281–282.

392

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. С. 80.

393

11-й корпус в боях за Белгород и Харьков. Мемуары генерал-полковника Эрхарда Рауса, командира 11-го корпуса. // Немецкий взгляд на Курскую дугу.

394

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. С. 292.

395

Битва под Курском. Кн. 2. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немцев (июль – август 1943 г.). С. 158.

396

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А . Котел под Томаровкой. С. 21–27.

397

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А. Котел под Томаровкой. С. 29–35.

398

Курская битва. Документы и материалы. С. 287.

399

Сухинин Ю., Фролов Б. Прорыв обороны противника 116-й стрелковой дивизией в Белгородско-Харьковской операции (3–5 августа 1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1977. № 8.

400

Соломатин М.Д. Красноградцы. С. 56–57.

401

Боев М . В боях за Белгород. Воронеж, 1973. С. 95.

402

Боев М . В боях за Белгород. Воронеж, 1973. С. 103.

403

Курская битва. Документы и материалы. С. 318.

404

Битва под Курском. Кн. 2. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немцев (июль – август 1943 г.). С. 164.

405

Катуков М.Е . На острие главного удара. М., 1976. С.246.

406

Военно-исторический журнал. 1963. № 5.

407

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А . Котел под Томаровкой. С. 47–61.

408

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А . Котел под Томаровкой. С. 84–86.

409

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 306.

410

Бабиков Ю.Н., Самчук И.А . Котел под Томаровкой. С. 97.

411

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. С. 83.

412

Курская битва. Документы и материалы. С. 76–77.

413

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 316.

414

Ромм И.Г. 18 дней в августе. // Новый часовой. 2000. № 10.

415

Ромм И.Г. 18 дней в августе. // Новый часовой. 2000. № 10.

416

Фролов Б. Танковое сражение в районе Богодухова (1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1978. № 9.

417

Курская битва. Документы и материалы. С. 290.

418

Фролов Б. Танковое сражение в районе Богодухова (1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1978. № 9.

419

Курская битва. Документы и материалы. С. 291.

420

Курская битва. Документы и материалы. С. 292.

421

Фролов Б. Танковое сражение в районе Богодухова (1943 г.). // Военно-исторический журнал. 1978. № 9.

422

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 324.

423

Ромм И.Г. 18 дней в августе. // Новый часовой. 2000. № 10.

424

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 336.

425

Бирюков Н.И . Трудная наука побеждать. М., 1968. С. 14–15.

426

Битва под Курском. Кн. 2. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немцев (июль – август 1943 г.). С. 181.

427

Бирюков Н.И. Трудная наука побеждать. С. 19.

428

Гладков Н.Н., Шинкарев И.И. На поле ратном. М., 1993. С. 17–18.

429

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 340.

430

Бирюков Н.И. Трудная наука побеждать. С. 22.

431

Гладков Н.Н., Шинкарев И.И. На поле ратном. С. 22.

432

Бирюков Н.И. Трудная наука побеждать. С. 23–26.

433

Гладков Н.Н., Шинкарев И.И. На поле ратном. С. 24.

434

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л.237.

435

ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 239.

436

Бирюков Н.И. Трудная наука побеждать. С.30.

437

Там же. С. 30–31.

438

Битва под Курском. Кн. 2. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немцев (июль – август 1943 г.). М., 1947. С.197–198.

439

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 189.

440

Карасев И. Подлинная история решающего сражения. // Военно-исторический архив. 2004. № 9 (57).

441

Курская битва. Документы и материалы. С. 86.

442

Соломатин М.Д. Красноградцы. С. 62–65.

443

Карель П . Восточный фронт. Кн. 2. Выжженная земля. М., 2003. С. 234.

444

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 326.

445

Конев И.С . Белгородско-Харьковская наступательная операция. // В боях за Харьковщину. Харьков, 1978. С.265.

446

11-й корпус в боях за Белгород и Харьков. Мемуары генерал-полковника Эрхарда Рауса, командира 11-го корпуса. // Немецкий взгляд на Курскую дугу.

447

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. С. 91.

448

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 189.

449

Исаев С.И., Левченко В.Н . Герои – освободители Харьковщины. Харьков, 1988. С. 206–208.

450

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. С. 91.

451

Манагаров И.М. В сражении за Харьков. С. 169–171.

452

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 332.

453

Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943–1944. М., 1972. С. 36.

454

Карель П. Восточный фронт. Кн. 2. Выжженная земля. С. 235.

455

11-й корпус в боях за Белгород и Харьков. Мемуары генерал-полковника Эрхарда Рауса, командира 11-го корпуса. // Немецкий взгляд на Курскую дугу.

456

Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г . Курская битва. С. 346.

457

Конев И.С . Белгородско-Харьковская наступательная операция. // В боях за Харьковщину. Харьков, 1978. С.270.

458

Манагаров И.М. Обходной маневр. // В боях за Харьковщину. С. 283.

459

Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 178.